АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 1

ТАШКЕНТ — 1959

ЎЗБЕКИСТОН ССР
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОННИНГ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ ТАРИХИ

1-КИТОБ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ—1959

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1959

Сборник охватывает различные периоды истории материальной культуры Узбекистана. Статьи Б. З. Гамбурга и Н. Г. Горбуновой, В. А. Нильсена, С. К. Кабанова посвящены археологическим раскопкам в различных районах Узбекистана. О захоронениях костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса рассказывается в статье О. В. Обельченко. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины (до арабского завоевания) дает Б. Я. Ставиский. Ф. А. Заславская посвящает свою статью богине плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени. В статье В. Д. Жукова описывается Дукентский клад монет, в статье И. М. Джаббарова — техника чугунолитейного производства Хорезма. В разделе «Хроника» подводятся итоги полевым работам археологов Узбекистана. В конце книги помещен «Библиографический указатель к протоколам Туркестанского Кружка любителей археологии», составленный Б. В. Луниным.

Сборник рассчитан на специалистов—археологов, историков, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов,

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В. А. ШИШКИН.

Б. З. ГАМБУРГ, Н. Г. ГОРБУНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ФЕРГАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ в 1953—1954 гг.

(Краткий отчет)

Летом 1954 г. сотрудниками Ферганского областного краеведческого музея проводились археологические работы в южной и юго-восточной частях Ферганской области. Была проведена археологическая разведка и предприняты раскопки в ряде пунктов. В результате разведки на археологическую карту области было нанесено 54 новых археологических памятника.

Разведка проводилась по данным, сообщенным сотрудникам музея любителем-краеведом П. Т. Коноплей, и охватила территорию Ферганского, Вуадильского, Кувасайского и Кувинского районов. Зафиксированы в основном археологические памятники двух типов: 1) городища и тепе, 2) могильники. Расположение тех и других тесно связано с географическими особенностями Ферганской долины.

Поселения, как правило, располагались вдоль русел рек, существующих и поныне. Хронологически они относятся к двум этапам, о чем можно судить по подъемному материалу.

Меньшая часть — это городища и тепе рубежа и первых веков нашей эры. Из них наибольший интерес представляет так называемая «Найманская группа» — комплекс крепостей и тепе, расположенных на правом берегу Кувасая, на границе современных хлопковых полей узбекских колхозов и степи Тюя-Муюн. Здесь, на площади примерно 9 *км*², разбросаны городища, а иногда встречаются и отдельные скопления керамики. С восточной стороны этот участок ограничен двумя крепостями, расположенными в противоположных углах. Крепости прямоугольные в плане с часто поставленными башнями и цитаделью.

Кроме этих двух крепостей, имеется еще небольшое так называемое «тепе с площадкой», представляющее собой, видимо, остатки центрального замка на этой территории, где находятся еще пять тепе меньшего размера. В срезе старой промоины, у подножья одного из тепе видны остатки гон-

чарной печи. Вся группа в целом датируется подъемной керамикой первых веков нашей эры, для которой характерен тонкий, покрытый красным ангобом хорошего обжига черепок. Керамика этого типа представлена фрагментами мисок и чаш, в значительном количестве встречающихся на территории этих поселений.

Найманская группа представляет несомненный интерес как своей возможной однослойностью, так и тем, что она находится на границе обрабатываемых земель и не подвергалась большому разрушению, столь характерному для многих тепе Ферганы. Раскопки этой группы могли бы дать новый материал для характеристики Ферганы рубежа нашей эры.

Следует отметить, что поселения, относящиеся к этому периоду, встречены вблизи селения Суфан, расположенного к юго-западу от Наймана. Между тем, далее к западу они почти не встречаются.

Поселения второго хронологического этапа — это остатки крупных и небольших феодальных замков и усадеб, располагающихся обычно группами, что соответствовало, видимо, феодальным округам. Наиболее ярко прослеживается Кувинская и Аувальская группы, обследованные экспедицией Музея в 1952—1953 гг.

К Аувальской группе относятся: Ак-тепе, Дамкуль-тепе, Таш-тепе, Ауваль-тепе, Муг-пошо и Ош-хона. Наиболее крупные из них — Ак-тепе, Ауваль-тепе и Муг-пошо. Раскопки на Муг-пошо проводились Памиро-Ферганской комплексной археолого-этнографической экспедицией в 1951 г. и дали возможность датировать городище VI—VIII вв[1].

В 1954 г. экспедицией Музея был заложен стратиграфический шурф на Дамкуль-тепе с целью выяснения периода его существования. Дамкуль-тепе расположено к северо-востоку от селения Дамкуль, в 9 *км* к югу от города Ферганы, у подножия второй линии адыров. Тепе слегка вытянуто по линии З—В и частично разрушено. К северо-восточной части примыкает стенка дворика, ориентированного по странам света, с остатками башен. Шурф был заложен на расстоянии 4,5 *м* от северной стены дворика. Верхняя часть стены оказалась разрушенной. Размер шурфа (4 × 4 *м*) позволили выяснить только стратиграфию поселения.

Шурф прорезал часть жилого помещения с остатками полуразрушенной глинобитной кладки, выявил большой

---

[1] Неопубликованные материалы Памиро-Ферганской комплексной археолого-этнографической экспедиции, хранящиеся в фондах Ферганского областного краеведческого музея.

очаг на полу помещения, где обнаружено много битой керамики.

В юго-западном углу раскопа шурф прорезал позднее впускное захоронение в кладке стены, где обнаружен костяк без черепа. Шурф был доведен до грунта (3 *м* глубины). Керамика в основном встречена на полу на глубине 1,6 *м*.

По типу керамика делится на две группы. К первой группе относится бо́льшая часть, изготовленная на гончарном круге, хорошего обжига, чаще всего без покрытия, реже — с белым или красным ангобом. В основном, это фрагменты хумчей или хумов с толщиной черепка от 0,5 до 1,5 *см*. Следует выделить два фрагмента сосудов со смятым сливом, который аналогичен найденным в Пянджикенте[2].

Ко второй группе относится незначительное количество фрагментов грубой лепной керамики из темно-серого теста с примесью дресвы, видимо, от горшковидных сосудов. По аналогии с городищем Муг-пошо и по сходству этой керамики с керамикой Пянджикента можно датировать Дамкуль-тепе также VI—VIII вв.

На остальных тепе этого района подъемная керамика сходна с керамикой из Муг-пошо и Дамкуль-тепе, что дает возможность считать их синхронными.

Остатки городища Ауваль, находящиеся на территории современного селения Ауваль и расположенные в центре всей этой группы, позволяют, вслед за В. В. Бартольдом, отождествить ее с раннефеодальным городом Ауваль[3].

Вторую большую группу памятников, обнаруженных во время разведки, составляют могильники, основная часть которых расположена по склонам линии адыров, пересекающих Ферганскую долину в широтном направлении от кишлака Бурбалык (Алты-Арыкский район) до кишлака Аим (Андижанская область). Часть могильников находится на предгорных адырах, тянущихся вдоль северных отрогов Алайского хребта, и только два могильника расположены на равнине, однако на небольшом расстоянии от адыров.

Экспедицией было зарегистрировано в основном три типа намогильных сооружений: выкладки, курганы с насыпями из камня и курганы с земляными насыпями. Никакой за-

---

[2] Труды ТАЭ, т. II, МИА, 37, 1953, табл. IX, *3*, *6*.

[3] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 161.

кономерности в топографии каменных и земляных курганов не наблюдается. Зачастую в одном могильнике встречаются насыпи обоих типов. В одиннадцати могильниках обнаружены выкладки различных форм и размеров.

Наше внимание привлек большой могильник, находящийся на предгорных адырах, на окраине селения Вуадиль, в котором наряду с разнообразными выкладками были курганные насыпи обоих типов. Выкладки расположены или небольшими группами до 20 в каждой, или разбросаны между курганами.

По внешнему виду можно выделить четыре типа выкладок: округлые, подпрямоугольные, выкладки с оградкой и овальные, обозначенные на поверхности выступающими из земли краями крупных галек.

Всего было вскрыто 12 выкладок всех четырех типов. Независимо от типа намогильного сооружения, под каждой выкладкой была открыта могильная яма, имевшая вид каменного ящика из крупных галек, обычно называемых «кайрак-таш», или из плит сланцевых пород. Ящики с грунтовым дном не имели перекрытия.

Почти все выкладки подверглись сильному ограблению. В большинстве выкладок найдены лишь фрагменты костей человека, в двух были обнаружены мелкие фрагменты керамики и только в погребениях № 34 и 37 — остатки захоронений и погребального инвентаря.

В погребении № 34 наряду с сильно разрушенным скелетом находились фрагменты керамики. В погребении № 37 под черепом in situ, на костях предплечья левой руки был обнаружен браслет из бронзовых бус, бронзовые кольца с несомкнутыми концами и цилиндрические бусы из белой пасты. Здесь же находились фрагменты сосуда.

Наиболее характерной из погребального инвентаря является керамика, представленная, помимо фрагментов, двумя сосудами горшковидной формы, сделанными от руки из черного слоистого теста с примесью дресвы, и с плоским дном. На одном из сосудов по плечикам нанесен прочерченный орнамент в виде параллельных зигзагообразных линий.

Сопоставление указанного материала и конструкции могильной ямы (каменные ящики) с погребениями в Андроновских могильниках Южной Сибири, Казахстана, Семиречья, а также с находками в Хорезме и на Ташкентском канале позволяет датировать выкладки Вуадильского могильника концом II — началом I тысячелетия до н. э. и отне-

сти их к числу памятников культуры степной бронзы Средней Азии[4].

Следует отметить, что аналогичные погребения в каменных ящиках, к сожалению совершенно разграбленные, обнаружены близ селения Карамкуль, Кувасайского района.

Раскопанные в Вуадильском могильнике два кургана с каменными насыпями дали материал, синхронный подобным захоронениям из могильников Хангиз и Ак-Там, относящихся к более позднему периоду.

После раскопок могильника, расположенного на предгорном адыре, были предприняты раскопки могильника, находящегося на второй полосе адыров, которые пересекают равнину близ селений Ак-Там и Дамкуль, Ферганского района.

Курганы, раскопанные в этом могильнике, относятся к двум хронологическим периодам: V—III вв. до н. э. и первым векам н. э. Большая часть их принадлежит к первой группе. Намогильные сооружения этих курганов имеют вид насыпей из гальки — плоских (высотой 35—40 *см*), округлой формы (диаметром до 6 *м*) или вытянутых длинных (от 9 до 74 *м* в длину и до 4 *м* в ширину).

Округлые в плане курганы расположены цепочкой с севера на юг. Вытянутые курганы дают почти точную ориентировку по длинной оси С—Ю. Было раскопано 8 курганов с небольшими круглыми насыпями и два вытянутых кургана.

Под округлой каменной насыпью находилась могильная яма, вырубленная в плотном грунте. В большинстве случаев (5 из 8) могильная яма определялась по каменной засыпи, продолжающейся до костяка. В трех погребениях (к. № 28, 30, 38) костяк был обнаружен на глубине 20 *см* от уровня дневной поверхности. В данном случае не удалось выяснить наличия точно очерченной могильной ямы. В семи случаях костяки были ориентированы по линии З—В, головой на запад. Только в кургане № 30 костяк был ориентирован по линии СЗ—ЮВ, головой на северо-запад.

Иногда под голову погребенного подкладывался камень. В кургане № 63 камень находился в ногах костяка. В двух случаях имели место одиночные захоронения (к. № 16, 30). Были встречены детские захоронения (к. № 28), а также погребение взрослого с одним или двумя детьми (к. № 5, 38).

Аналогичные погребения обнаружены и в вытянутых курганах. Под насыпью на глубине 35—40 *см*, по каменной засыпи, прослеживаются 4—5, в зависимости от длины

---

[4] См. нашу статью «Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине», КСИИМК, вып. LXIII, 1956.

кургана, могильных ям, которые имеют овально-подпрямоугольную форму.

В кургане №31 было зафиксировано четыре могильных ямы. В двух из них найдено по одному скелету подростка и ребенка, в двух других находились основные захоронения и,

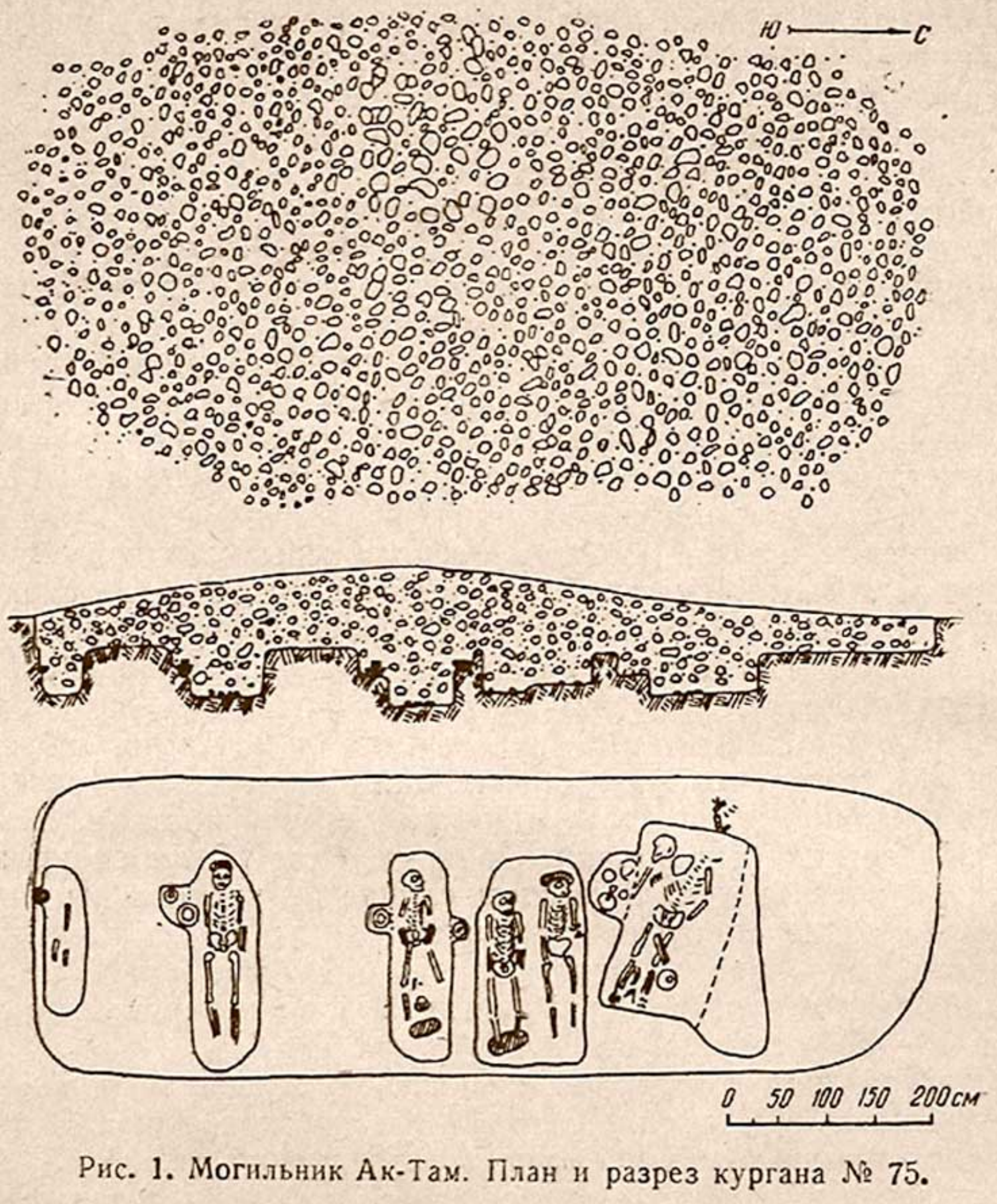


Рис. 1. Могильник Ак-Там. План и разрез кургана № 75.

очевидно, остатки предшествующих захоронений. Во всех случаях голова погребенного лежала на каменной «подушке». Рядом с каждой могильной ямой, к югу от головы, стояла посуда, за исключением погребения I, где посуда стояла к северу от изголовья.

В кургане № 75, идентичном по устройству погребального сооружения кургану № 31, было вскрыто пять могильных ям (рис. 1).

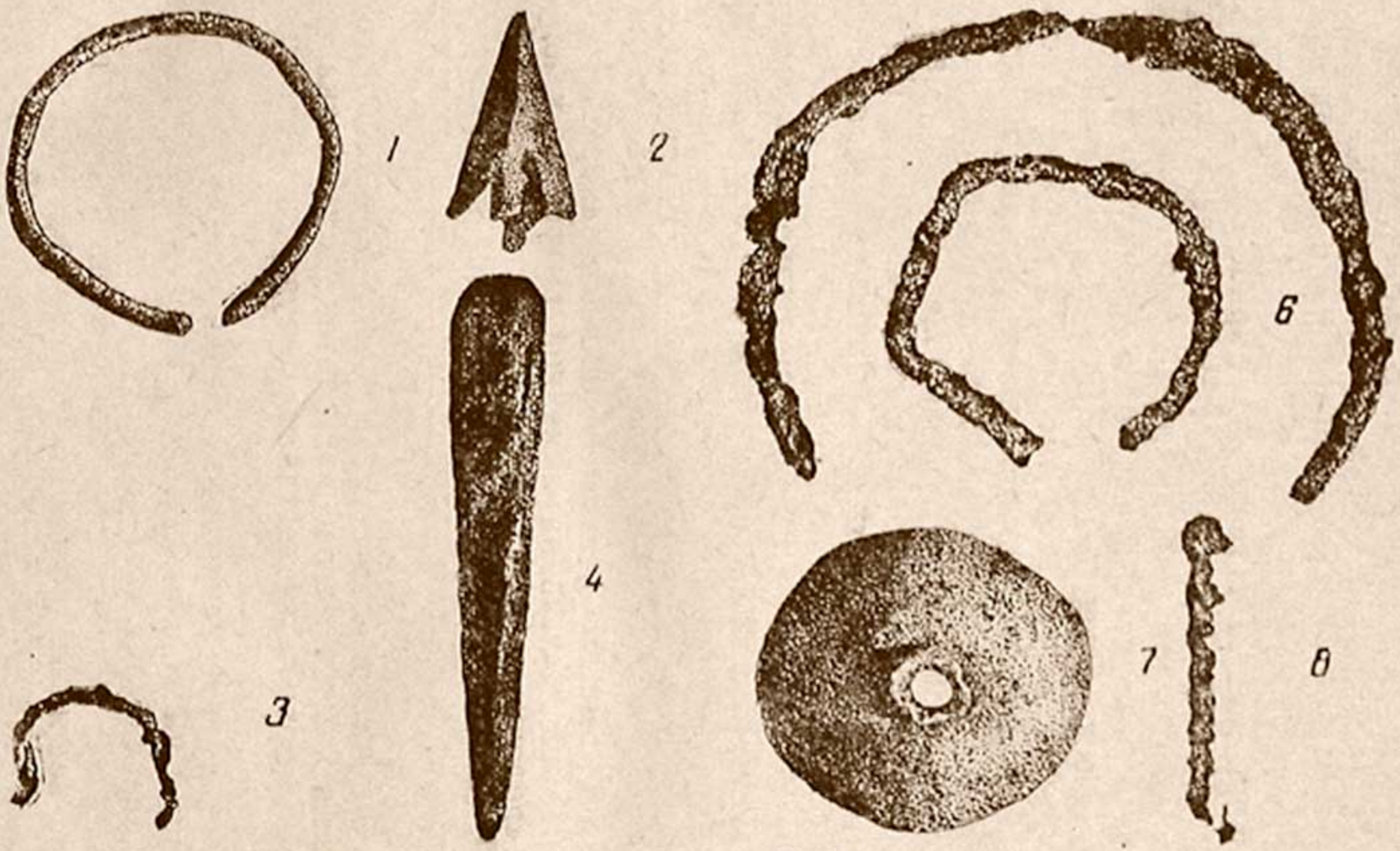


Рис. 2. Инвентарь из погребений Ак-Тамского могильника.

Условные обозначения:

1-бронзовый браслет (к. 28), *2*-бронзовый наконечник стрелы (к. 16), *3*-бронзовая фибула (к. 63), *4*-каменная проколка (к. 63), *5—6*-железные браслеты (к. 75), *7*-пряслице (к. 75), *8*-железная булавка (к. 75).

В могильной яме I было обнаружено в относительном анатомическом порядке два скелета один на другом. Ориентировка нижнего скелета аналогична ориентировке погребений в других могильных ямах этого кургана, т. е. по линии З—В, головой на запад. Верхний костяк ориентирован по линии СЗ—ЮВ, головой на северо-запад. В восточном конце этой же могильной ямы найден третий череп, брошенный лицевой стороной вниз. К югу от могильной ямы, около изголовья, на «полочке», стояло четыре сосуда.

В могильной яме II встретилось парное захоронение на разных уровнях (разница в 15 *см*). Череп северного костяка лежал на каменной подушке. На левой руке были обнаружены фрагменты железного браслета, а у локтевого сгиба — глиняное коническое пряслице (рис. 2, *7*).

При втором скелете в этой яме вещей не было, а каменная подушка находилась под голенными костями. Вблизи изголовья скелета, у южной стенки ямы, лежало два фрагмента сосуда. Несколько фрагментов этого же сосуда найдены в засыпи кургана. Между могильными ямами II и III в небольшом углублении — «полочке» — поставлены одна в другую две полусферические миски.

В могильной яме III — захоронение одиночное. Каменная подушка выброшена в ноги, рядом с ней—детский череп, между ног — каменная проколка (рис. 2, *4*) и голубая бусина. К югу от скелета, одна в другой, стояли две полусферические миски.

В могильной яме IV — также одиночное захоронение. Голова костяка находилась на каменной подушке; к югу от головы, на «полочке», было поставлено четыре сосуда. И, наконец, в последней могильной яме, маленькой по размеру, сохранились только фрагменты длинных костей и на «полочке»— два сосуда, один в другом.

Наиболее обильной и интересной среди погребального инвентаря всех вскрытых погребений оказалась керамика, представленная в основном тремя типами сосудов, встречающихся вместе:

1) грубые, ручной лепки, полусферические, иногда с поддоном, миски и чаши, покрытые темно-красной, плохо сохранившейся краской (рис. 3, *1—5*);

2) небольшие, ручной лепки, полусферические чаши, реже — миски, покрытые росписью красной краской в виде сплошных или контурных с заполнением сеткой треугольников в один или два пояса (рис. 3, *6—10*);

3) прекрасно выделанная на гончарном станке посуда в виде небольших со стоячими бортиками горшочков, реже —

Рис. 3. Керамика Ак-Тамского могильника.
Условные обозначения:

1, 11, 12—к.5; *2*—к.16; *3, 6*—к.7: *4, 5, 14*—к.75 (могильная яма IV); *7, 8, 9, 16, 17*—к. 31; *13*—к. 75 (могильная яма III); *15*—к.38; *18*—к.75 (могильная яма I); *10*—к. 75; (могильная яма II).

широкогорлых горшков и мисок, хорошего обжига (рис. 3, *11—15*).

Особо следует выделить три сосуда: круглодонный горшок на матерчатом шаблоне с двумя петлевидными ручками (рис. 3, *16*), глубокая миска с высоким ярко выраженным поддоном, покрытая тремя поясами росписи в виде разнообразных треугольников (рис. 3, *17*), и высокая кружка с ручкой, сделанная на гончарном круге (рис. 3, *18*).

Помимо керамики, в погребениях были обнаружены: бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 2, *2*), детский бронзовый браслет с несомкнутыми концами (рис. 2, *1*), бронзовая фибула (рис. 2, *3*), пряслице, каменные палочки, проколки, железные браслеты (рис. 2, *5, 6*), фрагменты железных ножей.

Полной аналогии раскопанным погребениям не известно ни на территории Ферганы, ни на сопредельных территориях.

Сходные конструкции погребения мы находим в могильниках Памиро-Алая, Тянь-Шаня и Семиречья, относимых исследователями к памятникам сако-усуньского круга[5]. На это сходство указывает как расположение курганов (цепочка), так и устройство самого погребального сооружения (невысокая каменная насыпь, грунтовая яма). Единственная аналогия устройству погребального сооружения коллективных захоронений имеется в курганах Каракольского могильника, раскопанных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым[6].

Среди погребального инвентаря для датировки могильника могут служить только находки керамики и бронзовый наконечник стрелы из кургана № 16. Последний может быть отнесен к тем многочисленным находкам наконечников втульчатых трехлопастных стрел, которые носят название «классических скифских», повсеместно распространенных в IV—II вв. до н. э. на территории от Средиземного моря до Енисея[7].

Из всех трех групп керамики наиболее выразительна монохромная расписная керамика, по которой можно датировать и всю остальную. Ближайшие аналогии ей мы встречаем на некоторых городищах и селищах Ферганской долины. Первые упоминания о керамике этого типа имеются в описа-

---

[5] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, 1952, стр. 50, 55, 303, 304; Труды Семиреченской археологической экспедиции, Чуйская долина, МИА, 14, 1950, стр. 67, табл. XCV, рис. 4, 5.

[6] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, У-суньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 2 (3).

[7] А. В. Арциховский, Введение в археологию, М., 1940, стр. 72; А. А. Формозов, Древности Усть-Урта, Вестник АН КазССР, Алма-Ата, 1947, № 7 (28), стр. 60—61.

нии находок с городища у ст. Кугай и городища Эйлатан, Наманганской области[8].

Аналогичная керамика была встречена на остатках оседлого поселения на трассе Южного Ферганского канала[9]. Подобные находки имели место и на Алае, как на поселениях (Кызыл-Курган), так и в могильниках (Шарт). А. Н. Бернштам связывает появление этой керамики на Алае с влиянием оседло-земледельческой культуры древней Ферганы и датирует ее в пределах VI—II вв. до н. э.[10].

Наличие бронзового наконечника стрелы IV—II вв. до н. э. и прекрасно выделанной керамики, изготовленной на гончарном круге, позволяет предварительно датировать Ак-Тамский могильник V—III вв. до н. э. Характерной особенностью хозяйства племени, оставившего Ак-Тамский могильник, было развитое скотоводство, о чем можно судить по обилию бараньих костей, обнаруженных в большинстве сосудов.

К более поздней хронологической группе относятся катакомбные и подбойные захоронения, раскопанные в могильниках Хангизском, Вуадильском и Ак-Тамском.

Хангизский могильник расположен в 2 *км* к северу от селения Хангиз, на южных склонах адырной гряды, тянущейся по линии Бурбалык—Аим. Рядом с могильником находятся остатки крепости Муг-кала. По невысоким увалам адыра, к востоку от крепости, расположено 160 курганов с земляной насыпью. Насыпи округлые в плане, диаметром до 10 *м* и высотой от 30 *см* до 1,5 *м*.

В Хангизском могильнике было раскопано 8 курганов. Два кургана (№ 48, 118) дали захоронение в подбое с ориентацией по линии С—Ю, головой на север (рис. 4). В остальных шести курганах были обнаружены захоронения в подбойных камерах. Для конструкции курганов с катакомбными и подбойными захоронениями характерно наличие ступеньки: в первых — в конце дромоса, во вторых — по всей длине подбоя.

Во всех погребениях ориентация катакомбы по длинной оси З—В перпендикулярна оси дромоса. Захоронения в них также ориентированы по линии З—В, головой на восток.

Погребальный инвентарь во всех погребениях, независимо от конструкции последних, идентичен. Весьма характерна ке-

---

[8] Б. А. Латынин, Работы в районе проектируемой электростанции в Фергане (Гидроэлектропроект), Отчет о работах, Известия ГАИМК, вып. 110, 1935.

[9] Фонды Ферганского краеведческого музея.

[10] А. Н. Бернштам, указ. соч., стр. 193—196, 198—200.

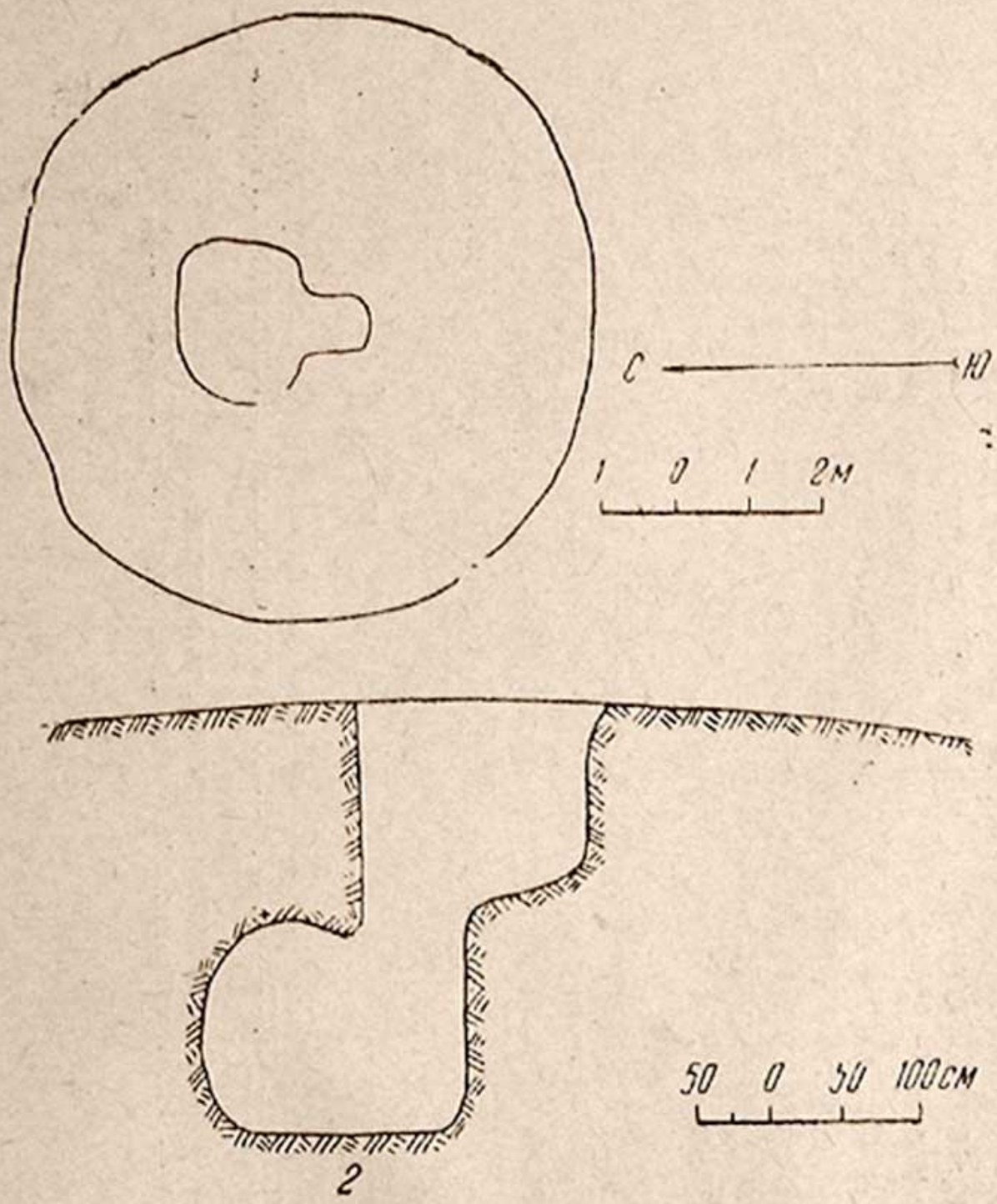


Рис. 4. Могильник Хангиз.
Условные обозначения:

1-план и разрез кургана № 48 с погребением в подбое; *2*-план и разрез кургана № 27 с погребением в катакомбной камере.

рамика, представленная плоскодонными, сделанными на гончарном круге сосудами трех типов:

1) сосуды с округлым туловом и узкой горловиной, покрытые темным ангобом плохого качества (рис. 5, *1—3*);

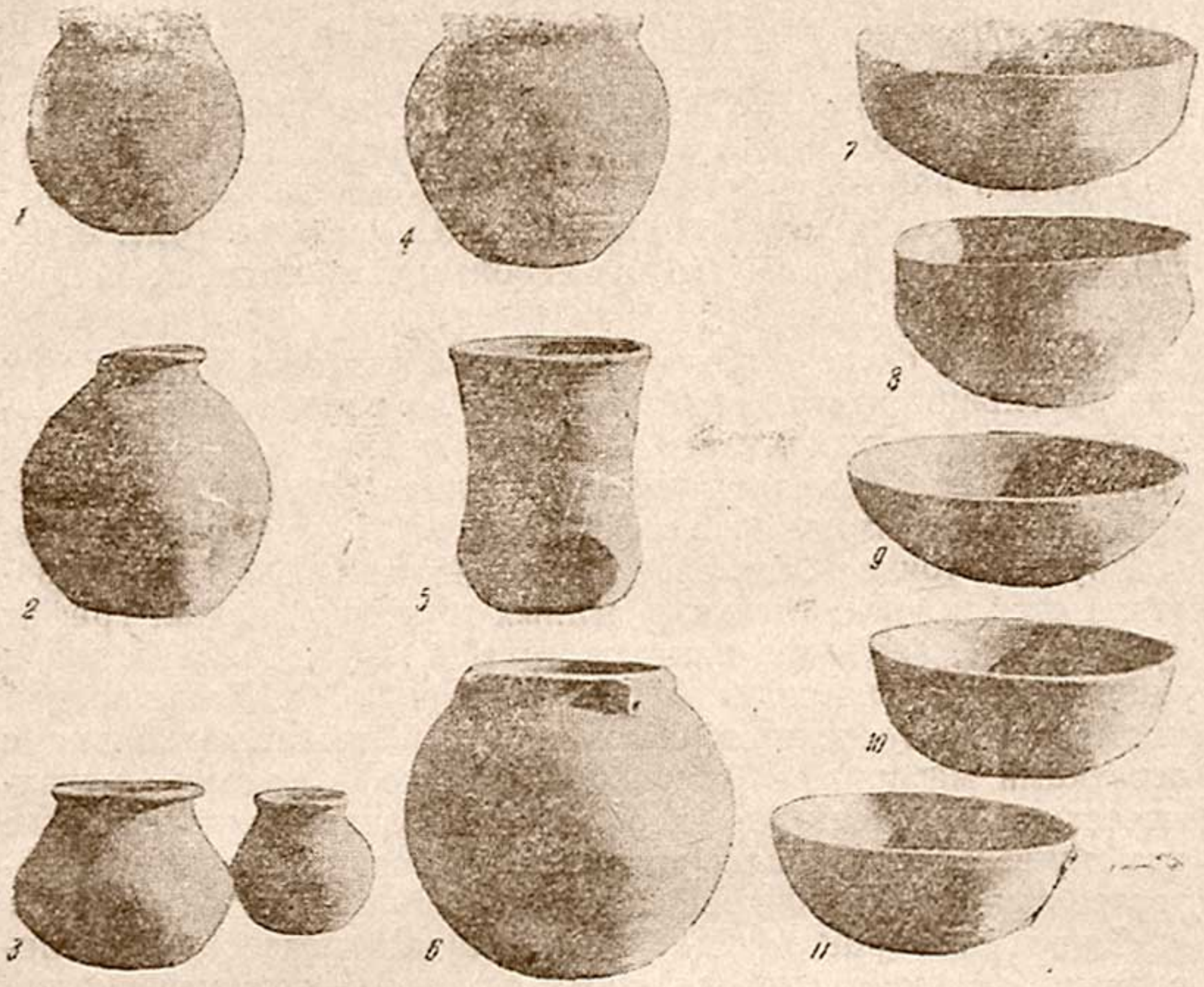


Рис. 5. Керамика катакомбных и подбойных захоронений.
Условные обозначения:
*1-к.*39 (Хангиз), *2, 7, 9*-к.36 (Хангиз), *4, 5, 6*- к.27 (Хангиз), *8*- к.48 (Хангиз), *10, 11*-к 4 (Хангиз), *3*-к. 108 (Ак-Там).

2) широкогорлые сосуды, покрытые процарапанным орнаментом по красному ангобу; орнамент нанесен по плечикам и тулову (рис. 5, *4, 6*);

3) тонкостенные, хорошей выделки красноангобированные миски; в некоторых случаях перевернутыми мисками были накрыты горловины сосудов (рис. 5, *7—11*).

Особо следует отметить сосуд оригинальной для Ферганы формы в виде вытянутого высокого бокала с чуть расширяющимся устьем и небольшим перехватом внизу (рис. 5, *5*).

Наиболее многочисленными оказались находки из катакомбного захоронения № 27. Здесь было обнаружено два скелета: один — недалеко от северной стенки катакомбы, а другой — ближе ко входу. Южный костяк лежал с раз-

Q.C.L. N.Ver

двинутыми ногами, причем его правая рука и нога находились на северном скелете.

У северного скелета на правой руке было железное кольцо, на левой — бронзовый перстень. Около черепа лежала серьга из тонкой бронзовой проволоки (рис. 6, *5*), а на шейных позвонках были обнаружены мелкие пастовые бусы, цветной бисер и три просверленные раковины-каури (рис. 6, *1*). У изголовья стояло два маленьких глиняных горшочка грубой лепной работы, рядом с которыми лежала каменная палочка с заостренными концами, кусочек графита (рис. 6, *10, 11*) и бисер. Около таза найден небольшой железный ножичек (рис. 6, *8*).

У южного скелета на костях предплечья левой руки были две небольшие низки бус из пасты и из раковин-каури; аналогичные бусы находились и около шейных позвонков. На груди найдена каменная черная бусина (рис. 6, *3*). На левой руке — бронзовый перстень (рис. 6, *2*), на мизинце правой руки — тонкое бронзовое кольцо. У изголовья южного костяка стояло два маленьких лепных горшочка, лежал графит (рис. 6, *13*), каменная палочка (рис. 6, *12*), два пряслица и миниатюрная керамическая ступка (рис. 6, *14*). Возле правой кисти у обоих скелетов были найдены железные кольца с остатками материи, служившие, очевидно, в качестве металлических застежек (рис. 6, *6*). В ногах погребенных, так же как и у изголовья, стояло три больших сосуда, в одном из которых лежало два биконических пряслица (рис. 6, *4, 7*).

Прочие захоронения дали аналогичный погребальный инвентарь, состоящий из железных однолезвийных черенковых ножей с прямым перекрестием и без него, костяной обкладки лука (рис. 6, *15*), крючка от колчана, каменных палочек с кусочками графита, каменных, пастовых и стеклянных бус и биконических пряслиц.

Катакомбные и одноподбойные захоронения, вскрытые в Вуадильском и Ак-Тамском могильниках, оказались близки Хангизским курганам по конструкции погребения и характеру инвентаря.

В Вуадильском могильнике было вскрыто два катакомбных захоронения с дромосом. Ориентация катакомб совершенно аналогична Хангизским, т. е. длинной осью катакомба ориентирована по линии З—В, перпендикулярно оси дромоса.

К сожалению, катакомбы оказались сильно разграбленными, однако по сохранившимся костям можно определить ориентацию скелетов, которые были положены по линии З—В, головой на восток.

По найденным в катакомбе № 84 фрагментам керамики нельзя восстановить формы сосудов, но ясно, что перед нами в данном случае керамика двух типов: 1) тонкостенная, хорошо обожженная, сделанная на гончарном круге, ангобированная и 2) вылепленная от руки из теста с примесями, плохо обожженная, закопченная.

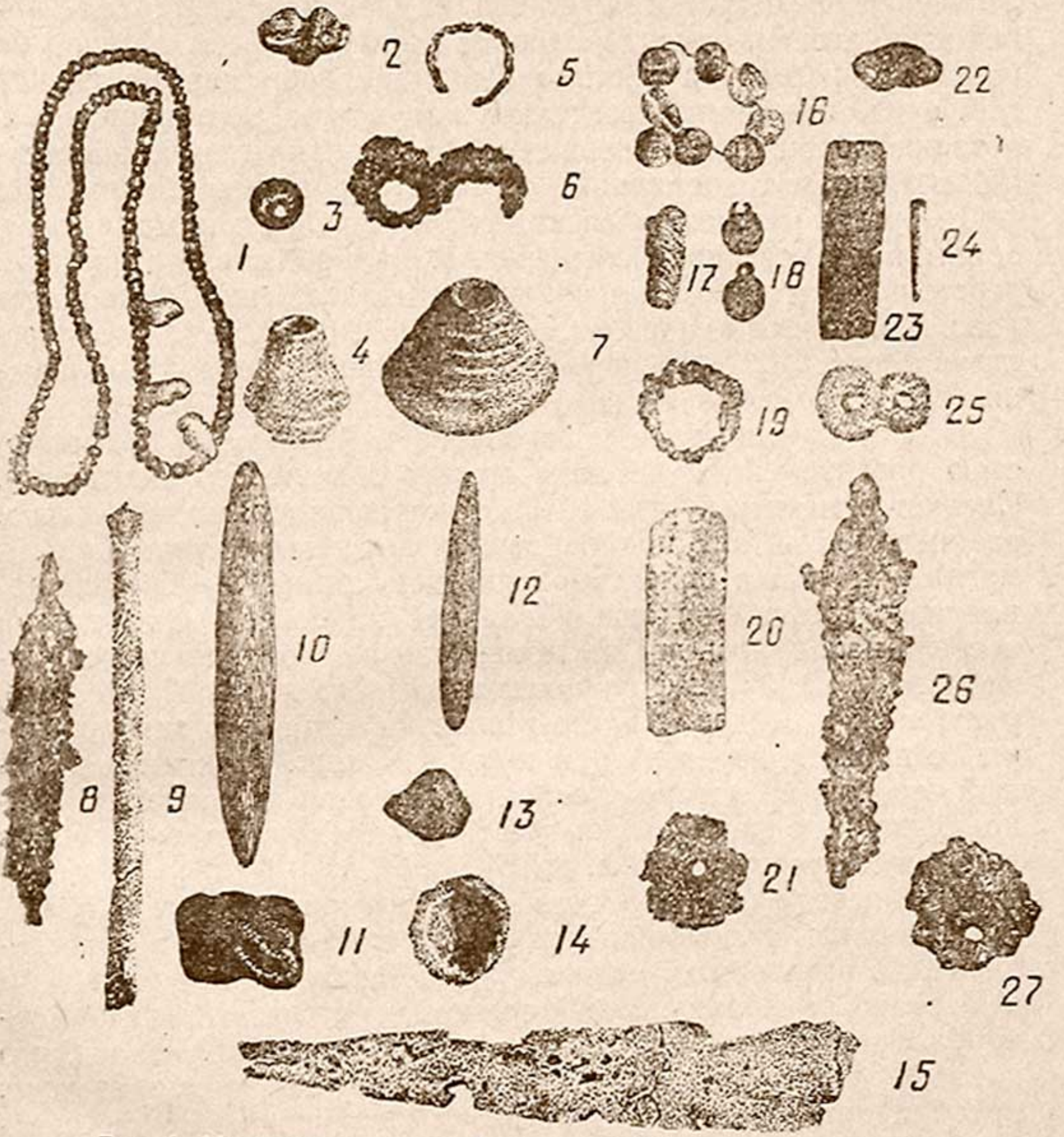


Рис. 6 Инвентарь катакомбных и подбойных захоронений.
Условные обозначения:
1—8, 10—14- к.27 (Хангиз), *9, 15-* к.39 (Хангиз), *16—19-* к.84 (Вуадиль), *20-* к.87 (Вуадиль), *22—25-*к. 108 (Ак-Там), *21, 26. 27-* к.69 (Ак-Там).

Сравнительно бедный вещевой материал представлен в основном украшениями: пастовыми, сердоликовыми, стеклянными, каменными бусами (рис. 6, *16, 17*), бронзовыми бу-

бенчиками (рис. 6, *18*), железными кольцами (рис. 6, *19*), фрагментами железного ножа и точильным бруском (рис. 6, *20*). В обоих вскрытых катакомбах, непосредственно под костяком, на грунтовом полу, был обнаружен тлен от кожи.

Конструкция катакомбного захоронения № 108 совершенно аналогична соответствующим захоронениям Хангиза и Вуадиля. В засыпи дромоса, у входа в катакомбу, был найден череп козы. В погребальной камере находилось одиночное захоронение, ориентированное по линии З—В, головой на восток. У изголовья костяка было найдено два маленьких горшочка, сделанных на гончарном круге, ангобированных, а также большой горшковидный сосуд, накрытый тонкостенной красноангобированной миской. Там же обнаружены фрагменты рассыпавшейся каменной палочки и нижняя часть обломанной костяной иглы (рис. *6*, 24). На скелете найдены перстень-печатка со стилизованным изображением животного (рис. 6, *22*), пряжка из бело-розового мраморовидного известняка (рис. 6, *25*), шлифованный сверленый подвесок из камня (рис. 6, *23*).

Второе катакомбное захоронение в Ак-Таме было полностью разграблено и не дало никакого вещевого материала. Следует отметить курган № 69 с двумя подбоями, возможно, разновременными. В подбое, расположенном в западной части могильной ямы и ориентированном по линии С—Ю, был обнаружен костяк, лежавший головой на север. Около таза костяка находилось две железных язычковых овальных пряжки (рис. 6, *21, 27*) и фрагменты железного ножа. Кроме того, у изголовья найдена баранья лопатка и на ней однолезвийный с прямым перекрестием железный нож. Нож имел длинный черенок, на котором сохранилась одна из заклепок, прикреплявших с двух сторон черенка деревянную рукоятку в виде двух пластинок (рис. 6, *26*).

Уже первое ознакомление с конструкцией и материалами катакомбных и подбойных захоронений позволяет сопоставить их с некоторыми могильниками такого типа, известными в Ферганской долине: Гур-Миронским, Джангаильским, Боркорбазским и Варухским. При этом необходимо указать, что во всех этих могильниках, за исключением Боркорбазского, преобладает керамика, сделанная на гончарном круге, ангобированная, нередко с процарапанным орнаментом. А. Н. Бернштам датирует могильник Боркорбаз, принадлежащий к этой группе памятников, III—IV вв. н. э.[11]

Следует отметить, что процарапанная керамика, обнаруженная в ряде могильников этого типа, широко известна на

[11] А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, Л., 1950, стр. 115.

городищах и поселениях Ферганской долины. В большом количестве она была обнаружена при строительстве БФК, в частности, в Кош-тепинском могильнике[12]. Исследователи относят керамику этого типа к первым векам н. э.

Керамика с процарапанным орнаментом свидетельствует, по нашему мнению, о новом этапе в развитии культуры населения Ферганской долины, непосредственно следующим за «периодом расписной керамики». Элементы процарапанного орнамента являются повторением орнамента расписной посуды, но уже в новой технике. Следовательно, керамика с процарапанным орнаментом может быть отнесена к рубежу и первым векам н. э. Описываемые погребения в катакомбных камерах и подбоях могут быть лишь приблизительно отнесены к I—IV вв. н. э.

К этому же периоду Б. А. Литвинский относит и Варухский могильник[13].

Вопрос о точной датировке катакомбных и подбойных захоронений, а также об их этнической принадлежности может быть решен только в результате массовых раскопок курганов и поселений на территории Ферганской долины и создания точной хронологической шкалы.

---

[12] Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. IV, Ташкент, 1951, стр. 53—63.

[13] Б. А. Литвинский, Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк), Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXVI, Сталинабад, 1954, стр. 50—51.

Ф. А. ЗАСЛАВСКАЯ

БОГИНЯ ПЛОДОРОДИЯ В КОРОПЛАСТИКЕ АФРАСИАБА КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

(По материалам собрания Музея истории УзССР)

В коропластике Афрасиаба кушанского времени преобладают разнообразные по внешнему виду женские статуэтки. Некоторые из них упоминались в работах В. Л. Вяткина[1], К. В. Тревер[2] и А. И. Тереножкина[3]. Эти статуэтки обычно изображают стоящую женщину, которая держит в руках цветы, плоды или злаки.

Условность поз и атрибутов позволяет думать, что эти статуэтки представляют варианты среднеазиатской богини плодородия, достигшей наивысшей своей популярности в эпоху расцвета Кушанского государства. Не случайно на монетах Канишки и Хувишки помещены изображения богини плодородия, названной здесь то «Ардохшо», то «Нано».

Согд кушанского времени переживает период быстрого развития, но если о его внешних сношениях имеются довольно полные данные в письменных источниках, то сведения о внутренней истории отрывочны и неполны. Основным источником для изучения производства и быта Согда I в. до н. э. — IV в. н. э. остаются археологические памятники, которые при их прямом и косвенном анализе, позволяют сделать некоторые выводы.

Появление в искусстве народа многочисленных женских изображений с подчеркнутыми символами плодородия — симптоматично.

Они появились очень давно. Вопрос о значении этих изображений в эпоху палеолита П. П. Ефименко связывает с общественной ролью женщины в матриархальной организа-

---

[1] В. Л. Вяткин, Афрасиаб — городище былого Самарканда, Самарканд, 1926, стр. 22, рис. 12—14; стр. 23, рис. 17—19; стр. 25, рис. 22; стр. 26, рис. 24—25.

[2] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 86, рис. 8. Значительное количество терракот из собрания Государственного Эрмитажа, аналогичных упоминаемым нами, опубликовано К. В. Тревер в ее работе „Terracottas from Afrasiab," Leningrad, 1934.

[3] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950.

ции, причем подчеркивает, что они присущи первобытным оседлым общинам в отличие от бродячих охотничьих общин, где культ предков связан с изображением животных[4]. На тесную связь с земледелием и идеей плодородия указывают открытые С. Н. Бибиковым женские глиняные статуэтки с замешанными в тесто зернами пшеницы или муки крупного помола[5].

С развитием общества изменяется и символическое значение этого божества. Это объясняется тем, что женщина, вместе с изживанием пережитков матриархата, постепенно теряет общественные организующие функции.

На первый план выдвигается значение богини-матери, покровительницы плодородия. Культ богини-матери был широко распространен в странах древнего Востока в образах Иштар, Изиды, сирийской богини Атаргитис, анатолийской богини Кибелы. Очень популярным на Среднем Востоке был культ Анахиты, известный во многих вариантах[6].

Анахита — один из основных персонажей Авесты, особенно ярко отраженный в Адвисур-Яште[7]. В связи с этим уместно вспомнить о том, что заповеди Авесты предписывали занятие земледелием, проведение каналов для орошения и побуждали к борьбе с неблагоприятными условиями природы.

Культ женского божества в связи с развитием земледелия занимал важное место в религиозных представлениях многих народов. В эллинистическое время появляются синкретические божества, соединяющие в себе образы восточных и греко-римских богов, причем местная религия в этом процессе играла превалирующую роль[8]. Небезынтересно и почитание женского божества в странах Причерноморья, известных развитым зерновым хозяйством и виноградарством. В. Д. Блаватский подчеркивает «широкое развитие земледельческих

---

[4] П. П. Ефименко, Первобытное общество, изд. 2-е, Киев, 1953, стр. 403.

[5] С. Н. Бибиков, Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР, СА, XI, 1949; он же, Культовые женские изображения племен Юго-Восточной Европы, СА, XV, 1951; он же, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, МИА, 38, 1953.

[6] Ср. К. В. Тревер, Памятники..., стр. 98—99.

[7] Яшт, V, 3, 4, 38, 42, 54, 57, 104, 116.

[8] В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 305—312; ср. С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 29—37; Т. Д. Златковская, Мезия в I—II веках нашей эры, М., 1951, стр. 130—131; В. П. Невская, Византия в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1953, стр. 151.

культов в северопонтийских государствах»[9], что подтверждается находками терракотовых статуэток, архитектурной терракотой, росписями из курганов и другими памятниками. Он отмечает большую «роль культов женских божеств, олицетворявших производящую силу природы и тесно связанных с жизненными интересами той части населения Боспора, которая занималась сельским хозяйством»[10].

Покровительница земледелия, богиня Деметра, в венке из колосьев часто изображалась на монетах[11]. Эти и многие другие доказательства дают нам основание полагать, что появление многочисленных терракотовых статуэток богини плодородия из Афрасиаба было следствием значительного развития сельского хозяйства в Согде кушанского времени. Аналогичные процессы отмечаются и в других областях Средней Азии, где в произведениях искусства также часто встречаются изображения богини плодородия[12].

В собрании Музея истории УзССР хранится большое количество женских терракотовых статуэток кушанского времени. Среди них выделяется 9 типов изображений, которые глубоко уходят своими корнями в местную традицию. Они, естественно, изменяются в связи с историческими событиями, переживаемыми Согдом на протяжении нескольких веков.

I тип. К первому типу относятся статуэтки № 36, 37 и 38 (рис. 1, *а* и *б*).

Статуэтка № 36 (из раскопок А. И. Тереножкина в 1948 г.). Фигурка дана в фас. Правая рука, согнутая в локте, поддерживает на груди какой-то удлиненный предмет, моделированный мелкими кружками. Он напоминает перевернутую гроздь винограда. Левая рука опущена и также держит какой-то предмет шаровидной формы, возможно плод граната.

На шее — круглая в сечении гривна с замком впереди. Одежда фигурки представляет однобортный, ниже колен,

---

[9] В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 12.

[10] В. Д. Блаватский, указ. соч., стр. 14. В этом плане интересно исследование болгарского ученого Д. Дечева «Една семейна триада в религията на Трахите», в котором автор на материале изучения мраморной плиты из Фракии, посвященной божествам, связанным с животворящими силами природы и земледелием — Збелсурду и Ямбадула, показывает связь производства с развитием идеологии (Известия на Археологическия институт, вып. XVIII, София, 1952).

[11] В. П. Невская, указ. соч., стр. 38.

[12] К. В. Тревер, Памятники..., стр. 21; С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 199—201; он же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 160—186 и др.; Л. И. Рempель, Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 176—182 и др.

кафтан с длинными рукавами и штаны. Кафтан орнаментирован идущими сверху вниз косыми линиями. По поле идет кайма из следующих друг за другом кружков. Штаны также орнаментированы продольными скошенными линиями. Сделана статуэтка из красной в изломе, плохо очищенной глины, покрыта светло-красным ангобом, имеет многочисленные трещины и раковины.

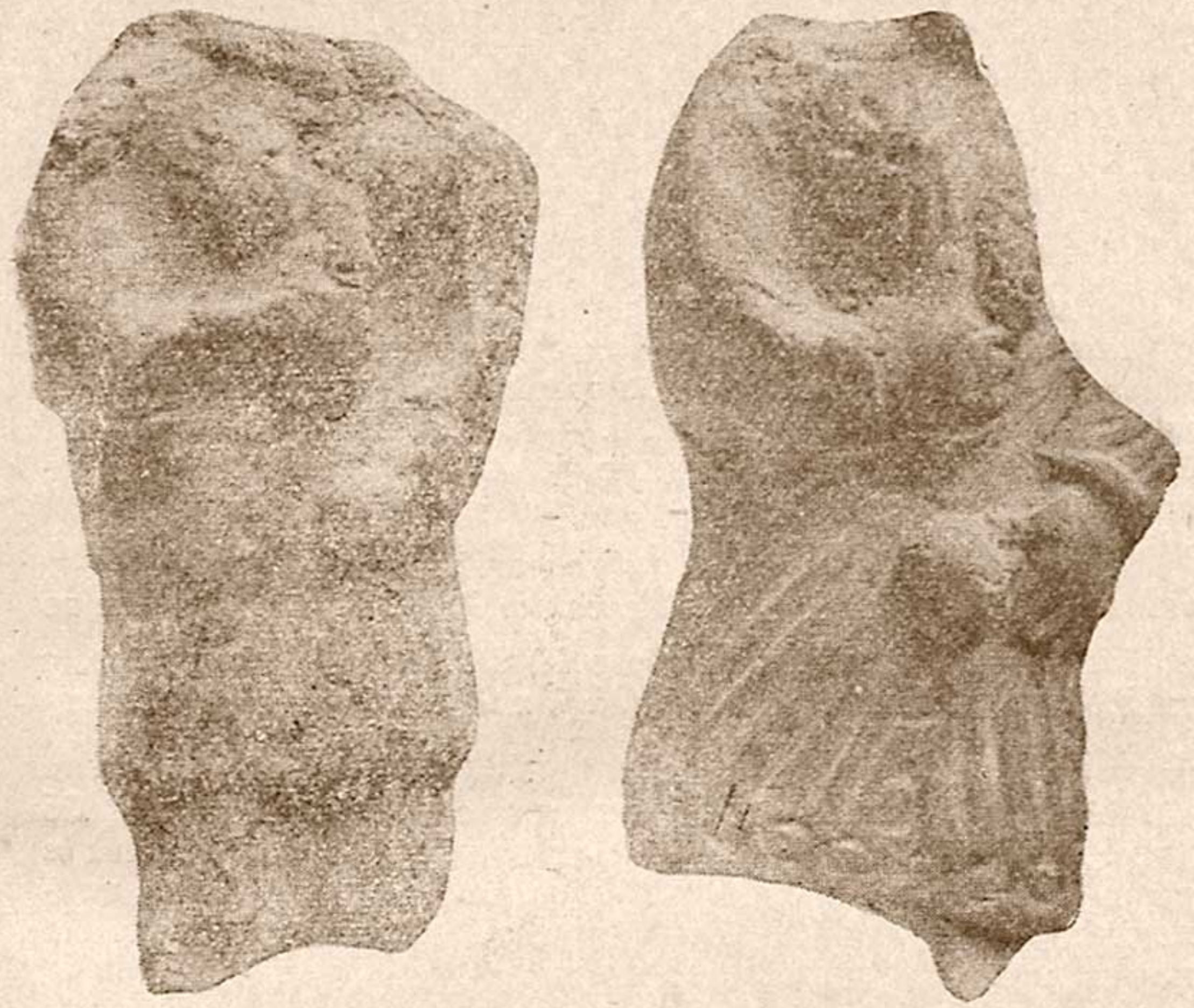


Рис.1.

а. Статуэтка № 36. б. Статуэтка № 38.

Изготовлена в одностворчатой форме. Тыльная сторона и края подправлены ножом (имеются небольшие заусеницы), а верхняя часть — руками. Между ступнями — небольшая седловидная вмятина. Обжиг хороший. Отбита голова, повреждена часть правой руки и ступня левой ноги. Размеры: ш. 50 *мм*; в. 94 *мм;* т. 30 *мм*.

Статуэтки № 37 и 38 аналогичны.

Костюм статуэток первого типа характерен для степняков. Он состоит из однобортного, по-видимому, стеганого кафтана и штанов. Женский костюм не отличается от мужского.

Техника изготовления статуэток этой группы своеобразна. Груди моделированы расходящимися черточками-лучами с помещенными в центрах кружками, которые отмечают соски. Непомерно удлиненная верхняя часть статуэтки подчеркивает очень укороченные ноги.

Плохое качество теста затрудняло формовку, потребовало многочисленных подправок пальцами. Статуэтки тяжелы на вес, что объясняется плохим качеством теста и обжига. Характер орнаментации и техники изготовления этого типа напоминает найденную на Тали-Барзу (в дальнейшем— ТБ) статуэтку женщины[13], относимую А. И. Тереножкиным к II—I вв. до н. э.[14] Моделировка кафтана видна на мужской статуэтке из раскопок А. И. Тереножкина [Музей истории УзССР, инв. № $С\frac{48}{182}$ (166)].

Форма одежды, еще более приближенная к нашим фигуркам, отмечается на терракотовой статуэтке «лютниста в кафтане» из этого же собрания, которую В. А. Мешкерис убедительно датирует II в. до н. э. — I в. н. э.[15]

Статуэтки I типа, по-видимому, изображают богиню плодородия. Они относятся к раннекушанскому времени.

II тип. Ко второму типу относятся терракоты № 34, 35, и оттиск из формы $С\frac{48}{179}$, найденные А. И. Тереножкиным во время раскопок на Афрасиабе в 1948 г. в кушанском слое, а также две головки статуэток (№ 7 и 9), аналогичные оттиску из формы $С\frac{48}{179}$.

Терракотовая женская статуэтка № 35 (рис. 2). Фигурка дана в фас. Носки обуви направлены в разные стороны. Правая согнутая в локте и несколько приподнятая рука держит между грудями какой-то предмет. На плечи накинута одежда, по-видимому, из плотной материи, напоминающая короткий халат без рукавов. Борта и полы халата орнаментированы каймой, состоящей из следующих друг за другом в вертикальном направлении небольших кружков. Под халатом виден однобортный длинный застегнутый кафтан с длинными рукавами с обшлагами. Он орнаментирован каймой из кружков по средней застежке и по ни-

---

[13] Г. В. Григорьев, Поселения древнего Согда, КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 27, рис. 4а.

[14] А. И. Тереножкин, Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 128.

[15] В. А. Мешкерис, Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории, Труды Музея истории АН УзССР, вып. II, Ташкент, 1954.

зу. Кафтан, очевидно, простеган, о чем свидетельствуют линии в верхней части кафтана, идущие сверху вниз, а в нижней — в направлении слева вниз направо. Костюм дополняют штаны, также орнаментированные кружками и заправленные в сапоги с завернутыми голенищами.

Изготовлена из красной хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта красным ангобом. Тыльная сторона плоская, края подправлены ножом или палочкой. Имеются следы пальцев и ткани. В нижней части небольшая выемка. Обжиг хороший. Отбита голова и бо́льшая часть правой ноги. Размеры: ш. 47,5 *мм*; в. 103,5 *мм*; т. 20,5 *мм*.

Аналогична ей статуэтка № 34.

Рис. 2. Статуэтка № 35.

Рис. 3. Оттиск из формы № С $\frac{48}{179}$

Оттиск из формы С $\frac{48}{179}$ (рис. 3). Он представляет собой стоящую в фас женскую фигуру с широким лицом и энергичным, выступающим вперед подбородком. Густые брови широкого размаха расположены на высоком лбу, полу-

прикрытом челкой, между ними — точка. Глаза прямого разреза, без зрачков, широко открыты, имеют удлиненную форму и обрамлены тяжелыми веками. Прямой нос и маленький рот с полными губами. На голове — диадема в виде кокошника, заполненная двумя рядами маленьких кружков. С головного убора спускаются нити стленгиды.

В ушах — шаровидные серьги. На шее — круглая в сечении гривна. На плечи наброшен длинный халат без рукавов с бортами, орнаментированными вертикальными рядами небольших кружков. Под халатом — спускающийся до колен кафтан, по-видимому, из плотной материи с застежкой по-средине и небольшим мысовидным вырезом наверху. Застежка украшена елочным орнаментом. Из-под кафтана видны штаны из орнаментированной мелкими кружками ткани. На ногах — сапоги. Руки согнуты в локтях и положены на пояс, причем правая несколько выше левой. Размеры: ш. 50 *мм*, в. 148 *мм*, т. 24 *мм*.

Головки № 7 и 9 по этническому типу и головному украшению — диадеме, орнаментированной кружками, — аналогичны головке оттиска из формы С $\frac{48}{179}$, но технически головной убор исполнен немного иначе. На оттиске кружки диадемы даны выпуклыми шишечками, в то время как на головках № 7 и 9 эти кружки выполнены глубоко врезанной линией, ограничивающей плоский кружок.

Статуэтки второго типа, по-видимому, изображают богиню плодородия, о чем свидетельствуют атрибуты в руках и положение рук. Оттиск из формы С $\frac{48}{179}$ лишен атрибутов, но определение образа не вызывает у нас сомнений не только из-за нарочито подчеркнутых кружками грудей и условного положения рук, но и благодаря характерному головному убору — «кокошнику». Это атрибут богини Анахиты, в гимне которой поется: «...на ее голове венец из ста звезд». Аналогичным венцом в виде нимба увенчаны две терракотовые статуэтки богини плодородия, найденные около Варахши в Бухарской области.

Статуэтки второго типа отличаются хорошим качеством. Отмученная глина, отличный обжиг и ровно наложенный ангоб придали им твердую глянцевитую поверхность.

Костюм не отличается от костюма статуэток первого типа и обычен для степняков, но поверх кафтана наброшен халат. Орнаментация и покрой кафтана, а также манера моделировки груди предельно сближены с первым типом. Головной убор, характерный для второго типа, по-видимому, также атрибутивен.

Этнический тип изображений европеиоден, но лицо широкого овала позволяет предположить самые начальные моменты монголоизации.

III тип. К третьему типу относятся статуэтки № 44, 48, 49 $\left(\text{С}\frac{48}{106}\right)$, 59 $\left(\text{С}\frac{48}{191}\right)$.

Статуэтка № 49 $\left(\text{С}\frac{48}{106}\right)$. Статуэтка изображает стоящую в фас женскую фигурку (рис. 4). Ее правая согнутая в локте рука лежит под грудью. Левая рука также согнута в локте и приспущена. Характерен выступающий вперед овал лица, прямые густые волосы, чуть выгнутые густые брови умеренного размера, прямой разрез широко открытых глаз без зрачков. Крупный нос, маленький рот с полными губами, выступающий вперед круглый подбородок. На голове — колпак с согнутым впереди верхом. Одежду составляет длинный моделированный елочным орнаментом кафтан с застежкой впереди и рукавами с обшлагами и штаны, которые заправлены в сапоги с отворотами и также моделированы елочным орнаментом.

Рис. 4. Статуэтка № 49.

В ушах — крупные круглые серьги. На шее — круглая в сечении гривна с замком впереди. От головного убора на лоб спускаются подвески-стленгиды, доходящие до бровей.

Части фигурки очень непропорциональны: крупная голова, очень длинный торс и короткие ноги. Изготовлена из сероватой в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме и подправлена ножом. Покрыта коричневато-серым ангобом. Обжиг средний. Сохранность хорошая. Размеры: ш. 29,5 *мм*, в. 134,5 *мм*; т. 19,5 *мм*.

Фрагменты статуэток № 44, 48, 59 $\left(\text{С}\frac{48}{191}\right)$ аналогичны терракоте № 49 $\left(\text{С}\frac{48}{106}\right)$.

Из четырех статуэток третьего типа две добыты А. И. Тереножкиным на Афрасиабе [№ 49 $\left(\text{С}\frac{48}{106}\right)$, 59 $\left(\text{С}\frac{49}{191}\right)$], причем одна обнаружена в кушанском слое.

Условная поза очень близка к манере кушанских терракот из Хорезма[16], женские статуэтки которых С. П. Толстов рассматривает как изображения богини Анахиты. Сходство манеры изображения терракот Афрасиаба и Хорезма не может рассматриваться как случайное явление. Оно предопределено общим для Средней Азии кругом культурного развития, особенно укрепившимся в кушанское время.

Статуэтки третьего типа по качеству лучше первого, но не превосходят второй. Они имеют твердую глянцевитую поверхность. Статуэтка № 59 $\left(\text{С}\frac{48}{191}\right)$, по-видимому, является исключением для этой группы и может быть отнесена к браку.

Третий тип выделяется резкой диспропорцией фигуры, у которой предельно укорочена нижняя и удлинена верхняя часть. Заметим, что статуэтки первого и второго типов также грешат диспропорцией. Костюм статуэток третьего типа обычен для степняков и стилистически более выдержан. Тип лица — европеоидный.

IV тип. К четвертому типу относятся небольшие фрагменты статуэток № 43 и 45.

Фрагмент статуэтки № 45. Фигурка дана в небольшом полуобороте налево, так что правая часть различается лучше левой. Правая рука, согнутая в локте и приподнятая, держит какой-то предмет, прикрывающий левую грудь. Левая рука, также согнутая в локте, но приспущенная, держит колос злакового растения. На плечи накинут халат без рукавов, сходящийся у шеи и прикрывающий плечи и бока. Под халатом заметна фигура изящных форм с округлой грудью умеренного размера и полными руками хорошего рисунка.

Изготовлена из красноватой в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта коричневым ангобом. Края и тыльная часть подправлены ножом. Обжиг хороший. Голова и нижняя часть статуэтки отбиты.

Размеры: ш. 36 *мм*, в. 41,5 *мм*, т. 22,5 *мм*.

Фрагмент статуэтки № 43 аналогичен предыдущему.

Понимание этих оригинальных фрагментов облегчает форма, обнаруженная А. И. Тереножкиным на Афрасиабе в 1948 г. (Музей истории УзССР, инв. № $\left(\text{С}\frac{48}{181}\right)$.

---

[16] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 196—201, табл. 75.

Оттиск из формы С $\frac{48}{181}$ (рис. 5). Оттиск из этой формы дает изображение женской фигуры в фас. У нее узкое удлиненное лицо, густые длинные брови, широко открытые удлиненные глаза прямого разреза, небольшой нос и маленький рот с полными губами, выдающийся вперед округлый подбородок. Гладкие волосы обрамляют лицо и прикрывают уши. На голове — мягкий головной убор.

В ушах — шаровидные серьги. На шее — круглая в сечении гривна. Одета в прямое длинное узкое платье, по-видимому, из тонкой материи, хорошо обрисовывающее линии тела. Длинные узкие рукава платья без обшлагов. Поверх платья наброшен очень длинный халат без рукавов, закрепленный на груди и держащийся на плечах. Можно предположить, что халат сделан из хорошей мягкой, но плотной ткани.

Тип лица — европеоидный, близкий к статуэтке № 49 третьего типа, но благодаря тщательной отделке формы лицо выглядит более изящным и пропорциональным.

Форма обнаружена в кушанском слое, что позволяет датировать статуэтки кушанским временем. Датировку облегчает традиционное положение полусогнутых в локтях рук — один из основных признаков определенного С. П. Толстовым „кушанского стиля“, получившего распространение и на Афрасиабе. В руках изображены атрибуты, которые служат символами плодоносящей природы, что позволяет считать статуэтки изображениями богини плодородия. Характерен колос, который они держат в левой руке. Это одно из немногих известных на терракотах изображений злакового растения, которое не только отражает характер посевной культуры, распространенной в то время, но, так же как и виноград с его многочисленными ягодами и гранат с большим количеством зерен, было наглядным символом многоплодия.

Рис. 5. Оттиски из формы № С $\frac{48}{181}$.

V тип. Оттиск из формы С $\frac{48}{180}$ (обнаружен А. И. Тереножкиным на Афрасиабе в 1948 г.).

Фигурка дана в фас (рис. 6). Правая рука высунулась из-под плаща и держит какой-то цветок с длинным стеблем, расположенным между грудями. Левая рука опущена вниз жестом Венеры Медицейской. Носки грубо изображенной обуви направлены в разные стороны.

На шее — круглая в сечении гривна с шаровидным украшением. На левой руке, у запястья, — толстый браслет, круглый в сечении. В ушах — массивные серьги-полукольца. Широкий овал лица, невысокий лоб, длинные брови, узкие удлиненные глаза, крупный нос, большой рот с узкими губами, массивный подбородок. На голове — повязка, украшенная посредине круглой брошью.

Рис. 6. Оттиск из формы № С $\frac{48}{180}$.

Одежда состоит из наброшенного на плечи длинного халата, полы которого орнаментированы вертикальными рядами небольших кружков. Под халатом — прямое платье, доходящее до щиколоток, с длинными узкими рукавами. Посредине платья — украшение (вышивка?) в виде вертикального ряда кружков, аналогичных орнаменту на платье статуэтки № 99 из собрания Государственного Эрмитажа.[17]

Размеры: ш. 39 *мм*, в. 125 *мм*, т. 28 *мм*.

По типу лица, головному убору и шейному украшению описываемая статуэтка близка к изображению богини Анахиты с серебряного блюда из собрания Государственного Эрмитажа, где она изображена в виде флейтистки, сидящей на чудовище[18]. Костюм статуэтки иной, сходны только узкие рукава.

Сходство с терракотой из формы, найденной А. И. Тереножкиным в кушанском слое, позволяет уточнить датировку и происхождение блюда[19].

---

[17] C. Trever, Terracottas from Afrasiab, tabl. VII, fig. 99.

[18] И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл, М.—Л., 1935, табл. 32; Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. X, № 95; Ср. К. В. Тревер, Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии, ТОВЭ, IV, 1947, стр. 126 и след., табл. VIII.

[19] Ср. К. В. Тревер, Сасанидский серебряный кубок..., стр. 126.

Костюм статуэтки пятого типа, по-видимому, представляет собой женский костюм оседлых земледельцев. Он состоит из длинного платья, сделанного, судя по складкам, из тонкой ткани, и длинного халата без рукавов, орнаментированного по краю кружками. На ногах—мягкие сапоги. Подобный костюм неудобен для постоянной верховой езды. На голове повязка, охватывающая голову наподобие чалмы.

Тип лица;—европеоидный.

VI тип. Шестой тип представлен одной статуэткой № 23. Аналогичная статуэтка была опубликована В. Л. Вяткиным[20].

Статуэтка № 23 (рис. 7). Фигурка дана в фас. В полуопущенной правой руке — плод граната, в приподнятой левой руке — водяной цветок, расположенный между грудями. Ступни ног повернуты в разные стороны. Широкое лицо с удлиненными глазами без зрачков, небольшой рот, полные губы. Полукруглые удлиненные брови сходятся на переносице под широким, почти целиком спрятанным под волосами лбом. Крупный нос и выступающий вперед подбородок.

Рис. 7. Статуэтка № 23.

Одежда представляет прямой накинутый на плечи халат без рукавов, спускающийся ниже колен. Из-под халата видно платье из тонкой материи, собранное на груди и спускающееся ниже колен косыми складками, которые придерживаются правой рукой. Длинные рукава платья завернуты. Широкие в многочисленных прямых складках штаны доходят до обуви. В ушах — серьги, представляющие комбинацию из трех шариков и колодочки. На шее—круглая в сечении гривна.

Изготовлена из красноватой в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Боковые грани и тыльная сторона ее обработаны ножом. Обжиг хороший, сохранность хорошая. Размеры: ш. 38,5 *мм*, в. 21 *мм*, т. 31 *мм*.

Эта статуэтка очень близка к терракотам пятого типа, повторяя их одежды и положение рук с находящимися в них

[20] В. Л. Вяткин, указ. соч., стр. 22, рис. 13.

аналогичными атрибутами. Нижняя часть терракоты — оригинальна.

Этнический тип — европеоидный, может быть со слабым налетом монголоидности. Головной убор, к сожалению, целиком не сохранился, но можно предположить, что он аналогичен варианту «б» седьмого типа. Отмечается отличное качество терракоты, покрытой светло-коричневым ангобом очень приятного оттенка и имеющей твердую гладкую глянцевитую поверхность, что объясняется хорошей подготовкой теста. Отдельные линии тщательно прорисованы.

VII тип. К седьмому типу мы относим статуэтки № 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32 (рис. 8, *а* и *б*).

Рис. 8
а. Статуэтка № 24. *б*. Статуэтка № 26.

Статуэтки этого типа имеют два варианта и, по-видимому, представляют собою хронологический ряд. Они различаются

по этническому типу, головному убору и деталям в общем похожей одежды. К варианту «а» относятся статуэтки № 24, 26 и 31.

Статуэтка № 24 (из раскопок А. И. Тереножкина на Афрасиабе в 1948 г.). Фигурка дана в фас. В согнутой в локте и полуопущенной правой руке держит плод граната (?), а в левой, также согнутой в локте, но приподнятой и расположенной между грудями, находится водяной цветок (?). Ступни ног повернуты в разные стороны. Широкое лицо, удлиненные глаза без зрачков, небольшой рот с полными губами, небольшой выпуклый подбородок, над переносицей — точка.

На голове — мягкий войлочный колпак со спускающейся влево тульей, под которым видны пряди густых волос. На плечи накинут халат с каймой по бортам, орнаментированной вертикальным рядом следующих друг за другом кружков. Под халатом — платье, по-видимому, из тонкой ткани, собранное сборками на груди и спускающееся мягкими складками, образующими посредине треугольник. В ушах — серьги с шаровидными подвесками, на шее — круглая в сечении гривна с замком впереди.

Изготовлена из серой в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Тыльная сторона и бока заглажены ножом. Покрыта темно-коричневым, табачного оттенка ангобом. Обжиг хороший. Сохранность хорошая. Размеры: ш. 32 *мм*, в. 128,5 *мм*, т. 35 *мм*.

Статуэтки № 26 и 31 аналогичны предыдущей.

Длинное платье и халат статуэток варианта «а» аналогичны пятому типу, но более изящно драпируют стройные фигуры с умеренными формами. Этот костюм, по-видимому, близок к реальному костюму, современному художнику. В его отделке заметно отступление от искусственной красивости складок. Этнический тип — европеоидный. Он настойчиво повторяется и поэтому не является фантазией коропласта.

Головной убор в виде войлочного колпака кажется известным диссонансом ко всему костюму, так как он обычно украшает головы степняков, а остальной костюм характерен для оседлого земледельца.

Статуэтка из собрания Государственного Эрмитажа № 185*б*, опубликованная К. В. Тревер, также может быть отнесена к варианту «а»[21].

К варианту «б» относятся остальные статуэтки седьмого типа.

---

[21] C. Trever, Terracottas from Afrasiab, tabl. XIII, fig. 185 b.

Статуэтка № 30. Фигурка дана в фас. В согнутой в локте и полуопущенной правой руке держит плод граната (?), а в левой, также согнутой в локте, но приподнятой и расположенной между грудями, находится цветок водяного растения (?). На плечи накинут ровный халат, из-под которого видно платье, по-видимому, из тонкой ткани, образующей сборы на груди. Платье спускается мягкими косыми подхваченными правой рукой складками. На руках — браслеты. На шее — круглая в сечении гривна.

Изготовлена из красной в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта темно-красным ангобом. Тыльная сторона и края подправлены ножом. Обжиг хороший. Отбита голова и нижняя часть статуэтки. Размеры: ш. 42 *мм*, в. 55 *мм*, т. 21 *мм*.

Терракотовые статуэтки № 29, 32, 27, 28, 25 аналогичны описанной.

К варианту «б» также относятся статуэтки из собрания Государственного Эрмитажа № 96 и 98, опубликованные К. В. Тревер[22]. Они уточняют головной убор и этнический тип варианта «б», так как у всех статуэток из нашего собрания отбиты головы.

Головной убор представляет собою повязку, завязанную спереди в виде большого двухлепесткового банта с узлом в центре. Лица головок № 96 и 98 значительно отличаются от варианта «а». Они уплощены, а намеренно удлиненный рисунок глаз подчеркнут низкими и длинными линиями бровей. Размер рта уменьшен. Художник подчеркнул мягкий рисунок припухлых губ.

В собрании Музея истории УзССР находятся три терракотовые головки (№ 6, 50 и 51), совершенно повторяющие головной убор и этнический тип головок № 96 и 98 из Эрмитажного собрания.

Головка статуэтки № 6. Овал лица широкий, уплощенный. Крупный нос с широкими крыльями, небольшой рот, полные губы, длинные брови, сходящиеся на переносице. Посредине лба и на щеках — точки. Глаза прямого разреза с намеченным зрачком. Густые пряди волос расчесаны на две стороны и спускаются на уши. Голова покрыта повязкой, образующей впереди большой двухлепестковый бант с узлом посредине. В ушах — шаровидные серьги. Изготовлена из красной в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта темно-коричневым ангобом. Бока и тыльная сторона подправлены ножом. Обжиг

---

[22] C. Trever, Terracottas from Afrasiab, tabl. VII, fig. 96, 98.

хороший. Сохранность хорошая. Размеры: ш. 42,5 *мм*, в. 40 *мм*, т. 15 *мм*.

Головки статуэток № 50 и 51 аналогичны описанной.

Тип лица одинаков у головок № 53, 54 и 55, отличающихся от предыдущих лишь формой банта на головной повязке и формой серег.

Головка статуэтки № 55. Овал лица широкий, уплощенный. Густые полукруглые брови над широко открытыми узкими глазами прямого разреза с подчеркнутыми зрачками. Волосы, расчесанные на две стороны, обрамляют лицо и спускаются на уши. Голова покрыта повязкой, образующей впереди трехлепестковый бант с узлом посредине. В ушах — серьги из трех следующих друг за другом подвесков.

Изготовлена из красной в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта кремовым ангобом. Обжиг хороший. Сохранность удовлетворительная. Размеры: ш. 83 *мм*, в. 43 *мм*, т. 12 *мм*.

Головки № 53 и 54 аналогичны.

Проф. Л. В. Ошанин предположительно считает, что более широколицые изображения № 51 и 53, возможно, имеют некоторую монголоидную примесь.

По-видимому, рассматриваемый нами тип бытовал в копропластике Афрасиаба очень долго и реалистически отразил на себе те сложные явления в области этногенеза, которые переживали народы Согда в первых веках нашей эры, когда на местную европеоидную основу медленно напластовывался новый монголоидный элемент.

Интересно, что процесс монголоизации населения Мавераннахра, вероятно, начался еще до образования тюркского каганата VI в[23].

Материал Музея истории УзССР, частично добытый во время раскопок А. И. Тереножкина, позволяет согласиться с этим мнением. Статуэтка № 24, относящаяся к варианту «а», была обнаружена А. И. Тереножкиным в слое 0,7—1,2 *м* ниже уровня пола, в то время как статуэтка № 28 (вариант «б») лежала на 30 *см* выше пола мастерской. По-видимому, статуэтка № 24 соответствовала более древнему местному европеоидному населению, с которым впоследствии смешивались пришлые монголоидные народы. Интересно, что к типу лица статуэтки № 24 очень близка головка статуэтки

---

[23] Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии, сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Ташкент, 1953, стр. 35.

№ 49 (третий тип), обнаруженная А. И. Тереножкиным в том же слое — 0,7—1,2 *м* ниже уровня пола. Соседство этих двух статуэток, столь различных по костюму, но очень похожих своим этническим типом, прической, серьгами и головным убором, а также художественной манерой и цветом ангоба (темно-коричневый, марганцевого оттенка), — очень интересное явление, очевидно, связанное с сосуществованием на территории Средней Азии кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих народов. Открытия земледельческих культур Анау и Чуста и древних кочевых культур, сделанные среднеазиатскими археологами, свидетельствуют о глубокой историчности этого явления, впоследствии отразившегося на всем ходе развития истории Средней Азии и Казахстана.

Атрибуты этого типа — плод и цветок, часто сопутствующие изображениям среднеазиатской богини плодородия.

VIII тип. К этому типу относится только одна статуэтка № 39 (рис. 9).

Рис. 9. Статуэтка № 39.

Фигурка дана в фас. В правой приподнятой руке — цветок водяного растения, а в левой (также приподнятой) — плод граната. Стебли их соединены. На шее — круглая в сечении гривна.

Одежда представляет длинный халат без рукавов, накинутый на плечи и моделированный пересекающимися линиями. Под халатом — длинное прямое платье с длинными рукавами, собранными у кистей рук. Платье, как и халат, орнаментировано пересекающимися полосами.

Изготовлена из красновато-серой хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта темно-коричневым табачного оттенка ангобом. Края и тыльная часть подправлены ножом. Обжиг хороший. Сохранность хорошая. Отбита голова. Размеры: ш. 36 *мм*, в. 86,5 *мм*, т. 26 *мм*.

Растительные атрибуты позволяют считать статуэтку одним из изображений богини плодородия. Примечательна орнаментация костюма пересекающимися недлинными выпуклыми линиями, которые создают впечатление, что одежда сшита из отдельных небольших кусков. Объяснение этому можно найти в Авестийском гимне Анахите: «...она одета в одежду из тридцати шкурок выдры (или соболя) в блестящий мех»[24]. Аналогично трактована найденная возле Варахши статуэтка богини Анахиты с головой, окруженной нимбом, орнаментированным дырочками, которые должны изображать головной убор из ста звезд.

IX тип. К девятому типу относятся статуэтки № 40 и 47.

Статуэтка № 47 (рис. 10). Фигурка дана в фас. Правая рука, высунувшись из-под наплечной одежды, держит какой-то круглый предмет, возможно плод граната. На шее — широкое украшение, орнаментированное зигзагообразными линиями.

Одежда представляет длинный халат без рукавов, наброшенный на плечи. Полы халата орнаментированы каймой, составленной из комбинаций треугольников.

Изготовлена из розовой в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта ангобом темно-коричневого цвета. Тыльная сторона заглажена щепкой. Обжиг хороший. Голова отбита.

Рис. 10. Статуэтка № 47.

Размеры: ш. 40 *мм*, в. 79,5 *мм*, т. 22 *мм*.

Терракота № 47 не имеет принципиальных отличий от других статуэток и также изображает богиню плодородия. Об этом свидетельствует круглый предмет в ее правой руке, который можно считать плодом граната или яблоком.

Интересную аналогию этой фигурки дает серебряная чаша Государственного Эрмитажа, попавшая туда из собрания Строгановых и описанная К. В. Тревер[25]. На наруж-

---

[24] Авеста, Фаргард V.

[25] К. В. Тревер, Памятники..., стр. 81—87, табл. 18—21. Впервые чаша опубликована Я. И. Смирновым (указ. соч., табл. XXXVIII, 67).

ной части полушаровидной чаши изображены сцены венчания и свадебного пира. В центре сверху помещены фигуры жениха и невесты. На голове невесты надет мягкий колпак со спущенным вперед верхом, под которым собраны поднятые волосы. Ее прямое платье сшито из легкой ткани, на шее — гривна. На плечах — халат с откинутым отворотом, из-под которого высунуты руки. В правой руке, по-видимому, плод граната, а два пальца левой руки подняты в ритуальном жесте. Примечательно, что пола халата орнаментирована зигзагообразной каймой, как и на нашей терракоте. Форма халата сравнивается К. В. Тревер с терракотами из Хорезма с Джанбас-калы, что явилось одним из важных датирующих моментов, определивших чашу как характерный памятник раннекушанского времени (I в. до н. э.)[26].

Одежда нашей статуэтки лишена большого отворота, отмеченного на центральных фигурах чаши, и скорее напоминает «длинный прямой кафтан-халат», характерный, по мнению К. В. Тревер, для времени Канишки[27]. Шея терракоты № 47 украшена широким драгоценным ожерельем, напоминающим многие шейные украшения на нумизматических памятниках и на торевтике, и очень отличается от предыдущих типов (круглые в сечении простые гривны). Широкие шейные украшения, орнаментированные густым или редким рядом кружков, встречаются на монетах Варахрана I[28], Варахрана II[29], Нарсе[30], Ормузда[31], а также на изображениях Шапура II и Шапура III[32].

Шейные украшения у двух центральных фигур на чаше со сценой венчания также очень широки и орнаментированы. К. В. Тревер их трактует как «гривну с застежкой» и «широкую гривну с застежкой из двух крупных блях»[33].

Это обстоятельство позволяет нам предположить, что статуэтка № 47 относится к позднекушанскому времени, а может быть даже к V—VI вв., и поддержать мнение М. М. Дьяконова о желательности некоторого пересмотра

---

[26] Ср. М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, в кн. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 139, примечание 4.

[27] К. В. Тревер, Памятники..., стр. 86.

[28] И. А. Орбели и К. В. Тревер, указ. соч., табл. I.

[29] Там же, табл. I—II.

[30] Там же, табл. II.

[31] Там же.

[32] Там же, а также на блюде или чаше из Нижне-Шахаровки, Красноуфимского уезда, Пермской губернии (табл. IX).

[33] К. В. Тревер, Памятники..., стр. 81.

датировки «серебряной чаши с изображением сцены венчания царя и свадебного пира»[34].

Статуэтка № 40 нашего собрания положением фигуры, зубчатым орнаментом и широким шейным украшением близка статуэтке № 47.

Статуэтка № 40 (рис. 11). Фигурка дана в фас. Правая рука высунулась из-под халата и держится за перевязь, которая спускается с левого плеча и, по-видимому, охватывает верхнюю часть туловища. Левая рука, слегка сгибаясь в локте, опущена вниз и придерживает край халата.

На шее — широкое орнаментированное украшение, над которым помещена круглая в сечении гривна. На запястье левой руки — толстый круглый в сечении браслет.

С правого плеча спускается халат, отделанный орнаментированной зубчиками каймой, оставляющий левую сторону фигурки открытой. Высоко подпоясанное платье с длинными рукавами облегает тело.

Рис. 11. Статуэтка № 40.

Изготовлена из розовой в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта темно-красным ангобом. Обжиг хороший. Сохранность хорошая. Размеры: ш. 46,5 *мм*, в. 66 *мм*, т. 24,5 *мм*.

Изящный изгиб талии с подчеркнуто расширяющимися бедрами указывает на некоторое индийское влияние[35].

---

[34] М. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 139, примечание 4.

[35] Индийская поэзия создала особый идеал женской красоты, излюбленные эпитеты которой: «прекрасная в талии», «красивобедрая», «прекраснобедрая». В Махабхарате так описывается прекрасная Драупади, богиня плодородия, одна из ипостасей Лакшми: «Она была не очень низкого и не очень высокого роста, благоуханная, как синий лотос, с глазами продолговатыми, как лепестки его, прекраснобедрая и с темными длинными волосами» (Махабхарата Адипарва, книга первая, М.—Л., 1950, гл. 61, 93—98, стр. 188). Герой Бхимасена обращался к сестре ракшаса Хидимбы с такими словами: «Ты не бойся, о прекраснобедрая, он — никто, когда я здесь. Я убью его на твоих глазах, о тонкая в талии!... Не презирай же меня, о широкобедрая... (Махабхарата, гл. 141, 7—10, стр. 396).

Статуэтки № 40 и 47, судя по атрибутам, изображают богиню плодородия. Они выходят за рамки широко распространенных в Афрасиабе типов и могут быть датированы III—IV вв. н. э.

Таким образом, рассмотрев терракоты кушанской подгруппы, мы приходим к выводу, что между ними много общего.

ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ ОСЕДЛОЙ И КОЧЕВОЙ КУЛЬТУР

Тесное и органическое переплетение в изображениях элементов культуры оседлого и кочевого населения Согда, несомненно, отражает реальную жизнь. Взаимодействие кочевой и оседлой культур благотворно отразилось на экономике, влияло на процесс разложения родовых отношений и создало формы некоторого культурного синкретизма. В частности, этот синкретизм отразился на обрядах жертвоприношения. Оседлые земледельческие народы приносили в жертву богам масло, т. е. продукт скотоводства. Страбон так описывал процесс жертвоприношения у персов: «Маги... поют таинственные песни, поливая при этом **маслом**, смешанным с **молоком** и **медом** (подчеркнуто мной. — *Ф. З.*) не огонь и не воду, но землю»[36]. Жертвоприношение маслом неоднократно упоминается и в Махабхарате. Обиженный (во время жертвоприношения) Пандавами, сын божественной суки Сарамы, жалуется своей матери: «Не провинился я ни в чем. Не смотрел я на жертвенное масло, не лизал я его»[37]. Бог Агни (огонь) говорит: «Топленым маслом, которое возливают на меня (при совершении жертвенных обрядов) согласно закону... бывают удовлетворены боги и предки; предки и... боги питаются от жертвоприношений через мой рот и поедают топленое масло, возливаемое (на меня)»[38]. Еще более интересно отображение жертвенного обряда на пянджикентских фресках, описанное А. М. Беленицким.[39] В этом обряде соединяются предметы скотоводства (масло) и садоводства (плоды), освящаемые огнем жертвоприношения. Синкретический характер предметов, которые приносятся в жертву, прослеживается у многих народов и значительно позже.

Древние источники характеризуют Согд как центр ско-

---

[36] Страбон, География, 15, гл. 14.
[37] Махабхарата, гл. 3, 1—9.
[38] Там же, гл. 8, 1—11.
[39] А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов), в кн. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 32 и 75.

товодства и садоводства. Так, в «Авесте» Согд называется богатым «людьми и стадами»[40], а в «Истории младшего дома Хань» сообщается о том, что «жители (Кана) прилежат к садоводству и огородничеству. Деревья роскошно растут»[41].

К. А. Богомолова[42] описывает жертвоприношения «источнику или ручью, **орошающему поля**» (подчеркнуто мной. — *Ф. З.*)[43] — обряд «сабза-буст», у народов Таджикистана—заклание животного или домашней птицы, кровь которых возливалась на воду ручья. Во время ритуальной трапезы «распределители брали принесенные чаши, наполняли их кусками хлеба (лепешек), поливали их мясным бульоном и клали сверху кусочек мяса»[44].

В материальной культуре Востока и Средней Азии изобилует ритуальная посуда — чаши, кубки и кувшины для возлияний, которые наполнялись маслом, водой, ароматическими жидкостями, молоком, вином. На это обстоятельство обратил внимание Н. П. Остроумов в 1927 г.[45] Драгоценная серебряная и золотая посуда с изображением ритуальных сцен не вызывает сомнений о ее назначении[46]. На чаши и кубки в руках изображений обращает внимание К. В. Тревер[47]. Новый материал в этом отношении дает живопись Пянджикента[48], где имеется много изображений чаш, иногда наполненных плодами, и сосудов, по-видимому, наполненных маслом.

Синкретизм, отмеченный нами в предметах жертвоприношения и характерный для Средней Азии, нашел себе отражение и в одежде изучаемых нами изображений, причем одежда и головные уборы степняков сочетаются с одеждами оседлых народов.

Моменты синкретизма объясняют происходящий в кушанское время процесс слияния этих культур как один из элементов формирования среднеазиатских народностей.

---

[40] Авеста, Фаргад I.

[41] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.

[42] К. А. Богомолова, Следы древнего культа воды у таджиков, Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, 1952, № 2, стр. 109—121.

[43] Там же, стр. 112.

[44] Там же, стр. 113.

[45] Н. П. Остроумов, О чашах и кубках у азиатских преимущественно народов. Сборник в честь В. В. Бартольда, Ташкент, 1927.

[46] См. Я. И. Смирнов, Восточное серебро; И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, и мн. др.

[47] К. В. Тревер, Памятники..., стр. 73—76, 83 и др.

[48] А. М. Беленицкий, указ. соч., стр. 75.

Все рассматриваемые нами статуэтки кушанской подгруппы можно в антропологическом отношении разбить на две категории: 1) узколи́цые, европеоидного типа, и 2) широколицые, европеоидного, слабо монголоизированного типа.

На значение терракот Афрасиаба как источника для понимания вопросов этногенеза уже обращалось внимание в научной литературе.

Б. Н. Кастальский при изучении фигур на Бия-Найманских оссуариях отметил индо-европейский тип изображений и даже их брахицефалию[49].

Неудачная попытка в этом отношении была сделана Н. И. Веселовским в 1917 г.[50], когда при изучении налепов на оссуариях он усмотрел лишь греческий этнический тип. В. Л. Вяткин также ошибочно разделил терракотовые головки из Афрасиаба на три этнических типа: греческий, сасанидский и тюркский[51], хотя в этой классификации и предпослал своему выводу верное замечание, что между типами афрасиабских терракот «имеется то или иное сходство, та или иная степень родственности, указывающие на общий источник их происхождения»[52] и что они представляют «отчасти, переходные формы»[53]. Разнообразие этнических типов в терракотах Афрасиаба, Тали-Барзу и Кафыр-Калы отмечали Г. В. Григорьев[54] и А. Н. Бернштам[55].

Вопросам этногенеза таджикского народа на материале терракот Афрасиаба посвящена работа А. М. Мандельштама[56], положительно отмеченная в литературе[57].

А. Ю. Якубовский писал, что этногенез узбекского народа «благодаря специфичности географических и политических условий Средней Азии и Узбекистана, лежащего на

---

[49] Б. Н. Кастальский, Бия-Найманские оссуарии, Самарканд, 1908, стр. 31.

[50] Н. И. Веселовский, Греческие изображения на туркестанских оссуариях, ИАК, вып. 63, Петроград, 1917.

[51] В. Л. Вяткин, указ. соч., стр. 23, рис. 15—18. Ср. Б. В. Вейнарн, Искусство Средней Азии, М.—Л., 1940, стр. 19—20.

[52] В. Л. Вяткин, указ. соч., стр. 23.

[53] Там же.

[54] Г. В. Григорьев, К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 101.

[55] А. Н. Бернштам, Древнетюркские элементы в этногенезе Средней Азии, СЭ, 1947, VI—VII, стр. 157.

[56] А. М. Мандельштам, Сложение таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье (Автореферат канд. диссертации), Л., 1951.

[57] См. М. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 131.

стыке древних земледельческих оазисов и кочевой степи... протекал особенно сложно»[58].

Узбекская и таджикская народности имеют исторически сложившуюся этническую и культурную общность[59]. «Если таджики являются потомками согдийцев, бактрийцев и тохаров, то узбеки по долинам Зеравшана, Кашка-Дарьи и особенно в городах — Маргелане, Шахрисябзе и многих других — в определенном слое являются отюреченными в языке согдийцами, а затем и таджиками»[60]. Различия в расовом составе узбеков и таджиков «в основном сводятся к тому или иному соотношению монголоидных и европеоидных компонентов»[61], причем «...среди узбеков повсеместно отмечается значительная примесь монголоидных признаков, принесенных тюркскими и монгольскими племенами на территорию междуречья из северной степной полосы Средней Азии»[62].

На статуэтках нашей подгруппы прослеживаются первые элементы сложного процесса монголоизации местного брахикранного европеоидного расового типа Среднеазиатского Междуречья, что подтверждается также ископаемым материалом. В урочище Тупхона, в Гиссаре, М. М. Дьяконов обнаружил древнейшие скелеты уже сформировавшейся расы Среднеазиатского Междуречья. В. В. Гинзбург, обрабатывавший антропологический материал из урочища Тупхона, обнаружил три европеоидных черепа, на которых частично выражены монголоидные признаки, хронологически относящиеся к первым векам н. э. [63]

Л. В. Ошанин, любезно согласившийся ознакомиться с нашим материалом, при его непосредственном осмотре записал, что «выделяются головки (№ 18, 17, 63) узколицые, европеоидного типа и более широколицые (№ 51, 53, 4, 11, 12, 15, 49 и др.), возможно, с некоторой монголоидной примесью».

АТРИБУТЫ

В. В. Бартольд, ссылаясь на слова Онесикрита, приведенные у Страбона, писал, что «нравы бактрийцев и сог-

---

[58] А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1940, стр. 12.

[59] Л. В. Ошанин, указ. соч., стр. 34.

[60] А. Ю. Якубовский, Таджикская археологическая экспедиция, Введение, МИА, 15, 1950, стр. 7.

[61] Л. В. Ошанин, указ. соч., стр. 33.

[62] Там же, стр. 20.

[63] В. В. Гинзбург, Таджики предгорий, Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, вып. XII, стр. 248.

дийцев мало отличались от кочевников» [64], однако это едва ли верно. В китайских источниках подчеркивается, что «вообще почти во всех государствах западного края ведут оседлую жизнь, имеют города, землепашество, скотоводство и в обыкновениях не сходствуют ни с хуннами, ни с усуньцами»[65].

Чжан-Цянь, посетивший Среднюю Азию во второй половине II в. до н. э., сообщает, что юэ-чжи отказались от предложения китайского императора вести совместную войну с гуннами, потому что «устали воевать и желали бы отдохнуть в занятой ими **плодородной стране»** (подчеркнуто мной. — *Ф. З.*).

Согд славился как скотоводством, так и земледелием. В истории младшего дома Хань сообщается, что «отсюда выходят славные лошади, крупный и мелкий рогатый скот, виноград и разные плоды. Почва земли очень хорошая»[66]. Наглядным свидетельством успехов земледелия в Согде является как сам факт обнаружения здесь многочисленных изображений богини плодородия, так и состав атрибутов в руках у наших статуэток. Эти атрибуты состоят из цветов, плодов и злаков[67]. Изображения атрибутов стилизованы и не являются точными повторениями формы существовавших в Согде цветов или плодов, поэтому определение их может быть лишь предположительным.

Цветы, по-видимому, изображают водяную лилию или тюльпан, очень распространенные в изобразительном искусстве Востока. Они символизируют плодородие, живительную силу воды и связаны с культом воскресающей и умирающей природы[68], выраженным в Средней Азии образами Сияваша[69] и Анахиты.

«Изящные белые и красные лилии, разбросанные по темно-синему фону»[70], помещены на росписях скульптурного дворика Топрак-калы в Хорезме. Символом плодородия в Сред-

---

[64] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 6.

[65] Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 170, ср. примечание 3 к стр. 170.

[66] Там же, стр. 229.

[67] Злаковое растение изображено в руках только одного типа статуэток.

[68] Г. А. Пугаченкова, Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. II, Сталинабад, 1952, стр. 57.

[69] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 35.

[70] Там же, стр. 180, 185, рис. 52 (*а*, *б*).

ней Азии был и тюльпан. Очень интересное описание праздника тюльпана в сел. Исфара сделано Е. М. Пещеревой[71], отметившей его значение как праздника возрожденной природы, совпадающего «как по смыслу, так и по внешности обряда с западноевропейским праздником мая»[72]. На цветок тюльпана, фигурирующий в свадебном обряде, обратила внимание К. В. Тревер[73]. В руках жриц, изображенных на серебряных кувшинчиках среднеазиатской работы, также находятся цветы тюльпана[74]. Стилизованные изображения лилий или тюльпанов можно предположить и в орнаментальных мотивах штуковой декорации Варахши[75], которые В. А. Шишкин называет розетками-трилистниками, представляющими, возможно, своеобразную трактовку мотива лотоса[76]. В одном из орнаментов В. А. Шишкин узнает очень четко изображенный цветок тюльпана[77].

Изображение цветов — издавна укоренившаяся традиция восточного, в частности среднеазиатского искусства, на памятниках которого букеты и гирлянды представлены в самых живописных сочетаниях. Они, бесспорно, являются символами животворящих сил и помещены на культовой серебряной посуде[78], в штуковой декорации[79], фресковой живописи[80], на терракотах и т. д.

Обилие и разнообразие цветов, зачастую переданных очень реалистично, говорит о высоком развитии садоводства и цветоводства в Согде. Сюан-Цзан пишет, что цветы в Согде произрастают в изобилии[81].

В руках некоторых статуэток богини плодородия помещены, по-видимому, цветы и бутоны водяного цветка или тюльпана. Характерна трактовка их длинных гибких стеблей. Изучая оттиск из формы $С\frac{48}{181}$, мы отжали при помощи

---

[71] Е. М. Пещерева, Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда, Сборник в честь В. В. Бартольда, Ташкент, 1927.

[72] Там же, стр. 374.

[73] К. В. Тревер, Памятники..., стр. 72, табл. 17.

[74] Г. А. Пугаченкова, указ. соч., стр. 55—56.

[75] В. А. Шишкин, Архитектурная декорация дворца в Варахше, ТОВЭ, IV, Л., 1947, рис. 17, 18, 26, 29, 30, 42, 62 и др.

[76] Там же, стр. 241, примечание 1.

[77] Там же, стр. 242—243, рис. 42.

[78] И. А. Орбели и К. В. Тревер, указ. соч., табл. 16, 27, 28, 36—38, 48, 58 и др.

[79] В. А. Шишкин, указ. соч., рис. 14—16, 35, 44 и др.

[80] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, рис. 52 (*б*, *в*).

[81] Сюан-Цзан, Исследования о Западных странах, перевод с французского И. С. Лурье, стр. 8.

пластилина атрибуты, находящиеся в руках богини. Увеличенный снимок этого оттиска ясно показал хорошо отмоделированный гибкий стебель цветка и приподнятый кверху бутон[82].

Плоды в руках наших статуэток — также почти обязательный атрибут (III тип).

Очень часто этим атрибутом является виноградная кисть, моделированная мелкими кружками, представляющими ягоды. Изображение винограда, как и сцен, связанных с культом виноградной лозы, в среднеазиатском искусстве определяется высоким развитием здесь виноделия. Китайские источники сообщают о Согде, что «делаемое здесь виноградное вино в славе»[83]. В собрании Музея истории УзССР хранится прекрасно сделанная терракотовая головка Вакха из Афрасиаба, чело которого обрамляют сочные гроздья винограда. Многочисленны изображения изящно и реалистически исполненной виноградной лозы из штука, обнаруженные В. А. Шишкиным на Варахше[84], а на фресках Топрак-калы в Хорезме С. П. Толстов раскрыл «живописную композицию, выполненную в теплых багряно-красных тонах, — изображение женщины, собирающей в фартук виноград и персики. Над нею висящие кисти винограда и часть плетеной из прутьев садовой беседки»[85]. Подтверждением реальности этой колоритной картины могут служить находки косточек винограда в комнатах Топрак-калы[86].

Другой, часто повторяющийся атрибут — какой-то довольно крупный круглый предмет, который богиня обычно либо совмещает с кистью винограда, либо держит в правой руке, в то время как левая остается свободной. В этой связи интересно наблюдение Г. А. Пугаченковой над изображениями на согдийских кувшинах, где в сочетании даются тюльпан, гранат и яблоко. Круглый предмет в руках наших фигурок — либо яблоко, либо гранат, широко распространенный на Востоке символ, который часто придается изображениям богини плодородия[87].

---

[82] Изображения бутонов или почек нередки на произведениях восточной торевтики. Ср. О. Н. Бадер и А. П. Смирнов, Серебро закамское первых веков нашей эры, М., 1954, стр. 12, 19.

[83] Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 229; Ср. А. А. Семенов, Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии, Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928.

[84] В. А. Шишкин, указ. соч., стр. 251.

[85] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 178.

[86] Там же, стр. 176.

[87] К. В. Тревер, Памятники..., стр. 65 и др.

К. А. Иностранцев, описывая обряды Науруза, праздника нового года, связанного на Востоке с пробуждением сил природы после зимнего сна, замечает, что «особое значение имеет граната, которая даже возлагается на один из обрядовых хлебов при церемонии Дарун»[88].

Статуэтка № 39, относимая нами к VIII типу, держит в левой руке шаровидный плод с шишечкой сверху, помещенный на длинном гибком стебле. Возможно, что это коробочка мака, весьма распространенного в Средней Азии растения, дикорастущие цветки которого покрывают густым алым ковром склоны гор, крыши домов и ребра дувалов. Длинный стебель не разрешает считать его плодом граната, обычно посаженным на очень короткую ножку. В этой связи привлекает внимание каменный барельеф с изображением ассирийской богини плодородия[89], которая в правой руке держит какой-то предмет, напоминающий грубо исполненную виноградную гроздь. Из-за правого и левого плечей богини, по-видимому, в качестве атрибутов показано по три высоких гибких стебля, увенчанных шарами с лепестками. Аналогичные и еще более рельефно исполненные атрибуты изображены за плечами тщательно отделанной фигуры богини Иннины на скалах возле деревни Сарпул на Багдад-Хамаданской дороге[90]. Длинные стебли и очень типичные для мака коробочки заставляют предположить, что перед нами именно этот плод. Использование мака, славящегося своей удивительной плодовитостью и очень распространенного на Востоке, в качестве атрибута богини плодородия вполне допустимо.

Злаковые культуры. Колос пшеницы в левой руке встречается только на IV типе статуэток. По-видимому, пшеница была в Средней Азии одной из основных злаковых культур, о чем сообщают античные авторы. Местная пшеница была хороших сортов и «местами зерна ее достигали якобы величины косточки маслины» (Квинт Курций Руф, Феофраст).

Китайские авторы подтверждают эти сведения, замечая, что климат в Согде «теплый, способный для произрастания всякого хлеба»[91], что «почва тучна и плодородна и дает обильные урожаи»[92], что «земля (здесь) тучная, удобная

---

[88] К. А. Иностранцев, Сасанидский праздник весны, Сасанидские этюды, СПб., 1909, стр. 96.

[89] И. Л. Снегирев, Древний Восток, Л., 1937, табл. 171 (3).

[90] E. Herzfeld, Iran in the Ancient East, London—New York, 1941 p. 183, fig. 297.

[91] Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 272.

[92] Сюан-Цзан, указ. соч., стр. 8.

для хлебопашества»[93]. А. Ю. Якубовский, говоря о древнем населении Согда, восхищается земледельцами этой страны, создавшими «изумительную ирригационную систему»[94]. В комнатах Топрак-калы, в Хорезме, найдены семена пшеницы[95]. Стилизованными колосьями пшеницы, как мы думаем, можно считать некоторые орнаментальные мотивы на штуковой декорации Варахши, которые В. А. Шишкин называет:«...различной формы и различно сочетающиеся листочки, иногда со стилизованными плодами»[96]. Известны изображения колосьев и в афрасиабской коропластике.

Изучение состава атрибутов наших статуэток может подтвердить имеющиеся сведения о развитии сельского хозяйства в Согде кушанского времени.

Земледелие здесь издревле было возможно только на основе искусственного орошения. В. В. Бартольд в специальном исследовании по истории орошения в Туркестане замечает, что «в бассейне Зеравшана система распределения воды определилась еще в домусульманское время» и «все работы по орошению, производившиеся в мусульманское время, сводились к восстановлению, хотя часто под другими названиями, заброшенных каналов»[97]. Вопрос о развитии ирригации в Средней Азии привлекал внимание многих специалистов: географов, историков, археологов и практиков-гидрологов. Плодотворными оказались археологические исследования старой ирригационной сети Хорезма[98], Бухарского оазиса[99], Согда и Чача[100], Термеза[101].

Все исследователи подтверждают, что наибольшего своего развития в древности ирригационная система Средней Азии достигла в кушанское время. В этом заложено косвенное объяснение появления многочисленных терракотовых фигурок богини плодородия именно в кушанское время.

---

[93] Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 310.

[94] А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, стр. 4.

[95] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 176.

[96] В. А. Шишкин, указ. соч., стр. 251, рис. 50, 55, 57.

[97] В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 103.

[98] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 27—59 и др.; Я. Г. Гулямов, К возникновению орошения в Хорезме в свете данных археологии, Научная сессия АН УзССР, Ташкент, 1947.

[99] В. А. Шишкин, Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940.

[100] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 152 и др.

[101] М. Е. Массон, Термезская археологическая комплексная экспедиция, КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 113—116.

Костюмы. Не лишен интереса и анализ костюмов, изображенных на статуэтках богини плодородия (рис. 12).

Вопрос о костюме древнего населения Согда уже поднимался в литературе. Рассматривая статуэтки из ТБ-I (II—I вв. до н. э.), Г. В. Григорьев отмечает два стиля их

Рис. 12. Типы костюмов, атрибутов и украшений.

костюмов, дающих представление об одежде древнего Согда. «На одних статуэтках мы видим характерный «скифский костюм», на других — мантию с ложными рукавами, накинутую на плечи, которая так характерна для восточно-иранского мира и сохраняется до настоящего времени в Афганистане»[102]. Делая свои выводы, автор ссылается на работы К. В. Тревер о терракотах Афрасиаба и Дальтона об Аму-Дарьинском кладе.

Изучая костюм наших статуэток, мы в основном можем согласиться с классификацией Г. В. Григорьева, добавив

[102] Г. В. Григорьев, Поселения древнего Согда, стр. 28.

к этому только несколько моментов. Наряду с двумя типами, характерными для ТБ-I, в кушанское время появляется третий тип, как бы стоящий между этими двумя и представляющий синкретическое явление, возможно, знаменующее процесс оседания кочевников и переход их от кочевого земледелия к скотоводству.

Здесь нужно вспомнить свидетельство Геродота о том, что персы «саками» называют амиргийских скифов, многие из которых уже не были кочевниками, а обитали в богатых пшеницей местностях Средней Азии (Геродот, VII, 64). [103]

О. А. Сухарева, занимаясь исследованием самаркандского костюма, сделала интересное замечание о том, что он имеет общую основу и «сложился в результате взаимовлияния всех народностей и этнических групп, участвовавших в протекавших здесь этногенетических процессах»[104]. О.А. Сухарева считает, что в истории развития среднеазиатского костюма было три периода [105]. Древнейший костюм первого периода (относящийся также к изучаемому нами времени) сложился в своих основных формах очень давно, «отражая некоторые моменты доклассовой дифференциации общества и имея архаические примитивные формы»[106]. Существовал этот тип костюмов очень долго и носился «женщинами и мужчинами молодого возраста еще в третьей четверти XIX в.»[107]. Трудно согласиться с утверждением автора, что за весь этот длительный период среднеазиатский костюм сохранялся «неизменно или с изменениями, не имеющими принципиального характера»[108]. Изменения этнического, классового и социального характера и общественного положения женщины, бесспорно, должны были наложить и наложили свой отпечаток на ее костюм. По утверждению О. А. Сухаревой, первый период в истории среднеазиатского костюма характеризуется единым примитивным покроем, служившим основой для всех видов одежды. Это стало изменяться лишь ко времени возникновения капиталистических отношений в Средней Азии[109].

---

[103] Ср. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, вып. II, СПб., 1889, стр. 12.

[104] О. А. Сухарева, К истории костюма населения Самарканда, Бюллетень АН УзССР, 1945, № 11—12, стр. 38.

[105] Там же.

[106] Там же.

[107] Там же.

[108] Там же, стр. 39.

[109] Там же.

Наши статуэтки не создают впечатления однообразия даже в костюмах кушанского времени. Более ранние типы (I, II) костюмов женских статуэток схожи с мужскими. Это кафтаны с длинными рукавами и застежками посредине, штаны и мягкие сапоги с отвернутыми голенищами.

Обратимся для сравнения к костюмам мужских терракотовых статуэток этого времени, имеющихся в нашем распоряжении. По костюму эти статуэтки можно разделить на два типа.

I тип представлен мужской статуэткой № 166 $\left(\text{С}\,\frac{48}{152}\right)$, обнаруженной А. И. Тереножкиным на Афрасиабе в 1948 г.

Фигурка стоит во весь рост. Правая рука свободно опущена, а полусогнутая левая лежит на поясе. Носки сапог повернуты наружу. Одежда представляет длинный кафтан, моделированный прямыми линиями. Длинные рукава заканчиваются обшлагами. Пояс имеет вид толстого жгута. Узкие штаны заправлены в сапоги с отвернутыми голенищами.

Изготовлена из светло-серой в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта светло-коричневым ангобом. Обжиг хороший. Отбита голова и верхняя часть корпуса. Размеры: ш. 42 *мм*, в. 81 *мм*, т. 21 *мм*.

Жгутообразный пояс, по-видимому, был непременной деталью всякого мужского костюма. Для выяснения этого интересна мужская фигура кангюйского стиля из Хорезма[110].

Многочисленные изображения саков и представителей других скифских племен подтверждают это, ибо пояс — не украшение, он служит для подвешивания оружия, колчана, чаши для питья и т. д. На персидском цилиндре изображена битва персов с саками. Саки здесь представлены стилизованно, но они, как и наши фигурки, одеты в кафтаны с длинными рукавами, заканчивающимися обшлагами и застежками впереди. Кафтаны подпоясаны и на поясах висят колчаны[111]. В верхней части Бехистунской надписи изображен «Сакука-Сак», одетый в подпоясанный кафтан.

II тип представлен четырьмя фигурками музыкантов-лютнистов № 161, 162, 163 и 165, составляющими маленькую группу, не отмеченную в работе В. А. Мешкерис[112].

Мужская статуэтка № 161. Фигурка дана в фас. Кисть правой опущенной руки приподнята таким образом,

---

[110] С. П. Толстов, Древний Хорезм, табл. 72, № 2.
[111] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, указ. соч., стр. 13, рис. 9.
[112] В. А. Мешкерис, указ. соч.

что пальцы готовятся захватить гриф, а левая рука, также с приподнятой кистью, как бы перебирает струны.

Одежда состоит из длинной широкой рубахи, перетянутой жгутовидным поясом. На ногах широкие сборчатые штаны. Через правое плечо и под левую руку идет широкая перевязь, на которой висит какой-то предмет в виде полукруглой сумки, по-видимому футляр для лютни. На шее — круглая в сечении гривна.

Изготовлена из красной в изломе хорошо отмученной глины, в одностворчатой форме. Покрыта темно-красным ангобом. Обжиг хороший. Тыльная и боковые стороны заглажены ножом или щепкой. Отбита голова и нижняя часть фигурки (ноги). Размеры: ш. 42 *мм*, в. 69 *мм*, т. 25 *мм*.

Мужские статуэтки № 162 $\left(\text{С}\,\frac{48}{8}\right)$, 163, 165 сходны с предыдущей.

Статуэтки нашей группы по костюму и художественным особенностям аналогичны первому типу изображений музыкантов, отмеченных в работе В. А. Мешкерис, но отличаются положением инструментов и рук. Аналогии костюму статуэток этой группы мы находим в других памятниках материальной культуры.

Ф. Заррэ публикует терракоту сирийской работы, изображающую скифского стрелка-лучника. Он одет в очень свободную длинную подпоясанную рубаху и штаны, доходящие до щиколоток, из-под которых видна мягкая обувь, похожая на туфли[113]. Повторения этого типа мужского костюма на женских статуэтках мы не нашли.

Большинство женских статуэток, имеющихся в нашем распоряжении и известных нам по публикациям, изображены в длинных платьях, доходящих до щиколоток, и длинных наплечных халатах. Этот костюм резко отличается от мужского. Интересны некоторые сведения из китайских источников, подчеркивающие различия между мужским и женским костюмом в «Западном крае». Так, в Карашаре «мужчины носят тюркское одеяние (т. е. штаны и кафтан). Женщины одеваются в юбки и шугаи»[114]. Китайский император в 734 г. послал правителю Коканда «кафтан с поясом, латы, оружие, а княгине послано верхнее длинное одеяние»[115].

Наглядное сопоставление мужского и женского костюмов можно сделать по изображениям на серебряной чаше,

---

[113] Fr. Sarre, Die Kunst des alten Persien, Berlin, 1923, S. 54.
[114] Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 279.
[115] Там же, стр. 312.

опубликованной К. В. Тревер, где помещена, по мнению автора, сцена венчания царя[116].

Статуэтка шестого типа № 39, возможно, представляет переход от более раннего женского костюма, характерного для степняков и очень похожего на мужской, к более позднему, отличающемуся от него. Эти изменения в женском костюме, по-видимому, были связаны с дальнейшим развитием производства[117], когда в трудовых функциях мужчин и женщин наметились органические различия, приведшие к революции в семье [118] и выразившиеся впоследствии в упрочении патриархальных основ и в изменении общественного положения женщины[119]. Все это не могло не отразиться на внешних формах быта и, в частности, на костюме, но эти процессы развивались сравнительно медленно. Очевидно, костюм, изображенный на наших статуэтках, несколько отличается от платья рядовой жительницы Согда. Статуэтки богини наделялись более богатым костюмом, характерным для знати кушанского времени. Он был сделан из добротной шерстяной или шелковой ткани, а может быть даже из полотна. Китайские источники, описывая одежду кушанского правителя, сообщают, что она «была из шелка и полотна»[120]. Владетель Самарканда в VI—VII вв. также носил одежду из шитых шелковых тканей, камки и белого полотна[121]. Вероятно, одежда богатых людей украшалась вышивками. С. П. Толстов считает, что орнаменты одежд крупных статуй, найденных в Топрак-кале, изображают многоцветные вышивки[122].

Орнаменты. Одежды на статуэтках богини плодородия почти всегда украшены орнаментом геометрического характера (рис. 13). Мы проследили девять орнаментов, которые можно было бы разбить на три группы: 1) орнаменты, составленные из кружков; 2) елочкообразные орнаменты и их варианты; 3) орнаменты из зигзагообразных линий и их варианты. Типы этих орнаментов встречаются

---

[116] К. В. Тревер, Памятники..., стр. 81—87, табл. 18—21. Между прочим, на принципиальные различия мужского и женского костюмов обращает внимание уже Б. Н. Кастальский (См. Б. Н. Кастальский, указ. соч., стр. 30).

[117] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1952, стр. 164—165.

[118] Там же, стр. 167.

[119] Там же, стр. 167—168.

[120] К. А. Иностранцев, О домусульманской культуре Хивинского оазиса, ЖМНП, февраль, 1911, стр. 289.

[121] Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 271; ср. там же, стр. 281.

[122] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 183.

не только на наших статуэтках, но имеют более широкое распространение. Г. А. Пугаченкова, изучая варианты оформления «входа» на самаркандских оссуариях [123] и типы колонн, изображенных на оссуариях IV—VIII вв.[124], отмечает орнаментацию архитектурных деталей кружками. Зигзагообразный орнамент в его вариантах и орнамент из кружков

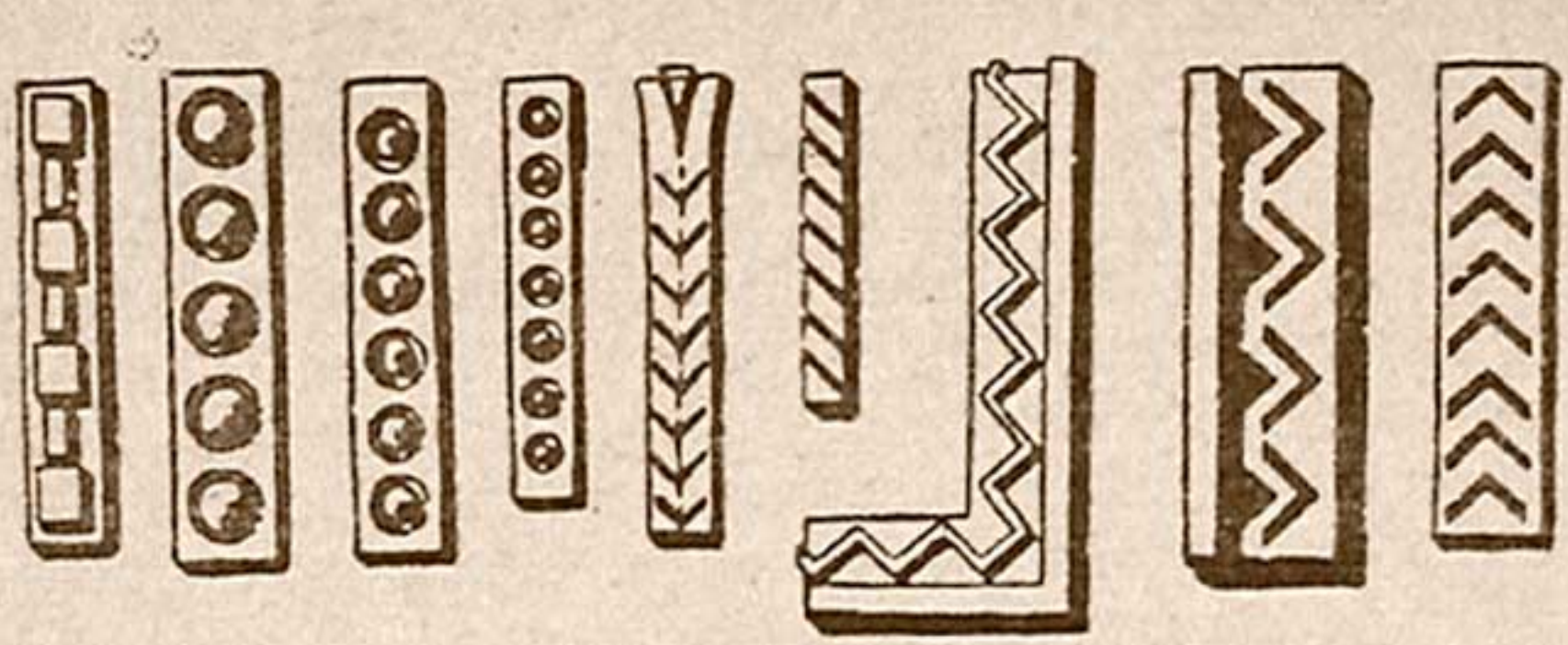


Рис. 13. Типы орнаментов.

на архитектурных деталях приводит В. Л. Воронина[125]. Сочетание зигзагообразного орнамента с кружками можно проследить и в украшениях терракотовых очажков [126]. Однако ошибочно было бы считать, что эти орнаменты характерны только для изделий из терракоты. Кружки являются излюбленным мотивом в сложных и изящных орнаментах штуковой декорации Варахши[127], в орнаментах варахшских росписей[128] и в настенных росписях Пянджикента[129]. Есть основание думать, что эта орнаментация легла в основу узорного ткачества Средней Азии и применялась в Китае

---

[123] Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, рис. 9.

[124] Там же, рис. 11.

[125] В. Л. Воронина, К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии, Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. VIII, М., 1947, стр. 35—46.

[126] Г. А. Пугаченкова, указ. соч., рис. 6.

[127] В. А. Шишкин, Архитектурная декорация дворца в Варахше, рис. 9, 13, 39 и др.

[128] В. А. Шишкин, Археологические работы 1947 г. на городище Варахша, Известия АН УзССР, 1948, № 5, рис. 1 и 2. В. А. Шишкин считает, что фрески с изображением птички и грифона орнаментированы перлами.

[129] Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, табл. VII—XI, XXIV—XXIX, XXXI, XXXII. Часто на фресках Пянджикента мелкими кружками изображаются украшения из драгоценностей и перлов (см. табл. XVI, XXXIII, XXXIV, XXXVII и др.), а также на тканях (см. табл. XXVII, XXVIII, XXXVII, XXXVIII и др.).

при изготовлении драгоценных шелковых тканей. Орнаменты из круглых бус и медальонов, составленных из кружков, характерны и для Хотана, в искусстве которого чувствуется влияние Согда. С. Ф. Ольденбург отмечает «простое обрамление из бус и медальонов»[130], характерное для ниш вэйского времени (220—907 гг.). Ювелирные изделия из Пянджикента часто окружены ободками из мелких (зернь) или крупных перлов[131]. Вероятно, найденные в Пянджикенте крупные бусины из агата, халцедона, горного хрусталя, сердолика, стекла, лазурита, янтаря, стеклянной пасты, розового коралла и раковин[132] имеют прямое отношение к подобной орнаментации. Статуя Анахиты из Топрак-калы изображена в платье, орнаментированном кружками, елочками и зигзагами[133]. Таким образом, мы приходим к выводу, что типы орнаментов, которыми украшены одежды терракотовых статуэток, не являются стилистической особенностью коропластики или случайной фантазией художника, а повторяют излюбленные мотивы своего времени, используемые также для вышивок и украшений тканей.

Головные уборы (рис. 14) наших статуэток представлены тремя типами.

I тип — диадема, украшенная кружками. По-видимому, это фантастический головной убор, связанный с легендой об Анахите, носившей венец из тысячи звезд.

II тип — головная повязка, которая то имеет вид двухлепесткового, трехлепесткового или крупного, без точно определенной формы, пышного банта, то представляет сложнейшее переплетение свернутого в жгут тонкого шарфа. В одном случае эта повязка по своей форме напоминает ленту, сложно переплетающую косы. Понять этот головной убор как своеобразную чалму помогает статья О. А. Сухаревой о древних чертах в формах головных уборов народов Средней Азии[134]. О. А. Сухарева считает, что старинный

---

[130] Рукопись С. Ф. Ольденбурга, цит. по статье Н. В. Дьяконовой «Буддийские памятники Дунь-Хуана», ТОВЭ, IV, 1947, стр. 463, примечание 1.

[131] А. М. Беленицкий, Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг., МИА, 37, 1953, ТАЭ, стр. 29—31.

[132] Там же.

[133] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 61.

[134] О. А. Сухарева, Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954, стр. 299—354.

женский головной убор в своем полном виде состоял из трех частей: шапочки с накосником, прямоугольного куска ткани, прикрывающего шею, и чалмы[135]. На терракотовых статуэтках Афрасиаба и в памятниках искусства Пянджикента и Варахши этого сложного головного убора не было, но встречался кусок ткани, используемый для головной повязки,

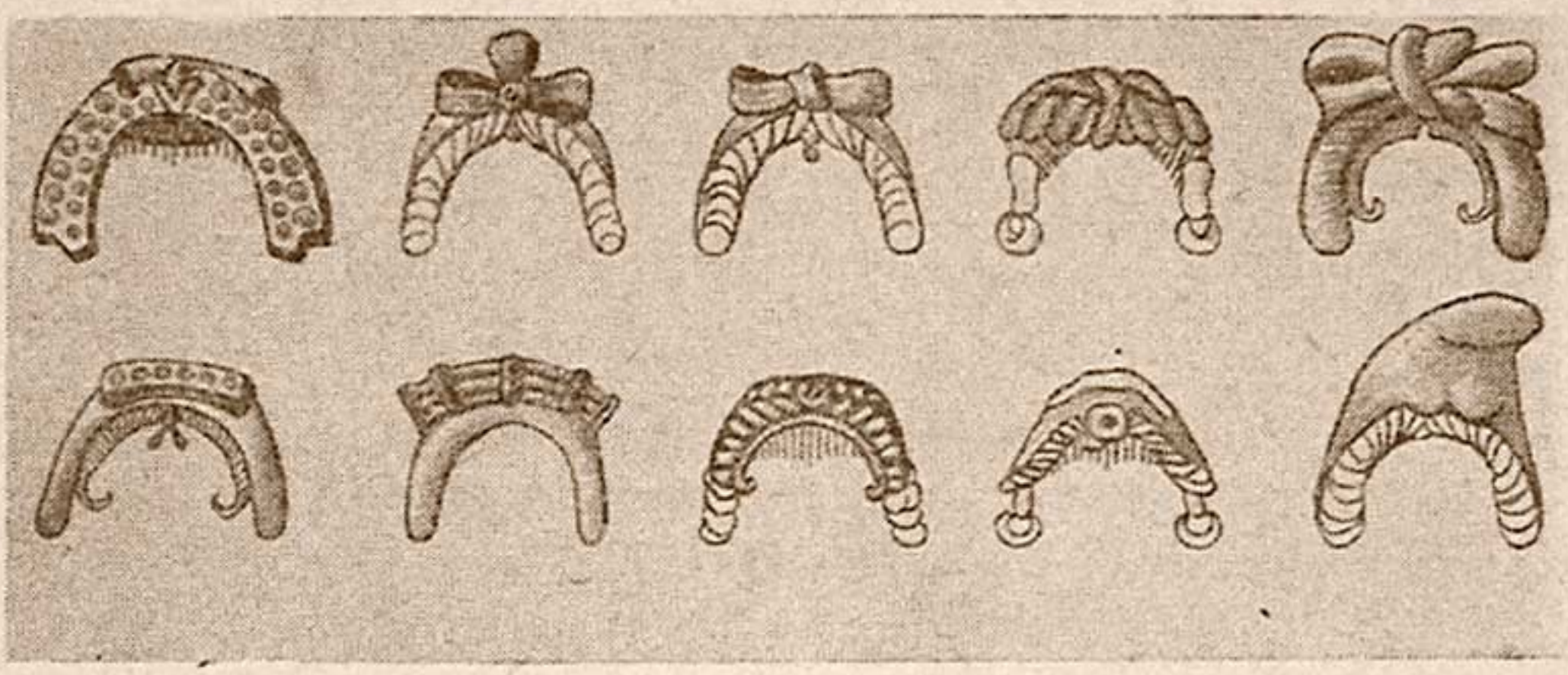


Рис. 14. Типы головных уборов.

имевшей, по-видимому, форму длинного шарфа. Интересно отметить, что «ношение чалмы из длинного куска ткани было распространено более всего... во многих городах Узбекистана (Ташкент, Самарканд, Бухара)»[136].

Разнообразие форм женской чалмы, отмечаемое этнографами, «от сходных с обычной мужской чалмой до затейливых сооружений в виде «бараньих рогов»... и высоких, цилиндрической формы, украшенных всевозможными петлями чалм, которые носили молодые женщины Бухары в начале XX в.»[137], вероятно, имеет очень глубокие исторические корни.

III тип — варианты мягкого войлочного колпака. В нескольких случаях на лоб спускаются нити-стленгиды.

Прически различаются двух типов.

I тип — лицо обрамлено густыми спиралевидными локонами волос, которые разделены посредине пробором, расходятся в противоположные стороны и спускаются на шею. Прическа этого типа часто повторяется в памятниках торевтики[138] и на терракотах[139].

---

[135] О. А. Сухарева, указ. соч., стр. 304.
[136] Там же.
[137] Там же.
[138] К. В. Тревер, Памятники..., табл. 12, 13, 15, 27; Г. А. Пугаченкова, Некоторые изобразительные сюжеты..., стр. 56.
[139] Б. Н. Каст альский, указ. соч..

II тип — часть волос обрамляет лицо и образует своеобразные завитки-жгутики вокруг ушей, а остальные волосы, по-видимому, подобраны под повязку. В связи с этим можно вспомнить свидетельства китайских авторов о том, что в VI—VII вв. «супруга (канского правителя) складывает волосы на голове и накрывает черным покрывалом»[140]. Может быть, на статуэтках кушанского времени мы видим прототип этой прически.

Украшения статуэток представлены тяжелыми серьгами в виде полумесяца, предельно утолщенными в нижней части. Очевидно, именно эту форму описывал М. Е. Массон при изучении украшений «безымянного царя»: «крупная кольцеобразная, как будто утончающаяся к уху, а может быть, и сходящаяся здесь изогнутыми остриями серьга»[141].

Головные повязки некоторых статуэток скреплены или украшены круглыми брошами с каменьями посредине. Иногда посреди лба статуэтки видно начальное украшение, имеющее вид небольших круглых или каплевидных подвесов, держащихся на искусно вплетенных в локоны лентах и, по-видимому, сделанных из жемчужин или драгоценных камней.

На шее у большинства типов наших изображений надеты круглые в сечении простые гривны с замками впереди, а иногда широкое ожерелье, украшенное орнаментом, аналогичным орнаменту на кайме костюма.

* * *

В кушанское время Согд переживал значительный подъем экономики, главным образом сельского хозяйства, которое было ведущей отраслью производства. Исследование показывает, что терракоты Афрасиаба кушанского времени служат оригинальным и интересным источником для понимания создавшей их эпохи. Этот источник не может, конечно, претендовать на исчерпывающую полноту. Однако он подтверждает и конкретизирует те скудные сведения об экономике, этногенезе, культурных влияниях и связях, идеологии населения, которые встречаются в письменных источниках, а также дает ценный материал к истории костюма, головного убора, украшений и т. д.

---

[140] Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 271, 281, 310; Ср. К. А. Иностранцев, О домусульманской культуре Хивинского оазиса, стр. 289.

[141] М. Е. Массон, Происхождение безымянного «царя царей, великого спасителя», Труды САГУ, вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 19.

В. А. НИЛЬСЕН

КЫЗЫЛ-КЫР

(Результаты раскопок 1955 г.)

Кызыл-Кыр — небольшой покатый бугор округлой формы, со средним диаметром около 80 *м*. Он расположен за северо-западной границей Бухарского оазиса, в Рометанском районе, в 4 *км* к западу от колодца и мазара Ходжа-Зафарон.

Вдали от проезжих дорог, окруженный труднопроходимыми песками, он долго оставался незаметным для исследователей, работавших в западной части Бухарского оазиса.

Поверхность городища покрыта песком с мелкой галькой и осколками керамической посуды весьма архаического вида. Здесь встречаются осколки толстостенных крупных хумов, большей частью вылепленных без помощи гончарного круга и покрытых снаружи натеками красной и черной краски. В большом количестве разбросаны фрагменты круглых, шарообразных горшков с широким и узким горлышком и отогнутым наружу остроугольным венчиком. Черепок этих сосудов красный, как на поверхности, так и в изломе. Осколков средневековой посуды или характерной для V—VII вв. на поверхности тепе нет. Отсутствует также керамика, типичная для первых веков н. э., так называемая кушанская: тонкостенная посуда с красным ангобом или лощеная, типичные кушанские кубки на небольшой неустойчивой ножке и т. п.

Все это заставляло предполагать, что тепе представляет собой остатки весьма древнего сооружения, раскопки которого смогут дать новый большой материал по истории этого района.

Впервые на Кызыл-Кыр обратил внимание проф. Я. Г. Гулямов, которым в 1953 г. были произведены небольшие раскопки в центре городища. В южной части раскопа исследователи вскрыли узкую комнату шириной в 3 *м* и длиной в 6 *м*. Вдоль северной стены комнаты расположено узкое,

шириной в 85 см пахсовое сооружение, очень похожее на кормушку для лошадей или коров, почему это помещение и было названо исследователями «конюшней». Эта «конюшня» была частью длинного (13,7 *м*) помещения, вытянутого с востока на запад, где она занимала его восточный конец. Западная часть этого большого помещения отграничена от восточной стенкой шириной 0,7 *м* и длиной 2,05 *м* и впоследствии была заложена крупным квадратным сырцовым кирпичом на глиняном растворе. Стены помещения — пахсовые, причем каждый слой пахсы высотой в 50—55 *см* отграничен от другого прослойкой из сырцового кирпича размером 44×44×10—12 *см*. Заложенный исследователями шурф в восточной стороне «конюшни» прорезал половые выстилки, состоящие из трех рядов сырцового кирпича размером 42×42×10 *см*, связанных толстыми слоями глины с мелкой галькой. Ниже этого очень толстого и очень плотного пола идет слой песка с мелкой галькой. На самом низу шурфа, перекрывая такой же слой мелкой гальки и песка, лежит выстилка из очень крупного сырцового кирпича размером 55×45×10—12 *см*.

Западная часть большого помещения, в середине частично, а в конце полностью, была заложена сырцовым кирпичом размером 42×42×10 *см*, большей частью битым, так что закладка закрыла и проходы, ведущие на юг и на север от вскрытого помещения.

Кроме того, прокапывая узкие неглубокие траншеи вдоль стен, исследователи определили план помещения, которое начиналось от западного угла, ранее вскрытого, и под прямым углом направлялось от него на север. По своим размерам оно было такое же, как и предыдущее, т. е. 2,75×13,70 *м*.

Прослеженные тем же методом стены, замыкающие пространство в углу между выявленными помещениями, образовывали, по мнению исследователей, квадратный двор, размеры которого равны длине помещений (13,7 *м*). Заложенный в середине этой площадки шурф вскрыл перегнившие остатки дерева, камыша и земли. Это лишний раз укрепило исследователей в мысли, что здесь располагался двор, куда сваливался всякий мусор.

Результаты раскопок Кызыл-Кыра Я. Г. Гулямовым опубликованы не были. Однако предварительная датировка обнаруженной постройки (VIII—VII вв. до н. э.) была указана в трудах, посвященных исследованиям Варахши и обоб-

щающих результаты работ узбекистанских археологов за последние годы[1].

В 1955 г. было намечено продолжить раскопки на Кызыл-Кыре. Этой работой занялась часть Махан-Дарьинского археологического отряда в составе старшего научного сотрудника В. А. Нильсена, лаборанта Т. Агзамходжаева и археолога Бухарского музея Хуана Дуке под общим научным руководством Я. Г. Гулямова.

Раскопки Кызыл-Кыра в 1955 г. проводились в течение всего октября. Однако несмотря на то, что работы велись весьма активно и в них иногда принимало участие до 26 рабочих, кратковременность раскопок не позволила в этом году полностью закончить исследование Кызыл-Кыра. Много еще осталось неясного и требует дальнейших уточнений и раскопок. Но и то, что сделано, дает новый материал по архитектуре и некоторым другим отраслям материальной культуры древности.

Вся площадь холма была разбита на квадраты 2×2 *м*, занивелирована, после чего и начались раскопки, сопровождаемые постоянными инструментальными замерами. Ввиду того, что здесь какая-то часть холма уже была исследована раньше, было решено вскрыть заново закопанное помещение «конюшни» и развивать раскопки, привязываясь к вскрытым частям древнего сооружения.

Предполагая, что основные части сооружения расположены южнее этого помещения, Я. Г. Гулямов предложил направить раскопки в эту сторону. Однако раскопки вскоре выявили, что южнее ранее вскрытой «конюшни» лежит только одно большое помещение, конструкция толстых и массивных стен которого явно указывает на принадлежность его к основному сооружению. На остальной территории южной половины холма были обнаружены постройки, по конструктивным и стратиграфическим данным относящиеся, безусловно, к более позднему времени, чем основное здание.

Эти постройки были вскрыты, определена их планировка и конструкция стен и их оснований.

Кроме того, были начаты капитальные раскопки в центральной части холма, на территории разведочных работ 1953 г., и, несмотря на то, что в этом месте работы не закончились, они все же позволили уточнить план основного сооружения, а также с помощью стратиграфической тран-

---

[1] В. А. Шишкин, Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.), СА, XXIII, 1955, стр. 102; он же, Некоторые итоги работ Узбекистанской археологической экспедиции, Известия АН УзССР, 1955, № 3, стр. 88.

шей, примыкающей к западной наружной стене здания, выяснить его структуру. В настоящее время на основании результатов работ 1953 и 1955 гг. характер сооружений, лежащих под слоями Кызыл-Кыра, и основные этапы жизни этого поселения определяются более отчетливо.

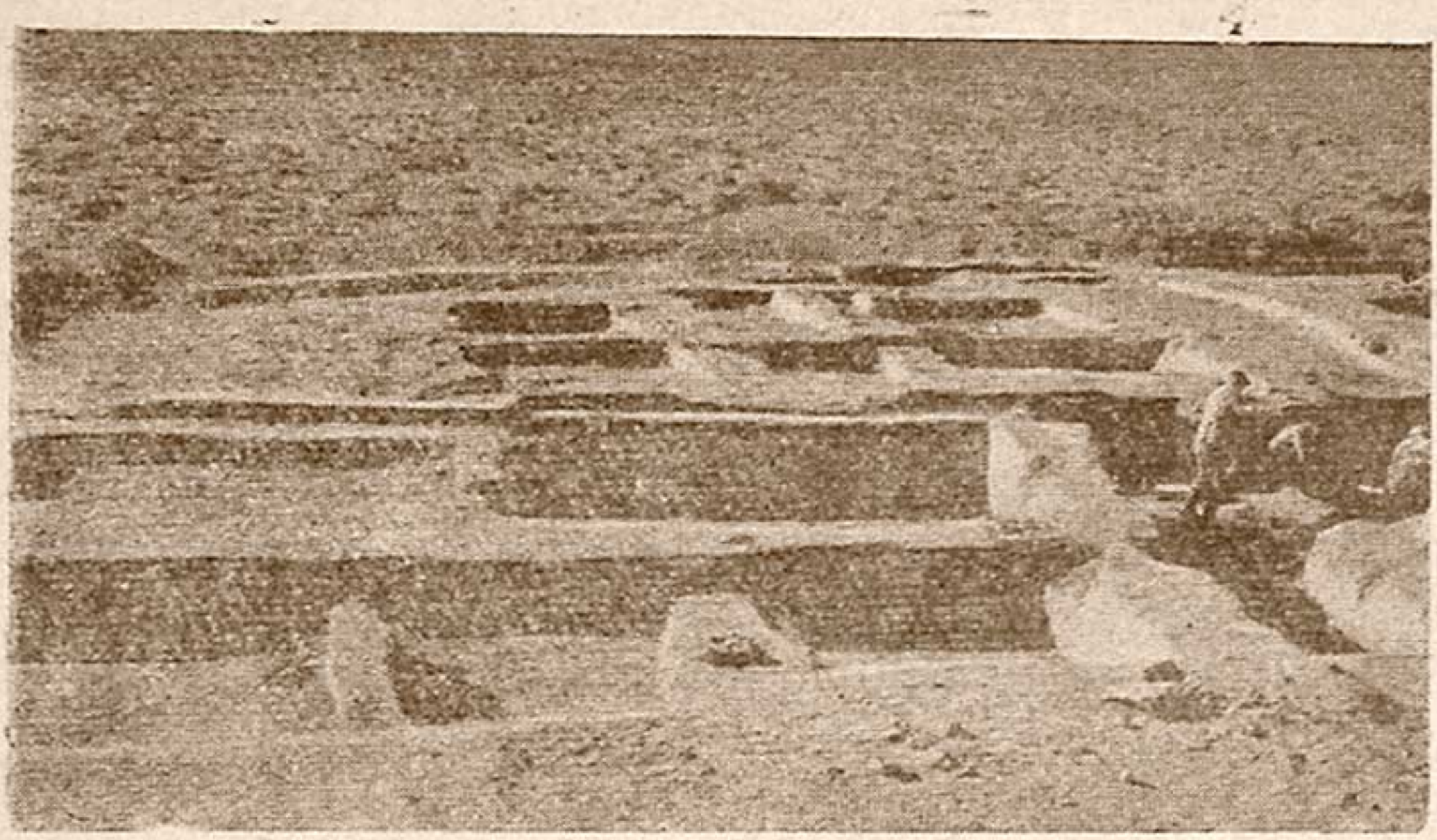
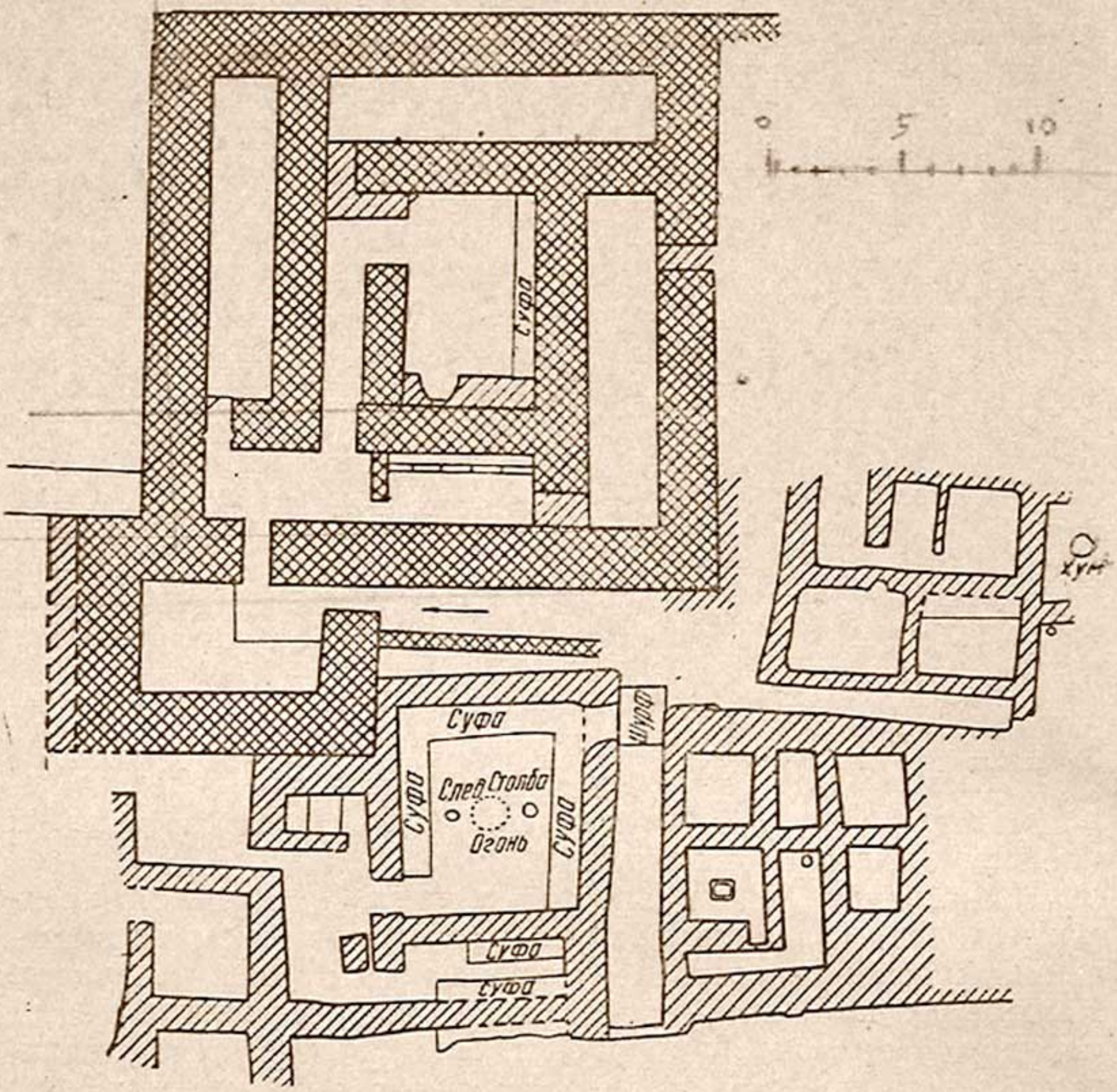


Рис. 1. Вид раскопок в 1955 г.

В Кызыл-Кыре в основном намечается два больших периода застройки. К первому периоду относятся остатки большого массивного здания.

План здания очень простой и четкий. Основной квадратный объем здания состоит из четырех больших помещений, расположенных по сторонам центральной части. Каждое из помещений представляет собой узкий длинный коридор размером, примерно, 2,75×13,7 *м*. Весьма характерно положение этих коридоров: они как бы следуют друг за другом — торец каждого последующего помещения примыкает к краю внутренней продольной стороны предыдущего, так что получается замкнутая цепочка. Квадратное центральное ядро разделено на две части различной ширины, соединяющиеся между собой на севере широким проемом. Вдоль южной стороны большого помещения выстроена дополнительная стена с округлой нишей, и к этой стене примыкает узкая суфа-лежанка, вытянутая на всю длину помещения. Эта приставная стенка и суфа, очевидно, позднего происхождения и являются следствием одной из перестроек здания во время его долговременного существования. К на-

ружной южной стене здания примкнуло еще одно входное помещение размером 7,50×4,55 *м*. Само здание первоначально было расположено на небольшом пологом возвышении, возможно, искусственного происхождения[2]. К зданию


Суфа
Суфа
Суфа

же коридоры, находящиеся на западной и восточной сторонах здания, а через среднюю дверь. по узкому проходу, можно было пройти в центральное помещение и в большой коридор, лежащий в северной части здания.

Кроме главного входа, был еще один вход на восточной стороне, но он, видимо, имел второстепенное значение[3].

Как уже указывалось выше, стены этого здания очень толстые, причем особенно толстыми оказались внешние стены (2,4 *м*). Внутренние стены несколько тоньше (2,2 *м*). Выложены они пахсовой кладкой из очень плотной глины, имеющей зеленовато-ржавый цвет, что указывает на ее болотное происхождение. Слои пахсы из этой глины после высыхания образовывали очень крепкую массу, совершенно лишенную типичных для пахсы трещин. Каждый слой пахсы толщиной от 50 до 55 *см* отграничен один от другого одним рядом кладки из кирпича размером 44×44×10 *см*, что, видимо, служило дополнительным средством, предохраняющим стены здания от возможности появления в пахсе сквозных трещин на всю высоту стен, как это часто бывает в современных сельских пахсовых заборах-дувалах.

В настояще время стены сохранились на высоту до 3 *м*. Однако при такой большой высоте нет никаких следов конструкций перекрытий. Отсутствуют также следы перемычек над дверными проемами, и двери представляют собой узкие и расширяющиеся кверху щели, высота которых ныне соответствует высоте стен, т. е. до 3 *м*. Такой вид дверных проемов указывает, что у них, очевидно, вообще не было специальных перемычек, и они имели общее перекрытие, которое могло быть только плоским, балочным, с толстой земляной кровлей по камышовому настилу, наподобие современных плоских земляных покрытий в сельских местностях Узбекистана. Наличие балочного глино-камышового перекрытия подтверждается также находками в обгорелых завалах внутри помещений кусков обожженной глины со следами камыша.

Конструкция пандуса аналогична стенам: он, как и стены, состоит из пахсовых слоев толщиной 50—55 *см*, разделенных одним рядом кирпича размером 44×44×10 *см*, но здесь ряды пахсы и кирпича уложены наклонно, соответственно уклону пандуса.

Ко второму периоду жизни поселения относятся помещения, вскрытые нами южнее и юго-западнее основного мас-

---

[3] Наружная сторона здания на севере исследована только частично и в месте входа археологическим раскопкам не подвергалась.

сивного здания. Эти помещения сохранились на очень небольшую высоту, но даже на основании сохранившихся частей можно судить о том, что по своим плановым и конструктивным особенностям они резко отличались от вышеописанных.

Помещения, вскрытые в южной части холма, объединены в три отдельные группы, выполнявшие, очевидно, различные функции. Западная группа помещений, примкнувшая непосредственно к пандусу и входной комнате большего здания, сохранилась несколько лучше других, и здесь высота стен внутри помещений иногда достигает 80 *см.*

Главным помещением в этой группе является большая комната несколько неправильной прямоугольной формы со средними размерами 8,6×7,4 *м.* Вдоль западной, северной и восточной стен помещения расположены широкие и высокие суфы-лежанки, гладко оштукатуренные глиной (см. рис. 2).

На земляном полу, в центре помещения, имеются следы большого огня. Здесь, видимо, в течение долгого времени разводился костер. В середине помещения, на полу, видны также следы от двух деревянных стоек, поддерживавших в свое время, вероятно, деревянное балочное перекрытие.

Вход в помещение расположен в юго-западном углу, причем щековые плоскости дверного проема обложены двумя рядами кирпича (по вертикали) на ребро так, что между кирпичами оставалась широкая щель, где в глиняной обмазке сохранились следы деревянной дверной коробки.

Большие размеры этого помещения относительно всех других помещений этого комплекса, наличие капитальных суф и полное отсутствие хозяйственной керамики указывают на его общественно-культовое назначение. Вполне возможно, что перед нами остатки храмового сооружения, связанного с культом огня, где, по словам Бируни при описании зороастрийских храмов Согда[4], происходили также общественные собрания и трапезы. Как неоднократно уже упоминалось в литературе, пережитком этих древних «домов огня» являются современные «алоу-хона» горных таджиков.

Необходимо отметить, что типическая планировка зороастрийских храмов (например, Шапура в Иране или Джамбас-кала в Хорезме) требует наличия глухого коридора, обходящего святилища, что необходимо для предотвращения

---

[4] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 98; А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов), Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 56—57.

проникновения в него прямого солнечного света. Подобного коридора в нашем памятнике нет, но описанное выше помещение, которое мы предположительно отождествляем со святилищем «дома огня», окружено со всех сторон различными помещениями, что давало возможность соблюдения одного из основных условий для сооружений подобного рода, т. е. преграждение доступа солнечных лучей внутрь основного помещения.

В то же время надо учесть окраинность расположения нашего поселения и его небольшие размеры, где нормы планировки классических зороастрийских храмов могли и не соблюдаться.

В это большое помещение проходили с западной стороны поселения через две комнаты, первая из которых — квадратной формы (4,55×4,6 *м*) — примыкает к внешней стене входного помещения древнего здания. Из второй комнаты, через среднюю дверь, можно попасть в предполагаемое святилище, а через дверь в юго-восточном углу — в узкую продолговатую комнату с двумя низкими суфами, лежащими вдоль продольных стен. Из той же комнаты, через дверь в северо-восточном углу, можно пройти в очень узкую маленькую тесную комнату, где пол приподнят по отношению к другим помещениям на 40 *см*. В середине этой комнатки, на всю ее ширину, имеется квадратное, очень аккуратное углубление.

Кроме того, в этом массиве есть одна комната в юго-западном углу и следы еще двух комнат в южной части, но размеры их установить невозможно, так как здесь слой уже выклинивался на склоне холма.

Стены и суфы помещений этой группы, как и других, относящихся к этому слою, выложены из сырцового кирпича размером 42×42×10 *см*, целого и битого. Толщина стен небольшая, до 1 *м*, что вместе с конфигурацией помещений (см. план) указывает на применение здесь только плоских балочных перекрытий.

Следующая группа помещений, расположенная в юго-восточном углу холма, отграничена от предыдущей длинным узким коридором. В этой группе сохранилось шесть небольших, разных по своим размерам комнат и один узкий коридорчик, связывающий две из них.

В центре самой большой из них расположено небольшое глиняное прямоугольное возвышение с округлыми углами, окруженное наверху невысоким бортиком. Толстый слой золы и рыхлой обгорелой земли, покрывавший сверху возвышение, внешняя поверхность которого также обожжена, указывает, что это приспособление специально служило для

разведения здесь огня. На очаге были найдены глиняные подставки для котла, на которых вылеплены головы баранов, что указывает на тотемический, культовый характер этих предметов.

В северо-восточном углу соседнего помещения врыт до уровня пола большой хум, внутри которого обнаружено большое количество различной битой керамической посуды.

Третья группа помещений лежит к северу от предыдущей и отделена от нее также узким длинным коридором. В этой группе вскрыта ее южная часть, где сохранились остатки пяти комнат. В восточной части сохранились следы еще двух комнат, где находились два крупных хума, один из которых врыт, а другой стоял на полу.

Малые размеры помещений и характер археологических находок указывали, что в отличие от юго-западной группы сни были жилыми.

Археологического материала в этом слое было очень много, и находился он в основном на полу помещений и во врытых хумах, что исключает возможность перемешивания материала из различных слоев и дает надежные данные для датировки, а также характеристики деятельности людей, живших в этом поселении.

Крупные каменные зернотерки, многочисленные пряслица и различного вида керамическая посуда указывают на земледелие как основной вид занятия населения. Керамическая посуда, большей частью битая, представлена упомянутыми крупными хумами, кувшинами, корчагами, чашками и др.

Хумы довольно грубо вылеплены от руки, причем все они имели выпуклое днище и невыявленное широкое горло, где венчик, совпадая с горловиной, служил как бы продолжением стенок и был только подчеркнут плоским вылепленным от руки валиком. Куски подобных хумов нами часто встречались в нижних слоях стратиграфического раскопа на Варахше, в раскопках на Талли-гуза. Своей формой и красноватой фактурой они весьма схожи и с так называемыми «парфянскими хумами», найденными при раскопках в Южной Туркмении, и довольно точно датируемыми нумизматическим материалом[5].

Эти хумы, а также многие другие виды посуды, часто по наружной поверхности были покрыты потеками черной или коричневой краски, причем надо отметить, что подобный прием декора был здесь довольно широко распространен,

---

[5] В. М. Массон, Хумы Нисы (о некоторых формах неполивной керамики), Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 416—419.

особенно на крупных сосудах. По технике изготовления керамическая посуда весьма разнообразна, и тщательно выделанные на гончарном круге изделия, покрытые красным или белым ангобом, встречаются одновременно с очень грубыми, вылепленными от руки предметами, лишенными какого-либо декора.

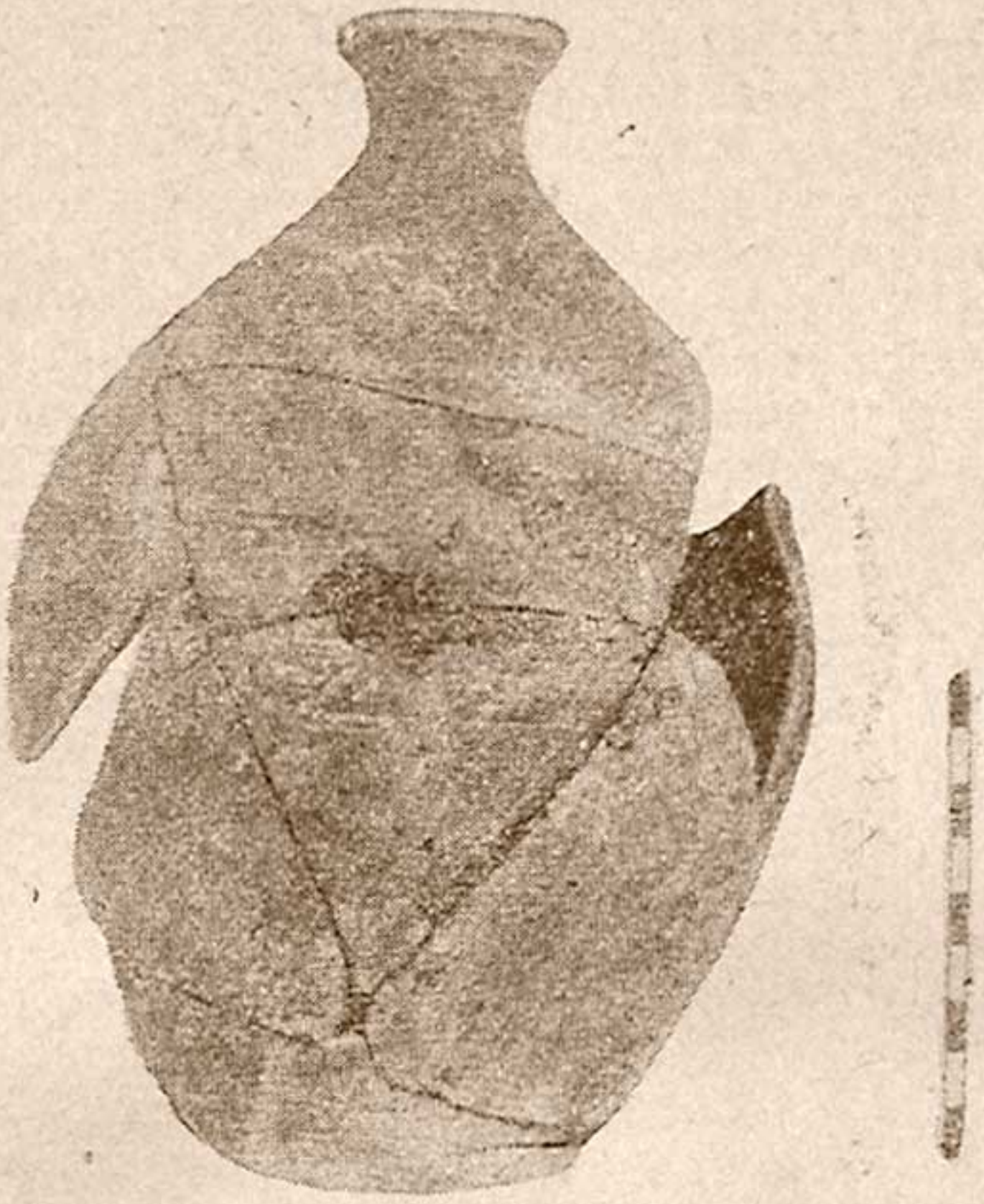


Рис. 3. Сосуд, покрытый красным ангобом.

Из отдельных находок, представляющих определенный интерес и характеризующих культуру этого слоя, можно указать на следующие:

1. Профилированный венчик крупной чаши, вылепленной на гончарном круге. Под венчиком — следы сколотого сливного носика. Внутри чаша покрыта густым коричневым, а снаружи — красным ангобом.

2. Два кувшина, один из которых — высокий и стройный, с округлым туловом и оттянутым вверх горлышком — покрыт снаружи потеками черной краски. Другой кувшин — разбитый, с толстыми стенками, без ручек; широкое туловище кувшина плавно переходит в высокое горлышко с расширяющимся наружным краем. Снаружи этот кувшин покрыт крас-

ным ангобом, на нем видны следы частичного плохого лощения.

3. Несколько фрагментов с венчиками от больших и малых вьючных фляг с плоским боком, так называемых «муста-хара». Венчики лепились на гончарном круге и налеплялись на фляги, которые делались вручную.

4. Чашка конической формы со слегка выпуклыми стенками, внешний диаметр (поверху) — 14,5 *см*, высота — 8 *см*; поддон прямой, срезанный. Как внутри, так и снаружи чашка была небрежно покрыта красным ангобом, который от времени во многих местах облез и разложился.

5. Три горшочка различной формы и техники изготовления. Один — вылеплен на круге, из тонкой глины, туловище его округлое, с боков он имеет ручки, венчик не сохранился. Другой горшок, широкий и плоский, вылепливался от руки, причем выпуклое днище и стенки горшка лепились отдельно и потом были соединены довольно небрежно. Черепок его рыхлый, глиняная масса плохо промешана.

Рис. 4. Миниатюрный кувшинчик.

Третий горшочек выполнен в той же технике, что и предыдущий, но отличается от него по форме. Стенки его, окружающие плоское и широкое дно, постепенно суживаются кверху, а венчик отогнут почти вертикально.

6. Два небольших сосудика, один из которых, высотой в 8 *см*, имеет несколько приплюснутое туловище с вытянутым кверху горлышком и налепной сливной носик, а другой — миниатюрный кувшинчик, сохранивший ручку и прямое непрофилированное горлышко, — вылеплен от руки и снаружи покрыт черной краской.

7. Круглые чашевидные светильники на грубых толстых ножках. Подобные светильники обычно выделывались вручную и форма их мятая, довольно грубая. Черепок толстый, рыхлый, с большим количеством дресвы.

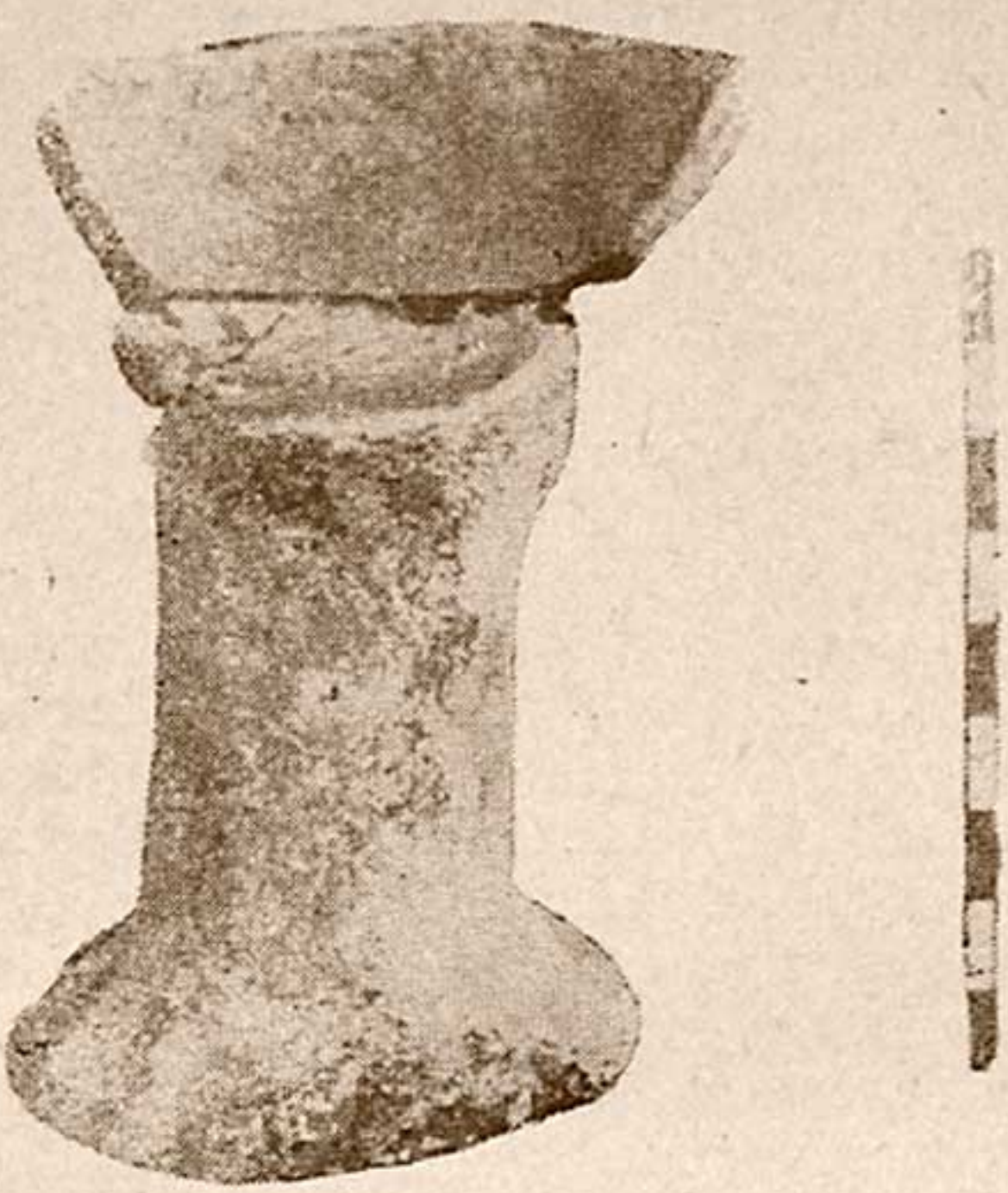


Рис. 5. Светильник.

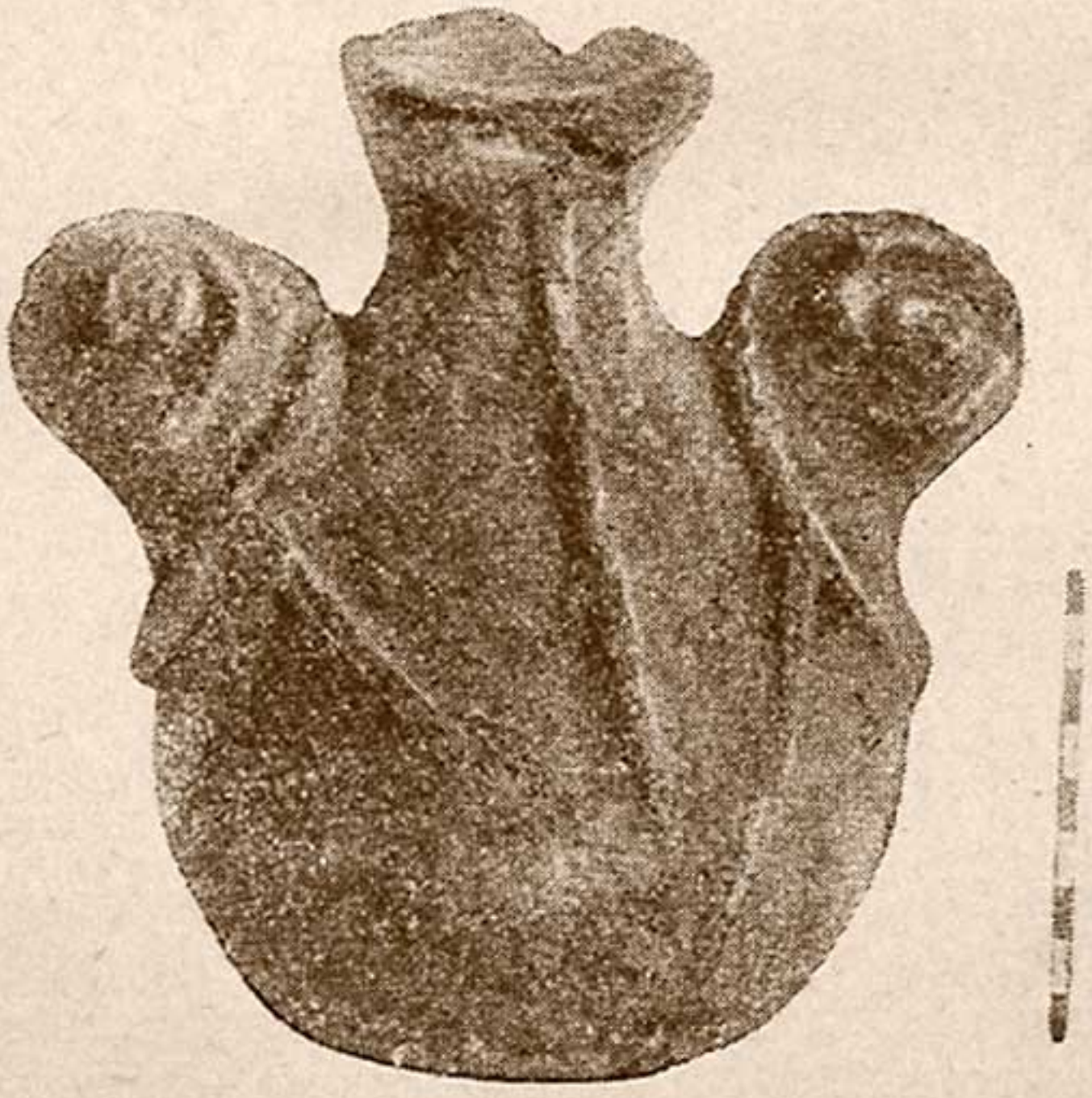


Рис. 6. Культовый сосуд-светильник с изображением бараньих голов.

8. Особый интерес вызывают керамические изделия со скульптурным изображением голов барана. Подобного рода изделий в раскопках было найдено несколько. Среди них очень интересен своеобразный сосуд-светильник, подобных которому, судя по опубликованным материалам, в раскопках на территории Средней Азии не встречалось. Он вылеплен из глиняного теста с большим количеством дресвы. Наверху сосуда полое внутри горлышко закрыто круглой плошкой со следами зажигавшегося здесь огня. По двум сторонам сосуда, в верхней части его тулова, находятся две крупные, полые внутри, стилизованные головы баранов. Рога баранов, сделанные из налепных полосок глины и орнаментированные нажимом щепки, как бы спускаются вниз и закручиваются вдоль головы. Глаза также налепные с выделенным рельефным зрачком. На голове имеется гребешок, расходящийся по шее барана вниз в виде ожерелья. Полоски глины, покрытые сверху таким же вдавленным орнаментом, находятся и на стенках сосуда. С одной стороны сосуда, между головами баранов, имеются следы несохранившегося сливного носика.

Рис. 7. Подставка под котел в виде головы барана.

Вылепленный вручную сосуд имеет несколько несимметричную, мятую форму. Однако своеобразный вид со скульптурными головами баранов и необычность назначения (этот сосуд выполнял в основном функции светильника, причем, очевидно, культового), делает нашу находку уникальной и весьма ценной для понимания культуры и идеологии древнего населения низовьев Зеравшана.

Кроме описанного сосуда, в раскопках этого слоя были найдены отдельные изображения баранов в весьма своеобразной трактовке. Это — грубые подставки под котел, сделанные из глины с большим количеством шамота и плохо обожженной, поэтому керамическая масса очень рыхлая и легко рассыпается. На одной стороне рельефно вылеплена голова барана, а другая, покатая, носит следы большого и частого огня. Рога барана, закручивающиеся книзу, выполнены налепом и орнаментированы поперечными вырезами. На голове выделен гребешок. Глаза, в отличие от голов на сосуде, процарапаны, а зрачки вдавлены.

Рис. 8. Ручка от большого сосуда в виде головы барана.

Кроме того, были найдены отдельные ручки от больших сосудов в виде голов баранов, что указывает на широкое применение подобных скульптурных изображений для декорирования различных предметов, как культовых, так и хозяйственных. Последнее видно еще из того, что все предметы с изображением баранов обнаружены в маленьких жилых помещениях на юго-востоке холма.

Кроме керамических изделий, в этом слое был обнаружен фрагмент костяной резной накладки или наконечника на ножны меча, бронзовый ковшичек с длинной вертикальной ручкой и медная поясная пряжка с железным язычком. Среди этих предметов особенно примечательна пряжка: она имеет вид двух сплетенных змей. По своему виду эта пряжка очень напоминает произведение так называемого «скифского искусства».

Очевидно, изображение бараньих голов на керамических изделиях и змеи на поясной пряжке отражало определенные идеологические представления того времени, характеризующиеся широко распространенными пережитками тотемизма.

Не останавливаясь в этой статье подробно на примерах отражения тотемических и культовых изображений баранов

в творчестве народов Средней Азии в различные времена. хочется отметить некоторые аналогии нашим находкам.

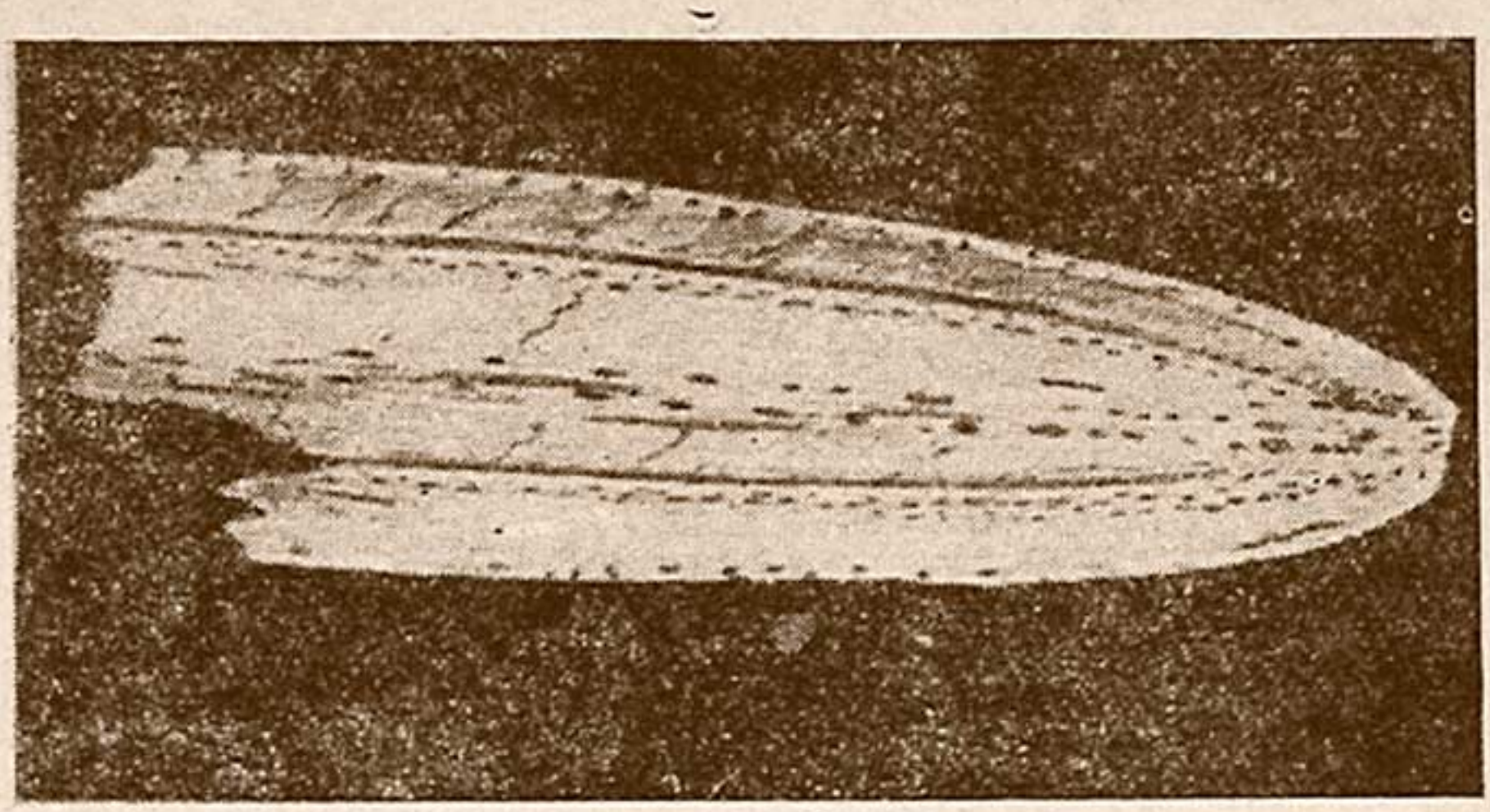


Рис. 9. Резная костяная накладка (или наконечник) на ножны меча.

Наиболее близким примером является находка Г. В. Григорьевым изображений баранов при раскопках Каунчи-тепе. Судя по описанию[6], находки Г. В. Григорьева имеют очень много общего с нашими подставками под котел в виде изображений баранов, как в технике изготовления, так и в характере скульптурной пластики и орнаментации. Надо отметить, что уже тогда исследователь заметил культовый характер этих предметов, трактуя их „как племенные или родовые эмблемы, причем, по-видимому, преобладал один род, у которого эмблемой был баран»[7]. Подобные изображения были обнару-

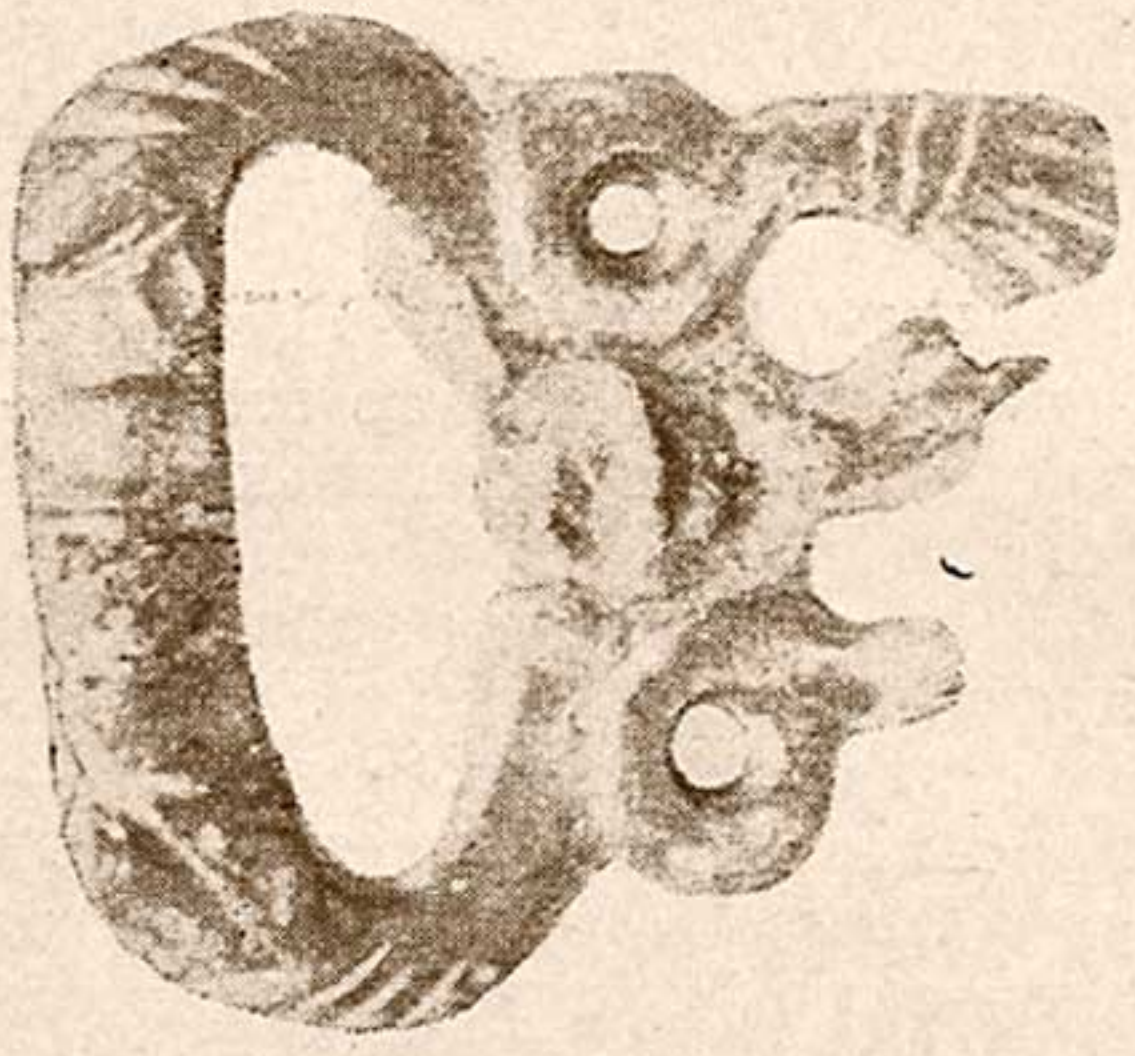


Рис. 10. Бронзовая пряжка с изображением двух змей.

[6] Г. В. Григорьев, Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940, стр. 26—72; он же, Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940, стр. 8.

[7] Там же, стр. 29.

жены Г. В. Григорьевым в нижних слоях раскопок Тали-Барзу, под Самаркандом.

Как известно, отмеченные выше находки на Каунчи-тепе Г. В. Григорьев условно относил к культурной стадии Каунчи-II, датируя ее VI—VII вв. до н. э., а находки в раскопках на Тали-Барзу — к стадии Тали-Барзу-I — доахеменидского или ахеменидского времени[8]. Эти датировки не получили поддержки у других исследователей[9], и А. И. Тереножкину на основе широкого изучения керамического материала из раскопок в Самаркандской и Ташкентской областях удалось уточнить ее, отнеся предметы этих культурных стадий к рубежу нашей эры[10].

К керамике этой же группы относятся сосуды с ручками, на которых также имеются изображения животных и которые найдены при раскопках Каунчи-тепе[11], в могильниках Ширинсая[12], датируемых I — IV вв. н. э., в курганах возле станции Вревская[13] и около селения Той-Тюбе, относящихся ко времени около начала нашей эры[14]. Сюда можно включить и вьючные фляги, находимые опять-таки в курганах Ширинсая, возле ст. Вревская и в раскопках группы Баш-тепе, западнее Варахши. На основании всех этих сопоставлений керамику с изображением баранов можно датировать кануном нашей эры. Этой датировке соответствуют и другие виды керамики — хумы и прочие, а также бронзовые изделия и строительный кирпич из второго слоя.

Таким образом, второй и, видимо, последний период жизни городища относится к концу I в. до н. э. Значительно труднее сейчас определить время постройки и функционирования основного и более раннего сооружений. Как уже было

---

[8] Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, II, 1944, стр. 88—103; он же, Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда, КСИИМК, XIII, 1946, стр. 151.

[9] См. рецензию А. И. Тереножкина на работы Г. В. Григорьева в «Известиях УзФАН» 1940, № 8, стр. 84—87; С. П. Толстов, К вопросу о датировке культуры Каунчи-тепе, ВДИ, 1946, № 1, стр. 173; он же, Древний Хорезм, стр. 145, примечание 7.

[10] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 157—158.

[11] Г. В. Григорьев, Каунчи-тепа..., стр. 14.

[12] В. Ф. Гайдукевич, Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг., КСИИМК, XIV, 1947, стр. 95—97.

[13] М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г., Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1951, стр. 62.

[14] М. Е. Массон, Ахангеран, Ташкент, 1959, стр. 20.

сказано выше, нижние слои этого здания полностью не вскрыты, и археологические находки, относящиеся к раннему периоду жизни этого здания, незначительны. Среди такого рода находок можно указать два фрагмента различных по величине чаш с коническим широким туловом и отогнутым внутрь округлым широким краем. Внутри чаши покрыты красным, а снаружи — густым красно-коричневым ангобом, переходящим на отогнутых краях в черный. Черепок чаш тонкий; вылеплены они на гончарном круге очень тщательно. По своей форме они аналогичны чашам-тарелкам, находимым Р. Гиршманом в Бегараме и М. М. Дьяконовым в Южном Таджикистане (слой Кабадиан II), где в последнем случае они датируются диоболом Евкратида[15], т. е. греко-бактрийским временем. Бесспорно, точно определить время возникновения большого здания Кызыл-Кыра на основании двух керамических фрагментов рискованно. Не может в этом деле нам помочь и сравнительный анализ архитектурно-строительного материала, так как строительные конструкции, композиционные особенности зданий, существовавших в Средней Азии до н. э., еще мало изучены.

Заложенный в 1955 г. за южной стеной здания разведочный стратиграфический шурф также дал для решения этой задачи очень мало, так как здесь вскоре был обнаружен скелет с предметами женского туалета, и раскопку шурфа пришлось прекратить.

Этот скелет лежал примерно на внешнем уровне большого здания, в основании спускавшегося сюда пандуса. Вытянутый костяк был расположен головой на северо-восток и несколько повернут на левый бок. Костяк, в том числе и череп, были очень хорошей сохранности[16]. Около черепа женщины лежала баранья голова, а в ногах — крупное бронзовое зеркало неправильной круглой формы с коротким бронзовым черешком. На шее скелета находилось три пустотелых крупных золотых подвеска в форме параллелепипеда, соединявшихся между собой и подвешенных на шею пятью нитями мелкого и полуразложившегося от времени жемчуга. По внешним плоскостям золотые подвески орнаментально покрыты мелкой зернью и имеют овальные гнезда для инкрустации драгоценными каменьями, которые не сохранились. По груди, окружая шею, и возле щиколоток ног лежало девяносто мелких полусферической формы тон-

---

[15] М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кабадиан), 1950—1951 гг., МИА, 37, 1953, стр. 283—284.

[16] Череп передан для определения на кафедру антропологии САГУ.

ких золотых бляшек, на внутренней стороне которых имеются припаянные железные ушки, указывающие на то, что эти бляшки служили для украшения ворота платья и нижнего края длинных штанов.

На основании стратиграфии слоев, перекрывающих скелет, трудно предполагать здесь специальное захоронение, и скорее можно считать находку скелета как результат катастрофы, постигшей некогда жителей большого дома на Кызыл-Кыре. История жизни поселения нам предположительно рисуется следующим образом.

Первоначальное крупное квадратное здание с толстыми стенами, входным помещением и пандусом возникло, возможно, в III—II вв. до н. э.[17] Затем в результате катастрофы, сопровождавшейся пожаром, здание было полуразрушено, и на некоторый промежуток времени жизнь в нем замерла. Восстановление жизни падает примерно на I в. до н. э., когда восстанавливается только входное помещение (№ 1), помещение на южной стороне (№ 2), центральная группа и помещение на востоке, получившее самостоятельный вход. Двери в северное и западное помещения, как наиболее сильно пострадавшие, разрушенные, а также в восточное, были заложены. Однако со временем площади этого здания стало нехватать для всех людей, и вокруг него начинают вскоре воздвигаться общественные и жилые постройки, причем в жилых постройках располагались, видимо, слуги, рабы и другие представители беднейшего населения городища. Как результат большой катастрофы и последующего за ней экономического упадка в жизни поселения, а также, возможно, и отражая сословное положение живших здесь людей, эти постройки были беднее и менее прочны, чем основное большое старое здание.

Поселение просуществовало недолго: на рубеже нашей эры новая катастрофа, сопровождавшаяся еще большим пожаром, уничтожила его окончательно. И только в центре старого большого дома еще некоторое время ютились люди. Тогда ими была устроена в восточной части южного коридора (№ 2) открытая «конюшня», а так как центральное помещение и «конюшня» оказались ниже уровня поверхности, то в коридоре, ведущем в центральное помещение, и в западной части коридора были устроены из битого сырцового кирпича наклонные спуски.

---

[17] В 1953 г. Я. Г. Гулямовым на городище среди подъемного материала была найдена монета, которая подражает серебряному оболу Евтидема, что косвенно может подтвердить эту дату.

Вскоре жизнь здесь окончательно замерла, и развалины этого древнейшего поселения постепенно превратились в плоский и невысокий бугор, через который ветер в течение многих веков перегонял волны сыпучего песка.

В заключение хочется остановиться еще на одном моменте.

Как уже сказано выше, толстые стены большого здания построены из пахсы зеленовато-ржавого цвета, что указывает на болотное происхождение глины, употреблявшейся в кладку. Кроме того, толстые многослойные кирпичные полы и специальные толстые прослойки под полами шагала (естественная смесь гравия с песком) указывают на обильное проникание влаги внутрь помещений, могущее быть только при условии нахождения сооружения в заболоченной местности. Из этого следует, что накануне нашей эры эта местность не была такой, как сейчас, и вместо песков здесь располагались обширные болота.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ

(До арабского завоевания)

Успешные работы Таджикской археологической экспедиции в Пянджикенте и возобновление археологических исследований в Комсомольском и Ургутском районах Самаркандской области еще более привлекают внимание к историческому прошлому верхней части Зеравшанской долины, т. е. территории, расположенной к юго-востоку и востоку от Самарканда. Отдельные факты по истории этого района приводились уже в работах Томашека, Ширатори, Бартольда, Смирновой. Однако общего очерка наших сведений об истории этой территории в период, предшествующий арабскому завоеванию, до сих пор дано не было[1].

Древнейшие сообщения о восточной части Зеравшанской долины восходят к IV в. до н. э., ко времени походов Александра Македонского. Описывая пребывание Александра в Согде, Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), Квинт Курций Руф (середина I в. н. э.) и Арриан (II в. н. э.) приводят сведения, которые можно отнести к рассматриваемой территории. Эти сведения восходят к не дошедшим до нас запискам современников Александра; Арриан, например, непосредственно ссылается на Аристобула, участника и летописца его походов. К числу таких сведений относятся сообщения Диодора и Курция Руфа об охоте в местности, называемой Басистой, и описание Аррианом сражения, произошедшего в том же районе. Так, в оглавлении к несохранившейся XVII книге «Библиотеки» Диодора упомянут раздел «Об охоте в Басистах и множестве зверей, (находящихся) там» (Диодор, XVII, 26), а у Курция Руфа приводится описание этой охоты и некоторые подробности о месте, где она происходила. По

---

[1] Сведения об этой территории X—XII и XV—XIX вв. см. в труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч. II, СПб., 1900, и в статье В. Л. Вяткина «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета» (Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, 1902).

его словам (Квинт Курций Руф, VIII, 1, 10—13), Александр из столицы Согда Мараканды «пришел в область, которая называется Басиста. В той местности наибольшим признаком варварского богатства без сомнения являются рощи и гористые места, поросшие лесом, в которых было заперто большое количество благородных зверей. Для этого выбирают обширные прелестные леса с обильными источниками неиссякающих вод. Леса, изобилующие пастбищами, окружались стенами и имели башни, служившие убежищем для охотников. Известно, что лесистая и гористая полоса земли была нетронута в течение четырех поколений. Александр, вступив (туда) со всем своим войском, приказал отовсюду гнать зверей....» (Далее следует сообщение об удачной охоте и возвращении Александра в Мараканду).

В труде Арриана Басиста упоминается в связи с описанием восстания согдийцев против Александра в 328 г. до н. э. Александр в это время находился на севере Средней Азии, сражаясь с «прияксартскими скифами». Согдийцы же во главе со Спитаменом, воспользовавшись его отсутствием, осаждали македонский гарнизон в Мараканде. На помощь последнему Александр послал большой отряд во главе с Фарнухом. При приближении его Спитамен «удалился в Басисту, (область) Согдианы» (Арриан, IV, 5, 3). Описывая далее разгром отряда Фарнуха, Арриан, ссылаясь на Аристобула, сообщает, что «большая часть войска была уничтожена в засаде, т. к. скифы скрылись в охотничьем заповеднике (парадисе), откуда и напали на македонян во время самого сражения» (Арриан, IV, 6, 1). Под скифами здесь подразумеваются либо союзники Спитамена саки, либо сами согдийцы. Битва же происходила, очевидно, у того же самого парадиса в Басисте, о котором говорится у Диодора и Курция Руфа.

Следует отметить, что название Басиста (bazista — иранск. «очень обильная») в форме *Βασιστα* сохранилось лишь у Диодора. В дошедших до нас рукописях Курция Руфа в соответствующем месте значится Bazaira или Bazira, а у Арриана даже *Βαζιλεια*. Однако общий контекст отрывков и сравнение их с сообщением Диодора не оставляют сомнения в том, что мы имеем здесь позднейшие искажения не известного переписчикам чужеземного названия[2].

Античные авторы не приводят данных для точной локализации Басисты. Из общего контекста следует лишь, что Ба-

---

[2] См. W. Tomaschek, Zentralasiatische Studien, I, Sogdiana, Wien, 1877, S. 80—81; он же, Bazista, PW, Bd. III, 1899, S. 178; Е. А. Мончадская, О „второй столице" Согдианы, ВДИ, 1959, № 2.

систа была расположена где-то поблизости от Самарканда. Однако сопоставление сведений античных авторов о Басисте с сообщениями китайских источников о княжестве Маймург (Ми) и его столице городе Босиде (см. ниже) дает основание помещать античную Басисту к юго-востоку или востоку от Самарканда[3].

Античные авторы отмечают лишь одну достопримечательность Басисты — охотничий заповедник (парадис). К сожалению, из их сообщений неясно, когда и для чьих нужд был создан парадис. Уникальный характер его (других парадисов для Средней Азии античные источники не знают) и существование подобных заповедников в ахеменидском Иране, где они служили для царской охоты, заставляют предполагать, что и в Басисте парадис был создан каким-либо ахеменидским сатрапом[4].

После смерти Александра Македонского интересующий нас район вместе со всем Согдом входил, по-видимому, сначала в состав Селевкидского и Греко-Бактрийского царств, а затем — Кушанской державы. Этот период в истории Согда вообще слабо освещен письменными источниками, об отдельных же его районах никакими конкретными данными мы не располагаем.

После распада в IV—V вв. н. э. крупных государств древности в Средней Азии возник целый ряд мелких владений, сведения о которых содержатся в 97-й главе Бей-ши. Среди этих владений упоминаются Си-вань-цзинь, отождествляемое с Самаркандом, и расположенные восточнее его Ми-ми и Чже-чжи-ба (остальные владения находятся, несомненно, вне пределов интересующей нас территории). О Чже-чжи-ба сообщается, что оно лежит западнее Су-лэ (Кашгар), в 11 620 ли от столицы северных Вэй-Дай (Да-тун-фу); Ми-ми располагалось западнее Чже-чжи-ба, в 12 100 ли от Дай, а Си-вань-цзинь — западнее Ми-ми, в 12 700 ли от Дай[5]. Если верить указанным расстояниям, то Ми-ми находилось в 600 ли (примерно в 200 *км*) от Самарканда, а Чже-чжи-ба — в 480 ли (примерно в 160 *км*) от Ми-ми и 1080 ли (примерно в 360 *км*) от Самарканда.

Таким образом, данные о местоположении этих владений не позволяют нам связывать с долиной Зеравшана не только

---

[3] См. W. Tomaschek, Bazista, PW, Bd. III, 1899, S. 178.
[4] Е. А. Мончадская, указ. соч.
[5] Бей-ши, гл. 97; Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М., 1950, стр. 280.

Чже-чжи-ба, но и Ми-ми[6]. Созвучие названия Ми-ми с обозначениями княжества Маймург в более поздних китайских текстах — Ми, Ми-мо и Ми-мо-хе — также не дает основания для их отождествления, поскольку иероглифы, обозначающие Ми-ми, отличны от иероглифов, обозначающих Ми, Ми-мо и Ми-мо-хе, которые вполне закономерно передают название Маймург[7]. Более того, при описании реформы политико-административного деления стран «Западного края» в 658—659 гг. китайские источники упоминают одновременно как Ми-ми[8], так и Ми[9].

Мы остановились столь подробно на сообщении Бей-ши о владениях Чже-чжи-ба и Ми-ми лишь потому, что В. В. Бартольд, введенный, очевидно, в заблуждение кажущимся созвучием названий Ми-ми и Ми, Ми-мо, Ми-мо-хе, отнес сообщение о посольстве 451 (точнее, 452) г. н. э. из Ми-ми в Китай к княжеству Маймург, на основании чего сделал вывод о политическом преобладании этого княжества в V в. в долине Зеравшана[10]. В действительности же никакими сведениями китайских авторов о Маймурге V—VI вв. мы пока не располагаем, и единственным источником, сообщающим о Маймурге этого времени, является «Шах-намэ», при работе над которой Фирдоуси использовал некоторые ранние, не дошедшие до нас тексты.

Фирдоуси дважды упоминает Маймург: один раз при описании событий второй четверти V в., в эпизоде, рассказывающем о походе сасанида Бахрама Гура против хакана Чина (имеется в виду хионитский царь)[11]; второй — при описании

---

[6] А. М. Мандельштам локализует Ми-ми в Усрушане или Фергане. См. его статью «О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье», СА, XX, 1954, стр. 78—79.

[7] Отождествление Ми с Маймургом было установлено еще Абель-Ремюза (см. „Nouveaux Melanges Asiatiques," t. I, Paris, 1829, p. 233) и безоговорочно принято всеми последующими исследователями.

[8] Тан-шу, гл. 43; E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, Труды Орхонской экспедиции, VI, СПб., 1903, стр. 69, примечание к стр. 67.

[9] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 144; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 315.

[10] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 17. Оттуда это ошибочное утверждение перешло в обобщающие работы по истории народов Средней Азии (История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 131); Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, М., 1955, стр. 118.

[11] Mohl, V, 680—682; ср. Г. В. Птицын, К вопросу о географии «Шах-намэ», ТОВЭ, IV, 1947, стр. 301—303. Сведения об этом походе (без упоминания Маймурга) содержатся также у Табари и Динавари. См. J. Marquart, Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci, Berlin. 1901, S. 52.

войны хакана Чина (здесь — тюркского кагана) с эфталитским царем Гатфером (событие, действительно имевшее место между 563 и 567 гг.)[12]. Маймург упомянут здесь как важный стратегический пункт: предел похода Бахрама и место сбора войск тюркского кагана. Если бы можно было неопровержимо доказать, что под Маймургом в «Шах-намэ» подразумевается в обоих случаях согдийское княжество в восточной части Зеравшанской долины, а не иная, близкая по названию область[13], то контекст повествования действительно позволил бы нам рассматривать интересующий нас Маймург как одно из важнейших владений Согда V—VI вв. Но и в этом случае у нас не было бы оснований приписывать Маймургу первенствующее значение, так как упоминание в «Шах-намэ», в связи с событиями того же времени, Самарканда и описание его в Бей-ши свидетельствуют о том, что ведущую роль в восточной части Зеравшанской долины и тогда играл все же именно Самарканд.

Однако данные «Шах-намэ» позволяют, по-видимому, предполагать, что Маймург действительно переживал при эфталитах (в V—VI вв.) период определенного расцвета, и хотя и не являлся центром Согда, но был одной из важных его частей.

Более определенные сведения о Маймурге относятся лишь к началу VII в., когда мы находим его в числе восьми среднеазиатских владений, зависимых от «сильного владения Кан (Самарканд)»[14].

Сведения об этом содержатся в Суй-шу, данные которой восходят к записке Пэй-цзюя (605—606 гг.). Там же приводится краткая характеристика этого владения: «Ми. Столица владения Ми лежит на запад от реки Нами (Зеравшан)... Владетеля (князя — ван) нет. Градоначальник (глава города — чен-чжу) имеет фамилию Чжаову; род свой он ведет из дома канского (самаркандского) владетеля. Его прозвище (цзы) — Бичжо. Столичный город имеет форму квадрата со стороной равной 2 ли[15]. Войска несколько сот человек. На СЗ до Кана — 100 ли, на В. до Суйдушаны (Усру-

---

[12] Mohl, VI, 312; ср. Г. В. Птицын, указ. соч., стр. 297, 301—302, 305.

[13] Так, из источников IX—XII вв. известна, например, местность Маймурга, лежащая на расстоянии дневного перехода от Бухары по пути в Несеф. См. В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. II, стр. 108, 135, 461. Судя по контексту первого из рассматриваемых отрывков «Шах-намэ», в нем речь идет скорее об этом, чем о самаркандском Маймурге.

[14] Суй-шу, гл. 83; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 281.

[15] Суй-шу, гл. 83; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 286.

шаны) 500 ли[16], на ЮЗ до Шы (Кеш) — 200 ли, на В. до Гуй-чжеу (Дунь-хуан) — 6400 ли. В правление Да-йе (605—617 гг.) оттуда были присланы в дань местные произведения»[17].

Из сообщения Суй-шу следует, что Маймург в начале VII в. находился в известной зависимости от Самарканда и управлялся уже не самостоятельным владетелем, а правителем из рода самаркандских князей. Однако, как и другие согдийские владения, Маймург пользовался и некоторой независимостью, имея возможность отправлять дары китайскому императору.

В сообщении Суй-шу о Маймурге, казалось бы, вызывает недоумение указание на то, что столица его находится не на юг, а на запад от Зеравшана. Однако эта фраза сразу же оказывается понятной, если за исток Зеравшана принять один из его левых притоков — Магиан, Кштут или Фан-Дарью. Вспомним в связи с этим, что еще в X в. за исток Зеравшана действительно принималась Фан-Дарья, берущая начало из озера Искандеркуль[18]. Для определения восточных границ Маймурга в начале VII в. не лишне будет учесть и то, что в VIII в., после того как из состава Маймурга выделился в самостоятельное княжество Пянджикент, владетелю последнего — Диваштичу — принадлежал замок Абаргар («замок на горе Муг»)[19], который находился недалеко от Фан-Дарьи, к западу от нее.

Описывая остальные согдийские владения — Ань (Бухара), Цао (Иштихан), Хэ (Кушания), — Суй-шу всегда совершенно точно указывает положение их столиц по отношению к Зеравшану. Столь же безошибочно отмечает Суй-шу расположение столиц Шаша (Ши) — при реке Иоша (Чирчик) и Кеша (Шы) — в десяти ли на юг от реки Думо (Кашка-Дарья). Все это заставляет нас отнестись к сообщению Суй-шу о местоположении столицы Маймурга с должным доверием, а предположение о Магиане, Кштуте или Фан-Дарье как о восточной границе Маймурга признать вполне вероятным. Таким образом, сообщение Суй-шу мы

---

[16] Н. Я. Бичурин (указ. соч., стр. 286) переводит «в окружности», Абелль-Ремюза (указ. соч., стр. 233) дословно — «в квадрате».

[17] Так в «Своде династийных историй». В энциклопедии Ма Дуань-линя, которой пользовался Абелль-Ремюза, а также у Бичурина, это место дано с пропуском, что исказило весь смысл: «на СЗ до Суйдушаны — 500 ли» (см. Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 286; Abell-Remusat, указ. соч., стр. 233).

[18] С. Л. Волин, К вопросу о замке на горе Муг, Труды Таджикистанской базы АН СССР, т. IX, 1938, стр. 29—30.

[19] Там же, стр. 31—32.

вправе, видимо, вслед за О. И. Смирновой[20], рассматривать как указание на то, что район Пянджикента, освоенный согдийскими земледельцами в конце V — начале VI в., первоначально входил в состав Маймурга. Возможно, что и само значение Маймурга при эфталитах определялось колонизацией восточных земель Зеравшанской долины.

Наиболее точные сведения о Маймурге первой половины VII в. сообщает нам Сюань Цзян. Правда, знаменитый китайский паломник лично не посетил Ми-мо-хе (как называет он владение Маймург), но находясь в 629 г. в Самарканде, он собрал там о Маймурге вполне достоверные данные. Его сообщение о Ми-мо-хе лаконично, но чрезвычайно конкретно. Он описывает это владение как лежащее на юго-восток от Самарканда и достигающее всего 400—500 ли в окружности. Лежало оно посредине долины и было вытянуто с севера на юг и сжато с востока на запад. Обычаи его населения и производимые продукты сходны с самаркандскими[21]. Сюань Цзян, таким образом, точно указывает конфигурацию и размеры Маймурга своего времени. Судя по его указанию, Маймург в 20-х годах VII в. представлял собой совсем небольшое владение[22], вытянувшееся от Гиссарского хребта до Зеравшана. Доходя до берегов последнего, Маймург тем самым отрезал все согдийские княжества среднего и нижнего Зеравшана от его верховьев. Более того, он охватывал, таким образом, местность, позднее известную под названием Варагсар (голова плотины), где берут начало основные оросительные каналы Самаркандского оазиса[23]. Тем самым, несмотря на свои незначительные размеры, Маймург все еще играл, несомненно, видную роль в жизни Самаркандского Согда. Однако указание Сюань Цзяна на то, что Маймург был вытянут с севера на юг и сжат с запада на восток, свидетельствует об обособлении Пянджикента, расположенного значительно восточнее Варагсара. Будучи отделен территорией Маймурга от остальных согдийских владений, Пянджикент составил, очевидно, уже в первой половине VII в. независимое княжество, а поселение на го-

[20] О. И. Смирнова, Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г., МИА, 15, 1950, стр. 68.

[21] Si-yu-Ki, Buddhist Records of the Western World, transl. from the Chinese of Hiuen-Tsiang by Samuel Beal, v. I, London, 1884, p. 33.

[22] Вспомним, что Шаш, в описании Сюань Цзяна, достигал 1000 ли в окружности, Усрушана — 1400 ли, Кеш, Кабудан и Кушания — 1400 или 1500 ли, а Самарканд и Бухара — 1600 или 1700 ли.

[23] Память об этом сохранялась еще в X в. Ср. сообщения Истахри и Хаукаля о том, что в древности Варагсар и Санджарфеган принадлежали Маймургу, но затем отделились от него (BGA, I, 321, и II, 372).

родище древнего Пянджикента превратилось в его политико-административный центр. Результатом этого превращения и была, по-видимому, та капитальная перестройка и перепланировка всего поселения, которая засвидетельствована работами Пянджикентского отряда Таджикской археологической экспедиции.

Сведения о Маймурге, приводимые Хой Чао, проезжавшим через южные районы Средней Азии в 726 г., добавляют мало нового к сообщениям составителя Суй-шу и Сюань Цзяна. Хой Чао описывает Маймург (Ми) как одно из шести небольших владений Согда (страны «Ху»)[24], имевших немногочисленные войска, но добавляет, что все они уже были подчинены арабами[25].

Более интересные данные о Маймурге VII—VIII вв. содержатся в Новой истории династии Тан — Синь-тан-шу, или просто Тан-шу (составлена в XI в.). Составитель этой истории Оу Янсу, так же как и другие китайские авторы, отмечает Ми в числе «9 владетельных колен», подчинявшихся царю Кана (Самарканда) и управлявшихся владетелями из рода Чжаову[26]. Но в описании этого владения в Тан-шу приводятся сведения, отсутствующие в других источниках. Так, здесь прямо отмечается, что владение Ми называется также Ми-мо и Ми-мо-хе и что владетель его пребывает в городе Босиде[27]. Вслед за Суй-шу дважды указывается и точное расстояние от Самарканда до Ми (очевидно, до столицы Ми — Босиды), равное 100 ли[28].

В Тан-шу содержатся также некоторые ценные сведения о политической истории Маймурга. Наиболее раннее из них относится к 658—659 г., ко времени, когда китайцы разбили тюрков, и танский двор, считая завоеванными все ранее подчинявшиеся тюркскому кагану владения «Западного края», рядом декретов ввел для этих областей новое администра-

---

[24] Эти владения: Бухара, Усрушана, Кеш, Шаш (?), Ми и Самарканд.

[25] W. Fuchs, Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest Indien und Zentral-Asien um 726, SPAW, 1938, XXX, S. 451—452 (перевод),467 (текст).

[26] Тан-шу, гл. 221; ср. E. Chavannes, указ. соч., стр. 134 (Шаванн использует сводный текст старой и новой истории, где указанная глава является 231-й); Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 310.

[27] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 144; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 315.

[28] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 133; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 310: «на юго-восток от Ми 100 ли»; E. Chavannes, указ. соч., стр. 144, дословный перевод: «на север (от Ми) до Самарканда 100 ли»; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 315: «(до Ми) на юг от Кана 100 ли».

тивное деление[29]. По одному из таких декретов владение Ми было переименовано в округ Наньми (Южное Ми), а его владетель (цзюнь) Кайчжо (из рода Чжаову) утвержден правителем (ла-ши)[30]. «С того времени, — пишет далее Оу Янсу, — приезды ко двору (танских императоров) и представления дани не прекращались»[31]. В Тан-шу упоминаются, однако, лишь четыре посольства VIII в.: в 713 г., когда в Китай были присланы из Маймурга регалии из драгоценных камней (нефрит?), танцовщицы, какие-то особые циновки для сидения, львы и хорезмийские женщины[32]; в 728 г., когда старейшина (шоу-линь) Маймурга Микухань прислал императору (с владетелем Вахана) «местные произведения»[33]; в 730 г., когда ко двору прибыл лично маймургский главный старейшина (да-шоу-линь) Моемынь[34]; наконец, в 731 г., когда царь Согда, владетель Самарканда Гурек, или Угрек (У-ле), назначил владетелем (ван) Ми одного из своих сыновей — Мочжо — и просил императора утвердить это назначение. Одновременно старший брат Мочжо — Духе (Тургар), будущий царь Согда, был утвержден владетелем Цао[35].

Тан-шу сообщает, что в 742 г. маймургский владетель был пожалован титулом «почтительный и покорный князь», а его матери дан титул княгини (цзюнь-фу-жень)[36]. Хотя имя маймургского владетеля в этом сообщении не приводится, мы все же можем предполагать, что им был все тот же Мочжо, так как при описании Самарканда сообщается, что титул княгини был присвоен матери царя Согда Духе[37].

Рассматривая сведения Тан-шу о маймургских посольствах VIII в., нельзя не отметить того факта, что почти все они приходятся на 728—731 гг., т. е. на время, когда в результате мощного антиарабского движения согдийцев, под-

---

[29] Сведения об этой реформе см. E. Chavannes, указ. соч., стр. 141, примечание 2, и стр. 268, примечание 2.

[30] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 144; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 315.

[31] Там же.

[32] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 145; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 315.

[33] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 165; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 324—325.

[34] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 145; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 315.

[35] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 136 и 294; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 311.

[36] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 145; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 315.

[37] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 136; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 311.

держанных тюргешами, власть халифата в Согде была низведена до минимума (так, например, был момент, когда в долине Зеравшана арабы держались лишь в двух незначительных военных постах и в Самарканде, где правил тогда еще не порвавший с халифатом царь Гурек)[38].

По данным Оу Янсу, во главе Маймурга в эти годы последовательно стояло три правителя: в 728 г. — старейшина Микухань, в 730 г. — главный старейшина Моемынь, а с 731 г. (вероятно, не менее чем до 742 г.) — сын согдийского царя Гурека (умер в 737 или 738 г.) и брат его преемника (царя Духе) Мочжо. С именем Микуханя в известных пока источниках мы нигде более не встречаемся[39]. Моемынь упоминается в 750 г. как один из высокопоставленных самаркандцев, возглавивший посольство, отправленное в Китай царем Духе[40].

Мочжо же следует отождествлять с известным из арабских источников сыном Гурека — Мухтаром (Табари, II, 1523). Возможно, что ему принадлежат немногочисленные медные монеты с изображением царя и согдийской надписью mttyr MR'y — «владетель Матчир»[41].

Интересно отметить, что Моемынь и Мочжо принадлежали, очевидно, к прокитайской группировке, видевшей в танском Китае опору в борьбе против арабов. Так, Моемынь неспроста, конечно, дважды (в 730 г. в качестве маймургского старейшины, а в 750 г. как глава самаркандского посольства) лично ездил в Китай. Что же касается Мочжо, то, как сообщают арабские источники, он уже на первых порах крупного восстания против халифата, поднятого согдийцами в 728 г., открыто примкнул к восставшим, в то время как Гурек, по крайней мере внешне, оставался верен арабам[42]. И не случайно, конечно, назначение Мочжо владетелем Маймурга падает на 731 г., так как именно в этот год Гурек порвал, наконец, с арабами и встал во главе своих восставших соотечественников[43]. Судя по этим данным, Маймург во

---

[38] H. A. R. Gibb, The Arab conquests in Central Asia, London, 1923, p. 70.

[39] Первый иероглиф этого «имени» идентичен названию владения Ми, второй (древнее произношение — *χuət*) передает, по-видимому, согдийское *γwt'* — господин, владетель; значение третьего иероглифа неясно.

[40] Цзэ-фу юань-гуй, гл. XLVII; E. Chavannes, указ. соч., стр. 136, примечание 6 (ср. стр. 145, примечание 1).

[41] О. И. Смирнова, Новые данные по истории Согда VIII в., ВДИ, 1939, № 4, стр. 99—100 и 102, рис. 3.

[42] H. A. R. Gibb, указ. соч., стр. 70.

[43] Там же, стр. 73,

второй четверти VIII в. был одним из центров антиарабского движения и, следовательно, прокитайской ориентации в Согде.

Сведения Тан-шу о маймургских посольствах, почерпнутые из дипломатических анналов Танской династии, вполне заслуживают доверия, чего нельзя, к сожалению, сказать о двух других сообщениях, также попавших на страницы сочинения Оу Янсу, а именно о разгроме Маймурга тюркским ханом Дулуханом в 642 г.[44] и о разорении его арабами в период Юн-хуэй (650—655 гг.)[45]. В сообщении о разгроме Маймурга Дулуханом Ми упоминается почему-то рядом с Кангюем, что заставляет предполагать, не стоит ли здесь это название ошибочно, например, вместо упоминаемого уже выше Ми-ми. Во второе же из этих сообщений Ми попало, несомненно, вследствие простой описки вместо Му. Ошибка эта вкралась в описание борьбы между арабами и последним сасанидом Иездигердом III, окончившейся, как это хорошо известно по данным арабских авторов, гибелью Иездигерда в Мерве[46]. Между тем, в хронике Цзэ-фу юань-гуй (VIII в.) это событие описывается в связи не с Мервом (Му), а с Маймургом (Ми)[47]. Эта описка (Ми вместо Му) автора Цзэ-фу юань-гуй послужила источником для ошибки Оу Янсу и ввела в заблуждение даже такого серьезного исследователя, как В. В. Бартольд[48].

Выше мы уже отмечали наличие вполне определенных связей между Маймургом VII—VIII вв. и танским Китаем. Следует добавить, что эти связи отнюдь не ограничивались одними только поездками дипломатического характера. Среди согдийских колонистов, расселившихся в VII—VIII вв. вдоль торговых путей, соединявших Среднюю Азию с Китаем (в Синьцзяне, Монголии и даже в собственном Китае), было немало выходцев из Маймурга. Так, еще во второй половине IX в. в северной части провинции Шаньси среди пле-

---

[44] Тан-шу, гл. 225; E. Chavannes, указ. соч., стр. 58; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 287 (Бичурин ошибочно пишет «Даоми»).

[45] Тан-шу, гл. 221; E. Chavannes, указ. соч., стр. 144; Н. Я. Бичурин, указ. соч., стр. 315.

[46] См. сообщения Белазури, Табари, Истахри, Самани и Якута. [Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 62—63, 87—90, 92—97, 174, 332 (примечание 5) и 334].

[47] См. E. Chavannes, указ. соч., стр. 172, примечание I.

[48] См. В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. II, стр. 7; ср. также H. A. R. Gibb, указ. соч., стр. 15. Следует, однако, отметить, что в английском издании «Туркестана» (Лондон, 1928, стр. 6), это место снабжено примечанием, где указывается, что Ми, возможно, стоит здесь ошибочно, вместо Мерва.

менного союза Ша-то, возглавляемого тюркским племенем того же названия, упоминаются согдийцы (самоназвание — «сугуд») — «племя» Са-ко, или Со-ко (древнее произношение: sâk-kât) во главе с неким Ми Хай-ваном. Первый иероглиф, обозначающий фамилию этого вождя, указывает на его маймургское происхождение[49]. Показательно, что китайские этимологические словари, вплоть до самых последних, указывают, что Ми — это фамилия людей, происходящих из владения Ми в Западном крае, поселившихся в Китае и ассимилированных китайцами[50]. Интересно, что фамилия Ми существует в Китае и по сей день[51].

После прочного вхождения в состав арабского халифата Маймург представлял собой один из рустаков (районов) Самаркандской области, причем южная его часть — Санджарфеган и северная — Варагсар — составляли отдельные рустаки[52]. Особенно важное значение имело выделение Варагсара, так как в нем находились головные сооружения каналов, орошающих весь Самаркандский оазис. В результате этого в IX—X вв. Маймург не играл уже видной роли в жизни Зеравшанской долины. Именно этим объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что в арабоязычных источниках IX—X вв. при описании завоевания Средней Азии арабами мы ни разу не встречаемся с упоминанием Маймурга. В «Хронике» Ат-Табари упоминаются лишь Варагсар и Пянджикент. Первый из них упоминается в связи с военными действиями 720, 735 и 739 гг.

В 720 г. после неудачного похода тюрков (тюргешей) против засевшего в Самарканде арабского наместника Саида ибн Абд-ал-Азиза («Хузейны») арабская конница преследовала тюрков до Варагсара (Табари, II, 1430). В 735 г., во время восстания согдийцев, поддержанных тюргешами, арабский наместник Асад ибн Абдаллах, безуспешно пытаясь захватить Самарканд, велел построить в Варагсаре плотину, чтобы отвести воду от непокорной согдийской столи-

---

[49] См. E. G. Pulloyblank, A Sogdian Colony in Inner Mongolia. T' oung Pao. 1.4—5. v. XLI, Leiden, 1952, p 317—356.

[50] См. Цзы-юань, т. II, Шанхай, 1915. Целый ряд исторических деятелей, носящих эту фамилию, перечисляется в Чжунго женьмин да цыдянь (Большой китайский биографический словарь). Следует, однако, отметить, что часть из них является, возможно, потомками жителей древнего княжества Чу в Южном Китае, которым также была присвоена фамилия Ми.

[51] См. Китайско-русский словарь, под ред. И. М. Ошанина, М., 1952, стр. 497.

[52] В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. II, стр. 95; он же, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 105.

цы (Табари, II, 1586). В 739 г. Наср ибн Сейяр также совершил поход на Варагсар и Самарканд (Табари, II, 1689).

К сожалению, сообщения Табари не позволяют заключить, входил ли еще в то время Варагсар в состав Маймурга или же был уже подчинен непосредственно владетелю Самарканда, хотя последнее предположение кажется более вероятным.

О Пянджикенте VIII в., помимо сообщения Табари, дают возможность судить также документы из «архива Дивашти-ча», найденные в замке на горе Муг. Сообщение Табари о пянджикентском владетеле Диваштиче и данные мугского архива неоднократно рассматривались уже в нашей литературе, и останавливаться на них здесь нет необходимости. Отметим лишь, что сообщение Табари, наряду со свидетельствами мугских документов и данными нумизматики, позволяет говорить о том, что в первой четверти VIII в. Пянджикент не только был самостоятельным княжеством, но и играл в жизни Согда весьма заметную роль, поскольку его владетель в 721—722 гг. возглавлял антиарабское движение согдийцев и в течение этих двух лет носил титул царя Согда, владетеля Самарканда[53].

Заканчивая обзор исторических сведений о восточной части Зеравшанской долины до арабского завоевания, нельзя не остановиться на вопросе о локализации столицы Маймургского владения. В нашей литературе в настоящее время за остатки столицы Маймурга принято считать городище Тали-Барзу (в 8 *км* к югу от Самарканда). Это отождествление было предложено Г. В. Григорьевым, который вслед за В. В. Бартольдом считал столицей Маймурга селение (или город) Ривдад, расположенный, по сообщению автора XII в. Сам'ани, в 1 фарсахе (7—8 *км*) южнее Самарканда[54]. При этом В. В. Бартольд ссылался на сообщения арабских географов X в. о том, что в Ривдаде, в Маймургском рустаке, находились замки ихшидов (т. е. царей Согда). В. В. Бартольд, а вслед за ним и Г. В. Григорьев, считали, что эти замки, несомненно, принадлежали владетелям Маймурга той

---

[53] О. И. Смирнова, Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии, сб. «Советское востоковедение», VI, М.—Л., 1949, стр. 365 и след.; Б. Я. Ставиский. Дворцовое хозяйство пянджикентского владетеля, журн. «Советское востоковедение», 1956, № 5.

[54] Сам'ани — الريودد; В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. I, (тексты), стр. 58; ср. Якут, II, 890.

поры, когда он играл первенствующую роль в долине Зеравшана[55].

Однако, как это отмечалось выше, у нас нет данных, чтобы говорить о преобладании Маймурга над Самаркандом в V—VI вв., а для VII—VIII вв. есть все основания утверждать прямо противоположное. Если же мы учтем, что процесс политической консолидации Согда относится как раз к VII — началу VIII в. и что титул «ихшид Согда» для более раннего времени нигде не засвидетельствован, то сообщение Сам'ани правильнее будет рассматривать как свидетельство о существовании в Ривдаде замков самаркандских царей Согда. (На правильность этого заключения указывает и подлинный текст арабских географов Истахри[56], Хаукаля[57] и Мукаддаси[58], которые, поясняя слово «ихшид», в сообщении о Маймурге неизменно пишут «царь Самарканда»). Последнее не удивительно, так как Ривдад находился в непосредственной близости от Самарканда, а владение Маймург в VII—VIII вв. было подчинено самаркандским ихшидам. Вполне вероятно, конечно, что Тали-Барзу действительно следует отождествить с Ривдадом, но к столице владения Маймург это городище, очевидно, никакого отношения не имеет.

Согласно указаниям Синь-тан-шу, приводимым выше, столицей Маймурга был город Босида, расположенный в 100 ли (примерно в 35 *км*) юго-восточнее Самарканда. Опираясь на эти данные, В. Томашек еще в 1877 г. предложил искать столицу Маймурга в районе современного Джума-базара[59]. Археологические разведки, проведенные в довоенное время Г. В. Григорьевым и И. А. Сухаревым, а в 1953—1954 гг. В. И. Сарианиди, действительно выявили здесь большое число археологических памятников, крупнейший из которых — городище Кулдор-тепе — предложено рассматривать как остатки маймургской столицы. Указанное отождествление представляется вполне вероятным, хотя для окончатель-

---

[55] См. Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, II, 1940, стр. 99—100 и особенно французское резюме на стр. 100; он же, Поселения древнего Согда, КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 25; он же, Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда, КСИИМК, вып. XIII, М.—Л., 1946, стр. 152. Ср. В. В. Бартольд, Туркестан.., ч. II, стр. 96; он же, К истории орошения Туркестана, стр. 105; он же, История культурной жизни Туркестана, стр. 17.

[56] BGA, I, 321.

[57] BGA, II, 372.

[58] BGA, III, 279.

[59] W. Tomaschek, Zentralasiatische Studien, I, Sogdiana, Wien, 1877, S. 81 (145)

ного решения этого вопроса имеющихся данных, конечно, еще недостаточно.

Дальнейшие раскопки на городище Кулдор-тепе, несомненно, помогут в решении этого вопроса, а расширение археологических работ в районе Самарканда даст новый материал, который при правильном подходе к нему дополнит и исправит наши представления об историческом прошлом всей восточной части Зеравшанской долины[60].

---

[60] При работе над этой статьей, рассматривая сообщения античных, китайских и арабоязычных авторов, мы неоднократно пользовались помощью Е. А. Мончадской, Е. Г. Лубо-Лесниченко и А. И. Михайловой, за что приносим им свою искреннюю благодарность.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

ЗАХОРОНЕНИЕ КОСТЕЙ В ХУМАХ И ОССУАРИЯХ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БУХАРСКОГО ОАЗИСА

Последним по времени видом погребений в Кую-Мазарском и Лявандакском могильниках являются захоронения костей в хумах, опущенных в курганные насыпи[1]. Такие захоронения были обнаружены в насыпях курганов № 1, 3 и 4 группы курганов близ бугра Соинова, в насыпи кургана № 17 на поле № 1 Кую-Мазарского могильника. Кости скелетов клались не только в целые хумы, но и на крупные фрагменты, в частности донцев хумов, или в крупные кувшины, верхняя часть которых была отбита.

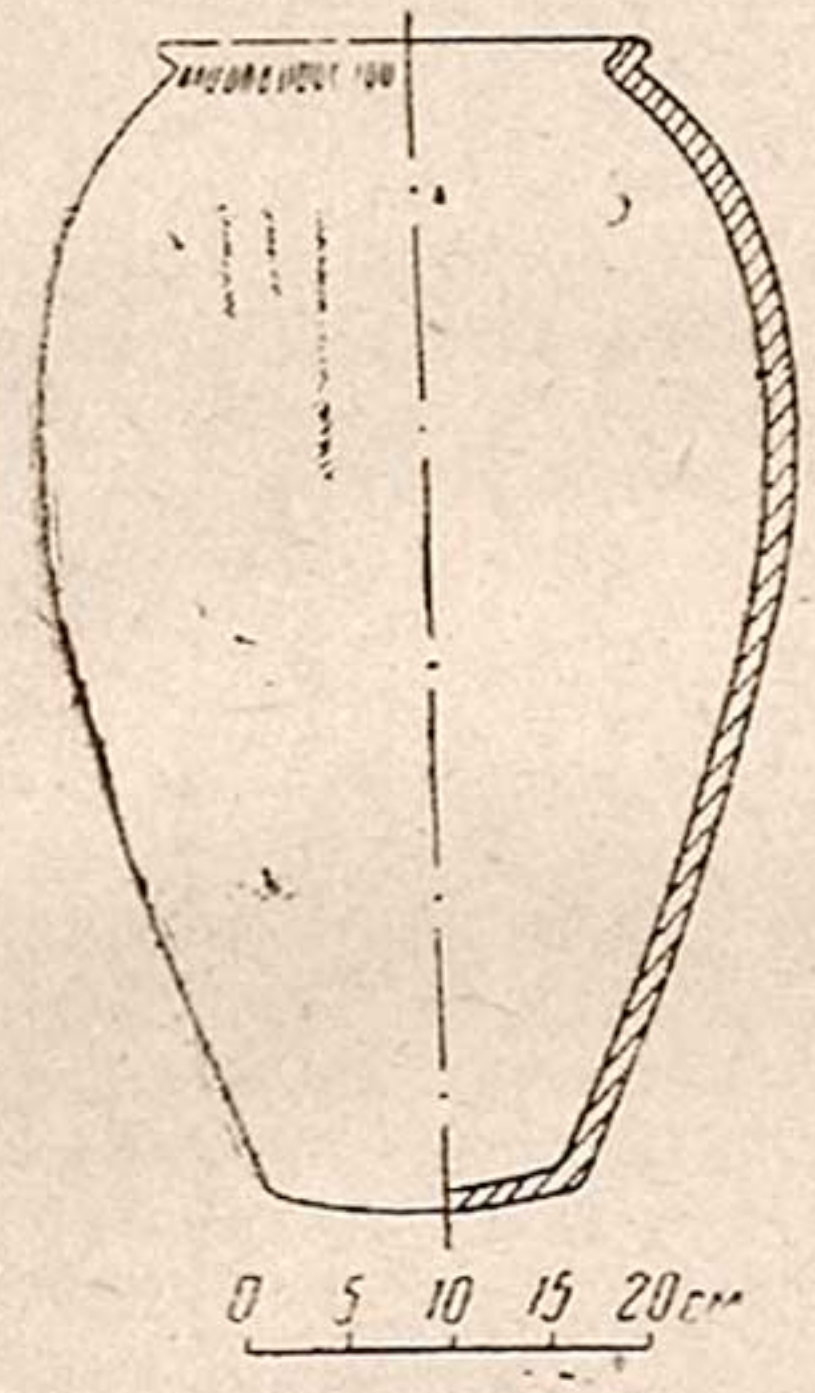


Рис. 1. Хум из кургана № 1.

Хум, найденный в насыпи кургана № 1, изготовлен из глины серого обжига и покрыт снаружи беловато-серым ангобом. Высота хума — 51 *см*, ширина в средней части — 38 *см*, диаметр горла — 24 *см*, диаметр донца — 16 *см*. Венчик хума слегка отогнут, снаружи по шейке хума палочкой нанесен (до обжига) орнамент в виде насечек. По плечам хума, ниже орнаментального пояса, сделана раскраска в виде натеков черно-бурого цвета. Внутри хум был заполнен землей с сильно истлевшими ребрами и позвонками человека.

При вскрытии насыпи кургана № 3 в восточной его части был обнаружен хум, лежащий в углублении, сделанном

[1] О. В. Обельченко, Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса, Автореферат канд. диссертации, Ташкент, 1954, стр. 7 и след.

в былой дневной поверхности. Хум лежал на боку, горло его было закрыто донцем другого крупного сосуда, видимо, специально разбитого для этой цели, ибо остальными фрагментами его были обложены боковые стенки хума. В хуме оказались полностью кости скелета одного человека, два черепа и фрагмент лобной кости третьего. Кости были пересыпаны чистым мелким песком и имели беловатый оттенок — следствие долгого лежания на воздухе под солнцем и дождем.

Хум сделан из глины красного обжига, от долгого пребывания в гипсе ангоб слез и сохранился только частично. По беловато-серому ангобу на плечиках видны следы раскраски в виде натеков марганцево-черного цвета. Выжимавшаяся на плечи хума краска струйками стекала к донцу; под воздействием гипса краска выелась и остались полосы, местами сохранившие окраску. Тулово хума округлое, напоминающее яйцо с плоским дном в утончающейся части и венчиком в широкой части. Высота хума — 60 *см*, ширина тулова — 48 *см*, диаметр горловины — 17 *см*, диаметр донца — 26 *см*. Венчик хума слегка отогнут наружу.

Второй, разбитый сосуд, который условно можно назвать хумом, сделан из глины такого же обжига. По форме сосуд аналогичен предыдущему. Высота его — 44 *см*, диаметр горловины — 24 *см*, диаметр донца — 21 *см*, венчик округлый в сечении. Вместе с венчиком сделаны три небольшие петлеобразные ручки, корни которых вдавлены пальцем и прижаты к плечикам. Ручки расположены симметрично и делят окружность венчика на три почти равные части. Ниже шейки сосуда идут два параллельных валика, пространство между которыми заполнено зигзагообразным прочерченным до обжига орнаментом. Ниже, по линии корней ручек, нанесен круговой орнамент из насечек, также сделанных палочкой до обжига. Против одной из ручек, в полосе зигзагообразного орнамента, находится сливная трубка с округлым венчиком и оттянутым носиком. Высота трубки — 3,5 *см*, диаметр — 5 *см*. Снаружи сосуд был покрыт кое-где сохранившимся сероватым ангобом, по которому сделана раскраска в виде натеков марганцево-черноватого цвета. Сосуд отличается симметричностью формы и тщательностью выделки.

Ближе к центру насыпи, западнее этого погребения в хуме, под дерновым слоем, находилась половина плоского донца хума из глины красного обжига. Донце лежало в наклонном положении; в земле, заполнившей этот фрагмент донца, находились сильно истлевшие, не поддающиеся расчистке фрагменты черепа, ребер и других костей. Снаружи,

по боковой стенке донца, видна раскраска натеками бурого цвета.

В 2 *м* от центра насыпи, под дерновым слоем, в юго-восточном секторе, наклонно стояла нижняя часть хумчи. В земле, заполнявшей хумчу, находились кости человека: небольшое количество ребер, фрагменты костей рук и ног, черепа. Кости очень плохо сохранились, сильно истлели и превратились в костную труху. Хумча сделана из глины желтоватого обжига с коричневатым оттенком. Снаружи она покрыта светло-серым ангобом, по которому нанесена раскраска в виде натеков марганцево-черного цвета. Диаметр донца хумчи—14 *см*, толщина стенок—1 *см*. Верхняя обломанная часть хумчи сильно изъедена солями и раскрошена.

Рис. 2. Сосуд типа хума из кургана № 3.

В 0,5 *м* от центра насыпи, в южной бровке, под дерновым слоем, находилась нижняя, сильно разрушившаяся часть хума из глины розового обжига. Снаружи стенки этого хума покрыты светло-серым ангобом, диаметр донца—20 *см*. Кости, заполнявшие вместе с землей хум, сильно истлели.

В насыпи кургана № 4, который оказался кенотафом, был найден фрагмент боковой стенки хума, на котором лежала разбитая нижняя челюсть взрослого человека, тонкие фрагменты черепной коробки, несколько ребер и фрагменты трубчатых костей рук. Фрагмент боковой стенки хума сделан из глины красного обжига, внешняя поверхность его покрыта светло-серым ангобом.

В южной части кургана, в материковой поверхности, находилось углубление, в котором на боку лежал хум, заби-

тый землей. При расчистке оказалось, что он заполнен костями одного человека. Хум сделан из глины желтоватого обжига, снаружи покрыт светло-серым ангобом, по которому на плечики его была нанесена краска марганцево-черного цвета; полосами краски в виде струек были покрыты боковые стенки хума. Высота хума — 56 *см*, диаметр венчика — 22 *см*, диаметр дна — 23 *см*. На тулове хума хорошо видны горизонтальные „швы", указывающие на ленточную технику изготовления.

Рис. 3. Хум из кургана № 4.

В насыпи кургана № 17, на поле № 1 Кую-Мазарского могильника, неподалеку от центра, на былой дневной поверхности, стояла нижняя часть хума из глины краснова-того обжига. Верхняя часть хума под действием атмосферных осадков и ветра искрошилась, в нижней части, около донца, на внешней поверхности, сохранился светло-серый ангоб. Остатки хума были заполнены землей, в которой встречалась костная труха.

Среди найденных бытовых хумов, которые были использованы в погребальных целях, выделяется оссуарий в виде хума, обнаруженный в насыпи кургана № 2 в I группе курганов около городища Лявандак. Хум-оссуарий, наполовину зарытый в слой материкового гипса, находился в юго-западном секторе кургана. Он стоял немного наклонясь на одну сторону. Сверху горловина оссуария была прикрыта сосудом типа тагоры из глины красновато-коричневого обжига.

От времени, в результате воздействия солей и влаги, глиняное тесто раскрошилось, и тагора лежала на горловине в виде мелких крошек терракоты. Несколько лучше местами сохранился округлый венчик тагоры. Высота хума-оссуария — 56 *см*, диаметр венчика — 28 *см*, диаметр плоского донца — 26 *см*. Он сделан из глины красного обжига. По его плечикам, на расстоянии 10 *см* одна от другой, прочерчены до обжига две полоски, пространство между которыми заполнено орнаментальным поясом из прорезных стреловидных „бойниц" длиной до 4 *см*. Они имитируют бойницы крепостных стен. Под нижней чертой находится второй орнаментальный поясок в виде прямоугольных выемок, имитирующих ложные бойницы.

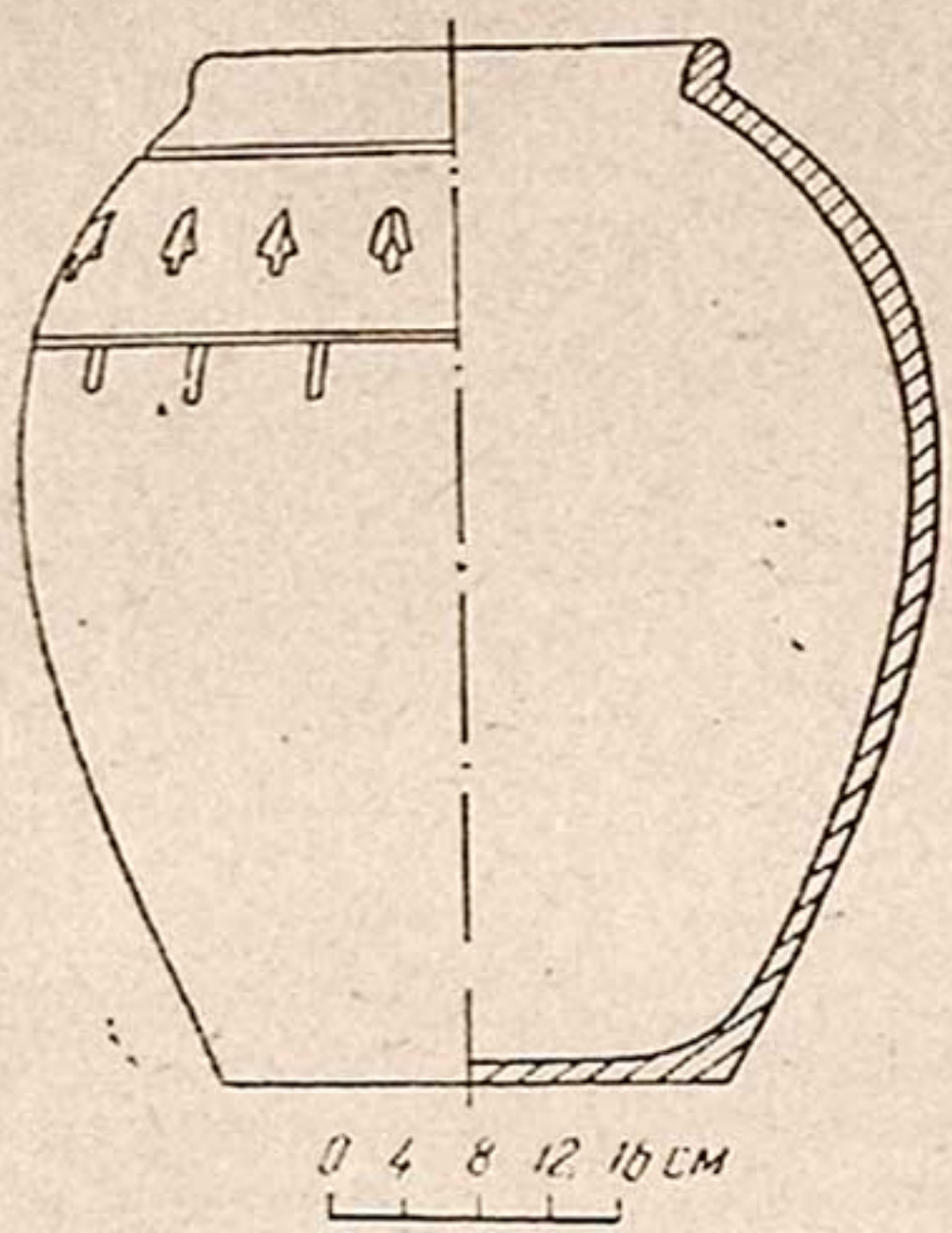


Рис. 4. Хум-оссуарий из кургана № 2.

В хуме-оссуарии находилась земля и кости скелета с черепом. Под воздействием влаги и солей стенки хума-оссуария растрескались и пропускали внутрь влагу и песок, которые в свою очередь превратили кости в труху, не поддающуюся консервации.

Широкий размах работ по археологическому изучению Средней Азии выявил памятники оссуарного погребального обряда почти на всей ее территории. Со времени первой находки оссуария в XIX в. в Ташкенте и до наших дней в различных пунктах Средней Азии находили не только отдельные экземпляры оссуариев, но и целые кладбища.

Наряду с кладбищами, в которых были найдены захоронения костей в оссуариях, обнаружены кладбища, в которых погребальной урной служили хумы. Это — кладбище Тик-Турмас в районе Джамбула[2], Фринкентское костехранилище под Самаркандом[3], захоронения в хумах на городище древ-

---

[2] Г. И. Пацевич, Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе, Известия Академии наук КазССР, № 46, серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 104.

[3] Г. (В.) Григорьев, Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под г. Самаркандом, ВДИ, 1939, № 2, стр. 144 и след.

него Сарыга (Красная Речка) в Семиречье[4], в Старом Мерве[5].

К этому далеко не полному перечню кладбищ оссуарного типа можно ныне присовокупить и открытое в 1952 г. Кую-Мазарское кладбище с захоронениями в хумах, которые были опущены в насыпи курганов.

Таким образом, во время раскопок курганных насыпей было найдено три хума, два из которых оказались целыми, а у третьего не хватало части боковой стенки; четвертым, собранным из фрагментов, был крупный сосуд типа хума, но с ручками и сливным носиком. Все три хума, как и многие фрагменты, покрыты краской марганцево-черного цвета, которая была выжата из тряпки на плечики и оттуда стекла струйками вниз по боковым стенкам. Большое количество фрагментов хумов с такой раскраской обнаружено при опускании шурфов на городищах Ходжа-Аджуванди-тепе и Лявандак, входящих в систему стены Кампыр-дувал. Крупный сосуд со сливным носиком и ручками около венчика по технике изготовления совершенно одинаков с хумовидным оссуарием из Лявандакского могильника. Но плечики и боковые стенки сосуда с носиком покрыты такими же натеками марганцево-черной краски, как и хумы. По форме же оссуарий одинаков с хумом, который был обложен фрагментами сосуда с носиком. Следовательно, хумовидный оссуарий и найденные в насыпи кургана № 3 хум и сосуд со сливным носиком — одинаковой техники изготовления и, очевидно, одного времени.

Оссуарий и хум из насыпи кургана № 3 своей формой напоминают хум с тамгой из Пянджикента, который имеет широкое и невысокое тулово, но венчик этого хума отличен от венчиков кую-мазарского и лявандакского хумов-оссуариев[6].

Венчик хума из насыпи кургана № 4 схож с венчиком хума из слоя Кабадиан V (IV—V вв. н. э.) на городище Кей-Кобад-шах, но формы хумов несколько отличны. Каба-

---

[4] А. Н. Бернштам, Труды Семиреченской археологической экспедиции, Чуйская долина, МИА, 14, 1950, стр. 32 и след.

[5] Осенью 1955 г. автором данной статьи во время работ ЮТАКЭ в некрополе древнего Мерва было найдено захоронение костей в хуме.

[6] И. Б. Бентович, Керамика Пянджикента, Труды ТАЭ, т. II, МИА, 37, 1953, стр. 136, рис. 3.

дианский хум имеет более длинную горловину, нежели кую-мазарский[7].

Хум, найденный в насыпи кургана № 1, одинаков по форме и орнаментации с хумом первых веков н. э. с городища древнего Термеза. Оба хума имеют вытянутое тулово, одинаковую орнаментацию короткой шейки насечками и раскраску в виде натеков по внешним стенкам. Разница только в венчиках: венчик хума из Термеза массивнее венчика кую-мазарского хума[8]. Судя по приведенным аналогиям, захоронения костей в хумах можно отнести к V—VI вв. н. э.

В связи с находкой захоронений костей в хумах в насыпях курганов около бугра Соинова можно предположить, что бугор Соинова служил дахмой, где трупы очищались от мягких покровов птицами, хищными животными или под влиянием атмосферных условий. Необходимо напомнить, что курганные насыпи, в которых были обнаружены захоронения костей в хумах, находятся между стеной Кампыр-дувал, проходящей по границе оазиса и степи, и бугром Соинова, являющимся самой возвышенной точкой окружающей местности. Таким образом, расположение бугра в пустыне за пределами оазиса полностью отвечало тем требованиям, которыми обусловливался выбор места, куда следовало выносить трупы для очищения костей, согласно предписаниям религиозных законов зороастризма. По этим законам, верующим предписывалось нести трупы на самые высокие места, «...где известно пребывание хищных собак и птиц»[9]. Такими местами, по замечанию В. Гейгера, могли быть холмы естественного происхождения, курганы из земли, камня и т. д., что находит подтверждение и в Авесте[10].

Таким образом, вполне возможно, что бугор Соинова использовался как дахма населением, живущим в оазисе за стеной. Его же, вероятно, использовало и население, которое жило в крепостце (ныне городище Лявандак), находящейся в 2—2,5 *км* восточнее бугра; в курганной насыпи около этого городища был найден хум-оссуарий.

Очищенные от мягких покровов кости собирались род-

---

[7] М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кабадиан), Труды ТАЭ, т. II, МИА, 37, 1953, стр. 291, рис. 27.

[8] М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН СССР, серия 1, история, археология, вып. 2, Термезская археологическая экспедиция, Ташкент, 1940, стр. 71, рис. 38.

[9] К. (А.) Иностранцев, О древне-иранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНП, новая серия, ч. XX, 1909, март, СПб., 1909, стр. 101.

[10] Там же.

ственниками, складывались в хумы или крупные обломки от них и помещались в наусы, которыми служили в данном случае курганные насыпи.

Использовались под наусы и заброшенные городища, такие наусы были открыты в Хорезме на городище Калалыгыр № 1. Оссуарии, найденные на этом городище, помещались на внутренней стороне городской стены, на специально вырубленных ступеньках, а одна из башен городской стены была приспособлена под дахму. Центральная часть городища также была использована как наус[11]. Известны наусы, специально выстроенные для хранения оссуариев; таковы наусы Кафыр-Калы и Пянджикента[12].

В более поздние времена, когда этот погребальный обряд сохранился только в отдельных уголках Средней Азии, дахмой и наусом служило одно и то же место, что хорошо видно по Фринкентскому костехранилищу[13].

Подтверждение предположения об использовании бугра Соинова под дахму было получено при обследовании его в 1952 г. Во время осмотра бугра на западном склоне был найден фрагмент стенки оссуария из глины красноватого обжига. При зачистке верхней площадки бугра обнаружено еще три фрагмента, которые, судя по обжигу глины и орнаментации на них, принадлежали разным частям одного оссуария.

Фрагмент оссуария, найденный на склоне бугра, имеет на внешней поверхности часть орнамента, прочерченного до обжига; один из обломанных концов этого фрагмента сохранил остаток какого-то отштампованного на стенке изображения. Два фрагмента от одного оссуария орнаментированы при помощи штампа, которым, видимо, служила какая-то трубочка; торцовой частью ее наносился орнамент, имеющий вид вдавленного кружка с шишечкой в середине, которая напоминает так называемые «сасанидские» сосочки. В некоторых кружках вместо сосочка имеется косой крестик; этот тип орнамента похож на орнамент, нанесенный на фрагмент оссуария из Пянджикентского некрополя[14].

---

[11] С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г., СА, XVIII, 1950, стр. 316; он же, Итоги работ Хорезмской экспедиции АН СССР в 1953 г., ВДИ, 1955, № 3, стр. 199.

[12] А. Ю. Якубовский, Древний Пянджикент. По следам древних культур, М., Госкультпросветиздат, 1951, стр. 268.

[13] Г. (В.) Григорьев, указ. соч., стр. 149.

[14] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская, Пянджикентский некрополь, Труды ТАЭ, т. II, МИА, 37, 1953, стр. 73, рис. 7, см. также табл. XI.

Третий фрагмент этого оссуария представлен верхней частью боковой стенки, увенчанной трехступенчатым зубцом. На лицевой стороне этого фрагмента, под зубцом, полукругом идет орнаментальный поясок из вдавленных кружочков, в которых чередуются то «сосочек», то косой крестик. Ниже этого пояска глина на стенке отслоилась, обнажив ровную поверхность стены оссуария, на которую, видимо, было налеплено вместе с венчающим ее зубцом изображение, обрамленное оставшимся орнаментом. С внутренней стороны зубец имеет выступ, на котором покоилась крышка оссуария.

Венчание боковых стенок оссуариев трехступенчатыми декоративными зубцами, имитирующими зубцы крепостных стен, встречается повсеместно. Такого типа оссуарии известны и из Ташкентской области, и из Семиречья, где они датируются VI—VIII вв.[15]

Найденные на бугре Соинова фрагменты оссуариев были первыми находками этого вида археологических объектов в Бухарской области УзССР.

Черепа, обнаруженные в захоронениях костей в хумах, принадлежат европеоидному долихоцефальному и европеоидному брахимезоцефальному типу, причем череп ребенка-подростка из хума, опущенного в насыпь кургана № 3, имеет кольцевую деформацию, но слабее выраженную, нежели на черепах из Кенкольского могильника. Так же деформирован череп из погребения II—I вв. до н. э. в катакомбе под этой насыпью[16].

Летом того же 1952 г., во время работ по изучению Кую-Мазарского курганного могильника при опросе местного населения удалось выяснить, что рыбаками, работающими на Кую-Мазарском водохранилище, год назад был найден глиняный «ящик» округлой формы. Осенью 1952 г. благодаря помощи работников Главрыбпрома УзССР удалось найти этот «ящик», который оказался оссуарием, разбитым на несколько крупных и небольшое количество мелких фрагментов, покрытых снаружи светло-серым ангобом. Удалось осмотреть и место находки оссуария рыбаками — один из маленьких, поросших тамариском островков водохранилища. По словам рыбаков, оссуарий был найден на берегу островка. Осмотр острова не дал никаких результатов: археологических находок и следов архитектурных сооружений обнаружено не было.

---

[15] А. Н. Бернштам, указ. соч., стр. 156, рис. см. на табл. XII.
[16] Определение черепов сделано В. Я. Зезенковой.

При реставрации оссуария оказалось, что он имеет овальную форму с очень интересными налепами на внешней поверхности стенок. Оссуарий сделан из глины серого обжига с чернотой в изломе (следствие недожога). Длина оссуария по дну — 56 *см*, высота стенок — 21—22 *см* (результат неровного обреза при выделке), ширина дна — 27 *см*, по верхнему обрезу стенок — 25 *см*, толщина стенок — 1 *см*. От крышки сохранился фрагмент, по которому ничего нельзя было сказать о характере ручки, венчающей ее.

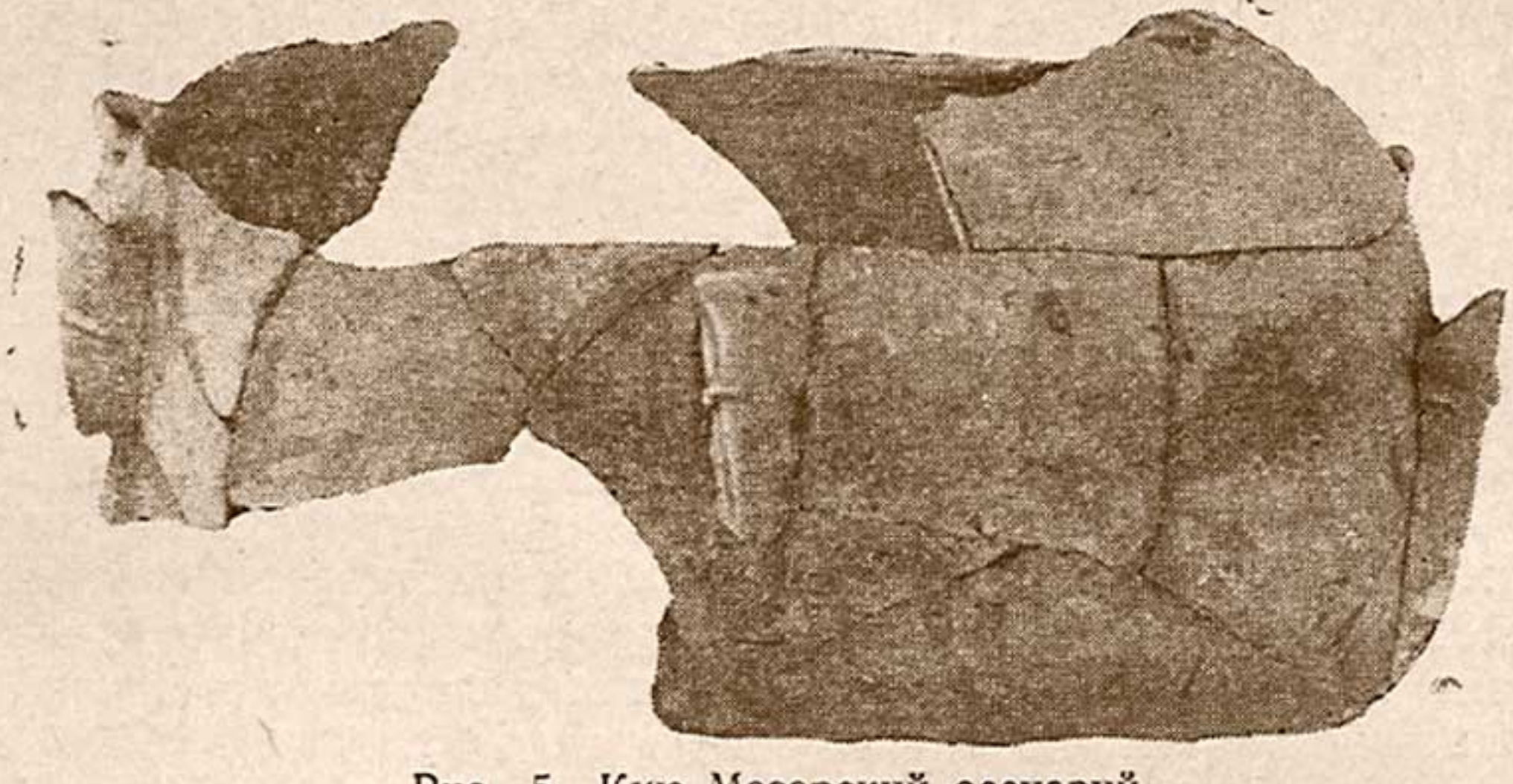


Рис. 5. Кую-Мазарский оссуарий.

Налепы на внешней поверхности стенок оссуария расположены следующим образом: по одному налепу на длинной стороне оссуария и по два — на боковых округлых стенках на небольшом расстоянии друг от друга. Налепы сделаны из глиняной полосы, согнутой так, что образуется ребро: книзу, около дна оссуария, налеп сужается, а вверху, у обреза, расширяется и ему придана форма рожка с округлыми краями. В верхней части, ниже рожка, налепы опоясаны тонким валиком из глины. Налепы полые внутри и прикреплены к стенкам оссуария своими загнутыми бортами. Объяснить назначение этих украшений весьма трудно: ничего подобного на оссуариях не встречалось. Назвать их колонками не представляется возможным, так как все известные колонки на оссуариях имеют ярко выраженные черты этого элемента архитектуры[17].

---

[17] Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 25, рис. 11.

Принять их за имитацию жертвенников, в которых совершалось ритуальное возжигание, также невозможно, ибо они слишком далеки от известных археологии изображений жертвенников. Очевидно, наиболее вероятным будет предположение о культовом назначении этих налепов. В связи с этим необходимо вспомнить черты отличия культов, с которыми было связано появление оссуарного погребального обряда в Средней Азии, от ортодоксального зороастризма.

Местные культы отличаются от ортодоксального зороастризма двумя особенностями, которые резко осуждаются зороастрийской литературой и религиозными предписаниями — это обычай оплакивания покойников и идолопоклонство. Примером может служить сцена оплакивания Сияву-ша, запечатленная в росписях Пянджикента[18], и свидетельства китайских и средневековых источников о существовании в Средней Азии в «доисламские» времена «храмов идолов» или «капищ идолов»[19], в которых поклонялись божествам, посвященным небесным светилам и силам природы[20].

Может быть для одной из этих целей и служили эти налепы, ибо характер их устройства и форма заставляют видеть в них не украшение, а какое-то оформленное декоративное устройство, имевшее «утилитарное» назначение. Возможно также, что они служили гнездом, куда втыкались какие-нибудь священные растения, приносимые душе покойного, или же в них вставлялись фигурки идольчиков. Однако настаивать на этих предположениях не приходится, так как оссуарий не был найден in situ, что, конечно, во много раз усложняет разрешение вопроса о назначении этих налепов.

Так же затруднительно определение датировки этого оссуария, ибо для подавляющего большинства найденных оссуариев точной даты нет, как нет и аналогии этому оссуарию. На основании анализа находок оссуариев в наусах Пянджи-

---

[18] А. Ю. Якубовский, Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг., Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, т. VIII, № 5, М., 1950, стр. 481 и след.; М. М. Дьяконов, Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии, КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 35 и след.

[19] К. А. Иностранцев, К истории домусульманской культуры Средней Азии, ЗВОРАО, т. XXIV, вып. 1—4, Пг., 1917, стр. 134—137.

[20] А. М. Беленицкий, О домусульманских культах Средней Азии, КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 84—85; В. В. Бартольд, Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях, Ленинградский институт живых восточных языков, Восточные записки, т. I, Л., 1927, стр. 13 и след.

кента Б. Я. Ставиский считает, что время появления овальных оссуариев можно отнести к VII—VIII вв.[21]. Вопрос же о датировке Кую-Мазарского оссуария решить труднее, ибо по технике изготовления он близок к описанному хуму из насыпи кургана № 4. С. К. Кабановым в слое V в. на городище Ер-курган был найден фрагмент овального оссуария, что дает возможность считать время появления такого типа оссуариев несколько более ранним[22]. Особый интерес приобретает находка Кую-Мазарского оссуария не только потому, что он является уникальным по технике оформления и первым оссуарием для Бухарской области, который дал почти полную форму, но и потому, что он позволяет пересмотреть некоторые положения, сложившиеся в археологии Средней Азии в вопросах об оссуариях. С этой же точки зрения весьма интересен и Лявандакский оссуарий.

Со времени находки первого оссуария в 1871 г. в саду одного из жителей города Ташкента и до наших дней об оссуариях было написано много работ, в которых высказывались разные предположения о них и о культах, с которыми связано их появление. По вопросу о форме оссуариев было высказано предположение, что прямоугольные оссуарии внешне воспроизводят дом оседлого населения, а овальные — дом кочевника (юрту). Оставляя в стороне вопрос о прямоугольных оссуариях, обратим внимание на овальные.

Впервые предположение о том, что овальные оссуарии подражают юрте, было высказано В. В. Бартольдом в одном из писем Н. П. Остроумову[23]. Последний, независимо от письма В. В. Бартольда, разбирая находки оссуариев в Туркестанском крае, пришел к заключению, что овальные оссуарии подражают юрте кочевника[24].

В настоящее время нет определенного мнения по вопросу о том, что воспроизводят собой овальные оссуарии. Одни исследователи, например А. Н. Бернштам, по-прежнему придер-

---

[21] Б. Я. Ставиский, Пянджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв., Автореферат канд. диссертации, Л., 1954, стр. 13.

[22] С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 110 и след., рис. 13 на стр. 111.

[23] В. (В.) Бартольд, К вопросу об оссуариях Туркестанского края, Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях, № 8, СПб., 1908, стр. 54—55.

[24] Н. П. Остроумов, Новые данные о глиняных погребальных урнах, Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XI, Ташкент, 1906, стр. 42.

живаются мнения, что овальные оссуарии подражают юрте, несмотря на то, что на найденных им овальных оссуариях имеются прорези в виде колонок с капителями[25], наличие которых на подобном оссуарии никак не может вязаться с представлениями о юрте.

Другие же исследователи, например Г. А. Пугаченкова, считают, что овальные оссуарии подражают намогильным курганообразным сооружениям. К этому выводу Г. А. Пугаченкова пришла, основываясь на подмеченном факте расположения прорези, куда вставлялась заслонка, — посередине или даже на верхней несъемной конической части оссуария. В устройстве таких отверстий, которые не доходили до низа оссуария и через которые клались в него кости, Г. А. Пугаченкова видит имитацию входа-лаза, подобного тем, которые имеются в муг-хона Ферганы[26].

Появление же овальных оссуариев она связывает с наплывом тюрок-кочевников в Среднюю Азию в VI—VII вв. и рассматривает бытование этой формы как свидетельство ассимиляции тюрок и приобщения их к согдийской культуре. Г. А. Пугаченкова считает, что согдийцы, приобщив пришельцев к своему культу, сообразуются с их вкусами и воспроизводят в ритуальных предметах формы, понятные для прозелитов[27].

Совершенно иной взгляд на формы оссуариев высказан Б. Я. Стависким. Отмечая, что в наусах Пянджикента и Кафир-калы найдены только овальные оссуарии, которые никак не могут рассматриваться как воспроизведение дома оседлого населения, а также ссылаясь на находки боченкообразных оссуариев в Анау и Западном Иране, он считает, что прямоугольные оссуарии предшествовали овальным, а смену форм объясняет изменением техники изготовления. Прямоугольные оссуарии изготовлялись путем скрепления отдельных, заранее оттиснутых стенок, а овальные лепились от руки[28].

К этому можно добавить, что овальные оссуарии также не являются воспроизведением намогильного сооружения, и это можно подтвердить новыми данными.

Кую-Мазарский оссуарий, овальный по форме, имеет на внешней поверхности налепы, которые никак нельзя связать

---

[25] А. Н. Бернштам, указ. соч., стр. 81.

[26] Г. А. Пугаченкова, К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 62—63.

[27] Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры..., стр. 45.

[28] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская, указ. соч., стр. 94—95.

ни с представлениями о юрте, ни с представлениями о намогильном сооружении муг-хона, ибо ни у юрты, ни у муг-хона ничего подобного снаружи нет и никогда не было. Лявандакский же оссуарий, сделанный в виде хума, но с пояском прорезных стрелок на плечиках, вообще отрицает постановку вопроса о формах оссуариев, воспроизводящих жилье или намогильное сооружение.

Находка уникального Тургай-мазарского оссуария в Самаркандской области также полностью отрицает возможность связывания форм оссуариев как с юртами, так и с намогильными сооружениями, да и вообще с какими-либо постройками.

Осенью 1952 г. в Республиканский музей культуры узбекского народа в г. Самарканде поступил уникальный оссуарий с костями человека, который был обнаружен колхозниками на склоне холма Тургай-мазар (Пай-Арыкский район).

Оссуарий из Тургай-мазара вылеплен из глины и обожжен в гончарной печи. Он имеет продолговатую овальную форму закрытого ящика, одна из коротких боковых сторон которого сделана в виде шеи и головы коня. «Круп» этой «лошади» был срезан и служил крышкой этому своеобразному оссуарию[29], т. е. в верхней части оссуария была сделана круглая прорезь, которая принималась за подражание лаза в муг-хона на овальных оссуариях[30].

Предложенная Б. Я. Стависким хронология форм оссуариев, которая несколько ранее была выдвинута А. Н. Бернштамом[31], вызывает некоторые сомнения. Считать овальные оссуарии поздней формой этого вида погребальных памятников очень затруднительно, ибо в Хорезме на городище Калалы-гыр № 1 в 1953 г. найдены оссуарии разных форм, среди которых был круглый оссуарий на ножках, в виде «бочонка»[32].

Очевидно, самые разнообразные формы оссуариев существовали в различные эпохи и пока трудно установить какую-нибудь определенную закономерность в эволюции форм. Только дальнейшее накопление фактов и выявление памятников оссуарного погребального обряда на всей территории Сред-

---

[29] М. С. Юсупов, С. И. Скиндер, Оссуарий из Тургай-мазара, Труды САГУ, Археология Средней Азии, новая серия, вып. LXXXI, исторические науки, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 140—143.

[30] Необходимо также отметить, что некоторые муг-хона имеют вход арочного типа. М. Э. Воронец, Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах, Труды Музея истории УзССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 66—68, рис. 14, 16.

[31] А. Н. Бернштам, указ. соч., стр. 31.

[32] С. П. Толстов, указ. соч., стр. 200, см. рис. 8, на стр. 199.

ней Азии позволит установить не только локальные отличия, но и разобраться в эволюции форм оссуариев. Современная же степень изученности оссуариев не позволяет делать больших обобщений. При изучении оссуариев более правильным будет видеть в них не **подражание** каким-то определенным типам построек, а **отражение** в них архитектуры эпохи, к которой они принадлежали.

При таком подходе к изучению оссуариев они будут очень ценным источником по изучению истории архитектуры и искусства. В оссуариях, как во всех погребальных памятниках вообще, нашла отражение идеология той эпохи, к которой они принадлежали, а также высокое художественное мастерство древних народов Средней Азии. Это видно по характеру орнаментации оссуариев от простейших линейных узоров или ленточных налепов до сложных сюжетных сцен. В различной же степени богатства орнаментации и украшений оссуариев, вероятно, отражена многогранность вкусов и запросов потребителей, а также и разница в их экономическом положении, ибо покупка более богато украшенных оссуариев была доступна лишь зажиточным слоям населения, что неоднократно уже отмечалось исследователями[33].

Место находки Кую-Мазарского оссуария, на островке, бывшем когда-то бугром в пустынной и необжитой части степи, позволяет видеть в нем своеобразный наус. Вполне возможно, что крутые склоны этого бугра служили местом, куда складывались оссуарии. Использование же естественного бугра под наус также имеет много аналогий на территории Средней Азии. Следовательно, вполне естественным будет предположение о том, что нынешний островок водохранилища некогда служил кладбищем для оссуариев.

Находка Лявандакского и Кую-Мазарского оссуариев и обнаружение культовых мест в этом районе в некоторой степени заполняют пробел в изучении древней культуры Бухарской области и включают эту часть древнего Согда в ареал распространения оссуарных погребений. О большой древности, так же как и в других районах Средней Азии, и длительном существовании этого местного культа свидетельствуют данные, приводимые в «Истории Бухары» Наршахи (X в.). Наршахи сообщает, что еще в X в. в Бухаре был базар, где местное население могло приобрести идольчиков, а огнепоклонники, маги, в день нового года, до восхода солнца, приносили в жертву петуха у восточных ворот арка, где якобы находилась могила Сиявуша[34].

---

[33] См., например, Н. П. Остроумов, указ. соч., стр. 41.

[34] Мухаммад Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, 1897, стр. 30—33.

С. К. КАБАНОВ

РАСКОПКИ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК И ГОРОДСКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ГОРОДИЩЕ ВАРАХША в 1953—1954 гг.

В 1951—1952 гг. в середине западной части городища Варахша, возле городской стены, велись археологические раскопки с целью изучения наслоений последнего периода жизни

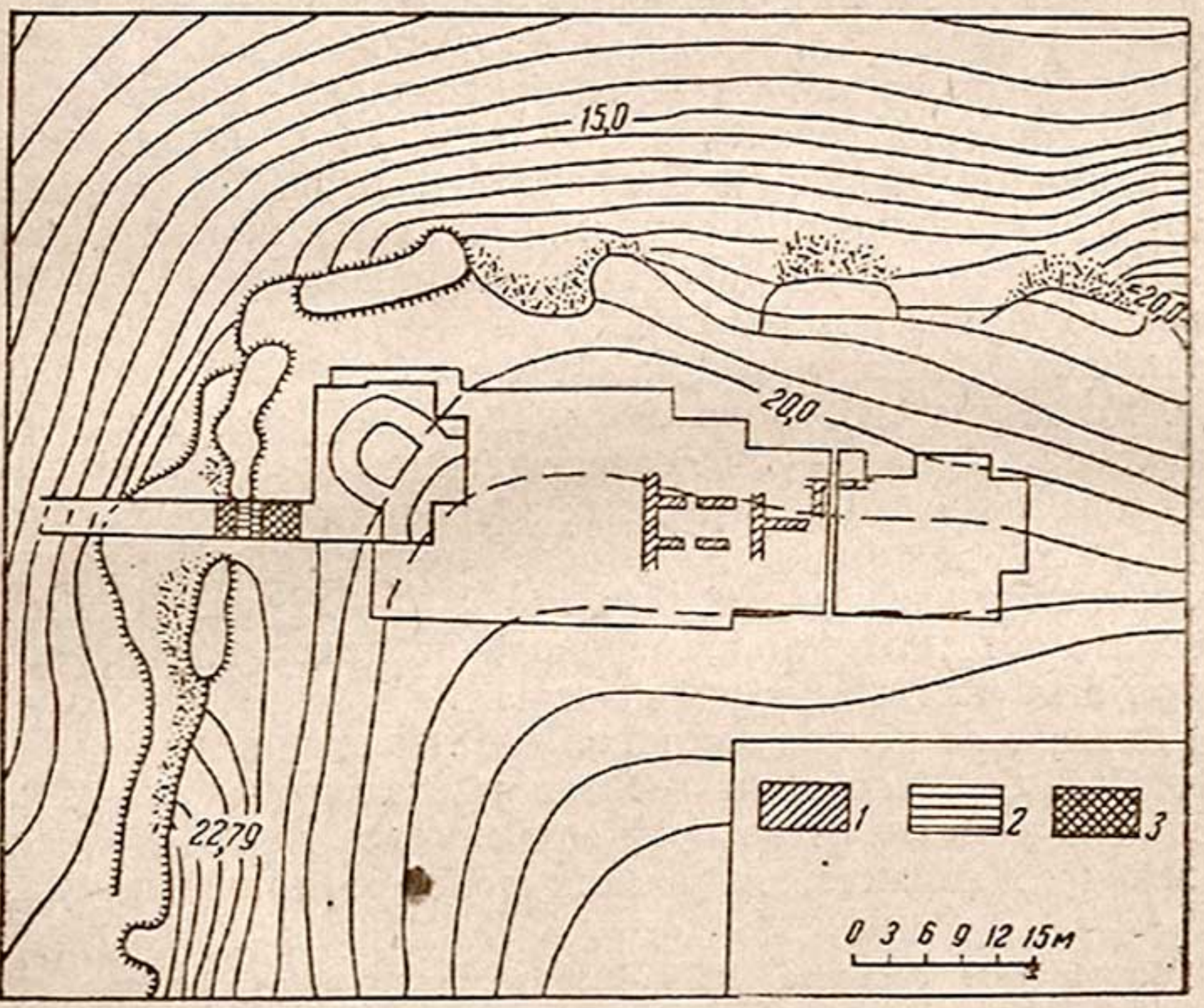


Рис. 1. Раскоп в северо-западной части городища Варахша.
Условные обозначения:
1-стены зданий X в., *2*-стены усадьбы (квартала?), *3*-городские стены VII—VIII вв.

города (IX — начало XI в.). В довольно большом раскопе площадью в 1630 $м^2$ была раскрыта часть жилого квартала

средневекового города с небольшим отрезком улицы и остатками прилегавших к ней дворов[1].

В 1953 г. было решено продолжить изучение верхних наслоений городища Варахша с тем, чтобы пополнить материалы исследований средневекового города. Место раскопа было выбрано в северо-западном углу городища (рис. 1); этот раскоп в 1954 г. был в своей западной части углублен и расширен с целью исследования древних и средневековых оборонительных сооружений[2].

По своему содержанию работы 1953—1954 гг. можно подразделить на три основные части:

1. Раскопки жилых построек IX—X вв.
2. Раскопки угловой башни древней городской стены.
3. Стратиграфический разрез.

I. РАСКОПКИ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК IX—X вв.

Место раскопа до вскрытия представляло собой пологий склон от поздних городских стен к впадине, находящейся в западной части городища. Поверхность склона была усыпана, как и все городище, фрагментами сосудов и жженого кирпича VIII—XI вв., среди которых встречались обломки и более ранних керамических изделий.

Площадь раскопа в 1953 г. была доведена до 870 *м*² (рис. 2), длина его вдоль северной стены равнялась 52 *м*, наибольшая ширина — 22 *м*. Вскрывались только поверхностные слои, состоявшие из рыхлых завалов, в которых встречались обломки керамики и жженого кирпича, так же как и на поверхности, почти исключительно VIII—XI вв. Чтобы обнаружить остатки зданий последних периодов жизни города, раскоп был местами углублен до 1 *м*.

Недалеко от центра западной части раскопа, почти на поверхности, были найдены остатки массивной стены (рис. 3) толщиною в 90 *см*, от которой сохранилась только подкладка из жженого кирпича, тянущаяся полосою длиной в 12 *м* в

---

[1] Результаты раскопок 1951—1952 гг. изложены в статье автора «Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша», Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. VIII, Ташкент, 1956, стр. 95—125.

[2] В 1953 г. работы на раскопе велись с 6 сентября по 24 октября, в 1954 г. — с 5 сентября по 31 октября. Работы проводились под руководством начальника экспедиции В. А. Шишкина, в 1954 г. — при консультации архитектора В. А. Нильсена. Ведение работ было поручено автору настоящей статьи. В качестве коллекторов в них принимали участие А. Н. Златомрежев (в 1953 г.) и С. С. Елохин (в 1954 г.).

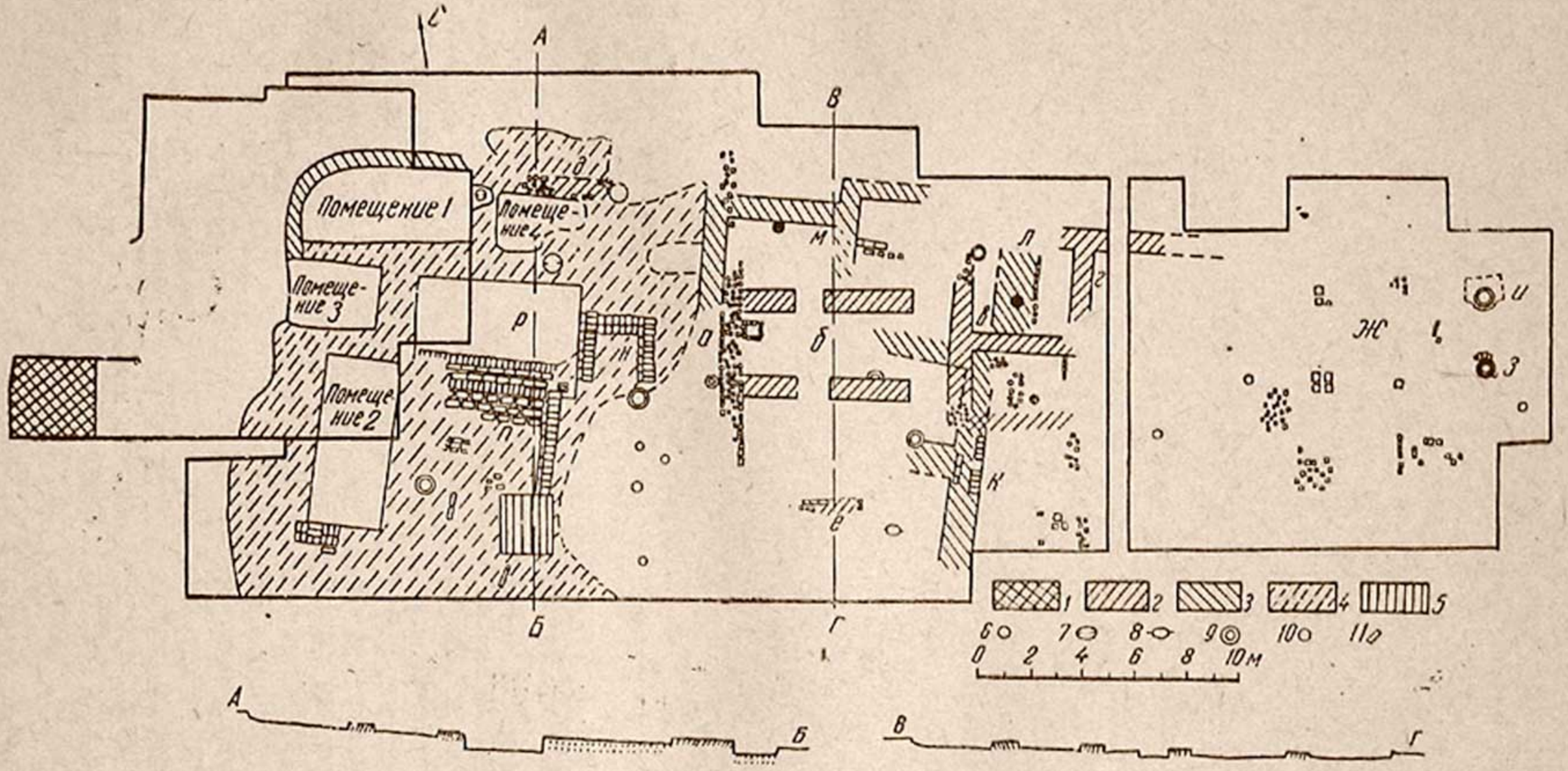


Рис. 2. План и разрезы раскопа 1953 г. (жирной линией выделена площадь раскопа 1954 г.).
Условные обозначения:

1-городская стена, *2*-глинобитные стены (зданий) с кирпичной подкладкой, *3*-глинобитные стены без кирпичной подкладки, *4*-кладки из сырцового кирпича, *5*-останец, *6*-ташнау, *7*-ямы, *8*-тонуры, *9*-хумы, *10*-очаги, *11*-водоотводная труба.

направлении с севера на юг. Подкладка сделана весьма небрежно, из кусков кирпича, размеры которого обычны для верхних наслоений городища (21,5×21,5×3 *см*); относительно правильной кладкой выложены только края, внутри же стены в беспорядке наложены куски кирпича и фрагменты толстостенных сосудов. К восточной стороне этой подкладки примыкают две стены меньшей толщины (80 *см*), перпендикулярных к первой. Сохранилась не только кирпичная подкладка их,

Рис. 3. Кирпичная подкладка глинобитной стены.

сделанная, по-видимому, для изоляции стены от влаги, но также и сами глинобитные стены высотой до 25 *см*. Нужно отметить, что кирпичная подкладка этих двух стен примерно на столько же (25 *см*) ниже подкладки стены, проложенной в направлении с севера на юг; благодаря этому обстоятельству и сохранилась нижняя часть глинобитных стен помещения.

Выявляющееся помещение с восточной стороны также замыкается стеной; таким образом, определяются контуры помещения длиною в 7,8 *м* и шириною в 2,5 *м*, характерная особенность плана которого — наличие двух проемов с северной и южной сторон; видимо, это помещение было проходным. План других помещений здания восстановить невозможно, так как от них сохранились лишь небольшие фрагменты стен (рис. 2, *в, г, д, е*). После обнаружения остатков здания стало

ясно, что в данном месте нельзя рассчитывать на хорошую сохранность сооружений X в., к которому , судя по обнаруженным стенам, можно его отнести. Тем не менее, факт наличия такого здания помогает понять планировку города этого времени. В 1951—1952 гг. в западной части городища было обнаружено несколько подобных зданий; как выяснилось такие же здания были и на северной стороне. Следовательно, мы можем придти к выводу, что значительная часть города X в. была застроена глинобитными зданиями с кирпичной подкладкой под стенами.

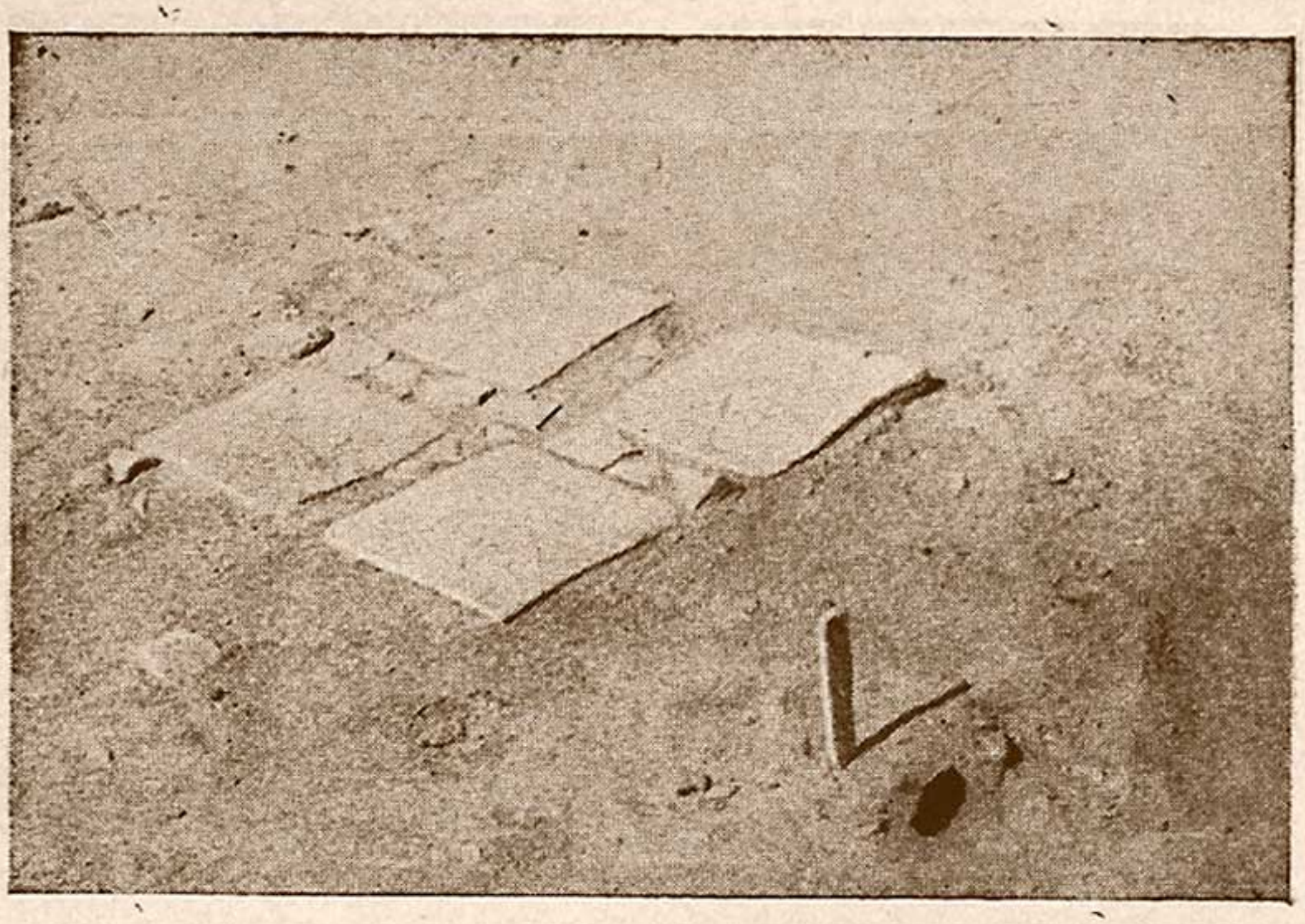


Рис. 4. Кирпичная подкладка под колонну.

Небольшая площадка была расчищена дальше к востоку, но на ней уже не обнаружено стен других построек с кирпичной подкладкой описанного вида. Здесь найдены остатки здания иного типа (рис. 2, *ж*). На глубине 45 *см* была раскрыта на ровном глинобитном полу кладка из четырех крупных жженых кирпичей (рис. 4) размером 30×30×4 *см* и 32×32×4 *см*. Эти кирпичи образуют выкладку в виде квадрата, длина стороны которого равна 72 *см*; в промежутках между целыми кирпичами положены обломки. Вначале эта кладка была загадочной, но затем на расстоянии 2,5 *м* к северу от нее был обнаружен фрагмент подобной же кладки, а в 2,4 *м* к востоку — кирпич того же размера (32×32×4). Эти

кладки служили как бы основанием для колонн или столбов, находившихся внутри помещения. Следовало бы найти еще четвертую опору, но ее на месте не оказалось; найден лишь значительно смещенный фрагмент кладки из кирпича размером 22×22×3 *см*, по-видимому, от другого сооружения. Во всяком случае, находка трех опор для колонн свидетельствует о том, что здесь было здание, перекрытие которого частично покоилось на колоннах. Внешние стены этого здания не сохранились; вероятно, они были без кирпичной подкладки и целиком разрушились.

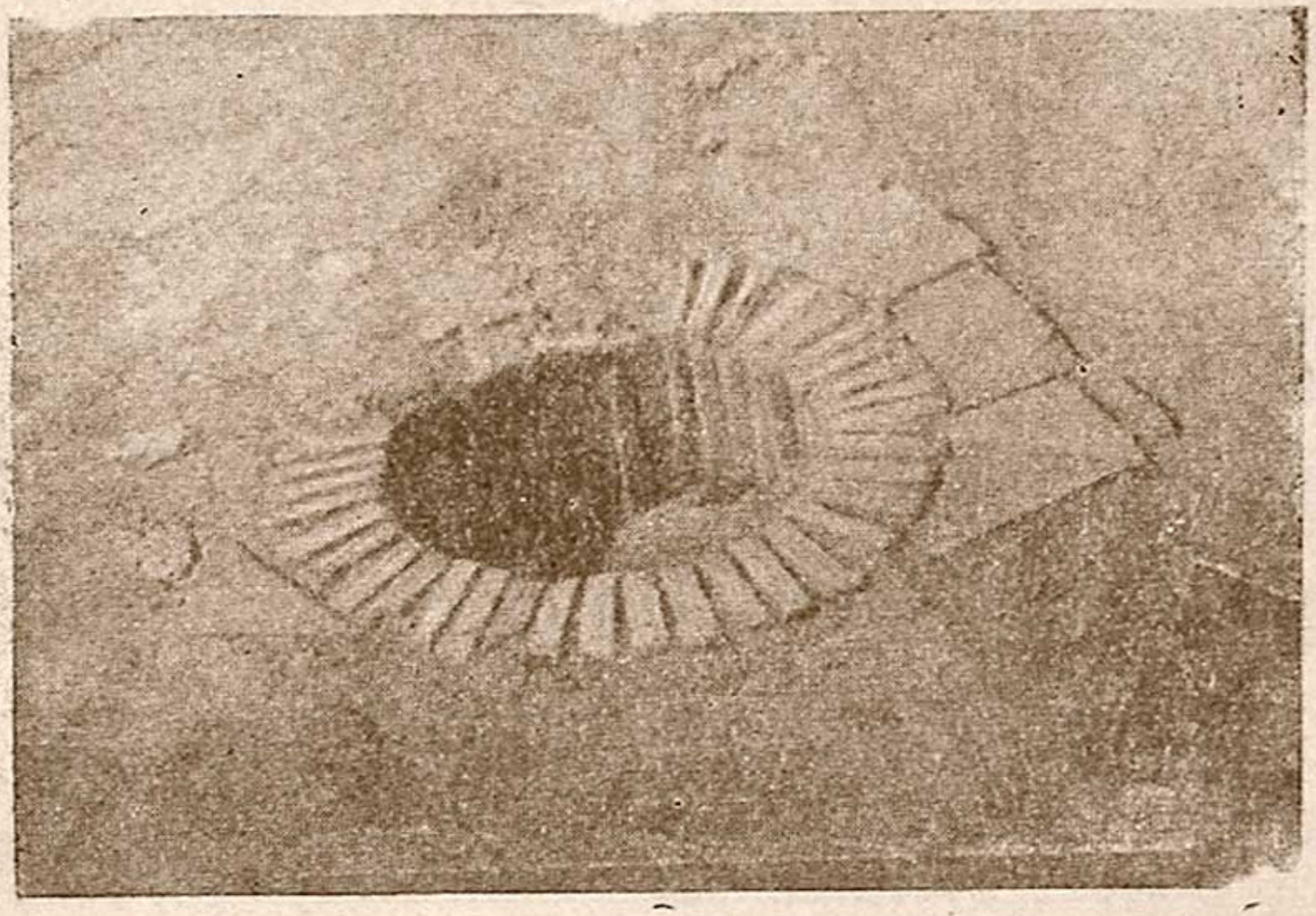


Рис. 5. Круговая кирпичная выкладка (резервуар?).

Еще дальше к востоку было обнаружено приспособление (рис. 2, *з*), назначение которого пока нельзя определить с уверенностью. Приспособление представляет собой неправильный круг, выложенный на алебастровом растворе из половинок кирпича, поставленных на ребро (рис. 5); диаметр круга — 42 *см*, размер кирпича — 23×23×3 *см*. На поверхности, по внешнему краю круга, частично сохранилась горизонтальная выкладка из кусков кирпича, имевшая, очевидно, прямоугольную форму. Внутри круга образуется как бы резервуар глубиною в 23 *см* с дном, выстланным двумя кусками плотно-пригнанного кирпича. Стенки резервуара заштукатурены алебастром, на них нет признаков воздействия огня, нет и

отверстия в полу; следовательно, это не сандал (очаг) и не ташнау (водоотвод). ,

В двух метрах севернее этого приспособления обнаружен хум(рис. 2, *и*), вкопанный в землю настолько, что его венчик находился чуть повыше поверхности с резервуаром (рис. 6). При расчистке хума выяснилось, что он поставлен

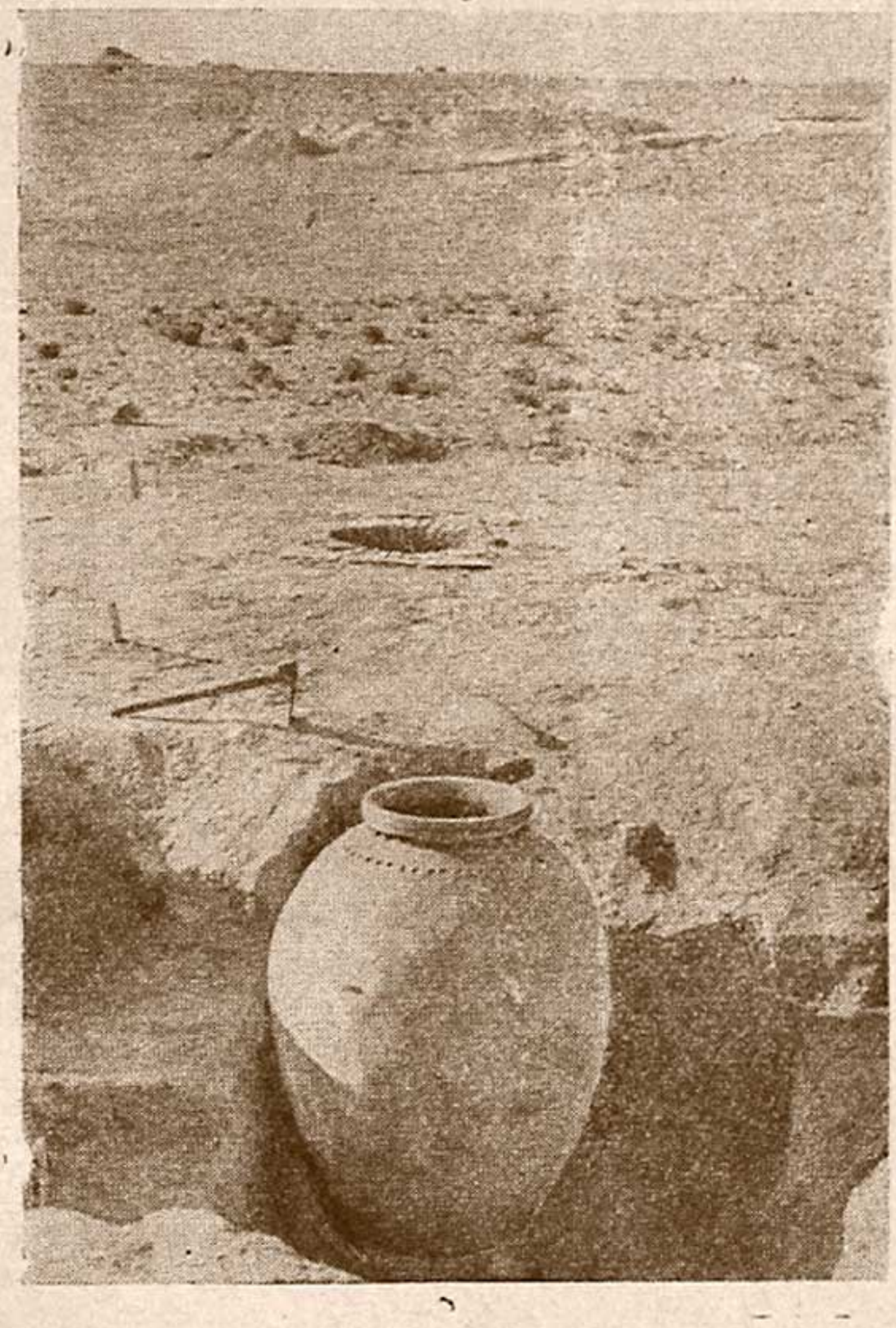


Рис. 6. Круговая выкладка из кирпича и хум.

в яму, вырубленную в более ранней кладке из прямоугольного сырцового кирпича размером 41×25×9 *см.* Со стороны описанного приспособления из кирпича хум приставлен к стенке ямы, с западной же стороны в яму намечается довольно пологий спуск. В хуме, у дна, обнаружено круглое отверстие, причем сосуд поставлен таким образом, что оно обраще-

но не к стенке ямы, а к спуску. Отверстие в хуме указывает на специальное применение этого сосуда как резервуара для вина; быть может, сосуд имел и иное назначение.

К X в. относятся и многочисленные ташнау в виде различных крупных сосудов, вкопанных в более древние наслоения: в землю вкапывались и сосуды для хранения зерна и воды. От всех этих приспособлений сохранились лишь днища или водоотводные трубы в фрагментах.

В помещении (рис. 2, *б*) обнаружена квадратная яма размером 46×46 *см*, выложенная кладкой из кусков жженого кирпича толщиною в 2,5—3 *см*. Глубина ямы — 44 *см*. Яма была наполнена пылевидной массой, состоящей из рыхлой глины, золы и размельченного угля. Встретились обугленные стебли камыша, кости, немного керамики. Так как стенки ямы не обожжены и она заполнена продуктами перегара, легко определить ее назначение: сюда сваливали золу и уголь из очагов до выноса из помещения.

В средней части раскопа, частично под стенами с кирпичной подкладкой, обнаружены фрагменты более ранних стен из сырцового кирпича или глинобитных. На протяжении 8 *м* прослежена стена из сырцового кирпича преимущественно размером 41 × 27 × 10 *см*, проложенная в направлении с юга на север, с двумя примыкающими к ней с западной стороны такими же стенами (рис. 2, *к*). Толщина стены — 110 *см*. Сохранилось до пяти рядов кладки глубиною в 55 *см*. Ниже обнаружена тонкая прослойка глины и кладка из кусков пахсы, выступающая из плоскости стены, видимо подготовка под фундамент. Северная часть остатков этой стены прикрывается более поздней глинобитной стеной с подкладкой из жженого кирпича. Дальше к северу, на уровне стены из сырцового кирпича, обнаружен небольшой фрагмент другой стены, глинобитной, с бордюром из жженого кирпича по восточной стороне. В северной части раскопа прослежены остатки стен еще одного здания (рис. 2, *м*). Сохранились стены двух помещений; толщина стен — 90 *см*, высота — до 25 *см*. В одном из помещений был очаг в виде круглого углубления диаметром в 55 *см*.

В западном углу раскопа, почти на поверхности, найден массив кладок из сырцового кирпича, являющихся остатками разновременных сооружений; кирпич прямоугольный, в длину — 37—45 *см*, в ширину — 24—29 *см*, в толщину—7—11 *см*. Среди конструктивных элементов, различающихся в этом массиве, прежде всего привлекают к себе внимание площадки с разнообразной выкладкой из сырцового кирпича (рис. 2, *н*, *п*), иногда хорошей сохранности (рис. 7), а иногда

заплывшие и растрескавшиеся. В некоторых местах выявлена глубина кладок: обычно она небольшая, в один-два ряда кирпичей, но встречается и больше — до пяти рядов. Пока невозможно с уверенностью определить назначение выкладок из кирпича, образующих как бы небольшие платформы; можно только предположить, что их появление вызвано спецификой жизни города на развалинах старых сооружений как прием подготовки ровных площадок для бытовых нужд и для нового строительства.

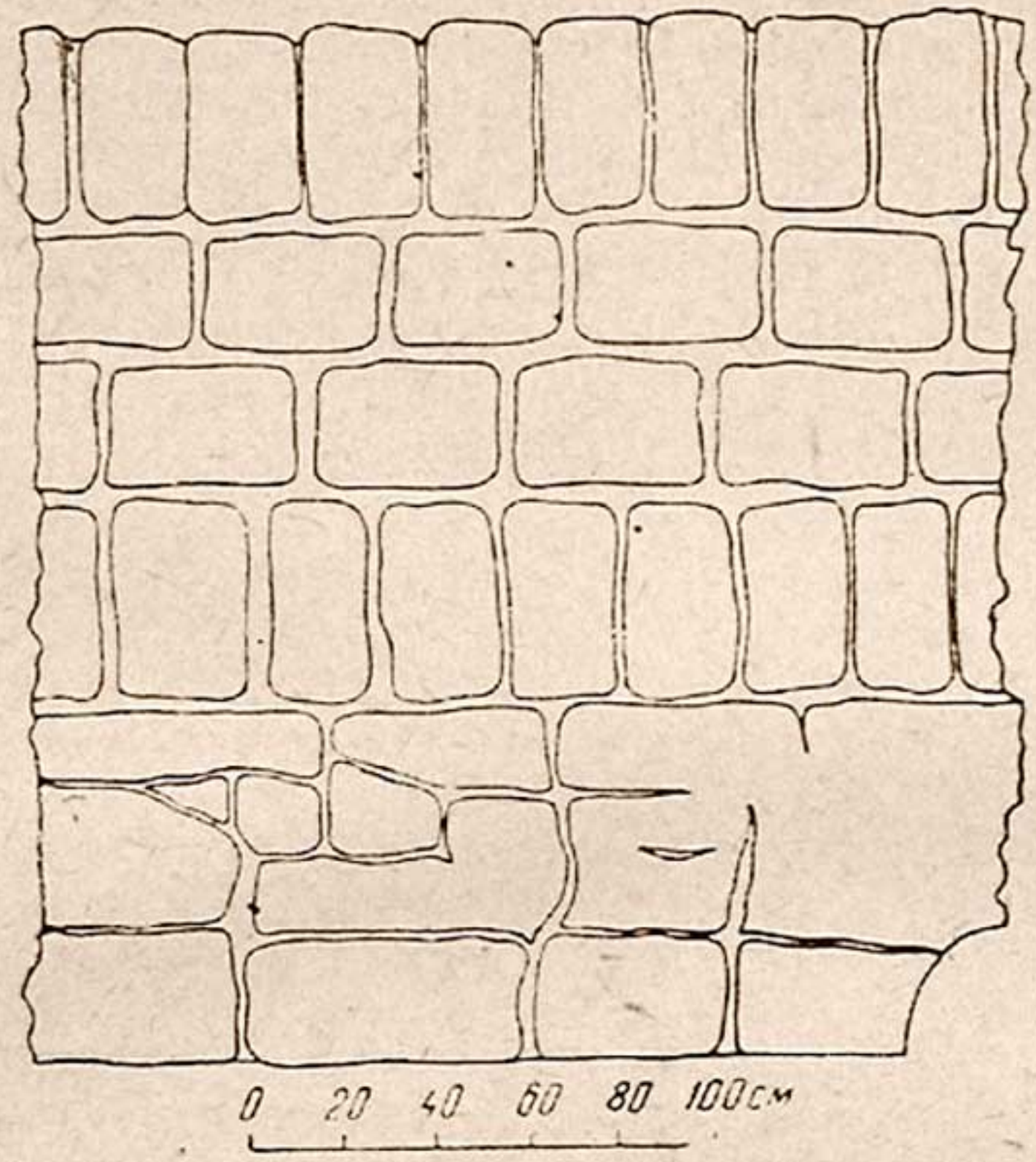


Рис. 7. Выкладка из сырцового кирпича (фрагмент).

В массиве из сырцового кирпича (рис. 8) при расчистке выявились места, заполненные грунтом различной плотности. Наибольший из таких промежутков находится в середине этой части раскопа (рис. 2, *р*). В плане это почти правильный прямоугольник, расширенный в юго-восточной части. Сверху, на глубину до 1 *м*, этот промежуток был заполнен довольно рыхлым завалом, прикрывавшим неровную поверхность из очень плотной глины, видимо забивки. Несмотря на довольно правильную форму этого промежутка между кладками сырцового кирпича, все же нельзя считать, что здесь было помещение, так как стены здания в этом месте не прослеживаются.

Остальные промежутки между кладками, которых насчитывается всего четыре (рис. 2, помещения 1, 2, 3, 4), являются признаками помещений: это только нижние части стен и фундамента. Ни в одном из них не удалось обнаружить уровня, который можно было бы определить как пол помещения. Лучше других сохранилось помещение, находящееся в северо-западном углу отмеченного массива из сырцового кирпича (рис. 2, помещение 1).

В сохранившейся части стены этого помещения частично глинобитные; в восточной стене отмечена кладка из сырцового кирпича размером 40 × 26 × 10 *см*. План помещения, стены которого обнаружены почти на поверхности, отличается характерной особенностью: северо-западный угол его не прямой,

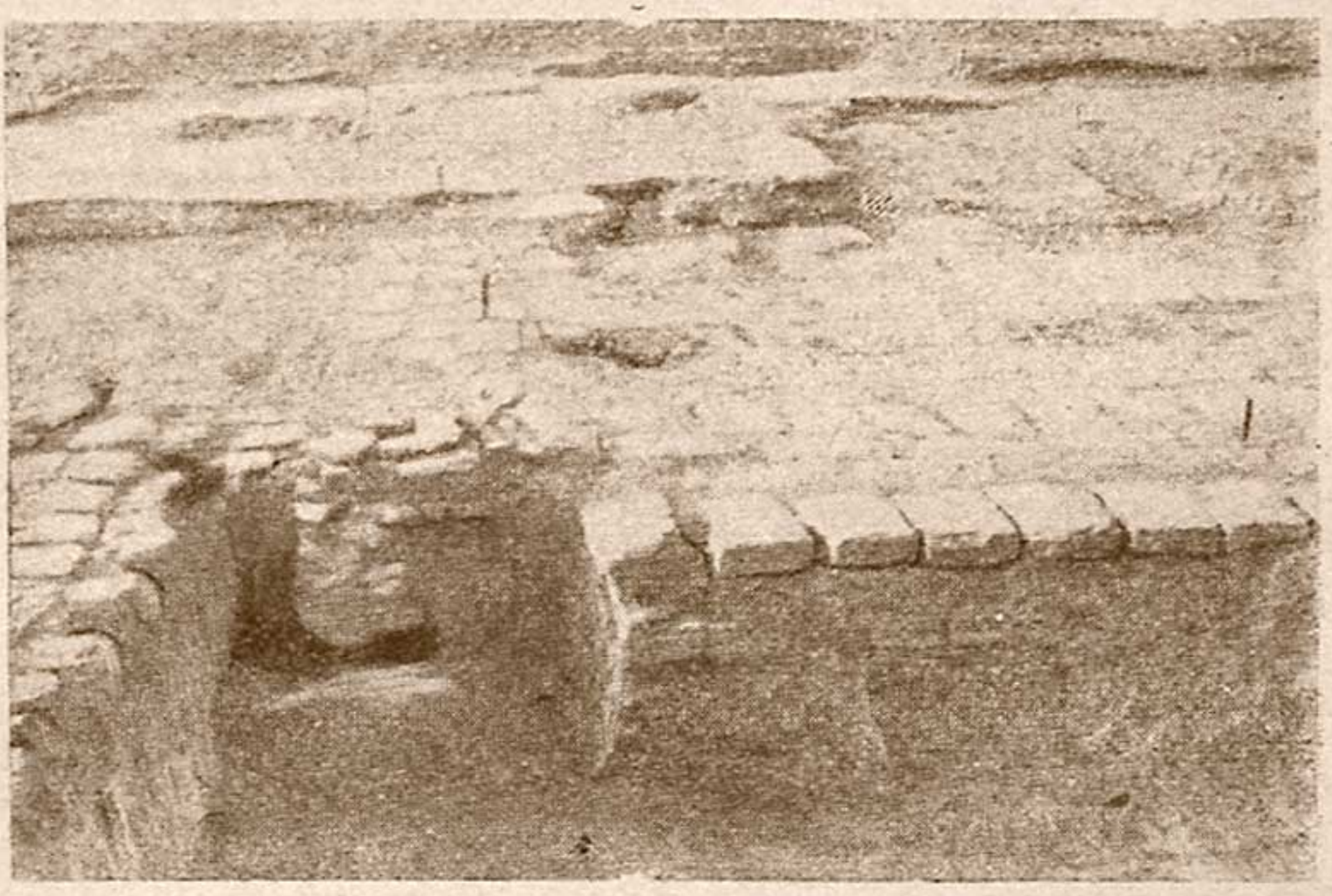


Рис. 8. Водосливное приспособление (слева) и фигурная выкладка из сырцового кирпича.

как обычно, а закругленный. Помещение размером 6,4×2,8 *м* вытянуто с востока на запад. Стены сохранились на высоту до 60 *см*, толщина их в западной и северной частях — 70 *см*. Все помещение было забито плотной комковатой глиной.

В юго-западной части массива обнаружены остатки другого помещения, вытянутого с севера на юг (рис. 2), размером 6,5×2,7 *м*. Сохранились только нижние части стен из кирпичной кладки от двух до пяти рядов (кирпич размером 37×25×10 *см*, 39×26×10 *см*, 40×27×10 *см*). Все помещение было заполнено рыхлым завалом. Стены остальных двух помещений выявляются на глубину всего в 10—15 *см*.

К массиву из сырцового кирпича с запада и с севера прилегают мощные заплывы, образовавшиеся в результате разрушения городских стен.

Раскопками обнаружены, таким образом, очень незначительные остатки бывших здесь сооружений. Весьма скуден и фрагментарен был и керамический материал, по своему характеру аналогичный материалам раскопок 1951—1952 гг., подробно описанный нами в указанном выше отчете. Последнее обстоятельство позволяет дать лишь краткую характеристику материалов данного раскопа.

Из поливной керамики встретились только мелкие фрагменты сосудов преимущественно белой и голубой поливы X—начала XI в. К X в. относятся фрагменты блюд на кольцевых поддонах, снаружи и внутри покрытых прозрачной глазурью по белому ангобу. Подглазурная роспись нанесена преимущественно темно-коричневой и красной красками, орнамент—растительный.

К X — началу XI в. можно отнести фрагменты чаш, также на кольцевых поддонах, покрытых внутри голубой непрозрачной поливой плохого качества, наложенной на черепок без ангоба; полива непрочная, сильно отслаивается. На наружную поверхность таких сосудов сверху наносился тонкий ободок голубой поливы, вся же остальная поверхность покрывалась плотным слоем темно-красной краски. Найдено несколько фрагментов сосудов зеленой поливы, из них один фрагмент светильника в виде плошки с удлиненным носиком, второй—горлышко небольшого сосуда типа кувшина. Зеленая полива непрозрачная, накладывалась без ангоба.

В большом количестве встречались фрагменты круглодонных котлов из темно-красной прокаленной массы с известковыми включениями; один из таких котлов в раскопе 1951—1952 гг. встретился в целом виде[3]. Из подобного же состава делались и плоскодонные сосуды типа горшков с проушными ручками у венчика. Сосуды этого типа бытовали, видимо, на протяжении длительного времени, во всяком случае с VIII по X в.

Пополнилась коллекция крышек с разнообразным штампованным орнаментом, обилием которых обычно отличаются средневековые городища. Особенно интересен фрагмент, напоминающий собой крышу юрты как бы с рельефными тяжами и с прошивкой (рис. 9, слева). Две конусообразные крышки сохранились почти целиком.

---

[3] С. К. Кабанов, указ. соч., стр. 99, рис. 4.

Из тонкостенной неполивной керамики наиболее характерны изделия из серой глины — кувшины и чаши (рис. 10), покрытые светло-желтым ангобом. Все эти сосуды также найдены только в мелких обломках, поэтому можно отметить лишь некоторые их особенности.

При рассмотрении фрагментов кувшинчиков с двумя ручками (рис. 10, *1*) бросается в глаза то обстоятельство, что отверстие для горлышка, сделанное до обжига сосуда, прорезают круговые валики, образующиеся внутри сосуда при

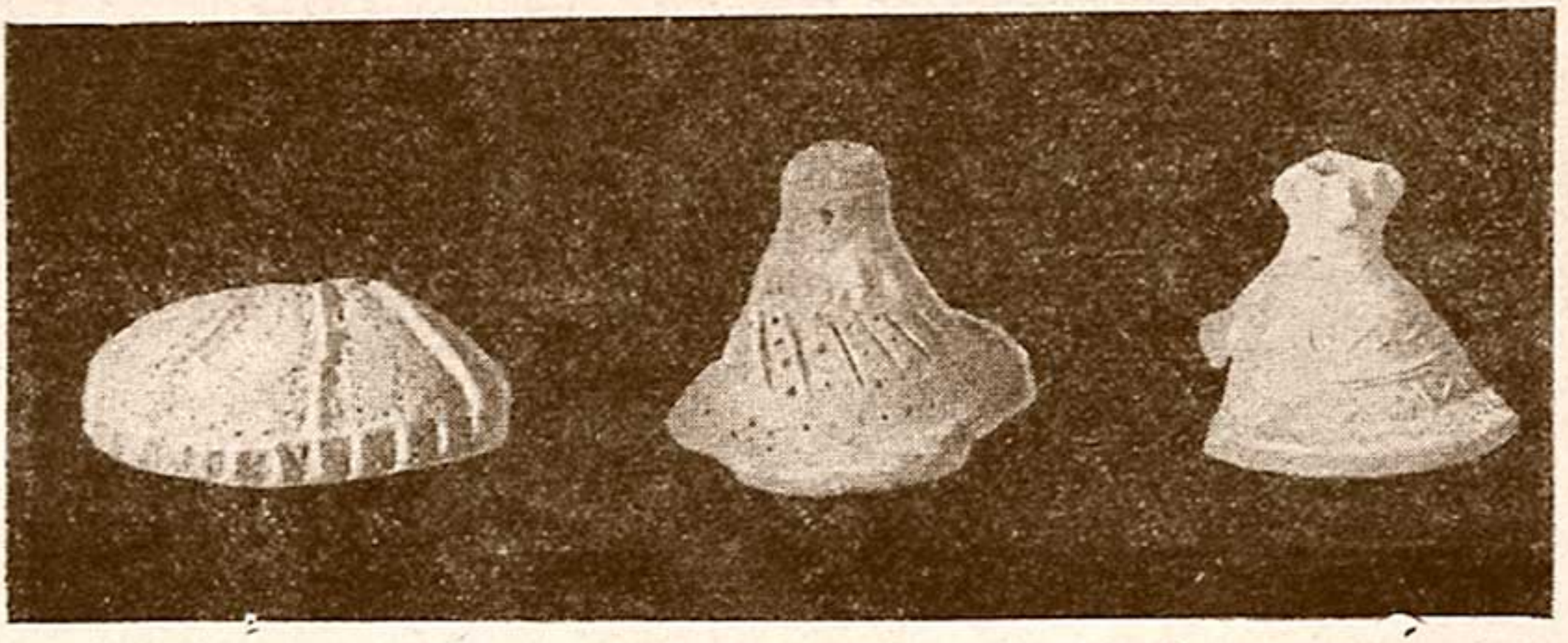


Рис. 9. Крышки со штампованным орнаментом.

вращении его на гончарном круге; короткое горлышко с двумя ручками прилеплено над отверстием. Можно предположить, что сосуды этого вида делались с уплощенными сторонами и употреблялись в качестве фляг; слегка скошенное горлышко направлено не прямо вверх, а в сторону. Сероглиняные сосуды обычно не украшались орнаментом, но на одном из них, типа кувшина, шейка украшена волнистым орнаментом, нанесенным тонким гребенчатым инструментом. Ручки в виде двух сомкнутых витых валиков, очень характерные для верхних отложений Варахши, также относятся к сероглиняной керамике.

Ввиду перемешанности верхних наслоений древнего города, жившего интенсивной жизнью на протяжении столетий, нет надежных стратиграфических данных, на основе которых возможно было бы определить относительную датировку этого вида керамики, но несомненно, что сероглиняная посуда несколько древнее поливной керамики. Об этом свидетельствуют формы некоторых сосудов, как например, сосудов с небольшими поддонами (рис. 10, *5*, *6*) и витые ручки. Встретился довольно крупный фрагмент кружки из серой гли-

ны, дающий возможность частично восстановить форму сосуда (рис. 10, *2*). Характерной его особенностью является остроребериость корпуса — признак, сближающий его с найденными в кухендизе Пянджикента[4] сосудами, которые датируются VII в.[5].

Из изделий толстостенной керамики полностью сохранился только один крупный сосуд — упомянутый выше хум, предназначенный (предположительно) для хранения вина. Хум хорошего обжига, снаружи покрыт серым ангобом, а венчик и верхняя часть корпуса — красноватой краской. Корпус яйцевидной формы, венчик наложен прямо на корпус, без

Рис. 10. Сероглиняная керамика VII—IX вв.

шейки, и отделен от последнего узкой полоской с вдавлениями, нанесенными пальцем. В нижней части корпуса, на высоте 27 *см* от дна, после обжига сосуда сделано отверстие диаметром в 4,5 *см*. Высота хума — 90 *см*, диаметр корпуса — 60 *см*.

Все другие толстостенные сосуды найдены лишь в малохарактерных фрагментах. Стенки некоторых из них украшены орнаментом в виде врезанных круговых волнистых линий, на других — потеки красной краски.

---

[4] А. И. Тереножкин, Раскопки в кухендизе Пянджикента, Труды ТАЭ, т. I, МИА, 15, 1950, табл. 41, 2.
[5] Там же, стр. 90—91.

Загадочно назначение предмета, вырезанного из жженого кирпича (рис. 11). Заготовка, из которой вырезан этот предмет, видимо, была цилиндрической формы, высотой в 6 *см*, диаметром в 6,4 *см*. Затем середину этой заготовки срезали таким образом, что получилось подобие катушки с широкими краями, которым была придана зубчатая форма. На верхней и нижней поверхностях этой катушки вырезаны восьмилепестковые розетки, на одной стороне с овальными листьями, на другой — листья с фигурными краями. Нужно еще отметить, что местами на поверхности предмета, а также и в углублениях, сохранились пятна алебастра.

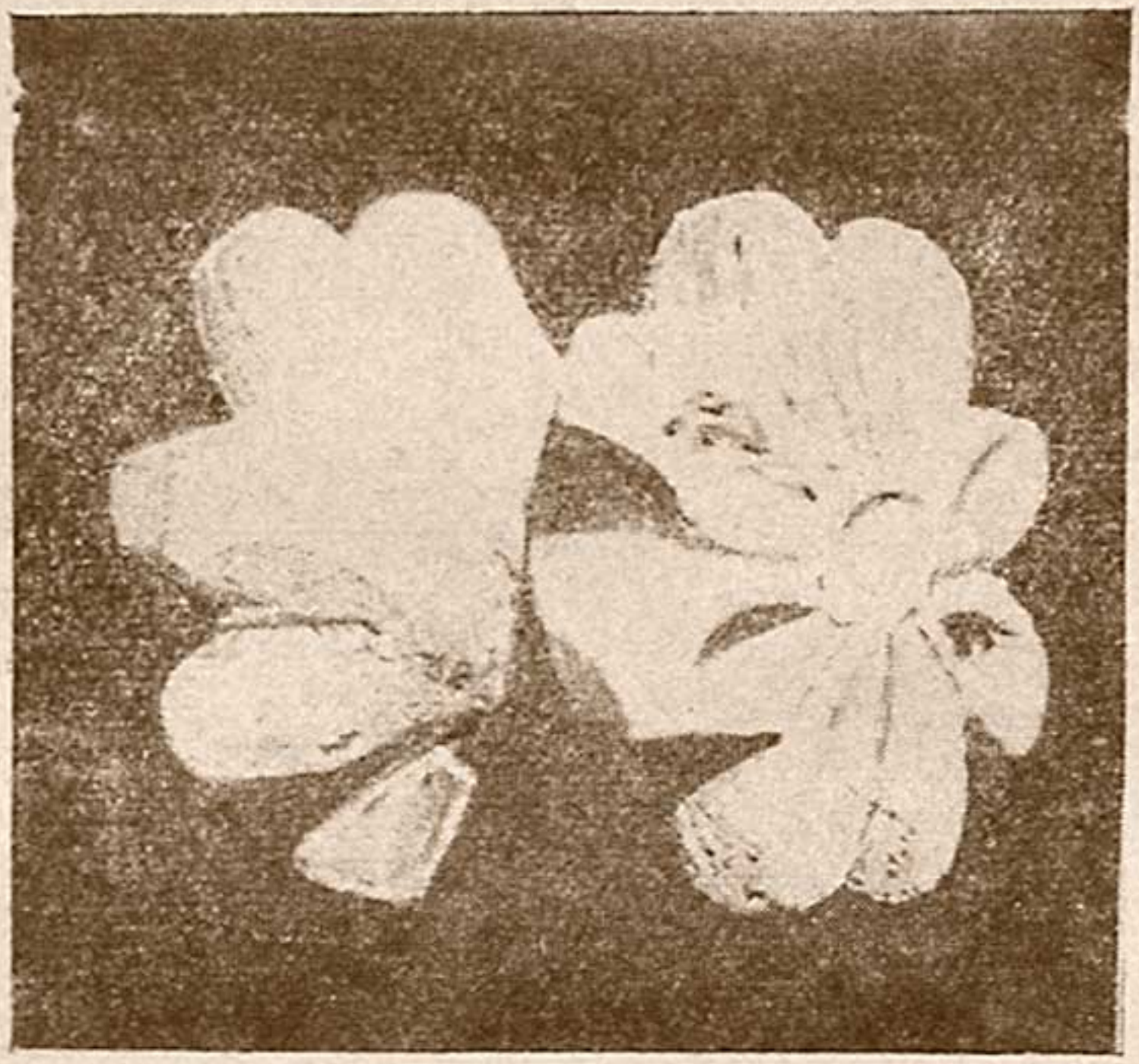


Рис. 11. Штамп (?), вырезанный из жженого кирпича.

Найдено несколько обломков стенок сосудов, обточенных в виде круглых дисков диаметром в 3—4 *см* с отверстием в центре; это могли быть и пуговицы, и пряслица. Изделия из глины в виде небольших конусовидных кружков, иногда с резным орнаментом и с отверстием в середине, можно определить как пуговицы.

В раскопе найдены обломки ручных жерновов, точил, обломок железного ножа, две бусины из горного хрусталя и одна из сердолика, пара медных, насквозь окисливших колечек, из них одно пластинчатое, с полупрозрачным камнем, второе — проволочное.

На поверхности до раскопок было обнаружено пять медных монет, из них одна — халифатская (VIII в.), вторая — начала X в.[6]. Три монеты плохой сохранности и определить их не удалось.

В раскопе было найдено всего одиннадцать медных монет, из них оказалось возможным определить только шесть; все они обнаружены на глубине до 1 *м*. Три монеты определены как принадлежащие к типу гитрифи, имевшие хождение с VIII по X в., две монеты — как халифатские (VIII—IX вв.) и одна монета датирована серединой X в.

Монетные находки подтверждают приведенные выше датировки раскрытых в раскопе остатков сооружений и керамических материалов.

2. РАСКОПКИ УГЛОВОЙ БАШНИ ДРЕВНЕЙ ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

Незадолго до окончания работ 1953 г. глубину небольшого участка раскопа в угловой его части довели до 2,5 *м*. и на этом уровне был расчищен край кладки из квадратного сырцового кирпича, имевшей вид части окружности. Сразу же после обнаружения кладки В. А. Шишкин установил, что это — остатки угловой башни древней городской стены, погребенные под позднейшими наслоениями. Тогда же была раскрыта довольно значительная площадка на поверхности сохранившейся части башни и заложен шурф возле ее северной стороны. В 1954 г. основной задачей работ над раскопом было вскрытие остатков этой башни.

Для полного вскрытия башни и прилегающих небольших стрезков древних городских стен раскоп 1953 г. углубили на участке площадью в 134 $м^2$, в самом углу городища (рис. 1 и 2). По характеру отложений намеченная к вскрытию площадка еще с поверхности отчетливо подразделялась на две примерно равные части: в юго-восточной были описанные выше остатки помещений, с севера и запада — заплывы, образовавшиеся в результате разрушения городских стен. При вскрытии башни пришлось полностью снести остатки третьего помещения и почти полностью — первого и второго. Оказалось, что в западной стене второго помещения нет сплошной кладки из сырцового кирпича, сохранились лишь отдельные кирпичи размером 40×25×10 *см*. Северная стена этого же помещения состоит из одного ряда прямоугольных кирпичей размером 37×27×9 *см* и 38×26×9 *см*. Сохранились неясные

---

[6] Монеты, как подъемные, так и найденные в раскопе, определены В. А. Шишкиным. Подъемные монеты обнаружены М. Х. Урмановой, работавшей на раскопе первые три дня в 1953 г.

признаки стен третьего помещения в виде кладки в один ряд из сырцового кирпича, находившейся почти на поверхности и потому сильно деформированной.

На глубине 1—1,5 *м* от поверхности вскрыто несколько кладок из сырцового кирпича и пахсы. Наиболее мощная стена толщиною в 2,1 *м* обнаружена в юго-восточной части раскопа; стена была проложена с юго-запада и прослежена на протяжении 4 *м*. Характерная особенность этой стены в том, что правильной кладкой из сырцового кирпича выложены только ее края, внутри же она заполнена обломками кирпича и комками пахсы. Размеры кирпича — 43×21×9 *см* и 37×22×8 *см*. Кладка этой стены сохранилась в высоту на 3 ряда, шов между рядами — 10 *см*. Эту стену в северном конце перекрывает другая стена (толщина ее 75 *см*) из пахсы и сырцового кирпича размером 40×26×9 *см*, проложенная в направлении с востока на запад. Немного не совпадает с направлением первой стены полоска кладки из сырцового кирпича размером 43×27×9 *см*, которая своим северным концом под тупым углом почти примыкает к другой стене, проложенной в направлении с востока на запад и состоящей из двух рядов сырцового кирпича, причем один ряд — ложковый, другой — тычковый. По направлению, характеру кладки и размерам кирпича (50×27×9 *см*) последняя кладка аналогична описанной второй кладке (толщиной в 75 *см*) и, вероятно, обе эти стены относятся к одному помещению, ширина которого была равна 3,5 *м*.

На уровне описанных стен в западной части раскопа, в оплывах, образовавшихся в результате разрушения городских стен, раскрыты в значительной их части две глинобитные стены (рис. 12), по-видимому подпорки городской стены. После их частичного вскрытия оказалось, что высота северной из них равна 70 *см*, толщина — до 56 *см*, длина раскрытой части — 2,45 *м*; западный конец этой стены не расчищен.

Более массивной была южная стенка, имеющая вид контрфорса с наклонными сторонами. Высота этой стены — 1,97 *м*, длина у основания — 2,46 *м*, ширина у основания — 1,07 *м* и у вершины — 57 *см*.

Глубже описанных кладок из сырцового кирпича, вплоть до поверхности сохранившейся части башни, которая находится на глубине около 2 *м* от поверхности городища, обнаружен пласт забивки из светло-желтого лёсса, прикрывающего остатки башни. Только около восточного края раскопа, почти около поверхности башни, раскрыт небольшой фрагмент кладки из сырцового кирпича размером 38×25×9 *см*.

Исследование наслоений над башней показало, что они насыщены фрагментами кладок из прямоугольного сырцового кирпича, которые представляют собой только признаки существовавших здесь разновременных зданий. Судя по размерам кирпича, эти здания могли существовать с V по VIII в. К сожалению, на основании незначительного керамического материала невозможно было более точно датировать отдельные встречавшиеся кладки.

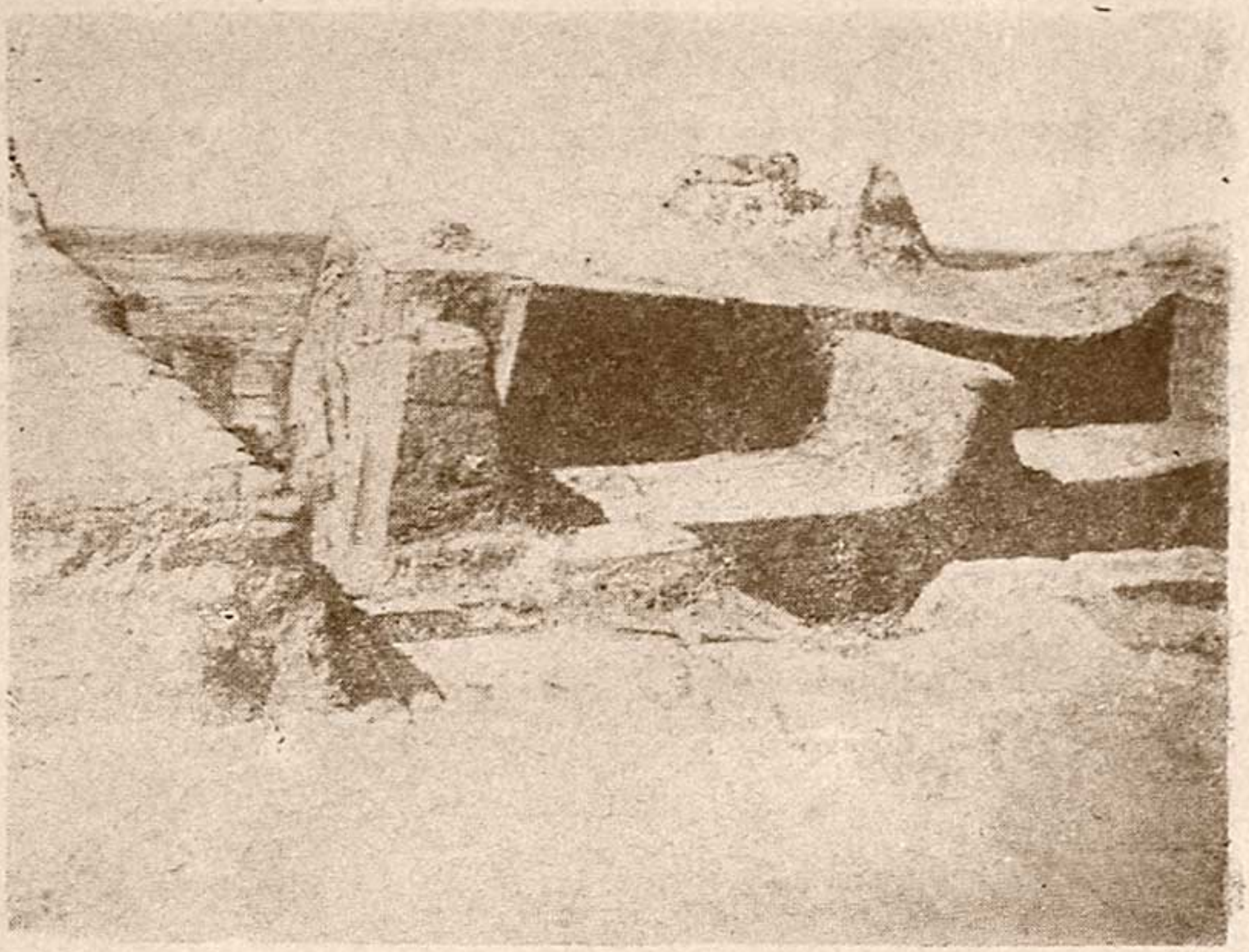


Рис. 12. Подпорные стенки средневековой городской стены.

Керамика была представлена главным образом мало характерными фрагментами толстостенных сосудов, однако и в этом скудном материале обнаружено несколько интересных форм. Неожиданной оказалась находка на небольшой глубине (до 50 *см*) чаши на высокой ножке (рис. 13, *1*), имитирующей древние формы подобного вида сосудов, но с ручкой — атрибутом, не встречавшимся в древних чашах. Сосуд сделан из серой глины хорошего обжига.

Из других видов тонкостенной посуды встретился фрагмент неглубокой чаши из желтой глины, снаружи покрытой серым ангобом, с широким устьем (рис. 13, *2*). Из более

крупных сосудов найдены фрагменты кувшинов (рис. 13, *3*), больших кринок (рис. 13, *4*) с орнаментом на последних в виде круговых волнистых линий, котлов (рис. 13, *5*) из желтокрасной прокаленной массы, которые очень характерны и для более поздних (IX—X вв.) наслоений. В забивке, прикрывающей башню, найдено два фрагмента сосудов (рис. 13, *6* и *7*), из них один — с серым ангобом, другой — с плотным красным ангобом и с признаками лощения. Сосуды этого типа — кубки на высоких ножках — характерны для первых веков н. э. Из находок отметим еще керамическое пряслице (рис. 13, *12*) и пуговицы (рис. 13, *13*). В слое забивки обнаружены бусины из опала, горного хрусталя и сердолика (рис. 14).

Рис. 13. Керамика из наслоений, снятых над башней.
Условные обозначения:
1—2-чаши, *3* кувшин, *4*-кринка. *5*-котел, *6—7*-фрагменты кубков, *8—11*-сосуды станковой работы, *12*-пряслице, *13*-пуговицы.

Все описанные и упомянутые находки сделаны в наслоениях, прикрывающих башню. В заплывах, примыкающих к этим наслоениям с запада, обнаружена только одна интересная находка — медная монета начала IX в. Эта монета найдена в плотном слое над полом, на котором были построены глинобитные стены, и таким образом приблизительно датирует время сооружения последних.

Поверхность башни и прилегающих городских стен, открытых на небольших отрезках (рис. 15), сохранилась на одном горизонтальном уровне: несомненно, верхние, менее сохранившиеся остатки башни и стен были срезаны по уровню одного ряда кирпичной кладки с тем, чтобы подровнять площадку. После этого вся башня снаружи и внутри была забита грунтом из плотного лёсса. Характерно, что в забивке не найдены фрагменты керамики, относящейся к эпохе средневековья, тогда как более древние материалы этого вида, хотя и редко, но встречаются. Нет никакого сомнения в том, что забивка башни произведена еще в древности.

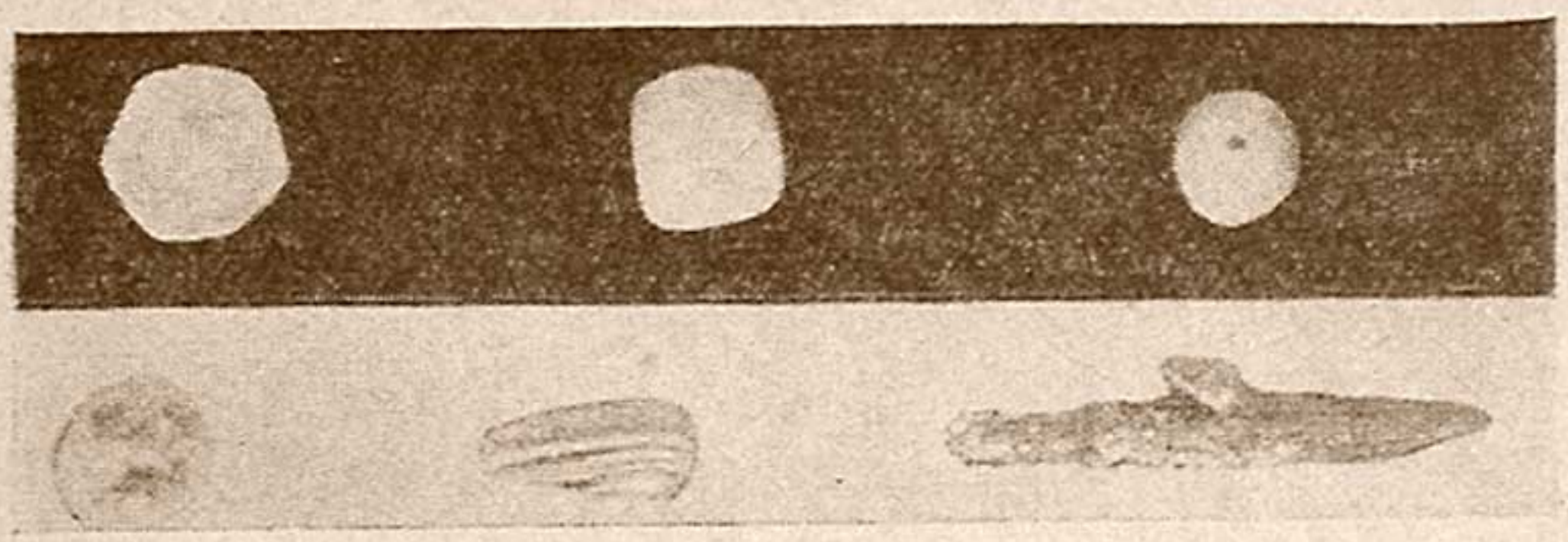


Рис. 14. Находки в наслоениях над башней. Верхний ряд: бусины (слева направо) из горного хрусталя и опала (?). Нижний ряд: бусины из сердолика и агата, наконечник стрелы (?).

Уже в 1953 г. при обнаружении верхней поверхности башни появилась необходимость узнать, на какую глубину сохранилась ее кирпичная кладка, т. е. нужно было выяснить высоту сохранившейся части башни. С этой целью возле северной стороны башни был заложен шурф, южной стенкой которого была полоса наружной поверхности башни шириною в 3 *м*.

В шурфе обнаружен сплошной слой забивки из плотного лёсса. В стене башни выявился кирпич размером 41×41×10,5 *см*, 39×40,5×?, 37×37×10 *см*, 40×40×10 *см*, 38×38×10 *см*. В кладке встречается и половинник.

В горизонтальном срезе башни иногда отмечается небольшая клиновидность кирпича, уложенного в кладку стен башни: ширина кирпича с внутренней стороны (по отношению к центру башни) — 39 *см*, с внешней — 41 *см;* другие кирпичи соответственно 40 и 42 *см*, 35 и 37 *см*. Встречались и прямоугольные кирпичи размером 45×35×10 *см*.

По составу теста различается два вида кирпича, из них преобладает кирпич нормальной плотности, желтого цвета,

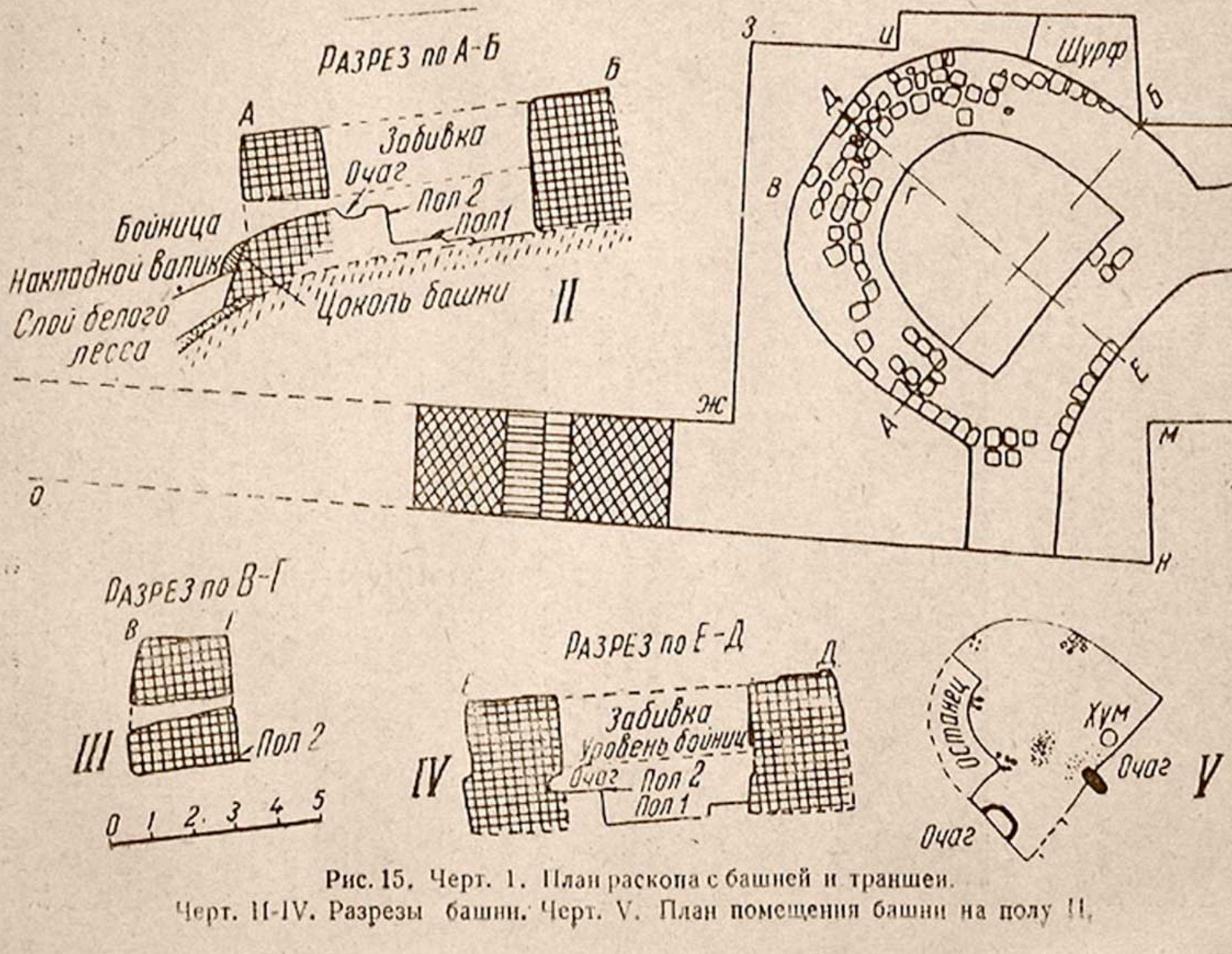


Рис. 15. Черт. I. План раскопа с башней и траншеи.
Черт. II-IV. Разрезы башни. Черт. V. План помещения башни на полу II.

но иногда попадается кирпич серого цвета, очень рыхлый, плохо сохранившийся. Швы между рядами кирпича — в среднем 5 *см*, но встречаются по 2 и по 7 *см* (рис. 16).

На глубине 1,4—1,5 *м* в стене башни было обнаружено рыхлое пятно. При дальнейшей расчистке выяснилось, что это — деформированный свод бойницы; вслед затем была расчищена и вся бойница, высота которой оказалась равной 80 *см*, а ширина 20 *см* (рис. 16). Бойница слегка скошена в направлении к центру башни, на стенках — глиняная штукатурка. Затем в одном метре западнее была раскрыта и вторая бойница с сохранившимся сводом, который образован двумя положенными клином кирпичами. Стрела этой второй бойницы находится на уровне середины первой. Следовательно, уже тогда было основание прийти к выводу, что в башне — два ряда бойниц. Высота второй бойницы — 97 *см*, ширина — 20 *см*. Нижняя часть этой бойницы слегка расширена.

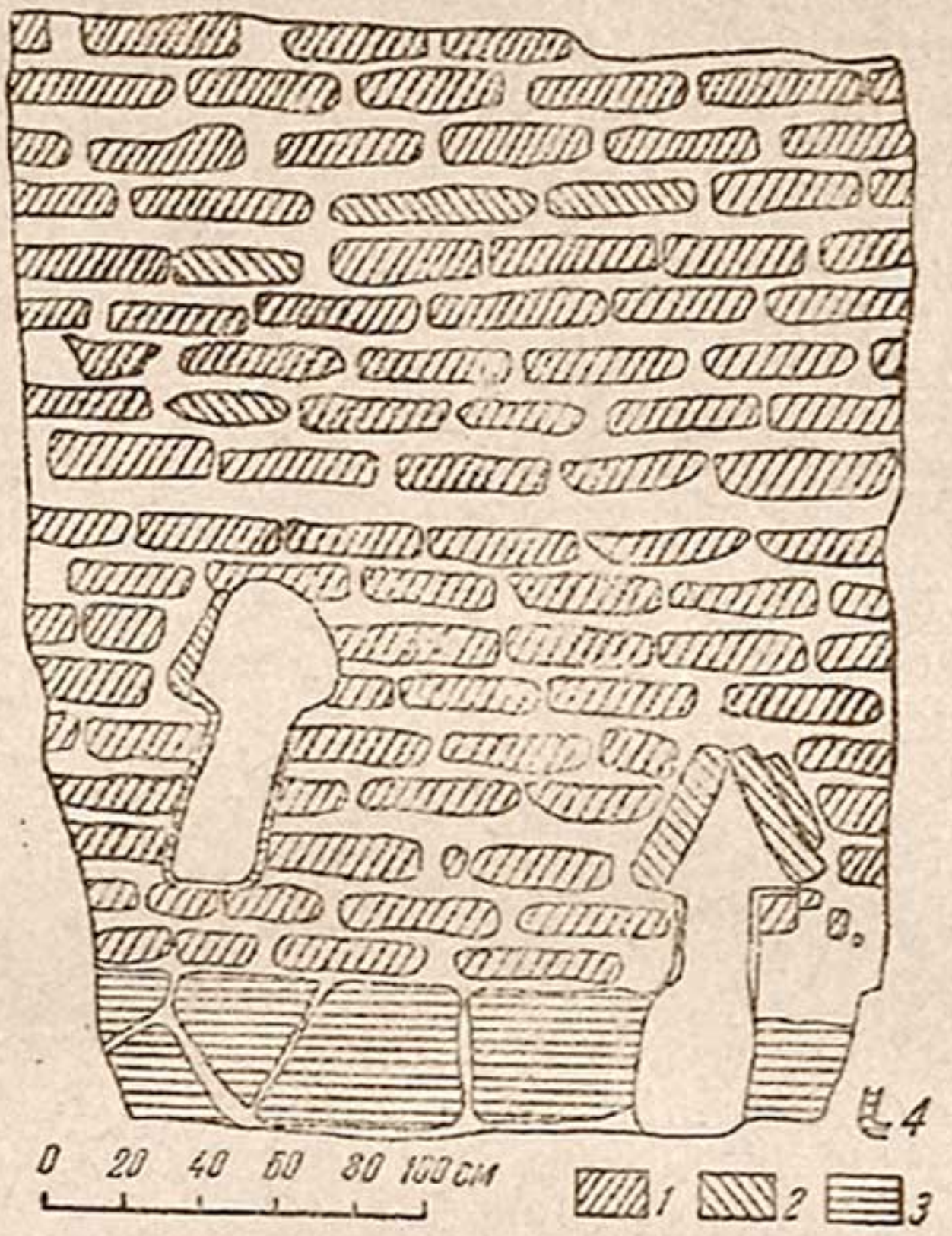


Рис. 16. Кладка стены башни.
Условные обозначения:

1-сырцовый кирпич из желтой глины, *2*-сырцовый кирпич из серой глины, *3*-блоки пахсы, *4*-штукатурка стенок бойниц.

Всего в башне раскрыто 18 рядов кирпичной кладки общей высотой 2,6 *м*. Ниже кирпичной кладки обнаружены комки пахсы. Дальнейшее углубление шурфа оказалось невозможным, так как почти все его дно закрывала та же кладка из пахсы. Нужно отметить, что забивка на уровне пахсовой кладки стала значительно рыхлее и в ней появилась примесь песка.

Одновременно с работами над шурфом велось вскрытие поверхности башни в северной и западной ее частях. Было

установлено, что толщина стены башни равна 1,8—1,9 *м*; внутри башни было помещение. Отмечена следующая особенность кирпичной кладки: если по вертикали перевязка хорошая, то по горизонтали ее совсем нет.

В 1954 г., после того как был достигнут уровень поверхности башни, полностью определились существенные особенности ее планировки. Западная и северная стороны городской стены здесь образовывали плавное закругление, полудужие, к которому снаружи и была пристроена со слабой перевязкой башня в плане в виде крутой дуги. Толщина городских стен—1,9—2,05 *м*, толщина стен башни, как было указано выше, — 1,8 — 1,9 *м*. Размеры внутреннего помещения башни равны: по продольной оси—450 *см*, по поперечной, у основания дуги, — 4,95 *м*.

Вскрывалась сразу вся площадь помещения башни (рис. 17). В нем обнаружена плотная забивка из серо-желтого лёсса комковатой структуры на глубину 1,7 *м*. В забивке встречались лишь изредка фрагменты толстостенных сосудов станковой работы и фрагменты сырцового кирпича толщиною в 10 *см*. На глубине 70 *см* в замыкающей стенке башни, около восточного угла помещения, обнаружен перерыв в кладке, как бы выбоина, заполненная кусками пахсы, кирпича, рыхлой глины. Позднее выяснилось, что это — разрушенный и заложенный дверной проем.

На глубине 1,7 *м* от поверхности сохранившейся части башни, у замыкающей стенки помещения, обнаружен венчик хума, вкопанного в землю. На этом же уровне забивка кончается, грунт становится рыхлым. Характерна сама находка вкопанного сосуда in situ; это уже является признаком пола. Здесь же, около венчика хума, был расчищен очаг в виде ниши в замыкающей стенке помещения (рис. 18); ширина ниши — 43 *см*, глубина — 40 *см*, высота — 41 *см*. Пол ниши слегка покатый, стенки завершаются полусферическим сводом. Все стенки ниши, а также и небольшая площадка перед ней, покрыты коркой обожженной земли толщиною до 1 *см*. Здесь же много золы и угля. На этом уровне, около 2 *м* от поверхности башни, фиксируется пол, на котором обнаружены фрагменты сырцового кирпича толщиною в 10 *см* и три раздавленных хума. При дальнейшей расчистке возле южного угла, у юго-западной стены, на этом же уровне, был обнаружен и второй очаг совершенно иного вида (рис. 19). Поверхность стенки башни была обожжена на площадке высотою в 56 *см* и длиною в 78 *см*, причем следы воздействия огня прослеживаются в стене на глубину до 10 *см*, что говорит о высоко развивавшейся здесь температуре. Характерно, что это обожжен-

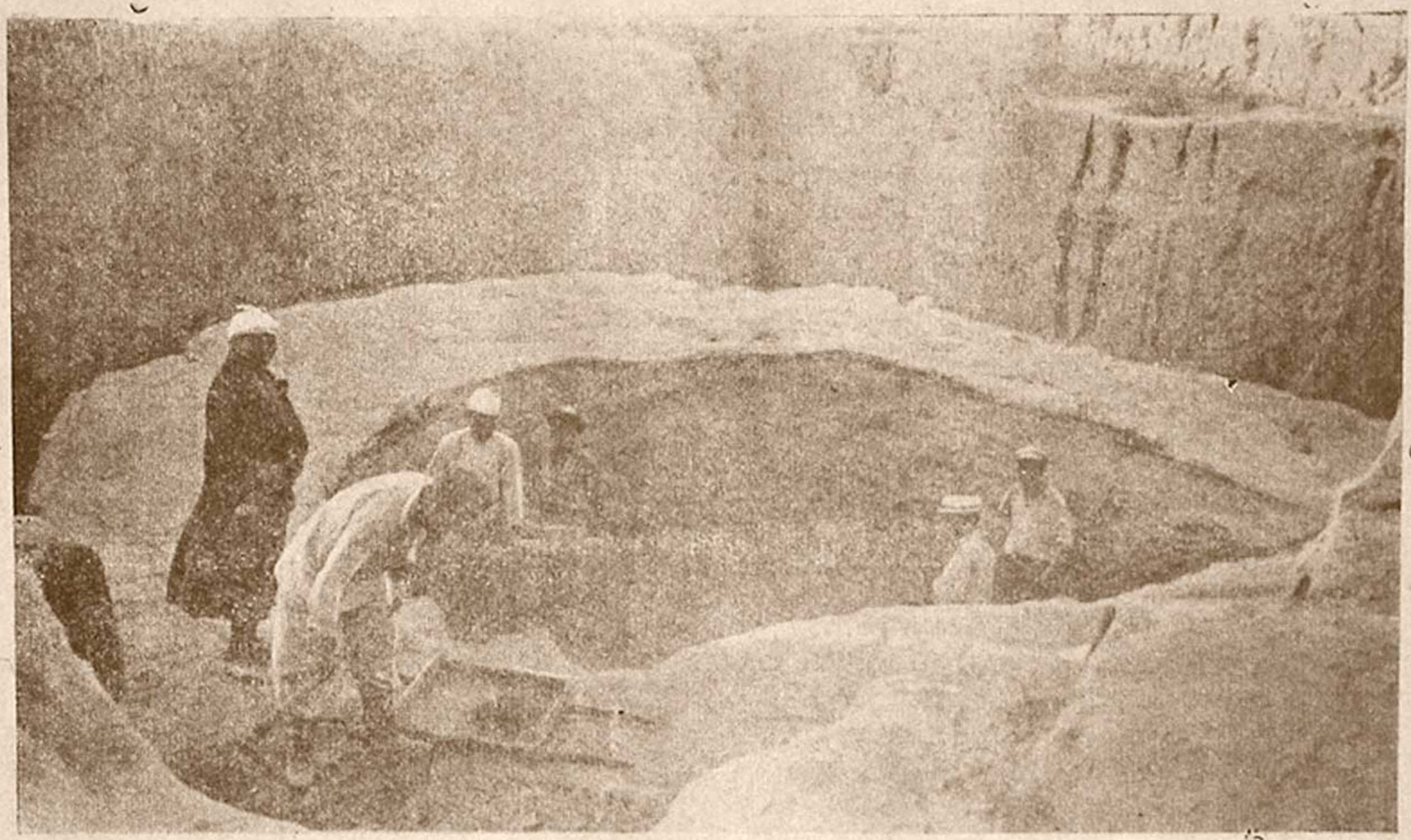


Рис. 17. Раскопки древней башни.

ное пятно резко выделяется на стене, причем рядом с ним признаков воздействия огня не видно. Последнее обстоятельство говорит о том, что здесь, видимо, была какая-то кладка печи, которая закрывала собой стены, но никаких других признаков этой кладки не сохранилось. Перед обожженной коркой на полу помещения расчищена яма длиною — по стенке — в 78 *см*, т. е. по всей длине обожженного пятна, шириною в 40 *см* и глубиною в 25 *см*, также с обожженной поверхностью, но не столь сильно. При расчистке этого очага над ним было

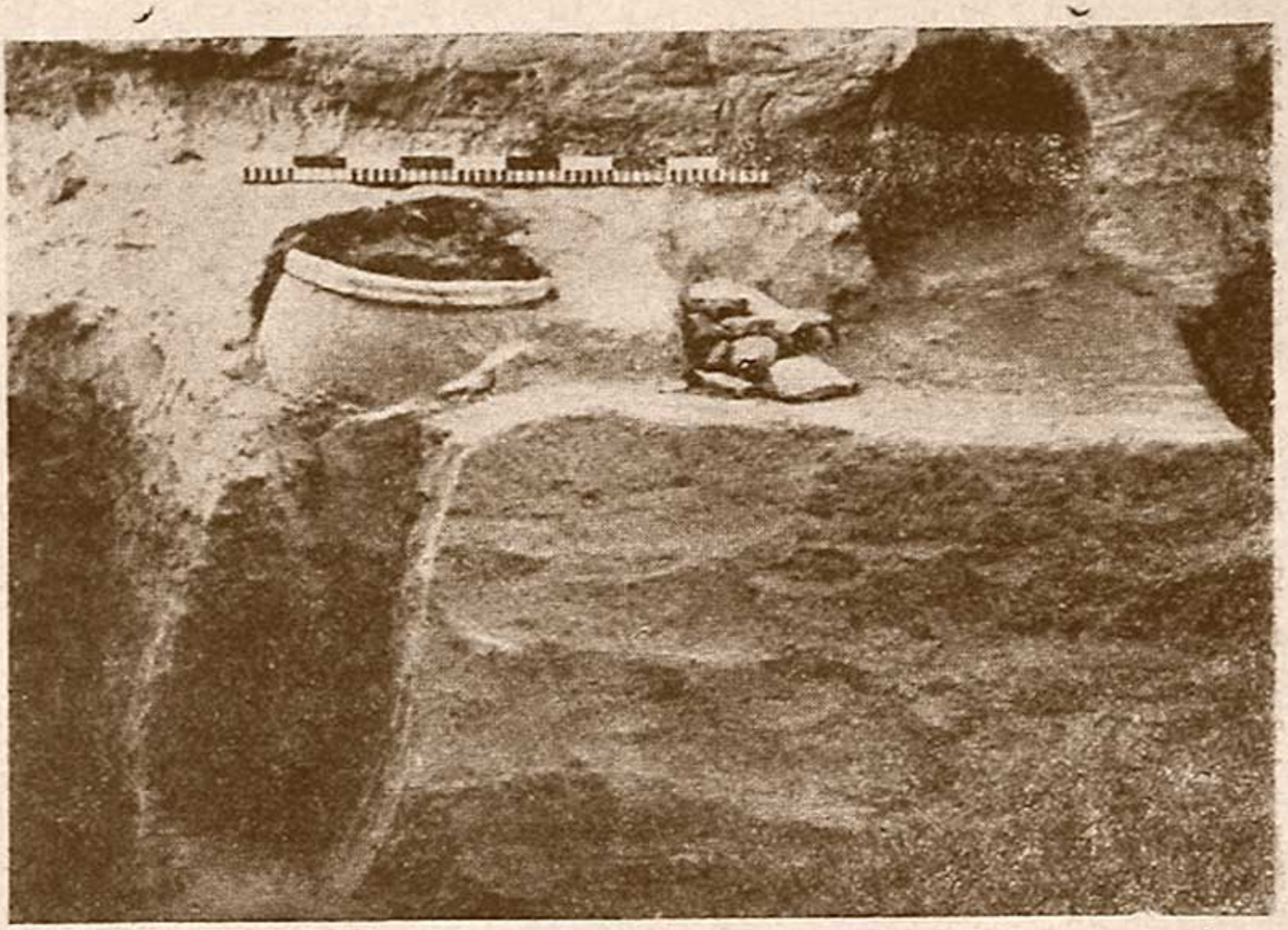


Рис. 18. Хум и очаг в помещении башни.

обнаружено отверстие бойницы (рис. 19), своим основанием упирающееся в обожженную корку. Таким образом выявилось, что открытый пол помещения башни лежит на таком уровне, что стрелять из ее бойниц можно было бы с него только лежа. Это неудобное положение для стрельбы из лука. Кроме того, если бы бойница была нужна для стрельбы, то около нее не делали бы очага. Следовательно, есть основание прийти к выводу, что открытый нами пол является каким-то более поздним уровнем, когда бойницы уже не использовались. Значит, башня в это время уже не имела оборонительного значения.

К этому же выводу приводит и второе наблюдение, относящееся к вопросу о дверном проеме данного помещения.

Выше уже было указано, что вскоре после начала работ над вскрытием помещения башни возле южного угла был обнаружен признак дверного проема в виде нарушенной кладки. В дальнейшем выяснилось, что проем был деформирован и заложен (рис. 19); высота проема была равна 1,85 *м*, ширину его точно установить не удалось, но во всяком случае

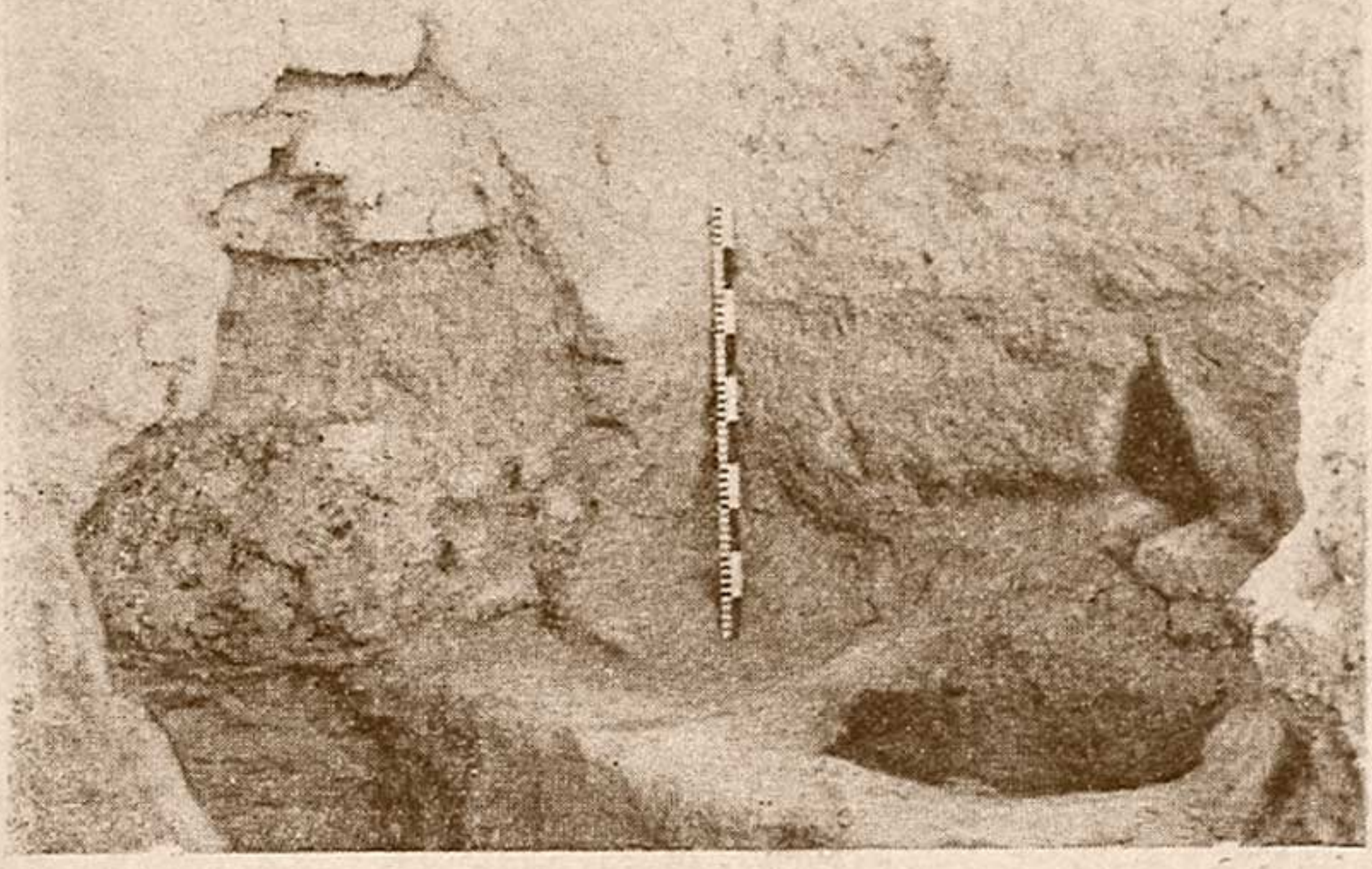


Рис. 19. Дверной проем (слева) и очаг в помещении башни. Над очагом — бойница.

она была не меньше метра. В закладке проема различаются три слоя: верхний — из сырцового кирпича, средний — из довольно рыхлой глины, нижний — из кусков пахсы и кирпича. Нижний слой закладки положен прямо на пол, на котором уже были раскрыты два очага. В дальнейшем, при вскрытии этого пола, было установлено, что закладка проема из кусков пахсы и кирпича дальше не продолжается: под ней обнаружена случайная засыпка из продуктов разрушения башни. Следовательно, дверной проем был заложен в последний период существования башни, и это подтверждает наш прежний вы-

вод о том, что она к этому времени уже не имела оборонительного значения. Но если это было так, то как же проникали в помещение башни последние ее обитатели? Дверной проем мог быть только в замыкающей стене башни, но кирпичная кладка этой стены сохранилась на всем протяжении, кроме описанного разрушенного места; следов каких-либо других закладок в ней также не видно. В центре стены, где

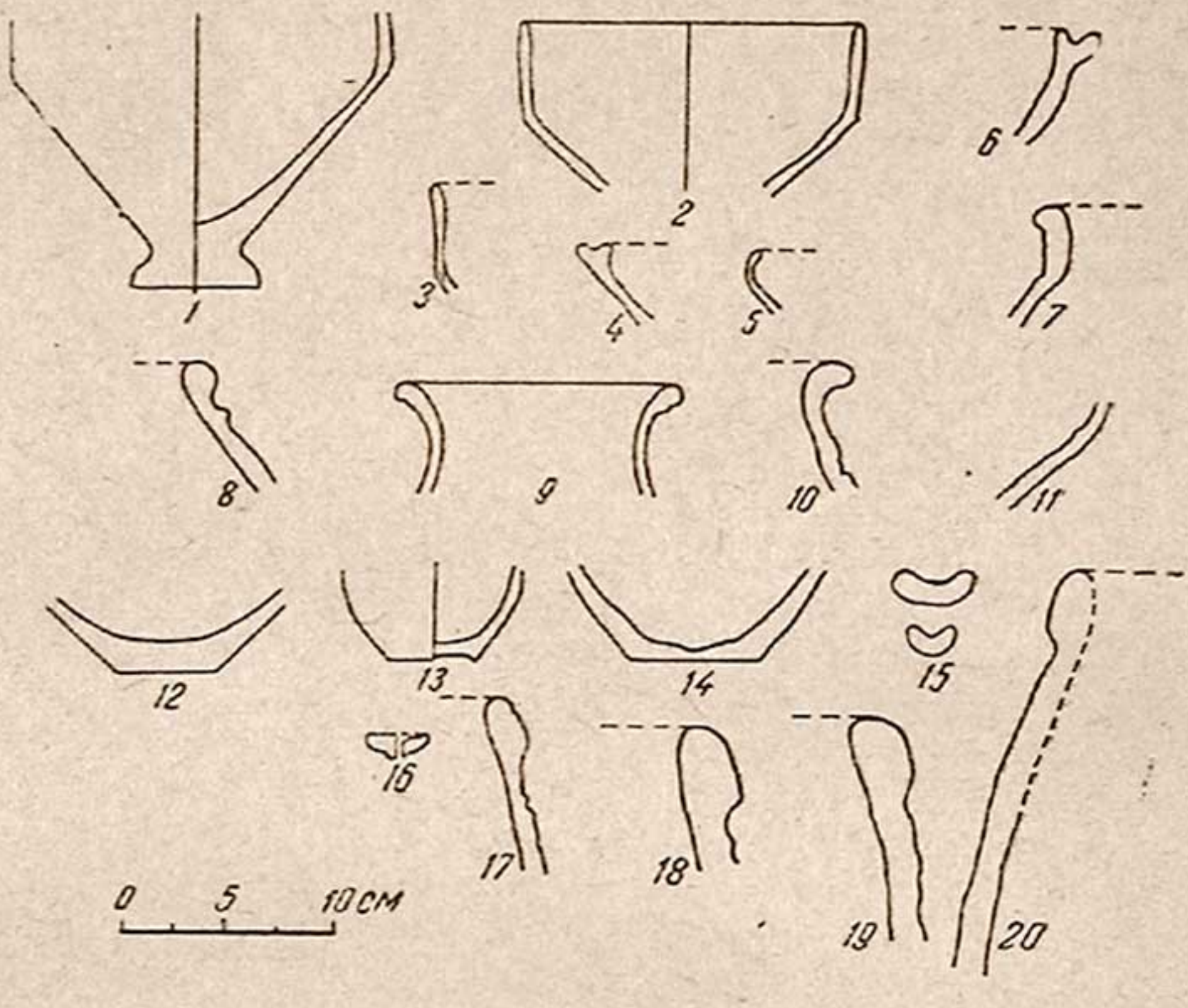


Рис. 20. Керамический комплекс помещения башни.
Условные обозначения:

1—3-фрагменты чаш с коленчатым перегибом корпуса, *4—14*-фрагменты тонкостенных сосудов, *15*-разрез ручек сосудов, *16*-пуговица, *17 - 20*-фрагменты хумов.

мы вначале предполагали обнаружить проем, оказался очаг. Следовательно, напрашивается только один возможный вывод: последние обитатели башни проникали в помещение сверху, по лестнице.

Для наслоений пола характерно огромное количество фрагментов хумов. Фрагментов тонкостенной керамики совсем мало, из них наиболее выразительны чаши с коленчатым перегибом корпуса. Наиболее крупный фрагмент такой чаши встретился при расчистке хума (рис. 20, *2*), внутри него.

Оставив два останца возле очагов на уровне пола, продолжали расчистку наслоений помещения башни. Под полом

был обнаружен светло-желтый грунт, причем местами наблюдалось отслаивание между его пластами, хотя четко различающегося пола отмечено не было. В грунте встречалась керамика, аналогичная найденной на полу, наиболее характерная форма которой — чаша с коленчатым перегибом корпуса. Первоначальный пол башни был обнаружен на глубине 3 *м* (от уровня сохранившейся части башни), на 90 *см* ниже верхнего пола. На этом нижнем полу, в середине помещения, было расчищено одно большое пятно обожженной земли, видимо след костра, и в разных частях помещения — пятна золы. Толщина обожженной корки кострища — 6—7 *см*, из чего можно заключить, что костер здесь разжигали долгое время.

На небольшом участке в северной части помещения была снята и поверхность нижнего пола. Но работы в этом месте вскоре прекратились. После снятия здесь грунта средней плотности на глубину всего в 15 *см* было обнаружено отслаивание от очень плотной ровной поверхности слоя из серо-бурого грунта с пятнами желтоватого и зеленоватого цвета — так называемой «болотной глины», т. е. грунта, взятого из заболоченных участков.

Работы над вскрытием башни велись одновременно внутри и снаружи. Ко времени открытия первоначального пола башни снаружи уже был вскрыт этот же слой болотной глины, определенный как основание, на котором выстроена башня. Теперь, когда такой же слой был открыт и внутри башни, подтвердилось, что достигнуто конструктивное её основание.

Прежде чем обратиться к изложению результатов вскрытия наружных поверхностей стен башни, приведем краткое описание комплекса вещественных материалов, обнаруженных в ее помещении.

Наблюдения над керамическим материалом башни, надо сказать, очень скудным и фрагментарным, показали, что весь он однороден. Наиболее характерной керамической формой комплекса были чаши с коленчатым перегибом корпуса, встретившиеся в мелких фрагментах. Сосуд этого вида в относительно хорошей сохранности обнаружен не в самом комплексе помещения, а вне его, в описанном выше шурфе, заложенном у северной стороны башни, в забивке на глубине 50 *см* от уровня сохранившейся части башни.

Чаша (рис. 20, *1*) из светло-розовой глины, покрыта серым ангобом. Ножка сосуда невысокая, корпус в виде обращенного вниз усеченного конуса, завершенного сверху верти-

кальным бортиком; переход от конусовидного основания к бортику осуществлен коленчатым перегибом.

В забивке сверху, внутри башни, почти ничего не найдено. Только на глубине 1,2 *м*, а затем на поверхности верхнего и нижнего пола и в наслоениях между ними, обнаружен довольно значительный керамический комплекс, преимущественно чаши. Чаши хорошего обжига, глина различных оттенков желтого и красного цвета, ангоб — различных оттенков красного; чаш этого типа с серым ангобом, как у описанной выше, в комплексе помещения не оказалось.

Встречались и фрагменты других видов тонкостенной посуды, главным образом типа чаш из красной глины. Одна из чаш с характерным желобчатым венчиком (рис. 20, *4*) была покрыта плотным серым ангобом, точно таким же, как и описанная выше чаша, найденная у верхнего края сохранившейся части башни.

Сосуды станковой работы средней величины типа горшков, кринок и т. п. (рис. 20, *6—14*) найдены только в небольших фрагментах. Некоторые из этих сосудов — из красной глины и покрыты плотным красным ангобом, другие — из красной глины, но покрыты серым ангобом; есть и сероглиняные сосуды, из них очень характерны сосуды с едва заметным валиком у основания суженной части (рис. 20, *11*).

Ручки пластинчатые, слегка изогнутые в срезе (рис. 20, *15*). Встретилось всего лишь несколько фрагментов сосудов лепной работы, при изготовлении которых в глиняную массу примешивалась толченая керамика.

Подавляющая часть находок на полу башни состояла из фрагментов крупных сосудов — хумов. Все они были раздавлены, но один из них еще находился на месте, вкопанный в землю. Хум из красной глины, неравномерного обжига. Для этого сосуда характерна малая изогнутость профиля стенки: диаметр устья равен 44—45 *см*, наибольший диаметр корпуса — 55 *см*, диаметр дна — 30 *см*. Вторая характерная особенность этого хума — слабая профилированность венчика, который отделен от корпуса лишь неширокой бороздкой (рис. 20, *20*). В различных вариантах эта же особенность выявляется и в фрагментах других сосудов подобного типа (рис. 20, *18—19*).

В помещении, на уровне верхнего пола, найдены подвески из необожженной глины, видимо, производственного назначения. Эти подвески представляют собой овальные дисковидные комки глины с заглаженной поверхностью; диск слегка вытянутый, длина его — 11,5 *см*, толщина в середине — 6 *см*.

Около края диска сделано отверстие со следом нити в виде ложбины.

На уровне нижнего пола найдено три обломка изделий из камня. Один из этих камней похож на зернотерку, но выточен он с обеих сторон таким образом, что его середина значительно тоньше края; по-видимому, это было точило для металлических инструментов. Второй камень — круглый, но без отверстия в середине, поэтому его нельзя определить как жернов; вероятно, это тоже было точило. Найдены фрагменты зернотерки.

Керамический комплекс помещения весьма своеобразен и довольно трудно поддается датировке, однако несомненно, что этот комплекс относится к одному из ранних этапов существования древнего города. Близкие аналогии керамическим формам, представленным в данном комплексе, мы пока можем установить в материалах раскопок на городище Ер-курган, в керамическом комплексе шурфа с хумами[7]. В обоих этих комплексах мы находим фрагменты чаши с коленчатым перегибом корпуса, ножки кубков с узким перехватом, сосуды с желобчатым выемом на венчике. Комплекс с Ер-кургана датируется в весьма широких хронологических рамках — со II в. до н. э. и до II в. н. э.[8] В этих же хронологических рамках приходится пока определять и комплекс из помещения башни.

Продолжим описание раскопочных работ.

За замыкающей стенкой башни, собственно уже в черте древнего города, на уровне сохранившейся части башни, была расчищена весьма плотная забивка из темно-желтой глины, даже более плотная, чем в помещении башни. В этой забивке на глубине 85 *см* был обнаружен уровень с отслаиванием, но без признаков пола; на глубине 1,5 *м* — другой такой же уровень. Очевидно, это два слоя забивки. В верхнем слое забивки между этими уровнями встретились отдельные сырцовые кирпичи размером 36×36×10 *см*, 43×?×10 см, 44×44×10 *см*. Кирпич таких же размеров найден и в кладке башни, поэтому можно предположить, что он попал в забивку от верхних, не сохранившихся частей башни.

На глубине 1,65 *м* в кирпичной кладке стены, замыкающей башню, обнаружен выступ наружу шириною в 25 *см*, образующий как бы цоколь башни.

Пол перед входом в башню был вскрыт лишь на участке в 3 $м^2$ возле северной городской стены. Он оказался пример-

---

[7] С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 127, табл. VIII.

[8] Там же, стр. 130.

но на уровне основания башни — на глубине 2,65 *м* от поверхности ее сохранившейся части. Пол, по сравнению с вышележащей забивкой, очень рыхлый, с примесью обожженной земли и золы; толщина этого слоя — 20 *см*, ниже обнаружена болотная глина.

При расчистке замыкающей стены башни со стороны города почти полностью раскрыт и заложенный проем, очертания которого сохранились несколько лучше, чем в помещении.

Характерны контуры проема: вход в башню был не прямоугольным, как можно было бы ожидать, а с суживающимися кверху боковыми сторонами. Северная стенка проема в высоту прослежена на 80 *см*, причем на этом отрезке нижний конец проема на 20 *см* отклоняется от линии отвеса, опущенного с верхнего его конца. Ширина проема вверху — 68 *см*. Перекрытие проема было балочное: гнезда балок над проемом хорошо видны с обеих сторон. Двери заложены кирпичом и пахсой; в закладке выделяется фрагмент кирпича размером 44×44×10 *см*. Стены входа были покрыты слоем саманной обмазки толщиною до 1 *см*.

Переходим теперь к изложению хода раскопок наружных частей башни с западной стороны. Здесь вскрыта довольно обширная площадка, смыкающаяся с траншеей (рис. 15, черт. I).

Прежде всего остановимся на описании наслоений северной части этого участка. Выше уже указывалось, что характерная особенность наслоений этой части раскопа — наличие мощных слоев, образовавшихся из оплывов более поздних оборонительных сооружений. Верхний из этих слоев облегает остатки описанных выше подпорных глинобитных стен.

На уровне основания подпорных стен отмечена прослойка рыхлой глины, вероятно, наносного происхождения, отложившейся во время функционирования этих стен. В рыхлой прослойке была найдена монета начала IX в. Следовательно, подпорные стены сооружены несколько ранее этого времени. Ниже уровня подпорных стен обнаружен мощный слой оплыва, образовавшегося в результате разрушения городских стен. Нижний край этого слоя находится примерно на уровне верхнего среза сохранившейся части башни (ниже его на 40 *см*), а затем начинается мощный слой забивки из белого плотного грунта комковатой структуры. При расчистке этого слоя в стене башни были вскрыты бойницы. Первая бойница обнаружена на глубине 1,35 *м* от поверхности сохранившейся части башни. На этой глубине была

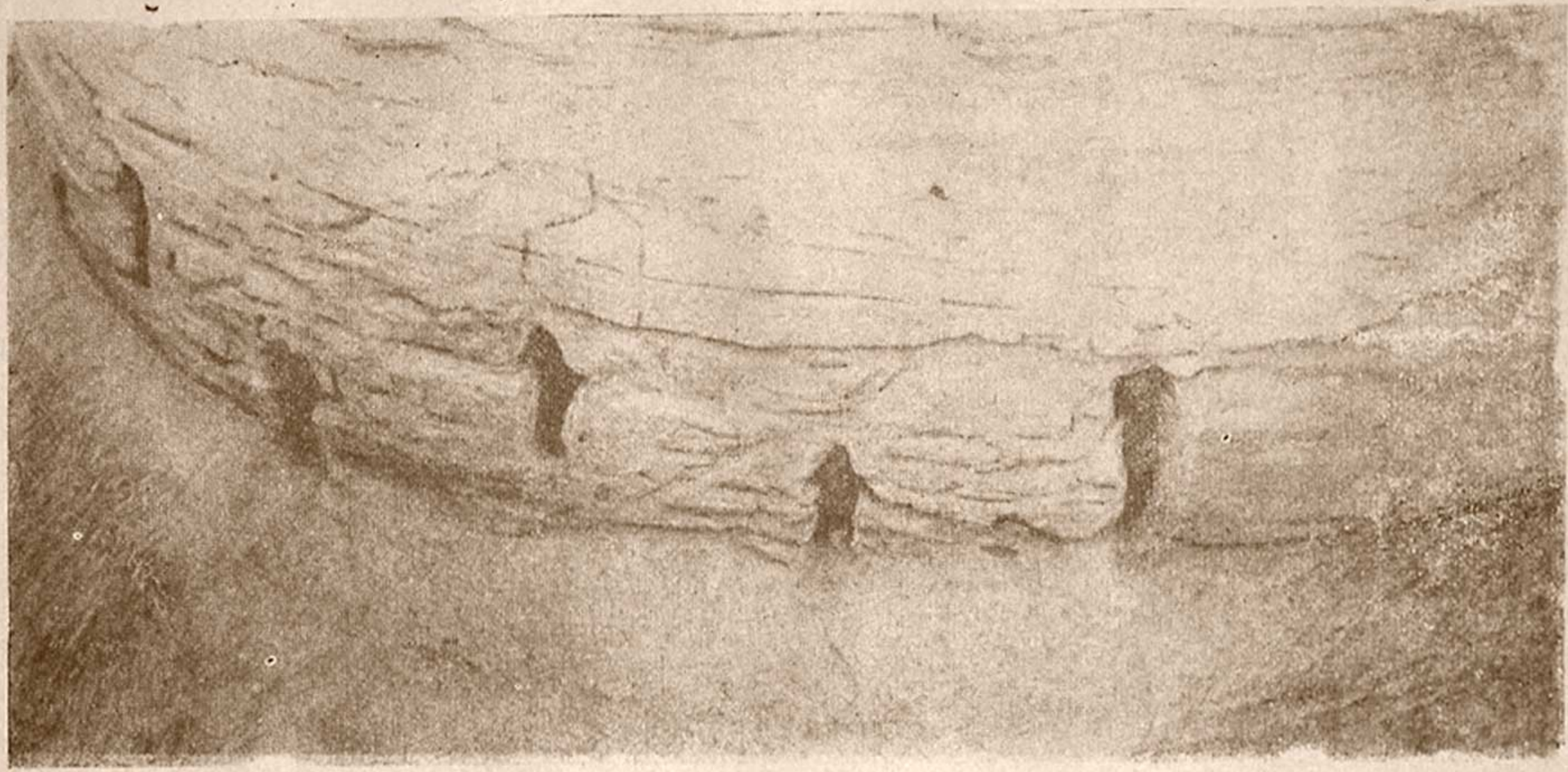


Рис. 21. Бойницы башни (вид с юго-запада, сверху).

расчищена стрела бойницы, составленная из двух сырцовых кирпичей размером 37×37×10—11,5 *см*. Здесь же найдена коническая бусинка из агата.

В дальнейшем на западной и южной сторонах башни было раскрыто восемь бойниц, расположенных в два яруса таким образом, что основания бойниц верхнего ряда находятся на уровне стрельчатого свода бойниц нижнего ряда (рис. 21). В северной части башни бойницы остались не вскрытыми.

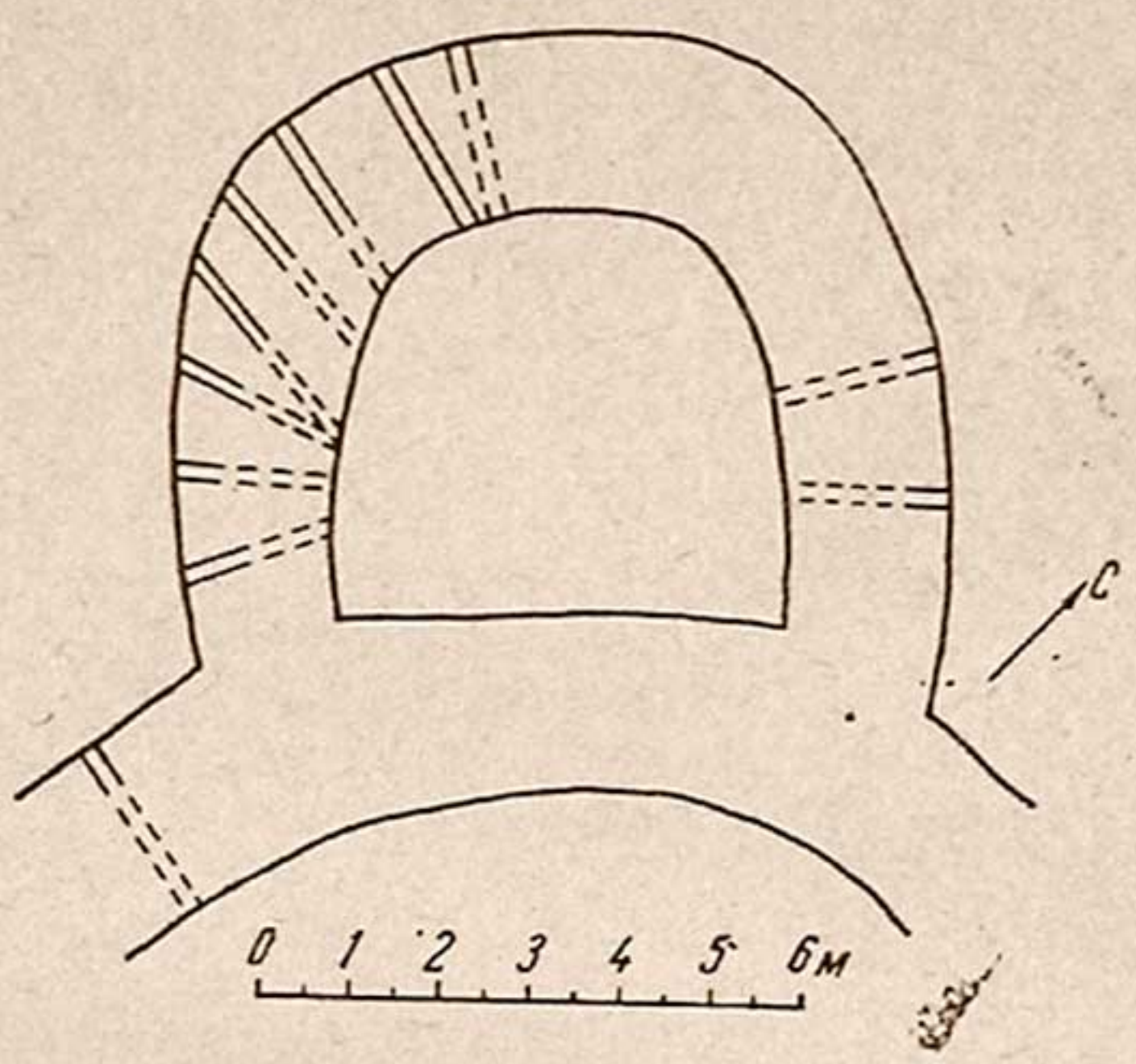


Рис. 22. Схема расположения бойниц башни (составил В. А. Нильсен)

Высота бойниц снаружи — 65—84 *см*, ширина — 16—28 *см*, интервал между ними колеблется от 62 до 104 *см*. Все бойницы находятся в поясе кирпичной кладки, но основания бойниц нижнего ряда упираются в кладку из пахсы, отмеченную уже раньше в шурфе у восточной стороны башни. Проемы бойниц обычно не перпендикулярны к плоскости стены башни, а несколько скошены по отношению к ней (рис. 22).

При расчистке бойниц обнаружена глина различной плотности с примесью песка: по-видимому, башня некоторое время находилась в запустении. С внутренней стороны бойницы плотно заложены. Все вскрытые бойницы были расчищены с внешней стороны на глубину до 1 *м*, три из них — расчищены и с внутренней стороны, только одна бойница была раскрыта полностью.

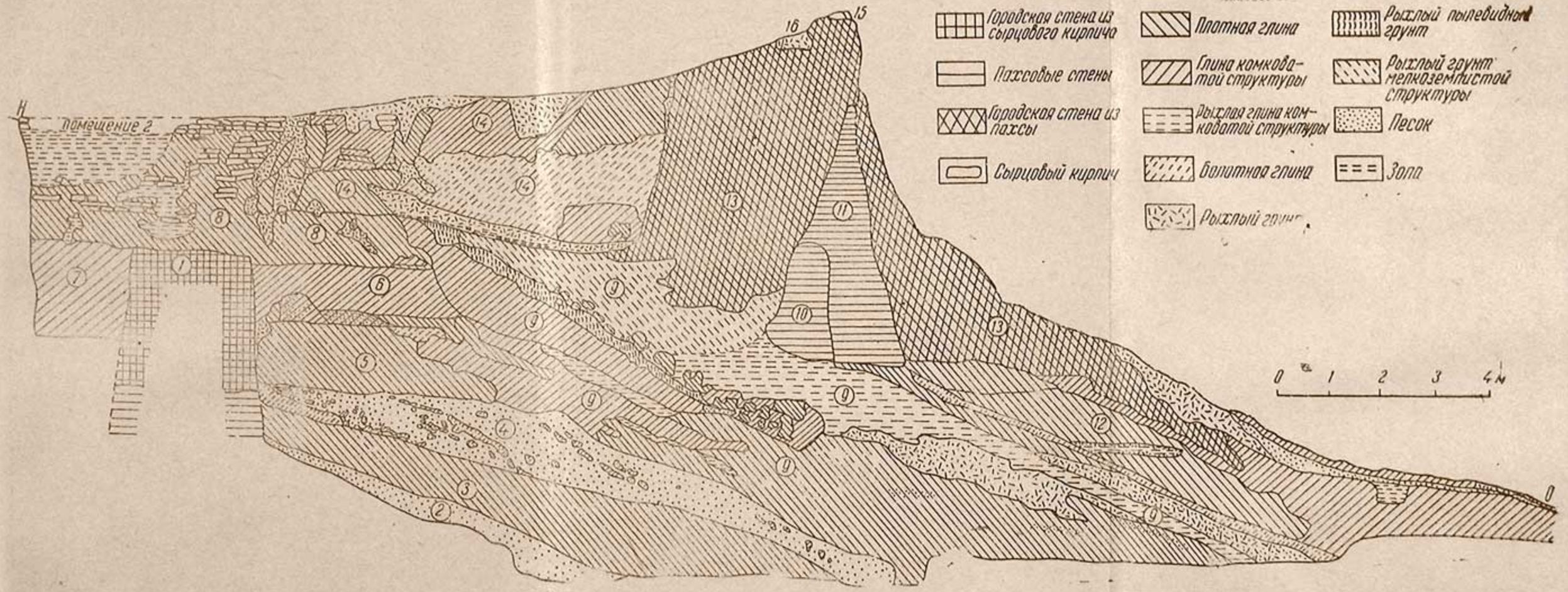


Рис. 23. Стратиграфический разрез (южная стенка траншеи через городские стены и прилегающие наслоения).

Условные обозначения:

1-древняя городская стена, *2*-слой песка эолового происхождения, *3*-плотный слой белого грунта (продукт обрушения древних стен), *4*-слой песка с болотной глиной, *5—6*-платформы у древней стены, *7*-забивка, *8*-наслоения с фрагментами кладок из сырцового кирпича, *9*-продукты обрушений, *10—11*-стены усадьбы (?), *12*-продукты обрушения стен, *13*-средневековая городская стена, *14*-продукты обрушения, *15*-основание стены из сырцового кирпича (останец последнего периода существования городской стены), *16*-яма в кладке городской стены.

Выяснилось, что если снаружи бойницы расположены в два яруса, то все их проемы внутри находятся на одном уровне, на уровне груди человека, стоящего на нижнем полу. Внутри, как и снаружи, свод бойниц стрельчатый. образованный двумя положенными клином кирпичами. Основания бойниц внутри сохранились плохо, но все же возможно установить, что они были закругленными. Высота расчищенной бойницы внутри башни — 38—40 *см,* ширина — 22 *см;* снаружи высота этой же бойницы — 75 *см.* Свод бойницы почти горизонтальный, ее основание — наклонное наружу (рис. 15, черт III). Толщина стены башни на уровне расчищенной бойницы равна 2,26 *м.* Таким образом, наклон верхних бойниц у их оснований равен 35 *см* на 2,26 *м.* Наклон оснований нижних бойниц еще значительнее. Верхний ярус бойниц предназначен для дальнего, нижний — для ближнего боя.

Вскрытие внешней поверхности стен башни с южной стороны, а также и прилегающей части древней городской стены связано с работами над траншеей, заложенной для исследования более поздних городских стен и стратиграфии примыкающих к ним наслоений. Поэтому описание работ в юго-западной части раскопа соединим с изложением хода работ над траншеей.

3. СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ

В 1954 г. одновременно с работами над вскрытием древней башни велись и работы над траншеей, примыкающей к раскопу с запада (рис. 1 и 15). Основной задачей работ над траншеей было получение стратиграфического разреза с тем, чтобы выявить структуру и соотношение древних и средневековых оборонительных сооружений городища. Траншея являлась частью раскопа и была заложена к западу от него с таким расчетом, чтобы в одном разрезе возможно было бы получить контуры как древней стены, так и более поздних городских стен. Ширина траншеи при заложении равнялась 3 *м.* Хотя были приложены усилия к тому, чтобы стенки ее сделать вертикальными, все же в нижней части траншеи ширина была равна 2,5 *м.* По мере углубления траншеи ее наслоения тщательно фиксировались, как в южной, так и в северной стенках. Южный разрез (рис. 23) оказался более содержательным, так как средневековые стены здесь лучше сохранились.

Городские стены последнего периода их существования лучше всего сохранились в северо-западной части Варахши,

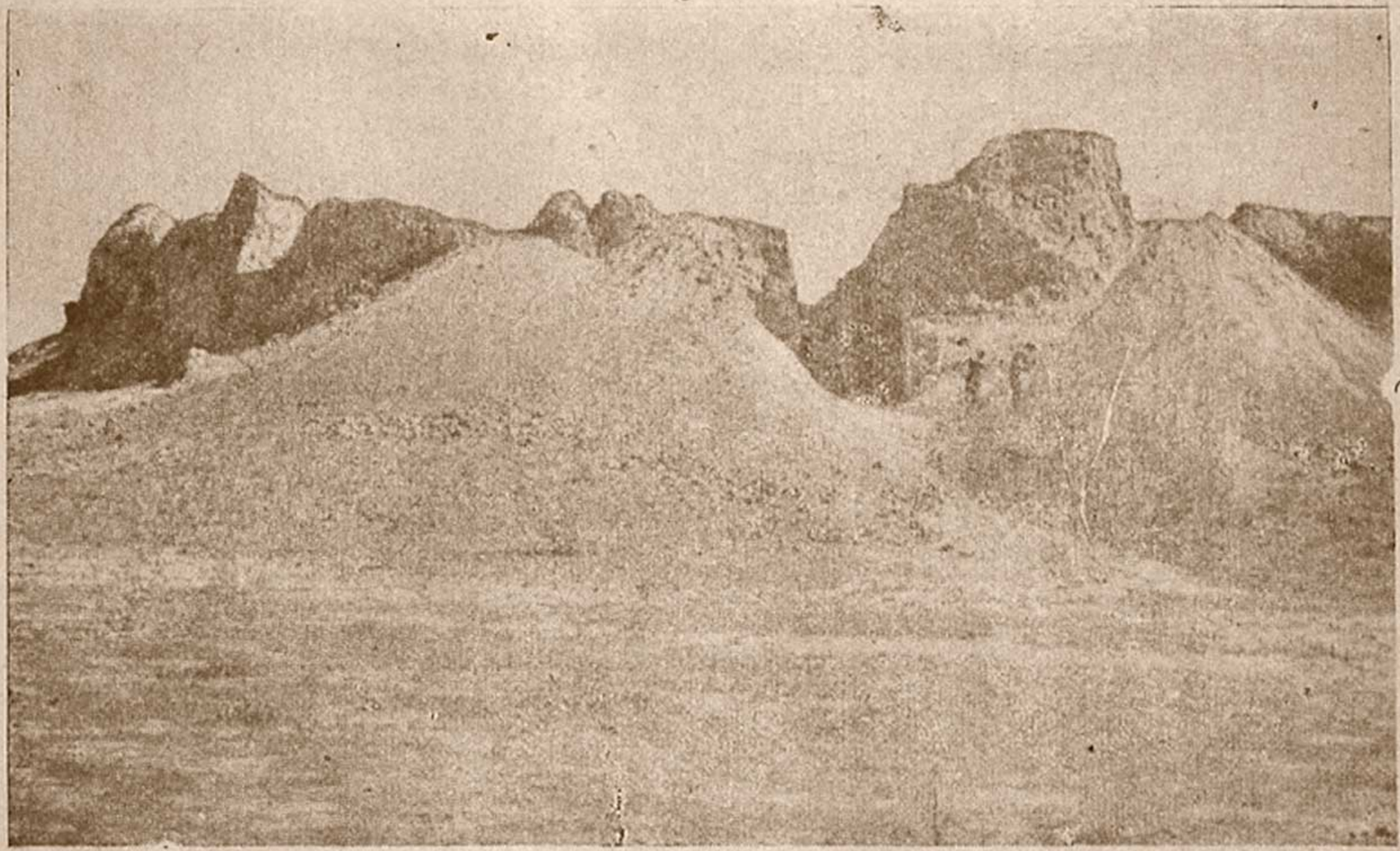


Рис. 24. Северо-западный угол городища Варахша (в центре — траншея).

в районе нашего раскопа: снаружи здесь еще можно видеть боковую поверхность стен с выделяющимися через 25—30 *м* башенными выступами (рис. 24), как бы облицовывающими снаружи многовековые культурные отложения. Внутри над поверхностью городища стены выделяются в виде оплывшего вала с выступающими зубцами останцев. Чтобы дать представление о городских стенах последнего периода их существования, кратко опишем один из таких останцев, находящихся возле нашего раскопа (рис. 25). Останец сохранился на протяжении 4,5 *м*, высота его — 2,2 *м*. В основе стены лежит кладка из сырцового кирпича толщиною в 1,2 *м*,

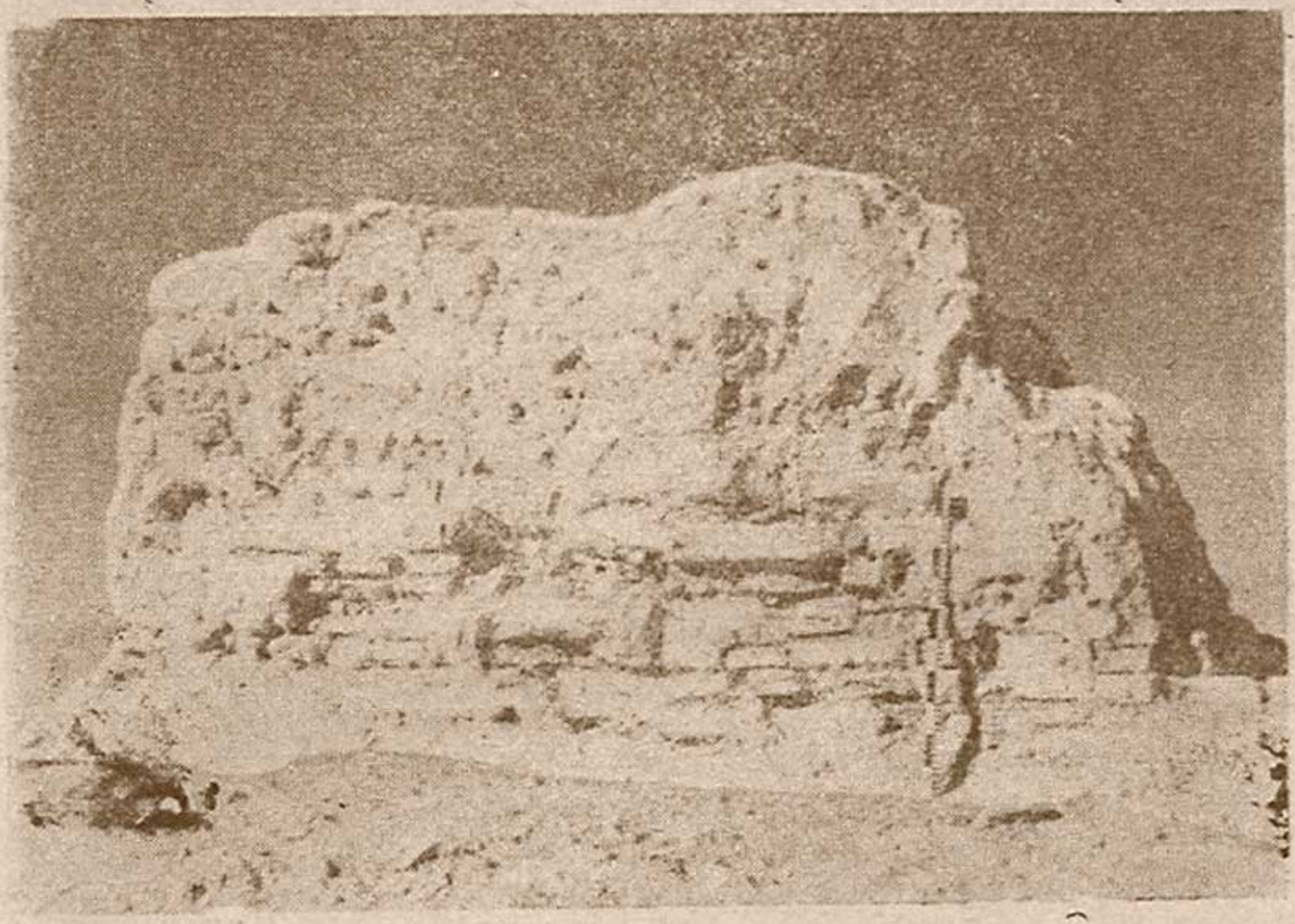


Рис. 25. Останец городской стены последнего периода ее существования.

положенная на пахсовое основание. Отмечено 4—6 рядов кладки из сырцового кирпича общей высотой до 95 *см*; размеры кирпича — 40×33×9 *см*, 38×?×9 *см*, 24×?×9 *см*. В основном кирпич как бы взят из массива сырцовой кладки, отмеченного нами в западной части раскопа 1953 г. В кладке есть и обломки кирпича, но перевязка в общем хорошая. На кирпичную кладку наложена довольно плотная глинобитная масса.

Не все останцы одинаковы по своей структуре и составу. Есть почти сплошь сложенные из небольших блоков пахсы

или из сырцового кирпича других размеров, а также и глинобитные. В полуобрушившейся кладке одной из башен, среди блоков пахсы, встретились фрагменты жженого кирпича толщиною в 3—3,6 см. Обнаружение обломков кирпича таких размеров, характерных для IX—X вв., дало основание установить, что городские стены еще поддерживались в какой-то период этого времени. Сырцовый кирпич различных размеров местами применялся только для облицовки.

Траншея была заложена севернее описанного выше останца, причем нижний ряд кирпичной кладки останца еще был отмечен в ее южной стенке (рис. 23, *15*). При закладке траншеи на самой вершине вала сразу же был обнаружен вкопанный в землю вверх дном небольшой хум, сохранившийся частично; по-видимому, здесь было водоотводное сооружение — ташнау. В обкладке хума встретился фрагмент кирпича размером стороны в 22,5 *см* и толщиною в 3 *см*, т. е. типичный так называемый «саманидский» кирпич (вторая половина IX и X вв.). Недалеко от хума была обнаружена яма с рыхлым завалом, в которой найдены, вместе с фрагментами малохарактерной керамики, фрагменты жженого кирпича размером 21×22×3,7 *см*, т. е. опять-таки кирпич указанного времени. Выше говорилось, что последним периодом существования городских стен мог быть IX—X в. После того как на месте, где должна была находиться сырцовая кладка стены, обнаружен хум с жженым кирпичом этого же времени, мы можем установить более точно, когда жители города перестали поддерживать городскую стену: очевидно, в X в., так как в условиях саманидского государства в ней не было необходимости. Стена была заброшена в первой половине указанного периода — в IX в., до Саманидов или в начале их правления.

Стена предшествующего периода — несравненно более массивная, чем останец, описанный нами выше — была выстроена из комков пахсы (рис. 23, *13*). В структуре этой стены отмечается характерная особенность: массив стены облекает как бы корка толщиною в 50 *см* из плотно слепленных кусков пахсы, внутри же эта пахсовая кладка значительно рыхлее. Наиболее плотно уложена пахса в кладке внешней стороны стены, где в срезе выявляется сплошная плотная глина без признаков комковатости. Толщина стены у основания достигает 5 *м*, сохранилась она на высоту до 6,5 *м*. Основание этой, несомненно, уже средневековой стены находится на уровне верхней части древней стены, в 7 *м* к западу от нее. Именно к этой стене примыкали здания, остатки которых были нами вскрыты в 1951—1952 гг.

Внутри описанной массивной городской стены, на глубине в 1,5 *м*, около северной стороны траншеи, где значительная часть стены разрушена, неожиданно была обнаружена тонкая — шириной всего в 40 *см* — глинобитная стенка (рис. 23, *10*). Вначале предполагалось, что это — некая каркасная стенка для укрепления довольно рыхлой кладки из комков пахсы внутренней части городской стены. Однако этому предположению противоречило наличие на ней налета красновато-бурого цвета, свидетельствовавшего о долгом пребывании стены на открытом воздухе. Наибольшая высота обнаруженной стены — 2,7 *м*, толщина — до 1,1 *м* (у основания). Выяснилось, что стена сложена из крупных блоков пахсы с отчетливо выраженными промежутками (швами) между ними шириною до 15 *см*, заполненными рыхлой замазкой; ширина блоков — до 1,05 *м*, высота — до 80 *см*. В открытой части этой стены в лучшем состоянии оказалась ее северная половина, которая затем и была сохранена на высоком останце; последний сузил траншею на узком участке до 1,5 *м*. Уже после того, как была раскрыта описанная стенка из блоков пахсы, в южном разрезе траншеи, внутри массивной городской стены, были обнаружены две косые линии, сходящиеся вверху под острым углом; одна из этих линий в своей нижней части совмещалась с внутренней поверхностью упомянутой стенки (рис. 23, *10* и *11*). При дальнейшей расчистке выяснилось, что эти линии — признак еще одной стены из комков пахсы, как и городская стена, в которую она была включена, но гораздо менее массивная, хотя и довольно высокая: высота ее — около 5 *м*, толщина у основания — 2 *м*. Кладка этой «промежуточной» по времени стены ничем не отличается от кладки включающей ее в себя более массивной поздней стены, поэтому она была обнаружена только в южном разрезе траншеи, после того как ее значительную часть уже вскрыли.

Таким образом, в толщу городской стены оказались включенными две небольшие стены, которые никак нельзя принять за стены города.

Основания всех этих трех более поздних стен находятся примерно на уровне верхней половины сохранившейся части древней городской стены, в 7—12 *м* от нее. Ниже обнаружены слои различной структуры, состава и цвета, образовавшиеся из продуктов обрушения сооружений в хронологическом отрезке, отделяющем время разрушения древней стены с башней от времени возникновения описанных трех стен. В стратиграфическом разрезе отчетливо выявляются, хотя и на небольших отрезках, уровни оснований как мас-

сивной городской стены из комков пахсы, так и небольшой стены из блоков. Под этими уровнями обнаружены слои грунта различной плотности и структуры, образовавшиеся в результате завалов стен или зданий. Элементы некоторой конструктивности в наслоениях встретились только возле остатков древней стены с башней. Здесь, примерно на уровне верхней части древней городской стены, раскрыта как бы платформа из грунта комковатой структуры длиною в 3,5 *м* и глубиною до 1 *м*. Еще более мощная платформа из плотной глины обнаружена на уровне середины высоты

Рис. 26. Вид на древнюю башню с юго-запада (со стороны траншеи) на уровне поверхности белого слоя (рисунок худ. Г. Н. Никитина).

древней стены. При расчистке этих платформ на открывшейся поверхности городской стены была расчищена бойница, такая же, как и бойницы башни, на уровне их верхнего ряда. С обнаружением ее установлено, что одним из элементов усиления древней городской стены как фортификационного сооружения были бойницы. На глубине 8 *м* (от гребня массивной поздней стены) вскрыт мощный слой песка почти черного цвета, толщиною до 1,2 *м*, с вкраплениями болотной глины (ил?). Под этим слоем песка обнаружена поверхность из плотного белого грунта с довольно крутой покатостью наружу. На поверхности этого слоя, под бойница-

ми нижнего яруса башни, встретился накладной валик (рис. 15, черт. II) высотой в 50 *см*, образующий как бы цоколь башни; при дальнейшей расчистке выяснилось, что это была только более поздняя накладка для закрепления стен

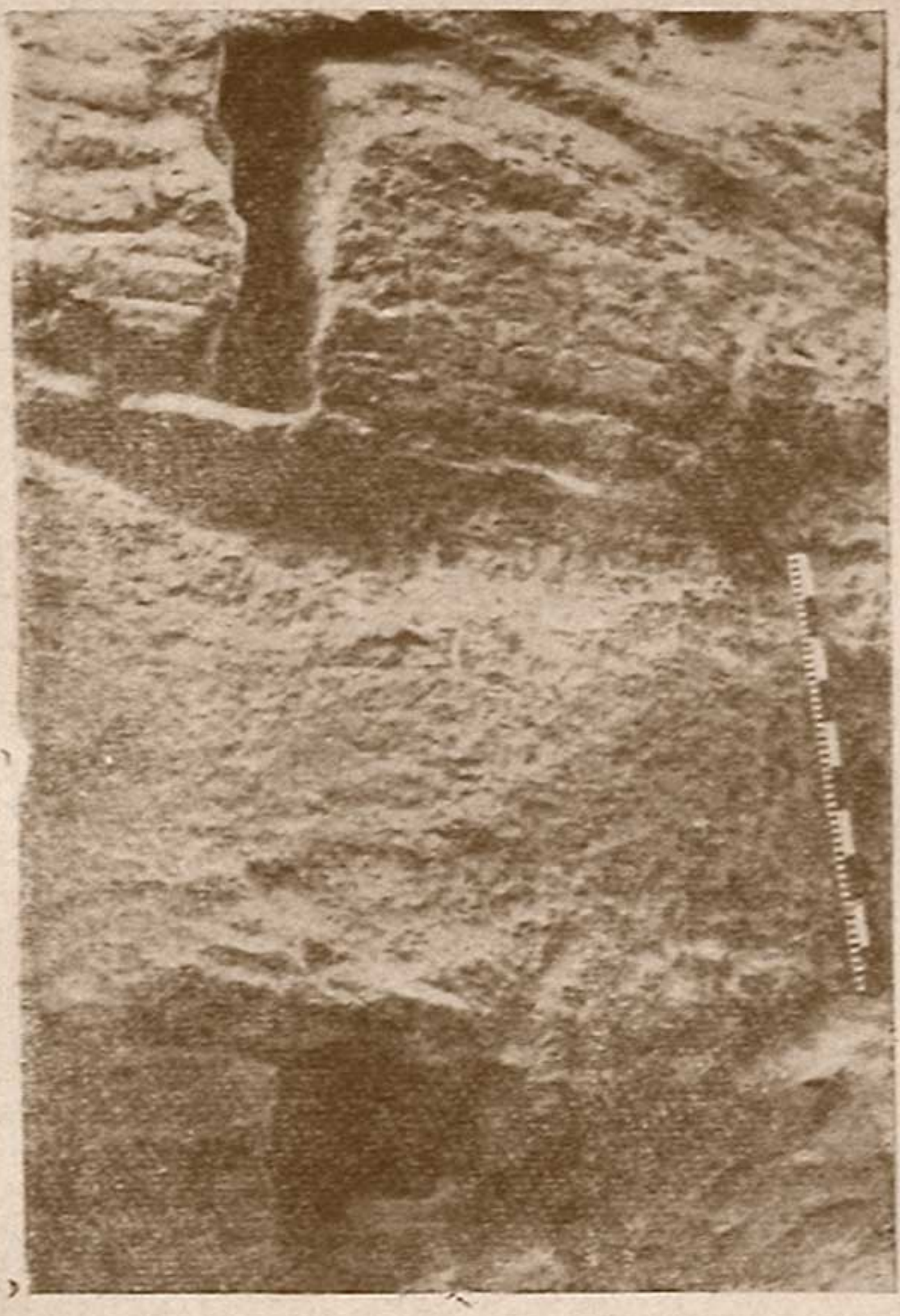


Рис. 27. Цоколь башни; внизу — слой песка.

башни. Поверхность плотного белого слоя, очень ровная, несомненно, была некоторое время обжитой обитателями древнего города (рис. 26).

При снятии слоя белого плотного грунта у башни и стены выявился истинный цоколь этих сооружений в виде заглаженной слегка наклонной глиняной поверхности высотой до 1,7 *м* (рис. 15, черт. II; рис. 27). Выявилось, что в соста-

ве этого слоя много размельченного сырцового кирпича, есть и обломки керамики, среди которой встретился фрагмент сосуда с коленчатым перегибом корпуса. Общий облик керамического материала свидетельствует о том, что слой из белого грунта синхроничен наслоениям помещения башни. Среди керамического материала встретился предмет из железа, по-видимому, наконечник стрелы с коническим острием и цилиндрическим черешком (рис. 14); длина этого предмета — 5,3 *см*. Толщина белого слоя у древней городской стены равна 60 *см*, но дальше к западу, в 6 *м* от стены, его толщина достигает уже 1,4 *м*. Как уже на месте установил В. А. Нильсен, этот белый слой является продуктом обрушения верхней части древней городской стены и башни.

Под белым слоем обнаружен второй слой песка, но уже желтого, толщиною до 60 *см*, видимо, нанесенного ветром в период существования древних стен.

Под вторым слоем песка опять расчищена ровная, покатая к западу поверхность, более крутая, чем поверхность белого слоя, также из плотного белого грунта у стены, но под башней обнаружена болотная глина; это, несомненно, уже основания башни и стены, на которых они были воздвигнуты. Нижний слой песка примерно на 70 *см* проникает под цоколь башни (рис. 15, черт. II; рис. 27), что, вероятно, произошло в результате разрушения цоколя и его ремонтов.

Глубина траншеи у основания древней стены доведена до 10,5 *м* (от гребня поздней стены) — до уровня окружающей местности. Оба слоя песка и слой белого плотного грунта между ними по наклонной уходят в глубину; видимо, вокруг городища был ров.

Для полноты стратиграфического исследования надлежало бы углубить траншею до материковых пород, но недостаток времени и средств не дали возможности довести разрез до конца. Однако основные задачи исследования башни и более поздних городских стен были уже решены. Трудно ожидать, что дальнейшее углубление траншеи могло бы дать значительные материалы для понимания истории города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наши работы над раскопом в северо-западной части городища, поставленные в связь с результатами многолетних работ на Варахше, могут существенно дополнить сведения об истории древнего города в части изучения его оборонительных сооружений.

Наиболее древним сооружением, раскрытым в раскопе, является башня древней городской стены с прилегающими небольшими отрезками последней. Нам пока не удалось найти близких аналогий плану раскрытой на Варахше башни. Даже в материалах Хорезмской экспедиции, уделявшей большое внимание изучению крепостных сооружений, несколько напоминает план вскрытой нами башни только угловая башня Базар-калы[9].

Расположение бойниц башни древней стены Варахши в основном такое же, как на городище Тали-Барзу, только там разница в уровнях двух рядов еще более значительна[10]. Башня Тали-Барзу самим исследователем относится к V—IV вв. до н. э., но в свете позднейших исследований слой Тали-Барзу II, к которому относится и указанная башня, датируется, видимо, первыми веками н. э.[11].

Как сообщил В. А. Шишкин, при обследовании развалин древних поселений в долине р. Зеравшан неоднократно обнаруживались стреловидные бойницы. В частности, такие бойницы были им отмечены в развалинах древних поселений близ кишлака Кельды-Боло (район Катта-Кургана) и близ Кагана. На Варахше впервые при раскопках обнаружены стреловидные бойницы. Такие же бойницы характерны для некоторых памятников развитого рабовладельческого общества, исследованных в Хорезме[12] и на городище Старая Ниса в Южном Туркменистане[13]. В последнем памятнике эти бойницы исследователем определены как ложные, но Г. А. Пугаченкова считает, что некоторые из этих бойниц не были ложными[14].

Выше уже приведены размеры квадратного сырцового кирпича, из которого построены башня и стена; они колеблются от 44×44×10 *см* до 36×36×9 *см*. Можно только с несомненностью установить, что этот кирпич — эпохи рабовладельческого общества. На основе керамических материалов, найденных в башне, более точно, хотя также весьма в широких хронологических рамках, возможно датировать раскрытое древнее оборонительное сооружение II—I вв. до

---

[9] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 112.

[10] Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, 1940, табл. II.

[11] С. П. Толстов, указ. соч., стр. 86; А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 160.

[12] С. П. Толстов, указ. соч., стр. 91 и 112.

[13] В. А. Левина, Стена и башня «Старой Нисы», Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 143.

[14] Г. А. Пугаченкова, К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы, Известия АН ТуркмССР, 1952, № 1, стр. 20.

н. э. и первыми веками н. э.; к этому же времени мы можем отнести и башню, вероятнее, ко второй половине этого периода.

Нельзя с уверенностью сказать, что древняя городская стена Варахши, раскрытая нами на небольшом участке, является древнейшим оборонительным сооружением города. Для этого нужно было бы вскрыть значительный участок на городище, хотя бы по линии нашего основного стратиграфического разреза, к востоку от него. Но сомнительно, чтобы и в этом случае данный вопрос мог быть окончательно решен: еще более древние стены поселения могли иметь иные размеры и иную планировку.

Изучение наслоений в башне и с наружной ее стороны, у основания, дает возможность восстановить некоторые обстоятельства, при которых произошло разрушение древних городских стен. Мы видели, что в помещении башни обнаружено два уровня (пола), соответствовавшие двум периодам в использовании башни; из них нижний (древнейший) пол — это уровень помещения башни в то время, когда она служила в качестве оборонительного сооружения; бойницы и дверной проем поддерживались в исправности, на полу разжигался лишь большой костер. Во второй период не только бойницы, но и дверной проем были заложены (вход в помещение мог быть только сверху — по лестнице). Здесь же обнаружены явные признаки постоянного обитания: два очага, один хум, вкопанный в землю и по крайней мере еще три других хума. Однако различия в керамических остатках на обоих этих уровнях не наблюдается. В частности, на обоих уровнях встретились фрагменты чаш с коленчатым перегибом корпуса.

Два периода жизни башни можно проследить и в наружных наслоениях Выше мы уже отметили то обстоятельство, что плотный белый слой закрывает собою истинный цоколь стены и башни и что его поверхность некоторое время была жилой поверхностью поселения, а сам этот белый слой образовался в результате обрушения верхних частей стены и башни. Сопоставление всех этих наблюдений дает возможность восстановить важный штрих в истории древнего города. Видимо, в первые века нашей эры под стенами города произошла ожесточенная битва, в результате которой город был взят и его оборонительные сооружения разрушены. Но помещение башни еще некоторое время было обитаемо: оно стало жилым помещением, в котором нашла себе приют одна или несколько семей из жителей потерпевшего поражение города. Эти последние обитатели помещения укрепили

нижнюю часть башни у основания бойниц валиком, наложенным на поверхность, образовавшуюся после обрушения верхних частей городских стен, заложили бойницы и дверной проем.

Не совсем ясно, для чего нужно было закладывать дверной проем. Вероятно, площадка перед башней была загромождена развалинами, а проем сильно разрушен.

Сохранившаяся часть башни была подравнена и забита плотным грунтом как снаружи, так и внутри при планировочных работах для нового строительства. То обстоятельство, что в забивке встречаются фрагменты сосудов с коленчатым перегибом корпуса и кубков, характерных для времени, когда башня еще использовалась в качестве оборонительного сооружения, а также и отсутствие средневековой керамики — дает нам основание прийти к выводу, что забивка башни и стен произошла еще в древности. Происхождение второго слоя песка нельзя определить с уверенностью: при взгляде на этот слой в разрезе, а особенно при раскопках, сразу же напрашивается мысль, что этот слой является признаком значительного периода запустения, последовавшего за окончательным оставлением древней башни, но этому выводу противоречит наличие в песке комков болотной глины, которые вряд ли могли попасть в слой при эоловом его происхождении. Несмотря на все приведенные выше затруднения при определении времени забивки башни, мы все же склонны считать, что башня стояла открытой недолго, во всяком случае — не столетия, о чем свидетельствует относительно хорошая сохранность поверхности ее стен. Видимо, какие-то сооружения возникли довольно скоро на развалинах древних стен. Их признаками можно считать две платформы, обнаруженные возле стены с наружной стороны (рис. 23, *5* и *6*). Обе эти платформы стратиграфически связываются с мощными слоями грунта различной структуры и плотности, образовавшимися в результате обрушений. К сожалению, в этих наслоениях встречались лишь отдельные фрагменты толстостенных сосудов станковой работы, по которым невозможно было определить их датировку.

Упоминавшиеся две небольшие глинобитные стены, обнаруженные в толще более поздней городской стены, вряд ли можно принять за городские, в особенности меньшую из них, похожую на обычный дувал; но и большая из этих двух стен не могла быть городской стеной: стенами таких размеров и теперь еще огораживаются некоторые усадьбы. Несомненно, этими стенами был обнесен относительно небольшой участок древнего города. Таким образом, выявляется очень

интересная страница в истории города. К сожалению, и здесь не было керамики, которая помогла бы в установлении даты, не было и монет. Эти стены возможно датировать только на основе стратиграфических данных, т. е. весьма приблизительно, путем сопоставления их с остатками других сооружений, более ранних и более поздних. Древняя городская стена была разрушена в первые века н. э., но после этого времени успели разрушиться еще и другие сооружения, на продуктах обрушения которых построены интересующие нас стены. С другой стороны, эти стены включены в другую, более мощную городскую стену, которая возникла не позднее VIII в., так как у основания глинобитных стен, которые построены несомненно позднее городской стены, найдена монета начала IX в. Имея в виду также и остатки зданий из продолговатого сырцового кирпича, сохранившиеся над древней башней, которые возможно датировать V—VIII вв. и которые, несомненно, существовали одновременно с поздней городской стеной, мы можем прийти к выводу, что небольшие глинобитные стены внутри этой последней были построены в первой половине этого периода (V—VI вв.), т. е. во время разложения рабовладельческих отношений и становления феодальных. Следовательно, в пределах этого периода было время, когда город не имел общей городской стены, что говорит о весьма важном моменте в истории города, когда в структуре общественно-экономических отношений происходили грандиозные сдвиги, характерные для этого переходного времени.

Последние периоды в жизни городища представлены в нашем раскопе весьма скудными и фрагментарными материалами. Стратиграфические данные достаточны для того, чтобы выделить остатки сооружений двух периодов. На основе выявленных материалов (жженый кирпич, поливная посуда, монеты) здания с кирпичной подкладкой вполне возможно датировать X в. Стены глинобитные и из сырцового кирпича, лежащие под стенами с кирпичной подкладкой, относятся непосредственно к предшествующему времени — к VI—IX вв. К этому же времени относятся и остатки зданий из сырцового кирпича, образовавшие почти сплошной массив, в котором можно различить лишь отдельные фрагменты кладок, а также и массивная городская стена из комков пахсы. Последняя еще в IX в. поддерживалась путем укрепления ее вершины относительно тонкой кладкой из пахсы и сырцового кирпича, взятого из разрушенных зданий.

Итак, возможно наметить следующие этапы в развитии оборонительных сооружений города.

1. Городская стена из сырцового кирпича (II—I вв. до н. э. — I—II вв. н. э.).

2. Стена из блоков пахсы типа ограды усадьбы (V—VI вв.).

3. Стена из комков пахсы, также типа ограды усадьбы или квартала (V—VI вв.).

4. Городская стена из комков пахсы (VI—IX вв.).

5. Стена из пахсы и кусков сырцового кирпича (IX в.).

В этих намечающихся этапах развития городских оборонительных сооружений до некоторой степени отражены периоды истории города от эпохи развитого рабовладельческого общества до ранних этапов развития феодализма.

С. К. КАБАНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ИСКИ-АНГАРСКОГО КАНАЛА

По поручению Института истории и археологии АН УзССР автором настоящего сообщения с 30 марта по 4 мая 1954 г. было совершенно две поездки по трассе строительства Иски-Ангарского канала. В поездках принял участие лаборант С. С. Кашеваров.

Перед нами была поставлена задача выяснить, находятся ли под угрозой разрушения археологические памятники на трассе Иски-Ангарского канала. Если обнаружится, что трасса пройдет через развалины древних поселений, курганов и т. п., то на месте принять необходимые меры к их исследованию[1].

Наблюдения на Иски-Ангарском канале проходили в довольно сложных условиях. К моменту выезда отряда из Ташкента земляные работы на трассе протяженностью в 180 *км* велись на отдельных участках, преимущественно в Самаркандской области, уже в течение двух месяцев. Работам мешали необычные дожди весны 1954 г., делавшие грунтовые дороги почти непроходимыми для машин.

По прибытии в Самарканд, в Управлении строительства канала нами были получены сведения о трассе канала, а также об археологических находках. Выяснилось, что трасса в пределах Самаркандской области проходит в основном по руслу старого канала (Иски-Ангар) и что никаких археологических находок на этом участке не было. В пределах Кашка-Дарьинской области трасса пролегает по целине, и работы там велись только на небольших участках. Около Кара-тепе (107 *км* от Самарканда) обнаружены сосуды типа пиал. Эти сведения были получены от главного инжене-

---

[1] Попутно отряду было еще поручено осмотреть и зону затопления проектировавшегося тогда Чим-Курганского водохранилища с целью выявления памятников. См. С. К. К а б а н о в, Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1957, № 2, стр. 73.

ра строительства канала Л. И. Близниченко, поделившегося с нами также и некоторыми своими наблюдениями, относящимися к истории канала. Л. И. Близниченко сообщил, что старое русло канала Иски-Ангар прослеживается на 60 *км* к юго-западу от Самарканда, до района совхоза Улус; дальше его следы теряются, зеравшанского песка нет. Возможно что его продолжение было проложено по Каттасаю.

Изложим результаты наших наблюдений, начиная с головного участка канала, берущего свое начало у западной окраины Самарканда, возле селения Хишрау.

Местность представляет собой степную равнину, известную под названием «Придаргомская степь», по которой разбросаны небольшие бугры диаметром до 30 *м* и высотой до 5—6 *м*, округлые в плане. На поверхности находятся фрагменты керамики с характерным красным и черным ангобом. Видимо, эти бугры являются развалинами поселений типа усадеб.

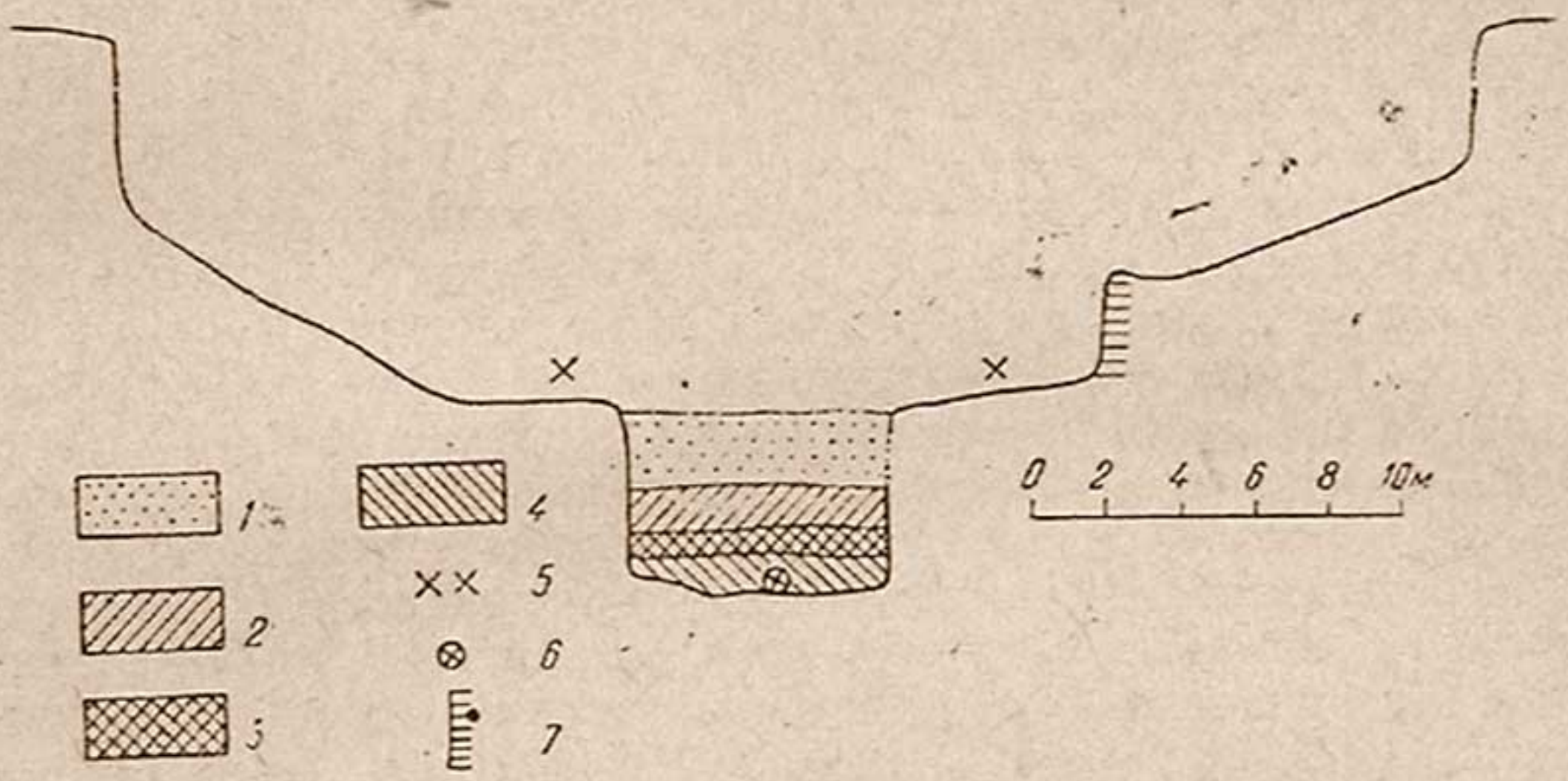


Рис. 1. Разрез русла канала Иски-Ангар близ головного участка.
Условные обозначения:

1-песок намывной, *2*-плотная глина, *3*-культурный слой, *4*-песок материковый, *5*-современный уровень дна сая, *6*-дно нового канала, *7*-фрагмент стены из сырцового кирпича.

Для сооружения головного отрезка канала использовано ответвление Агалыксая, находящееся немного ниже (по течению Даргома) старого русла канала. Несмотря на большой объем земляных работ на головном участке, никаких археологических находок здесь не обнаружено. Только в 3 *км* от начала канала (пикет 60+25) был найден погребенный в русле канала культурный слой. Русло канала в этом месте представляет собой каньон шириною около 35 *м* и глубиной до 10 *м* с обрывистыми склонами (рис. 1). На правом склоне на глубине около 6 *м* обнаружен фрагмент

стены из сырцового кирпича размером 23×23×4,5 *см*, стена сохранилась в высоту на 2,5 *м*, толщина ее — 70 *см*.

Новый канал здесь вырыт на дне сая. Сверху снят пласт рыхлого песка толщиною в 2 *м*; под этим слоем встретился пласт плотного лёсса толщиною в 1 *м*; ниже последнего обнаружен культурный слой, представляющий собой завал из жженого кирпича размером 26,5×26×6 *см*, 28×22×5 *см*, 29×27×4—4,5 *см*. При осмотре кусков кирпича на дне арыка найден фрагмент керамики с орнаментом, нанесенным гребенчатым инструментом. Под культурным слоем находится крупнозернистый материковый песок, вскрытый на глубину в 80 *см*.

Культурный слой лежит на глубине 3—3,5 *м* от существующего дна сая и, видимо, представляет собой завал, образование которого осталось невыясненным: вероятно, этот кирпич и керамика с признаками обкатки принесены сюда во время сильного разлива сая, который, судя по размерам жженого кирпича, произошел не ранее IX—X вв. н. э.

Далее русло канала было обследовано сплошь на протяжении около 15 *км*, до района Джума-базара. Канал и здесь проложен по дну глубокого сая.

Примерно в 12 *км* от головного сооружения обнаружено большое количество мелких фрагментов двух или трех крупных сосудов. Ни одного из них даже частично собрать не удалось. Стенки сосудов толщиною до 2 *см* — из красной глины с большой примесью дресвы. На некоторых фрагментах — серый ангоб. Края сосудов прямые, без профилировки, под краем — ручки в виде круглых небольших выступов. Обстоятельства находки не дают возможности определить слой, из которого выкопаны эти фрагменты. В самих находках нет признаков, по которым их можно было бы датировать.

На этом же участке, на берегу сая, вне трассы канала, при постройке землянки почти на поверхности найден предмет из кварцевого песчаника (рис. 2) зеленоватого оттенка — породы, нередкой в окрестных горах. Предмет длиной в 30 *см*, округлый в срезе, слегка конической формы, имеет круглое ушко с отверстием в суженной части. На расширенной части — небольшой плоский срез. Нам раньше не были известны предметы подобной формы; наиболее вероятно, что этот предмет производственного назначения — пестик или противовес.

В силу ряда обстоятельств нам не удалось осмотреть участок от района Джума-базара до предгорий. По имеющимся сведениям, трасса канала на том участке проходит в

основном по старому руслу канала. Вся местность изрезана руслами саев. Л. И. Близниченко отметил, что здесь видны следы отчаянной борьбы древних строителей с саями, которые часто прорывали русло канала и заставляли менять направление последнего на больших участках. На этом участке нам известен только один случай находки археологического памятника. В 25 *км* от Самарканда, в 50—60 *м* от берега канала, на поверхности инженер-геолог А. Ф. Эдельман нашел фрагментированное терракотовое, из серой глины изображение женщины (рис. 3). Сохранилось только туловище с опущенными руками, скрещенными под грудью.

Рис. 2. Пестик (?) из камня.

Рис. 3. Фрагмент терракотового изображения женщины.

Непомерно утолщенная шея обрамлена широким полуваликом, видимо, гривной.

В районе совхоза «Улус», где канал пересекает предгорную гряду, обследован значительный участок трассы, проложенной по сильно пересеченной местности. Одно из древних ирригационных сооружений этого участка — Кескен-джар — уже известно в научной литературе по описанию А. И. Тереножкина[2].

---

[2] А. И. Тереножкин, Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2, стр. 186.

Кескен-джар (рис. 4) — глубокий каньон, прорезающий гору, — находится вблизи кишлака Байбича Паст-Даргомского района Самаркандской области. Как указывает А. И. Тереножкин, высота стенок старого канала здесь 23 *м*, длина выемки в горе — около 900 *м*[3]. Нужно отметить, что указанная высота стенок канала продолжается только на

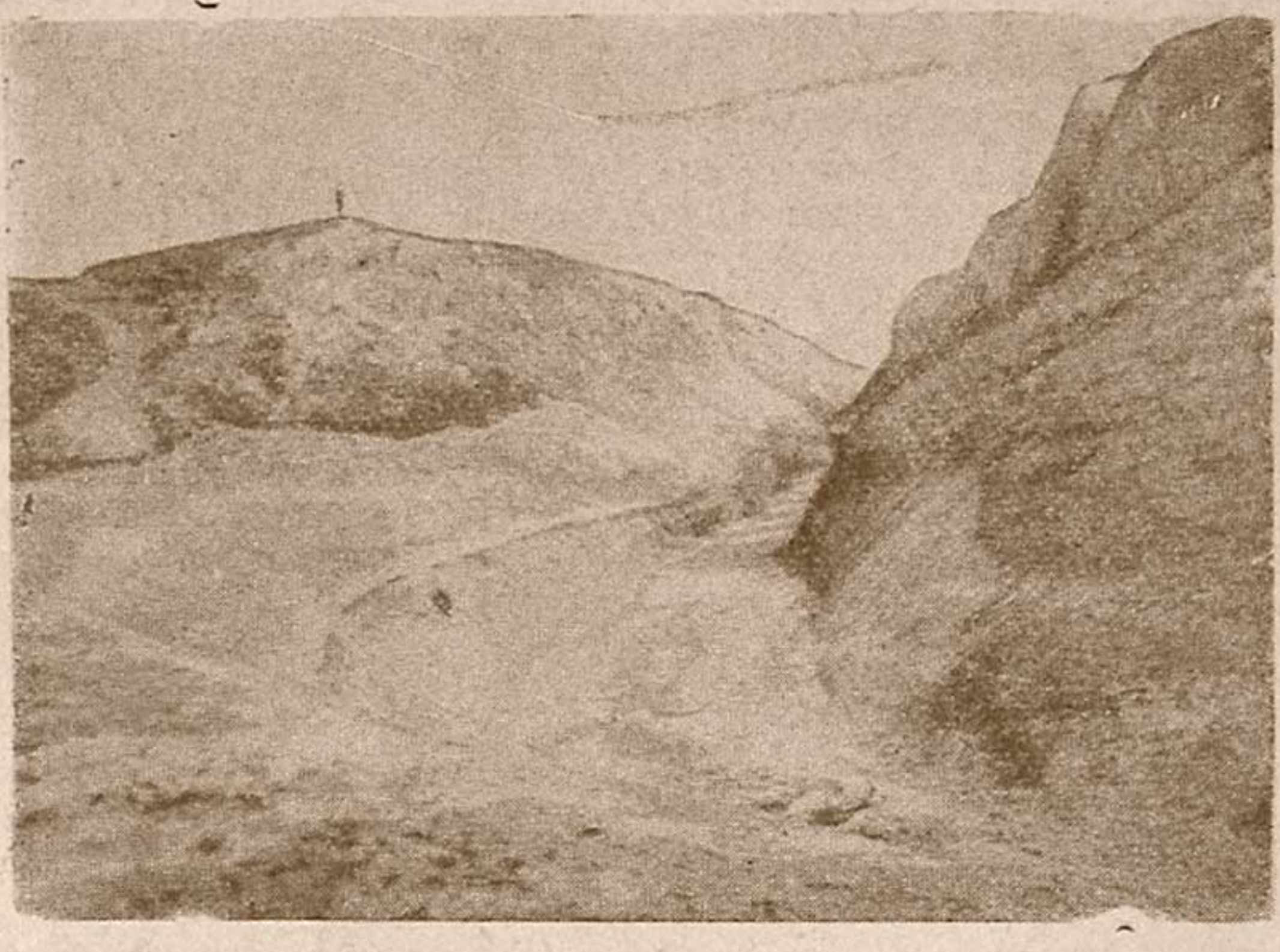


Рис. 4. Кескен-джар.

протяжении около 100 *м* с западной стороны; ширина выемки на поверхности горы — около 40 *м*. С восточной стороны — отлогий склон предгорной гряды, сливающийся с равниной. С горы, которую словно гигантская трещина прорезает каньон, открывается широкий вид на долину Зеравшана. Для нового канала дно Кескен-джара углублено на 1,5 *м*.

Кроме Кескен-джара, на прилегающем участке длиною в 12 *км* старый арык проведен еще по двум каньонам, немного уступающим по глубине Кескен-джару. Длина одного из них — 4—5 *км*; он, видимо, представляет собой овраг есте-

---

[3] Возле Кескен-джара нет никаких признаков отвалов; это наблюдение дает возможность поставить вопрос: не естественного ли происхождения Кескен-джар?

ственного происхождения и только углублен до необходимого уровня. В промежутках между глубокими выемками канал извивается по склонам в виде неширокой, глубиною в 1,5—2 *м*, ложбины.

Вблизи совхоза «Улус» (земли колхоза им. Димитрова) русло канала представляет собой заплывшую ложбину шириною в 20 *м* (по верхнему краю) и глубиною в 2,5 *м*. На

Рис. 5. Теша, найденная в шурфе, заложенном в старом русле канала.

одном участке в ходе строительных работ в русле канала через каждые 12—15 *м* были заложены шурфы глубиною до 12 *м*. По словам работника строительства тов. Хыдырова, в одном из шурфов (№ 15) на глубине 6 *м* была найдена теша еще хорошей сохранности, переданная нам (рис. 5). Теша сделана из железа, своим внешним видом она отличается от современных наличием треугольного выема у вершины рабочей части, под черенком, и закругленностью углов обушка. Длина теши — 13 *см*.

В другом шурфе (№ 2), по словам начальника участка тов. Ширкулова, была найдена монета, переданная затем начальнику строительства тов. Усманову, от которого мы ее и получили. Монета медная, диаметром в 2,1 *см*; по определению Е. А. Давидович, монета бита в Бухаре в 832/1428—1429 г. при Улугбеке. По имеющимся сведениям, монета обнаружена на глубине 12 *м* (!), что, конечно, невозможно.

Шурфы действительно доводились до глубины 12 *м*, но в нижних их слоях находились уже чисто геологические наслоения. Видимо, приведенная цифра в устах строителей должна означать, что монета найдена глубоко. Нами сверху осмотрены стенки шурфов, в которых ясно видна на фоне желтого лёсса на глубине 5—6 *м* черная перегнойная полоса, являющаяся признаком погребенного позднейшими заплывами дна канала. Других признаков культурных слоев в стенках канала нет. Следовательно, монета могла быть найдена на глубине 5—6 *м*, на дне старого канала; в этом же слое была обнаружена и теша. Находки столь недавних предметов, как описанная теша и монета, были неожиданны, но сомнения вызвать не могли, так как о них мы слышали и от других лиц. О других находках на этом участке сведений больше не было. В откосах нового канала культурных слоев не обнаружено.

Городищ и тепе, связь которых с древним каналом возможно было бы предполагать, на этом участке нет. Здесь отмечены развалины только одного древнего поселения — примерно в 1 *км* к востоку от центральной усадьбы совхоза «Улус» (Улус-тепе), но этот памятник не связан с арыком Иски-Ангар, так как находится на значительно более высоком уровне, в котловине, орошаемой небольшим горным потоком. Улус-тепе, размером приблизительно 150 × 100 *м*, вытянуто с севера на юг, высота его у северной стороны — около 25 *м*; в этом месте находится наиболее возвышенная часть тепе (развалины замка?). При расчистке обнажения у основания обнаружен очень характерный материал — фрагменты кубка первых веков до н. э.

Найден довольно большой фрагмент кубка из серой глины, на невысокой ножке, покрытый глянцевитой коричнево-красной краской. Другой фрагмент — часть вертикального бортика чаши, слегка суженной у устья; сосуд снаружи был покрыт густым слоем красного ангоба. Обнаружены фрагменты толстостенных сосудов, снаружи покрытых коричневой краской. На поверхности поднята пластинка из опала (?) длиной в 5,1 *см* и шириной в 1 *см* с двумя отверстиями для нашивки. Из средневековой керамики найден только один фрагмент поливного блюда XI—XII вв.

Нужно отметить особое значение этого памятника, находящегося в предгорной местности, вдали от других современных поселений, в котловине, питаемой отдельным потоком.

От Кескен-джара и района совхоза «Улус» канал прорезает предгорные гряды, преимущественно по руслам саевых потоков, из которых наиболее длинный Каттасай. Подробно с

руслом Каттасая мы ознакомились в его низовой части, возле селения Шор-базар. Наше внимание к этому участку было в особенности привлечено уже имевшимися сведениями об остатках в этом районе ирригационных сооружений, приведенными А. И. Тереножкиным в его упоминавшемся выше предварительном сообщении.[4]

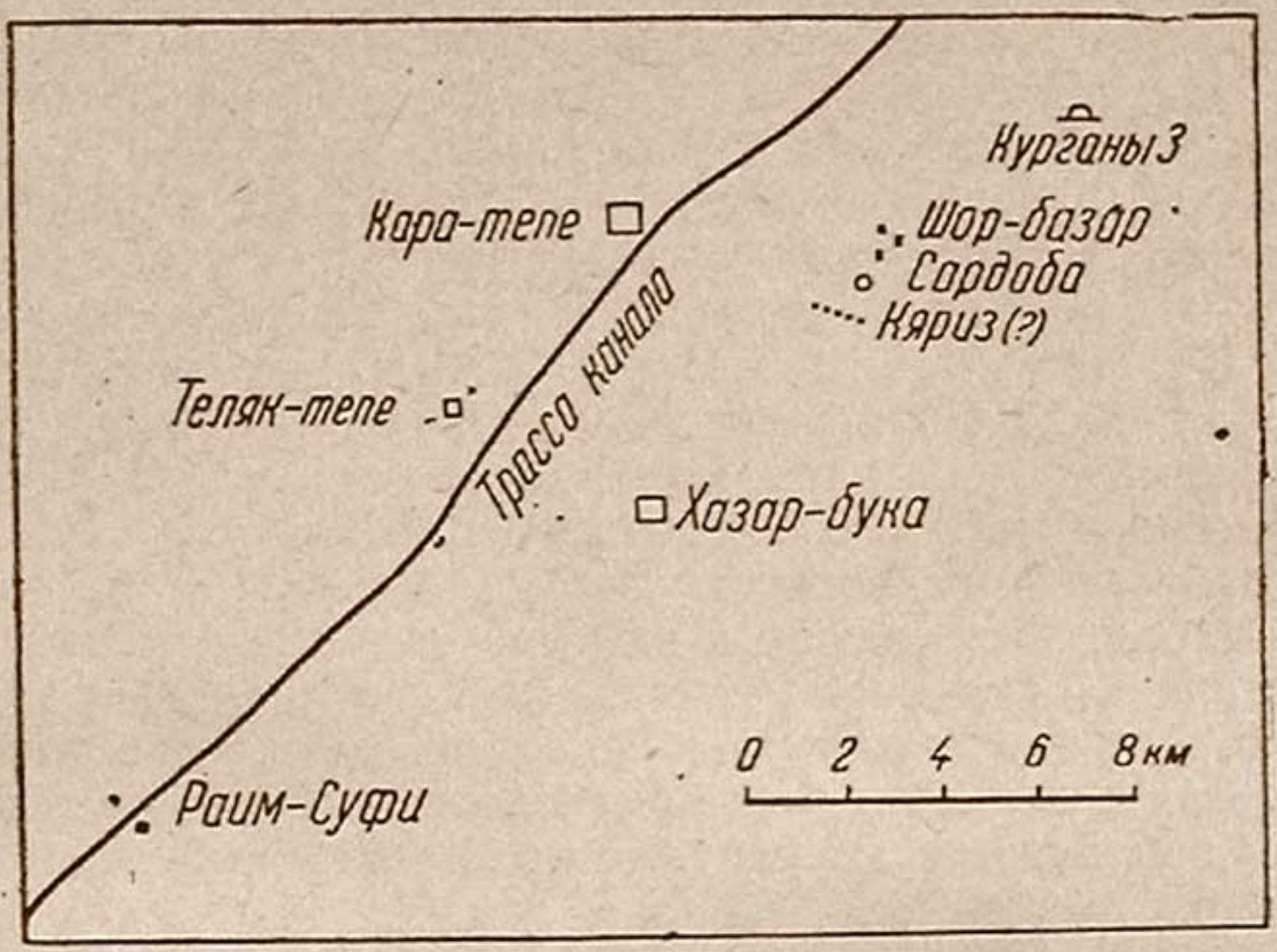


Рис. 6. Схематический план расположения археологических памятников в районе Шор-базара.

Каттасай представляет собой узкую, совершенно ровную долину шириной возле Шор-базара до 3 *км*, вытянутую с северо-востока на юго-запад и являющуюся естественным стоком вод в сторону долины Кашка-Дарьи. Это — единственное место, по которому могло быть проведено русло Иски-Ангара. В районе Шор-базара (рис. 6) выступом предгорной гряды с востока Каттасай сужается до 1,5 *км*, и здесь же образуется небольшая низина, как бы тупик, окруженный с трех сторон буграми. На этой небольшой низине (площадью около 5 $км^2$) обнаружены признаки совершенно неожиданных способов орошения — кяризного и лиманного.

Кишлак Шор-базар состоит из небольших групп строений, расположенных по краю бугров, окружающих низину. Подъезжая к северной из них (с юго-востока, от совхоза «Кок-даля»), мы заметили возле дороги небольшие впадины. Один из пастухов сообщил, что эти впадины — старые колодцы, неиз-

[4] А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 186.

вестно когда выкопанные, лет по крайней мере двести тому назад (во всяком случае, старики уже не помнят). Этот ряд впадин был нами прослежен. С восточной стороны дороги на отрезке около 200 *м* мы насчитали десять впадин. С западной стороны дороги на протяжении 240 *м* обнаружено 11 впадин, причем в этом же ряду впадин есть промежуток шириною в 30 *м*, занятый хаузом с дождевой водой. Впадины диаметром в 4—5 *м* и глубиною до 1 *м* окружены расплывчатыми насыпями; промежутки между впадинами — 10—25 *м*.

Дальше к западу — неглубокая ложбина в виде заплывшего арыка, проложенная с северо-востока; здесь эта ложбина заканчивается. За ложбиной, еще дальше к западу, ряд ям продолжается: на протяжении 250 *м* насчитано еще 20 впадин. Здесь этот ряд заканчивается, и перпендикулярно ему обнаружен бугристый, проложенный в направлении с севера на юг вал высотой до 0,5 *м* и шириной в 5—10 *м*. На западной стороне вала поверхность почвы ниже, чем на восточной, на 25—50 *см*. Чем дальше к югу, тем ниже по отношению к валу становится равнина, с восточной же стороны вал чуть заметен. Разница в уровнях прослежена на отрезке длиной в 1,5 *км*. Вал и различные уровни разделяемых им участков мы считаем признаком существовавшего здесь лиманного способа орошения.

Сделанные наблюдения позволяют прийти к выводу, что низина у Шор-базара имела очень сложную систему орошения. Здесь есть признаки и кяриза, и лиманного способа орошения, и канала. Неясно, куда была проведена вода по кяризу. Ряд впадин с востока заканчивается обширным кладбищем, дальше к востоку — небольшая предгорная гряда, а еще восточнее расстилается равнина, на которой теперь зеленеют богарные посевы. Не проводилась ли кяризом вода на эту равнину? Только с помощью подробной топографической съемки возможно решить возникшие вопросы орошения этого небольшого предгорного района.

На этой же низине, к югу от северной группы строений Шор-базара, отмечено два бугра типа курганов. Около окраины (южной) селения обнаружены остатки сардобы диаметром в 13,8 *м*, выстроенной из кирпича размером 27 × 27 × 5,5 *см*, и развалины хумдана (обжигательная печь) в виде бугра, поросшего редкой травой и усыпанного обломками квадратного жженого кирпича толщиной в 6 *см*. Здесь же, у сардобы — небольшое тепе высотой в 5 *м*. Сардоба и тепе находятся примерно в 400 *м* к северу от ряда впадин, которые прослежены на протяжении около 700 *м* и приняты нами за признак кяриза.

К западной стороне исследованного участка у Шор-базара прилегает часть долины Каттасая, продолжающаяся дальше к югу. Каттасай здесь осмотрен дважды по всей его ширине, но никаких признаков канала заметить не удалось. Не обнаружил их и ранее обследовавший это место Л. И. Близниченко, высказавший предположение, что русло канала могло быть стерто силевыми потоками.

Рис. 7. Фрагменты сосудов с отпечатками тканей на внутренней поверхности

В 2,5—3 *км* к северо-востоку от северной группы строений Шор-базара, на гребне предгорной гряды, обнаружены три бугра высотой от 0,5 до 1 *м*, диаметром до 15 *м* (видимо, курганы). К востоку от бугров — ложбина, где на вспаханной поверхности собран комплекс керамики, в котором есть фрагменты как сосудов с отпечатками ткани на внутренней поверхности (рис. 7), так и посуды станковой работы. Не было ли здесь поселения кочевников? Ответ на этот вопрос могут дать только раскопки.

Каналы, о которых сообщает А. И. Тереножкин, на этом участке не обнаружены; видимо, их нужно искать еще дальше к северо-востоку.

Из изложенного видно, что окрестности Шор-базара весьма интересны в археологическом отношении.

Горловина Каттасая соединяет этот район с не менее интересным районом средневековых поселений Кара-тепе и Хазар-бука. Кара-тепе находится в 6 *км* к западу от Шор-базара, у устья Каттасая, в 50 *км* к ССВ от г. Карши.

Кара-тепе — развалины довольно крупного поселения, которое было расположено на естественном бугре. Наружные очертания поселения выявляются нечетко, так как к нему прилегают естественные бугры. Протяженность центральной части поселения с севера на юг — 250 *м* и с востока на запад — 300 *м*. Поверхность тепе довольно бугристая, наиболее возвышенная его часть — северная.

Около северной стороны тепе обращает на себя внимание небольшой квадратный бугор с длиной стороны в 30 *м*. Края этого бугра приподняты, в середине — ложбина; совершенно ясно, что это было небольшое здание типа рабата с двориком посредине.

В 1950 г. в ходе изыскательных работ при проектировании строительства нового канала, инженер-ирригатор Л. В. Дунин-Барковский заложил в северо-восточной части Кара-тепе две траншеи. Работы были предприняты с целью изучения истории поселения в связи с историей поливного земледелия в данном районе, но проводились без консультации с археологами. Траншеи прорезали северный и северо-восточный склоны тепе, длина каждой из них — 70—80 *м*, глубина — до 1,5 *м*, ширина — до 70 *см*. Материалы раскопок были переданы в Институт истории и археологии.

Полученный в траншеях материал (объем его — один ящик) до некоторой степени характеризует верхний слой развалин поселения. Основную его часть составляют сильно раздробленные фрагменты поливных сосудов, которые можно подразделить на несколько видов.

1. Сосуды с белой поливой различного качества — от блестящей прочной до отслаивающейся мутной или желтоватого оттенка. Наиболее совершенная полива в фрагментах сосудов почти без орнамента, с перегибом стенок у края (рис. 8, *1*, *2*). В этих фрагментах на красный черепок с обеих сторон нанесен плотный белый ангоб, покрытый затем прозрачной блестящей глазурью. Донышко одного из блюд, покрытых подобной поливой, — на низком кольцевом поддоне (рис. 8, *4*). На белый фон орнамент наносился черной, оранжевой, красновато-коричневой, зеленой и желтой красками. Орнамент преимущественно растительный, в виде круговых полос на лицевой поверхности сосудов (рис. 9, *1—3*). Встречаются и элементы геометрического орнамента (рис. 9, *4—6*). Контуры росписи обычно четкие; иногда красноватая краска расплывается по белому фону.

2. В особую группу можно выделить керамику с красным фоном поливы, иногда в сочетании с белым. Блюдо с плоским поддоном и с пологими округлыми стенками (рис. 8, *6*), из

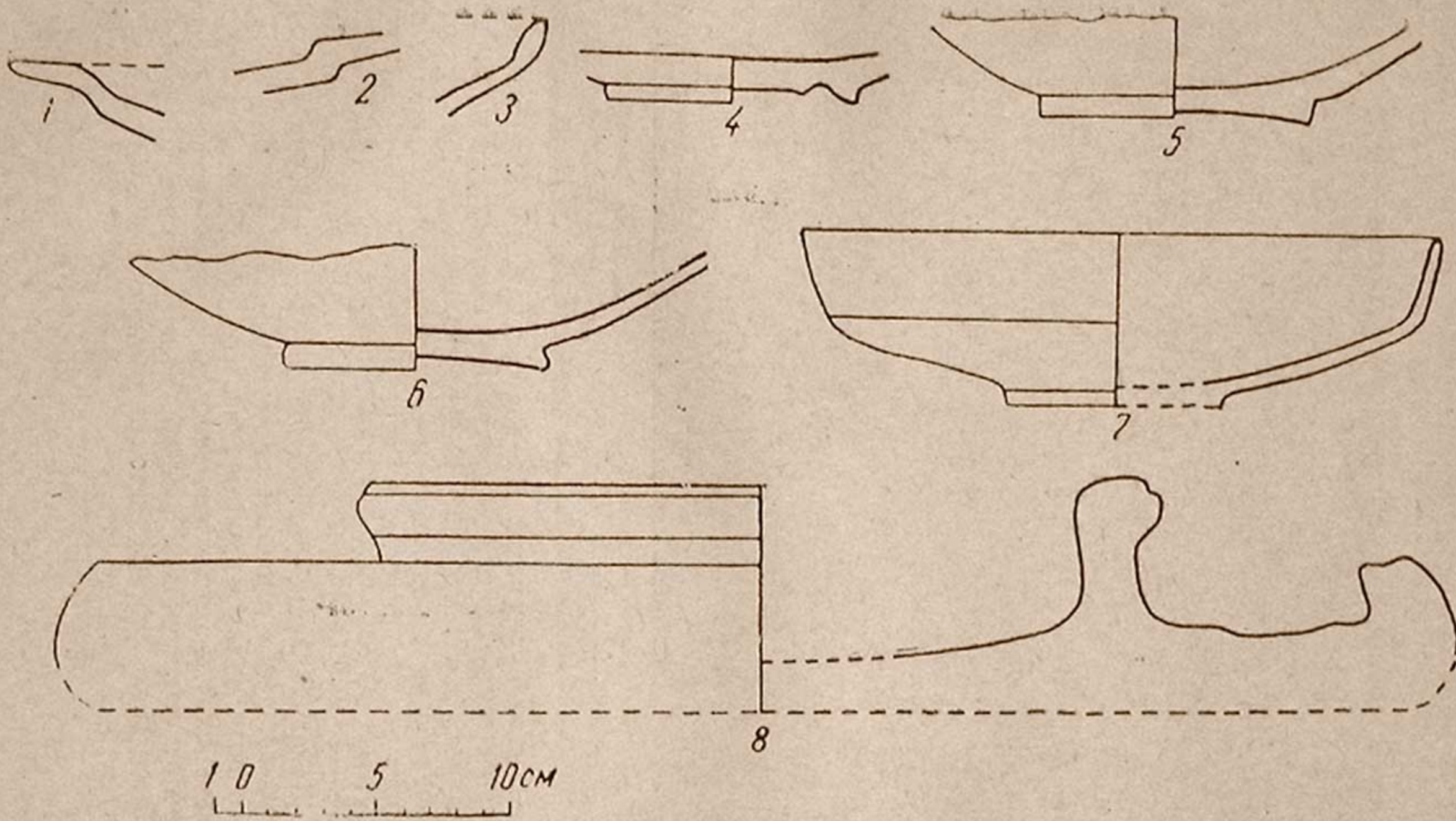


Рис. 8. Кара-тепе. Формы сосудов X—XII вв.

красной глины хорошего обжига. Вся внутренняя поверхность и верхняя часть внешней покрыта красной краской, затем на внутренней поверхности сосуда нанесен орнамент черной, бе-

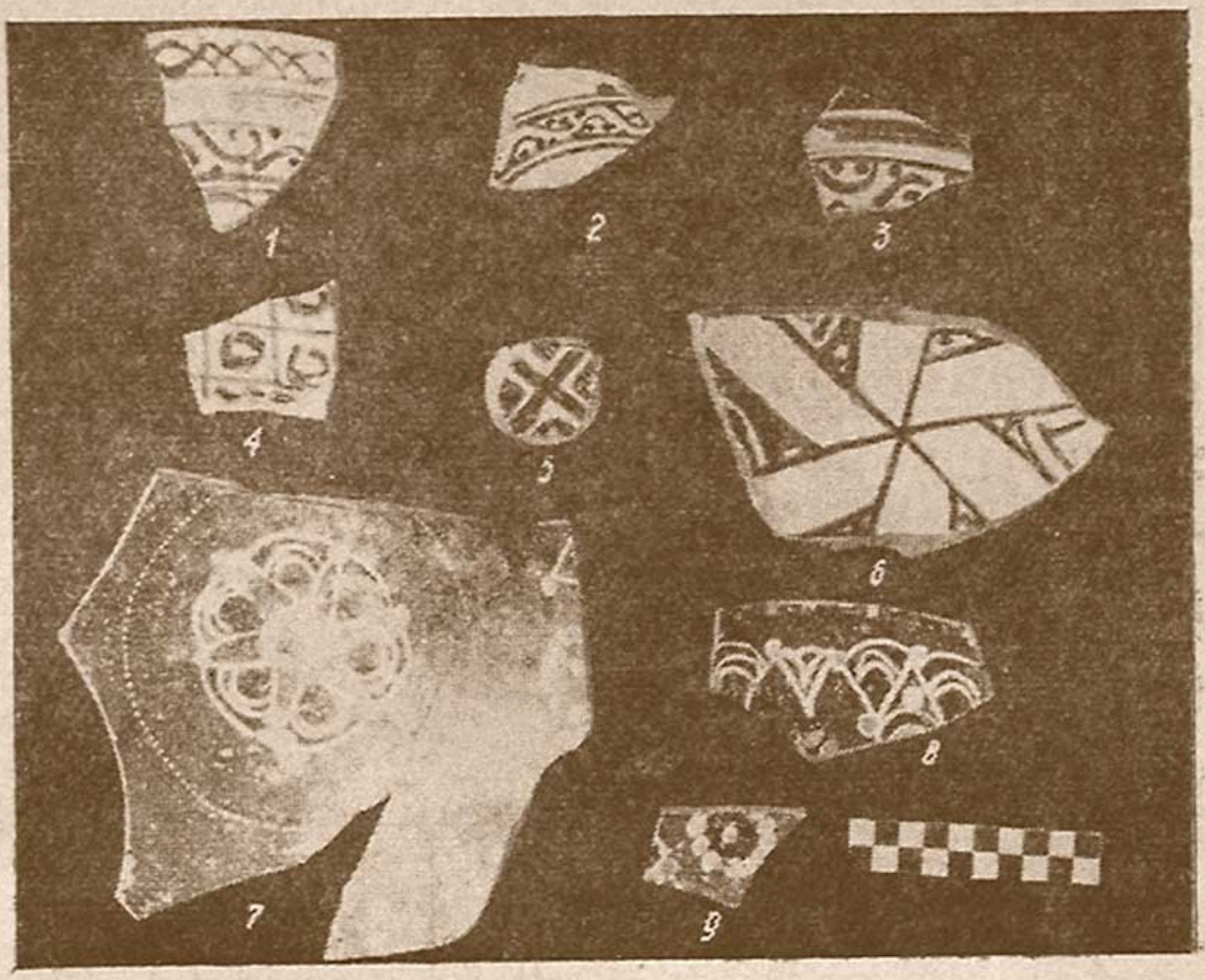


Рис. 9. Кара-тепе. Орнамент поливных сосудов.

лой и зеленой красками. На дне блюда изображена черной краской с белым контуром шестилепестковая розетка, взятая в круг (рис. 9, 7). По борту блюдо украшено двойным пояском орнамента, в верхнем ряду — в виде треугольников, нанесенных белыми линиями на черный, зеленый и красный фон в круг (рис. 9, *8*), в нижнем ряду — многолепестковые розетки (рис. 9, *9*).

3. Довольно много фрагментов сосудов с голубой поливой, накладывавшейся плотным слоем на черепок, без ангоба. Такого рода поливой покрывались как блюда, так и чираги (светильники). Сохранилось два навершия ручек светильника в виде остроконечного лепестка со штампованным орнаментом. Этот вид керамики бытовал, видимо, очень долго (с IX по XII в.).

4. Зеленая полива накладывалась также прямо на черепок. Иногда до покрытия поливой поверхность сосуда расчерчивалась острием в несложном орнаменте в виде завитков, ромбов. В углублениях краска сгущалась, орнамент выявлялся как нанесенный черными линиями. Зеленая полива — видимо, один из древнейших видов поливы.

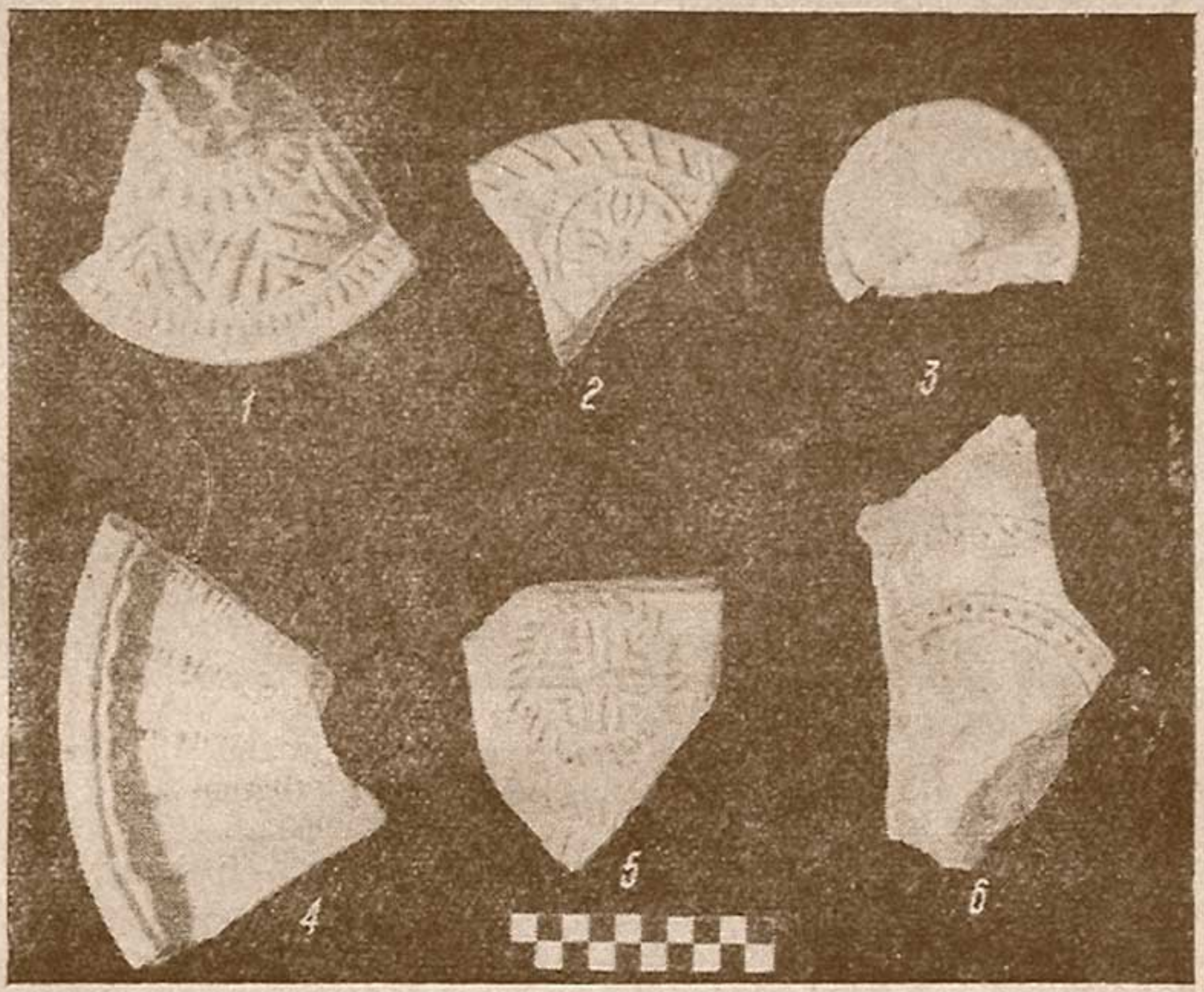


Рис. 10. Кара-тепе. Фрагменты крышек и подносов со штампованным орнаментом.

5. Обнаружено несколько фрагментов сосудов с коричневой поливой; краска накладывалась на ангоб (чираги) или без ангоба. Найден крупный фрагмент блюда с почти вертикальным бортиком (рис. 8, 7), сплошь покрытый коричневым ангобом.

Неполивная керамика из материалов Л. В. Дунина-Барковского представлена главным образом фрагментами крышек и подносов со штампованным орнаментом (рис. 10). Эти

керамические формы обычны для наслоений X—XII вв. Найден фрагмент верхнего камня ручного жернова с углублением для рукоятки и обожженные кирпичи размером 37 × 37 × × 4,2 *см*, 35,2 × 35,2 × 4 *см*, 36;4 × 36,4 × 3,5 *см*.

Рис. 11. Кара-тепе. Кувшин.

При осмотре городища было поднято несколько фрагментов керамики, не отличающихся от материалов раскопок Л. В. Дунина-Барковского. У самой поверхности городища лаборант С. С. Кашеваров обнаружил целый сосуд — кувшинчик, цилиндрический в верхней части, расширенный в середине, с коническим дном (рис. 11). Особенность сосуда — неровный срез дна; кувшинчик не был в употреблении, быть может, это — бракованное изделие. Сосуд из серой глины. покрыт почти белым ангобом, высота его — 17 *см*, ширина устья — 10,5 *см*.

Характерно, что в материалах Л. В. Дунина-Барковского нет ни одного фрагмента керамики более древнего, чем IX — X вв. Нам также не удалось найти древней керамики. Конечно, возможно, что древние слои закрыты более поздними наслоениями, но известно, что часто на поверхности многослойных памятников можно обнаружить материалы нижних слоев.

Совокупность данных все же дает основание прийти к выводу, что Кара-тепе является развалинами поселения IX—

начала XIII в., строения которого были расположены на одном из естественных бугров предгорной местности.

Кара-тепе находится у устья Каттасая и потому именно здесь, прежде всего, можно было бы ожидать выявления признаков разветвлений ирригационной системы в виде каналов. И действительно, на местности встречаются длинные неглубокие ложбины, похожие на заплывшие каналы. Одну из таких ложбин мы проследили на протяжении 6 *км* в направлении на восток. Очень крутой угол падения дна этой ложбины у Кара-тепе уже заставил усомниться в том, что это — древний канал. В дальнейшем это сомнение подтвердилось: в 4—5 *км* от Кара-тепе ложбина имеет склон в обратную сторону; видимо, это была дорога.

Л. И. Близниченко сообщил, что была произведена нивелировка трех таких ложбин с целью выявить, являлись ли они заплывами каналов. Результат был получен отрицательный.

Вторым крупным древним поселением этой части Каршинской степи были развалины, известные под названием Хазар-бука. Это городище находится в 7 *км* к югу от Кара-тепе.

Центральная часть городища — в виде квадратного в плане тепе размером 80 × 80 *м*, высотой от 2 до 10 *м* в зависимости от рельефа окружающей местности, так же бугристой, как и у Кара-тепе. К западу от центрального бугра находится резко выделяющийся в рельефе небольшой округлый холм диаметром около 20 *м* и высотой в 3—4 *м*. На обоих буграх — много подъемной керамики X—XII вв. Много этой же керамики и на бугристой поверхности на протяжении 400 *м* к югу и востоку от центрального бугра. В восточной части городища отмечена ложбина шириною в 5—6 *м* и глубиною в 1,5 *м*, тянущаяся в направлении с севера на юг. Осталось неясным, дорога это или канал. Подъемная керамика аналогична керамике Кара-тепе; видимо, и это поселение не древнее IX в.

В 5 *км* к юго-западу от Кара-тепе находятся развалины третьего поселения этого участка Каршинской степи — Теляк-тепе размером 50 × 50 *м*, с бугром в юго-западном углу высотой в 4 *м* и размером 20×20 *м*. Местами—признаки валастены вокруг поселения. Все тепе плотно задерновано, подъемной керамики нет. По своей планировке памятник приближается к поселению типа рабата IX—XII вв.[5]

---

[5] В июне 1955 г. автору, совместно с В. А. Шишкиным, удалось осмотреть восточную часть описанного участка предгорной местности, причем обнаружен еще один искусственный бугор, находящийся в 2 *км* к востоку от Хазар-бука. Это — расплывшийся округлый бугор, вытя-

Работы на трассе велись до кишлака Раим-Суфи, находящегося в 10 *км* к юго-западу от Теляк-тепе. Трасса проходит по степной местности, никаких других бугров не отмечено, в откосах канала культурных наслоений не видно. О находках на этом участке нет никаких сведений.

К моменту нашего отъезда от Раим-Суфи дальше, в направлении к Карши, земляные работы не велись. Трасса здесь намечена западнее кишлака Узун-Кудук (20 *км* к ЮЮЗ от Раим-Суфи), дальше огибает с запада возвышенность Конгуртау, находящуюся в 8 *км* к северо-западу от г. Карши, проходит по южным склонам этой возвышенности, минуя орошенные земли, и доводится до района кишлака Паргуза. Воды Зеравшана будут впадать в Кашка-Дарью в верхней части Каршинского оазиса, в 5 *км* к востоку от г. Карши.

Нами осмотрен конечный участок трассы от Узун-Кудука до устья канала (15 *км*). До кишлака Никуз трасса проходит по степи и по богарным посевам, а дальше — по склонам Конгуртау. На всем этом участке нет бугров искусственного происхождения.

Во второй половине апреля, в перерыве между двумя поездками по каналу, были проведены небольшие разведочные раскопки на Дагай-тепе — памятнике, находящемся примерно в 1 *км* от трассы канала, в 5 *км* к северо-востоку от г. Карши, уже в зоне орошения Кашка-Дарьи.

Раскопки продолжались 12 дней. Площадь раскопа — около 70 $м^2$. При раскопках вскрыто два слоя — III—IV и IX—X вв. В обоих слоях раскрыты гончарные печи (печь нижнего слоя вскрыта частично), получены комплексы керамики; в верхнем слое найдена согдийская монета.[6] Выясняется, что здесь в указанные периоды были поселения гончаров. Раскрыта часть внешней стены поселения в древнейший период его существования (III—IV вв.). В комплексе нижнего слоя обнаружена зернотерка (в обломке) и железный нож. В верхнем слое найден нож из кости. Наслоения VII—VIII вв., к которым относится упомянутая монета, в раскопке выявляются нечетко.

С уверенностью можно сказать, что даже при небольших раскопках здесь могут быть получены интереснейшие мате-

---

нутый с востока на запад. Длина его — около 150 *м*, ширина — 100 *м*, наибольшая высота — около 3 *м*. Из других наблюдений, сделанных во время этой поездки, можно отметить старый арык, который находится вблизи оставленного кишлака Казан-чакты. Несомненно, что по этому арыку проводились силевые воды из горного потока Кум-Дарья, оживающего только весной.

[6] По определению О. И. Смирновой, это — монета ихшида Согда Вахшумана (650/55—696 гг.).

риалы для характеристики гончарного производства в указанные периоды.[7]

* * *

Материалы наших наблюдений на строительстве Иски-Ангарского канала, сами по себе довольно скудные, но поставленные в связь с данными письменных источников, все же дают основание сделать некоторые выводы и предположения об истории этого канала.

Приведем, прежде всего, некоторые сведения письменных источников.

Еще в конце прошлого века Г. А. Арандаренко[8] и М. Ф. Ситняковский[9] зафиксировали народное предание о том, что воды Зеравшана по каналу достигали Каршинских степей, причем в сведениях М. Ф. Ситняковского они прямо связаны с Иски-Ангарским каналом. Когда же мог возникнуть этот канал? Дают ли по этому вопросу какие-либо сведения письменные источники, которые известны современной исторической науке? Мы не можем ждать выявления этих сведений в древних письменных источниках — греческих и китайских: они слишком фрагментарны. Но и в письменных источниках IX—XII вв. также нет сведений об этом крупнейшем строительстве. На основе их изучения делается даже вывод, что «арыки, проникавшие к югу от Самарканда, не отличались особенной длиной».[10]

В другом месте В. В. Бартольд пишет: «Об одном тюмене, Анхарском, говорится, что он образовался только при Тимуре, очевидно, вследствие произведенных этим правителем оросительных работ. Подробностей о них не сообщается; очень вероятно, что дело сводилось, как и много раз впоследствии, к восстановлению культурной жизни на низовьях Даргома».[11] Имеется прямое указание Хафизи-Абру «об оросительных работах, произведенных при Тимуре в Анхарском тюмене».[12]

В этой связи можно привести еще одно указание письменных источников: «При тимуридах был еще Новый Анхар-

---

[7] Материалам раскопок на Дагай-тепе будет посвящена особая работа.

[8] Г. А. Арандаренко, Досуги в Туркестане, СПб., 1889, стр. 270.

[9] М. Ф. Ситняковский, Кафир-Мури, Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии, год пятый, Ташкент, 1900, стр. 46.

[10] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 85.

[11] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 113.

[12] Там же, стр. 13.

ский туман, образованный за счет южной части Анхарского. При шейбанидах он, кажется, прекратил свое существование, слившись снова с Анхарским, но при аштарханидах опять встречается, а при мангытах его уже нет».[13] В этом отрывке подчеркиваем факт существования при тимуридах Нового Анхарского тумана, который, быть может, занимал земли района современного совхоза «Улус».

В 1946 г. по трассе проектировавшегося в то время канала совершили поездку археологи А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум. Было опубликовано предварительное сообщение А. И. Тереножкина, в котором подтверждается древнее предание о том, что воды Зеравшана еще в древности были переброшены в долину Кашка-Дарьи[14]. Этот вывод был принят и получил некоторое развитие в статье Л. В. Дунина-Барковского[15].

В результате нашей поездки выявлены некоторые факты, на которые раньше не было обращено достаточного внимания.

Возникает вопрос: почему не сохранилось русло канала Иски-Ангар в Каттасае, в его низовой части, возле Шор-базара? Можно предположить, что оно здесь замыто силевыми потоками, но имеются также сведения, что признаки каналов в русле Каттасая есть выше по течению, возле кишлака Айртам, где русло сая у́же, и где, следовательно, саевые потоки сильнее и скорее могли бы замыть старое русло. Не служили ли эти каналы для отвода саевых вод на ближайшие годные для обработки участки земли в предгорной местности?

А. И. Тереножкин пишет, что «система арыка Иски-ангар, питавшая поливное земледелие в Каршинской степи, возникла до начала нашей эры, причем земледелие в Каршинской степи достигло наибольшего развития в X—XII веках».[16] Здесь формулировка несколько неясна. Возможно, что система канала Иски-Ангар действительно возникла до начала нашей эры, в то время питая некоторые участки земли в Придаргомской степи. Но был ли в то время канал проведен через водораздельный хребет? Ведь сам А. И. Тереножкин отмечает, что время возникновения двух обследованных им памятников — Хазар-бука и Кара-тепе — не установлено.[17]

---

[13] В. В. Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 14.

[14] А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 186.

[15] Л. В. Дунин-Барковский, Древний канал Иски-Ангор и его современное использование, ж. «Гидротехника и мелиорация», 1950, № 2, стр. 38—40.

[16] А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 186.

[17] Там же.

Кроме обследования окрестностей Кара-тепе и Хазар-бука, нами совершена в этом районе еще поездка по маршруту Шор-базар — Пулаты (55 *км*), но на всем этом участке, кроме указанных выше памятников (Кара-тепе, Хазар-бука и Теляк-тепе), ни одного бугра, который можно было бы принять за развалины поселения, замечено не было. Возможно, что где-либо за пределами видимости с дороги есть и еще развалины поселений, но общий вид местности — типично степной, в ней нет ничего похожего на скопления бугров, характерных для древних культурных оазисов. В окрестностях селения Пулаты есть несколько бугров, но это уже район орошения Кашка-Дарьи. Л. В. Дунин-Барковский в районе селения Пулаты обнаружил каналы, которые он склонен связывать с системой Иски-Ангарского канала[18], но возможно, что их следует скорее связывать с водами саев, которые стекают с ближайших предгорий.

Приведенные наблюдения и отсутствие письменных свидетельств о столь значительном канале, орошавшем Каршинскую степь на пространстве десятков тысяч гектаров, дают основание на данном этапе исследования поставить под сомнение существование Иски-Ангарского канала в Каршинской степи в прошлом и выдвинуть другую точку зрения на этот вопрос.

Трассу Иски-Ангарского канала в аспекте изучения его истории можно подразделить на три части: 1) участок Зеравшанской долины, или верхний участок, длиной в 45 *км* от головного сооружения до Кескен-джара; 2) горный, или средний, участок, от Кескен-джара до Кара-тепе, длиной около 75 *км;* 3) участок долины Кашка-Дарьи, длиной около 60 *км.*

1. Придаргомская степь в древности, несомненно, орошалась, о чем свидетельствуют многочисленные развалины поселений. Но какую именно часть этой степи возможно было орошать водами Иски-Ангарского канала? Выше уже указывалось, что в головных участках канала глубина его достигает 10 *м* и, следовательно, вывод воды на поверхность возможен только много ниже по течению. Конечно, в древности русло Даргома было не столь глубоким, как в настоящее время, поэтому район действия его в низовьях мог быть обширным.

2. Горного участка канала, начиная от Кескен-джара, по имеющимся данным, не существовало до времени Тимура. Сведения письменных источников об оросительных работах в данном районе при Тимуре и тимуридах подтверждаются на-

---

[18] Л. В. Дунин-Барковский, указ. соч., стр. 40.

ходкой монеты времени Улугбека в русле старого канала, в районе совхоза «Улус», уже за Кескен-джаром и двумя другими выемками в предгорной гряде. Положение Тимура как властителя огромной империи позволяло ему иметь большие резервы рабочей силы и средств. Не следует также упускать из вида то обстоятельство, что долина Кашка-Дарьи была первой вотчиной Тимура. Обозревая древнюю и средневековую историю Средней Азии, нельзя не признать, что только Тимуру могла прийти в голову мысль о переброске вод Зеравшана в долину Кашка-Дарьи через мощные предгорные гряды при примитивной технике того времени. По свидетельству Клавихо, в Самарканде «всякого народу со всех земель» было больше полутораста тысяч человек.[19] Сведения эти значительно преувеличены, но вряд ли и половина этого количества рабочих могла быть занята на работах по строительству архитектурных сооружений, которыми так славится Самарканд. Значительная их часть могла быть использована для осуществления и этого грандиозного замысла Тимура. Но этот замысел, если он и существовал, не был доведен до конца. Нужно было перебросить воды через обширный предгорный район, что даже и при наличии саев в сторону долины Кашка-Дарьи было очень сложной задачей, имея в виду большой уклон рельефа местности в сторону Кашка-Дарьи. Те следы каналов, которые отмечены в узкой долине Каттасая, а также в районах Кара-тепе и Хазар-бука, можно определить как следы попыток использовать воды саев. Воды Зеравшана могли быть использованы только сразу же за водоразделом, в районе совхоза «Улус», где есть довольно обширные участки на необходимом уровне. Очень интересные данные приводит Л. В. Дунин-Барковский об ответвлениях канала еще до водораздела в сторону Катта-Кургана и о разветвлении канала за Кескен-джаром.[20]

Если бы на Кара-тепе и Хазар-бука, находящихся в низовой части горного участка, были бы обнаружены слои времени Тимура, то мы имели бы основание прийти к выводу, что воды Зеравшана все же достигали этой части долины Кашка-Дарьи. Но отсутствие таких слоев не дает возможности сделать этот вывод.

В долине Кашка-Дарьи нередко можно наблюдать, что у выхода из гор в долину постоянных потоков или саев находятся развалины древних или средневековых поселений, как

---

[19] Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг., СПб., 1881, стр. 328.

[20] Л. В. Дунин-Барковский, указ. соч., стр. 39.

например, близ селения Макрид.[21] К развалинам средневековых поселений IX—XII вв. и относятся Кара-тепе и Хазарбука, получившие особое развитие еще вследствие того обстоятельства, что они находились на караванном пути из Самарканда в Несеф. Третье поселение этого небольшого участка Каршинской степи — Теляк-тепе — несомненно, является развалинами поселения типа рабата и своим происхождением целиком обязано последнему обстоятельству. Большое место в занятиях жителей этих поселений занимало земледелие, главным образом богарное, для которого использовались и скудные водные ресурсы предгорного маловодного района[22].

3. Низовой участок канала от Кара-тепе до р. Кашка-Дарья проложен по целине в степи; его история еще впереди.

---

[21] С. К. Кабанов, Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарьи, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 89—97.

[22] Сопоставление археологических и исторических данных об Иски-Ангарском канале предварительно было дано в нашей заметке «К вопросу о древности канала Иски-Ангар» (см. «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.», Труды АН ТаджССР, т. XXXVII Сталинабад, 1956, стр. 116—117).

В. Д. ЖУКОВ

ДУКЕНТСКИЙ КЛАД МОНЕТ

(Предварительное сообщение)

По поручению Института истории и археологии АН УзССР мною была составлена опись монет Дукентского клада, обнаруженного в горах близ г. Ангрена. В результате составления описи появилась возможность дать предварительное сообщение об этом кладе, который содержит продукцию по меньшей мере пятнадцати монетных дворов[1]. Часть монет еще окончательно не разобрана и материалы о них будут опубликованы после их определения. Многие из этих неуточненных монет (все они относятся ко второй половине XIII и началу XIV в. н. э.) имеют крайне незначительные остатки штампа, судя по которым их можно определить только как чагатайский чекан указанного времени, без уточнения места и даты выпуска.

Дукентский клад обнаружен в 1952 г. на правом берегу Дукентсая, километрах в двенадцати от города Ангрена. Клад состоит из 1499 серебряных монет[2]. Во время обнаружения клада часть монет разошлась по рукам, но некоторое количество из них удалось собрать.

Значительная часть монетных кружков сильно потерта, что, по-видимому, может свидетельствовать об их интенсивном обращении, прежде чем они были превращены в „сокровище". Многие из них имеют признаки небрежного чекана: штамп смещался в сторону, оставляя часть кружка

---

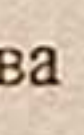
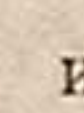
[1] Автор приносит благодарность заведующему отделом нумизматики Государственного Эрмитажа А. А. Быкову, любезно разрешившему просмотреть некоторый нумизматический материал.

[2] Монеты находились в глиняном сосуде, который стоял в небольшой нише в скале. Ниша была завалена щебнем. При извлечении монет сосуд был разбит. Во время осмотра места находки ни одного черепка, к сожалению, обнаружить не удалось.

незатронутой[3], четко прослеживается только незначительный сегмент штампа, во многих случаях оставляя незатронутым свободное поле.

Просмотр монет, входящих в клад, установил следующие предельные даты их выпуска: наиболее ранние 673/1273—1274 г. и самые поздние 711/1311—1312 г., т. е. на протяжении около сорока лет. Таким образом, клад был положен в нишу в середине первой четверти XIV в.

Чекан монет, составляющих Дукентский клад, производился в различных городах Чагатайского улуса. В настоящем сообщении описывается продукция монетных дворов Алмалыка, Андижана (Андигана), Бухары, Кашгара, Маргелана, Отрара, Пулада, Самарканда, Тараза, Термеза, Ходжента, Шаша.

В кладе отмечается значительное количество монет с расщепленными краями. На многих штампах определенно прослеживается высокое мастерство рисунка, которым оформлена монета: разделение поля, начертание надписей, изображение тамг, размещение и рисунок разнообразных виньеток, подчинение отдельных элементов общей композиции. На значительном количестве монет центральное место занимает тамга, помещенная обычно в картуше. Чаще всего встречается тамга , к которой почти всегда добавляется два или четыре кружочка:  —  .

Такое же самостоятельное значение имели тамги .

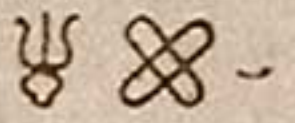
---

[3] Отмечая этот недостаток, наблюдаемый на многих серебряных монетах, чеканенных в Средней Азии, М. Е. Массон объясняет его „употреблением при их изготовлении молотов-штампов с широким основанием" (М. Е. Массон, Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом, Материалы Узкомстариса, вып. 4, Ташкент, 1933, стр. 21).

А. К. Марков считал, что небрежная фабрикация дирхемов мамелюкского султана Бибарса I была обусловлена „быстротою изготовления громадного количества нужной султану монеты" (А. К. Марков, Об одном загарийском диргеме мамелюкского султана Бибарса I, Вестник археологии и истории 1885 г., вып. IV, СПб., 1885, стр. 55).

[4] В. В. Вельяминов-Зернов отмечает, что этот знак „встречается на чагатайских серебряных монетах Термаширина, сына его Санджара, Дженкишия и других" (Записки Императорской Академии наук, т. III, кн. I, СПб., 1863, стр. 77).

На некоторых штампах разные тамги иногда совмещались в одной рамке или располагались на различных сторонах монеты. Сетка и следующие тамги на монетах Дукентского клада зарегистрированы только в сочетании с вышеприведенными:



Своей серийностью выделяются выпуски анонимных монет с надписью на центральном поле:

1. عادل شاه [5]
2. العادل الاعظم [6]
3. الملك لله الحمد لله
4. الملك لله [7]

На многих экземплярах прослеживается круговая легенда

الامام الاعظم الناصر الدين الله [8]

В кладе имеется небольшое количество перечеканенных (14 экз.) и надчеканенных (13 экз.) монет. Надчекан произведен небольшим штампом: тамга заключена в концентрические линейный и точечный круги—

---

[5] Начертание слов عادل‌شاه нами читается по-арабски, но не исключена возможность чтения شاه‌عادل — по-таджикски.

[6] العادل الاعظم, по указанию В. Г. Тизенгаузена, является эпитетом Мэнгу-хана (646—655/1251—1259 гг.). По-видимому, этот эпитет удержался на монетах после смерти Мэнгу-хана и применялся и к другим правителям (В. Г. Тизенгаузен, Новые нумизматические приобретения Н. П. Линевича, Отдельный оттиск, СПб., 1896, стр. 235).

[7] Отсутствие на монетах имени хана и выпуск их с религиозными формулами „по мере распадения монгольской империи" отмечались В. В. Бартольдом для более позднего периода (В. В. Бартольд, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 41) и как характерные признаки в легенде монет, чеканенных во время Сарбадарского восстания в Самарканде в 1365—1366 гг. (В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 93).

[8] Имя халифа Насира (1180—1225) сохраняется в надписях на монетах и после его смерти (П. С. Савельев, Тетюшский клад, СПб., 1858, стр. 280; Е. А. Давидович, Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1956, стр. 159).

Девять монет с отверстиями для прикрепления использовались, очевидно, для украшения. Монетные кружки по своей величине были меньше штампов, и даже правильное наложение последних не могло дать полного рисунка матрицы.

Почти все дирхемы примерно одного и того же веса— около двух граммов (некоторые незначительно превышают этот вес), и только несколько экземпляров сильно уклоняются от этой нормы (уменьшение до 1,4 *г*).

Ниже приводится описание монет по монетным дворам выявленных городов Чагатайского улуса.

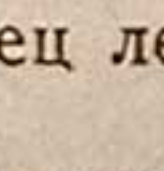
* * *

Чекан столичного города Чагатайского улуса Алмалыка представлен в нашем кладе 88 экземплярами из „серии" العادل الاعظم

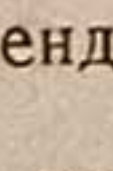
Первый тип. На одной стороне, в центре, в небольшом ободке,—название города; вверху над ним помещена тамга

; вокруг — две концентрические надписи: внутренняя содержит обычный символ веры — لااله‌الاالله محمد رسول الله, внешняя, насколько можно судить по уцелевшим на монетах обрывкам, заключает выпускные данные (№28, 31, 45 — ضرب ; № 44 — ب هذه سنه ٩...; № 12 — ... سع وستمايه ; № 13 — وستمايه; № 14 — ٧٠١ ; № 17 — بالمالغ).

На другой стороне, в поле, две строки надписи большими буквами — العادل الاعظم — по всем четырем сторонам которой расположена легенда с выпускными сведениями — ضرب هذه بالمالغ سنه...; дата обозначается цифрами и словами, как и на лицевой стороне. В начертаниях легенды отмечается большое разнообразие как в почерке, так и в делении ее. На двух экземплярах (№ 2,3) с датой 689 г. х.



конец легенды заключают две тамги —



, расположенные по правую сторону надписи.

На некоторых экземплярах прослеживается большое количество вариантов в различных деталях этого штампа. Эти изменения можно отметить и в начертании названия

самого города — العلاء, العلاء, العلاء , и в изображении мугмиле

مهملة над ع в слове الاعظم ع , ع.ع и т. д. Разно-

Рис. 1. Чекан г. Алмалыка.

образные начертания этого значка иногда почти полностью совпадают с миниатюрным изображением тамги ☥ (№18).

Эта тамга особенно часто встречается на монетах клада в сочетании с тамгой ⊣ .

Как отмечалось в литературе, в Алмалыке после длительного кризиса уже в 628 г. х. стали чеканить серебряную монету[9]. Выпускные даты монет Дукентского клада показывают, что они чеканились главным образом во время правления Буга-Тимура (671 — 690/1272 — 1291 гг.) и Дува-хана (690 — 706/1291 — 1306 гг.). По отношению к общему числу монет клада алмалыкский чекан составляет 5,9%.

Таблица 1

Вес и диаметр датированных монет г. Алмалыка

Год хиджры	№ монеты	Вес	Диаметр
677*	61	1,88	23
	65	1,84	20,5—21
	69	1,90	23
	70	1,93	22—23
	1015	1,96	23,5—24
	75	1,90	22
688	1	1,96	22—25
689	2	1,78	22
	3	1,89	22
	4	1,91	22,5—23
	5	1,78	22
	6	1,89	24
691 (692)	7	2,01	23
	8	1,82	22—23
692	9	1,90	22
	10	2,00	21—22
	11	2,02	23
693	12	1,96	23
701	13	2,01	21—21,5
	14	1,79	22
	15	1,91	21—22
	16	1,99	22—23
	26(?)	1,99	20—23
707	355	1,97	22
	357	1,92	22

* Полностью эта дата ни на одной монете не прослеживается.

Второй тип. Он представлен двумя экземплярами. На одной стороне, в ободке,—надпись в две строки: العادل الاعظم; сверху и слева—виньетки, внизу—дата цифрами (٧٠٧ 707/1307—1308 г.); вокруг—легенда (сохранились

[9] З. А. Альхамова, Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х., Труды САГУ, вып. XI, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 72.

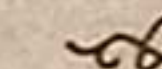
отдельные буквы). На другой стороне, в поле,—тамга , по трем сторонам которой надпись: //صنرب//سكه

المالغ; вокруг — легенда.

Рис. 2. Чекан г. Андижана (Андигана).

Чекан г. Андижана (Андигана) представлен двадцатью (к общему количеству монет клада — 1,3%) однотипными экземплярами, битыми разными штампами, без обозначения времени выпуска. На одной стороне — легенда из четырех строк: حانى // العادلا // لاعظم // اندیغان

Слова العادل الاعظم занимают всe центральное поле и выделены крупными буквами. С левой стороны помещена виньетка—на прямом стебле расходящиеся в противоположные стороны побеги . На некоторых эк-

земплярах вместе с этой характерной для монет андижанского чекана виньеткой встречается и другая, более распространенная  .

На другой стороне, в ободке, заключенном в переплетающиеся линии,—две разные тамги , с трех сторон украшенные однотипными виньетками.

Таблица 2

Вес и диаметр монет андижанского чекана

№ монеты	Вес	Диаметр
78	2,00	23
79	2,08	22
80	1,91	21
81	1,89	22
82	1,89	21—22
83	1,57	21—22
84	2,20	22
85	1,95	22
86	2,00	22
87	1,99	22
88	1,98	22
89	2,00	21
90	1,93	22
91	1,91	22
92	1,77	21—22
93	1,72	20—21
94	2,03	22
95	1,84	22,5
96	1,82	22
358	1,90	21—22

В надписи считали необходимым указать место чекана; вместе с тем совершенно определенно отмечается анонимный характер легенд на монетах всего клада.

Чекан г. Бухары представлен 91 экземпляром (6,1% количества всех монет клада)— двумя типами с большим количеством вариантов. По сравнению с размерами монет, выпущенных в Ташкенте и Ходженте, кружки бухарского чекана меньше по диаметру, но их вес, как и других монет клада, за редким исключением, около двух граммов.

Первый тип. На одной стороне, в поле, крупными буквами—надпись в две строки: العادل // لاعظم; внизу, более мелкими—название города: بخارا (Бухара); сверху помещена виньетка — расходящиеся в разные стороны побеги с кольцевыми завитками ~~~ . Все это заключено в два концентрических ободка, разделенных точечным орнаментом.

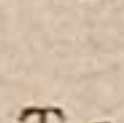
Рис. 3. Чекан г. Бухары.

На другой стороне, в шести или восьмифестончатую розетку помещена тамга ⟨ между двух слов: сверху—سكه и снизу—بخارا; обрамление такое же, как и на лицевой стороне[10].

[10] Монета этого типа описана В. В. Вельяминовым-Зерновым (частично сохранившуюся на ней тамгу он принял за изображение меча) и отнесена им к неопределенным джагатайским монетам с указанием на то, что „Френ отнес ее к джагатайским времен Термаширина или Дженкишия" (В. В. Вельяминов-Зернов, Описание нескольких монет, привезенных из Бухары, Записки Императорской Академии наук, т. III, стр. 78—79, № 4 и табл. 4). В. Г. Тизенгаузен отмечает, что этот знак (тамга) очень часто встречается на джагатайских монетах (В. Г. Тизенгаузен, Нумизматические новинки, ЗВОРАО, т. VI, СПб., 1892, стр. 253). Как отмечает В. В. Вельяминов-Зернов, надпись на лицевой стороне монеты

Первый вариант. На одной стороне, справа, в поле, добавлено две точки, расположенные вертикально; внизу опущено название города. На другой стороне—тамга более вытянутой формы и без кружочков; буквы слов, между которыми она помещена, более разрежены (№ 98).

Второй вариант. Под легендой العادل الاعظم вместо наименования города помещена виньетка (№ 100, 101, 102 и др.). На другой стороне характерно начертание слова

 (№ 100, 104, 106, 107 и др.).

Третий вариант. Справа от легенды добавлено три точки: ⁖ (№ 104, 114).

Четвертый вариант. Сочетание в легенде толстых и тонких линий[11] (№ 125, 153 и др.)

Пятый вариант. Точки под двумя первоначальными буквами, алифом и лямом, соединены тонкими пересекающимися линиями (№ 103).

Имеются и другие варианты, определенно указывающие, что монеты биты различными штампами. Ни на одной из монет даты проследить не удалось. По-видимому, на штампах этого типа даты не было.

Наличие второго типа устанавливается только одной плохо сохранившейся монетой (№ 108), на которой на оборотной стороне вместо точечного окаймления помещена круговая легенда, от которой прослеживается только ....

Размеры штампов, как это отмечается и по другим монетам, были значительно больше монетных кружков.

Чекан г. Кашгара представлен 22 экземплярами (1,5% всех монет клада), из которых 11 к выпуску именно этого города отнесены условно.

Френ читает العادل الاعظم — справедливый, великий. Судя по начертанию, следует العادل الاعظم, т. е. не с нижней, а с верхней строки; именно так и в переводе у него (В. В. Вельяминов-Зернов. указ. соч., № 4).

[11] Такое сочетание, как отмечает Е. А. Давидович, является одним из характерных признаков в почерке легенд на джагатайских монетах последней четверти XIII—начала XIV в. (Е. А. Давидович, Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Материалы по археологии Узбекистана, Ташкент, 1956, стр. 159).

Таблица 3

Вес и диаметр монет бухарского чекана

№ монеты	Вес	Диаметр	№ монеты	Вес	Диаметр
97	1,93	23	138	1,90	20–21
98	2,00	20—23	139	1,95	21–22
99	1,86	21—22	140	1,95	21
100	1,89	22	141	1,96	21
101	2,00	22	142	1,91	21
102	1,86	21	143	1,60	19
103	1,87	22	144	1,90	22
104	1,99	21—22	145	1,85	22
105	2,01	21	146	1,89	21
106	1,96	20	147	2,01	20
107	1,86	22	148	2,07	22
108	1,96	21—22	149	1,78	22—23
109	1,97	21—22	150	1,93	21
110	2,10	20—21	151	2,04	21
111	1,94	20—21	152	1,84	21
112	1,78	21—22	153	1,94	21
113	1,99	22	154	1,97	20—21
114	1,93	21	155	1,90	20—21
115	1,98	21	156	1,94	21–22
116	1,94	20	157	2,05	21
117	1,92	22	158	1,82	21—22
118	1,93	21—22	159	2,02	22
119	1,91	20—21	160	2,04	21—22
120	2,01	20—21	161	1,95	21
121	2,06	20—21	162	1,96	21—22
122	1,78	21	163	1,96	21
123	2,06	21—22	164	1,96	22
124	2,07	21	165	1,86	20
125	1,84	22	166	1,98	21
126	2,02	22	167	2,02	21—22
127	1,88	21—22	168	1,98	21
128	2,03	21—22	169	1,94	20,5—21
129	1,90	22	170	1,93	20—21
130	1,98	21,5	171	1,98	22
131	1,89	22	172	2,06	21
132	1,85	21	173	1,91	20
133	2,05	21—22	174	1,91	21,5–22
134	1,96	21	175	1,87	22
135	1,80	21	176	1,74	21
136	1,94	21—22	177	2,03	22,5—24
137	2,01	21—22	178	1,84	21
373	2,00	21–21,5	375	2,08	22(?)
374	1,96	21—22	805	2,02	21,5—22
1030	1,97	22	1033	1,71	21,5—22,5
1031	1,97	22	1034	2,00	21
1032	1,97	21—22			

На одной стороне, в двойном ободке, окаймленном точками, в квадратном поле—надпись в две строки: العادل لاعظم. По сторонам ее размещена легенда с выпускными сведениями: ضرب هذه بكا شغر; из даты на немногих монетах прослеживается — 68 (№783, 793, 797) и на № 803—684 (?).

На другой стороне, в ободке — тамга بم между слов سكه كاشغر, и в двойном ободке, обрамленном с наружной стороны точками—круговая легенда, из которой на некоторых экземплярах читаются отдельные слова: .... لاعظم امام

Рис. 4. Чекан г. Кашгара.

Как и в чекане других городов, отмечается значительное количество вариантов, полный рисунок штампов которых по находящимся в кладе монетам не восстанавливается.

Для некоторых экземпляров характерно сочетание в легенде толстых и тонких линий (№787, 788, 791).

Из всего количества монет только два экземпляра (0,1%) принадлежат к неизвестному на территории Средней Азии городу پولاد (Пулад).

Первый экземпляр (№1040, вес — 1,91, диаметр—22—23). На одной стороне, в квадратном поле,—надпись

в две строки: العظم // العادل; сверху и справа от нее прослеживаются арабески. На другой стороне, в ободке—тамга между двух слов: سكه نولاد; круговая легенда почти совершенно стерта. Интересно отметить не совсем

Таблица 4

Вес и диаметр монет кашгарского чекана

№ монеты	Вес	Диаметр
782	1,96	22—24
783	1,83	21—22
784	1,74	21—22
785	1,88	22,5
786	1,92	22
787	1,97	22
788	1,66	21,5
789	1,78	22—22,5
790	2,08	22,5
791	1,69	22,5
792	1,65	22—23

обычное расположение сопровождавших эту тамгу кружочков по сравнению со штампами на других монетах этого клада: только с одной стороны, снизу тамги, а третий кружочек помещен сверху слова سكه, в ободке.

Второй экземпляр (№1041, вес—2,02, диаметр—25). Края сильно расщеплены. На одной стороне—та же надпись в квадратном поле; с трех сторон—виньетки (четвертая из-за потертости изображения не сохранилась). На другой стороне, в ободке, едва прослеживается часть тамги (верхний сектор штампа стерт—по-видимому, было слово سكه). Сохранились небольшие остатки концентрических (?) легенд. На монету нанесен штамп двумя ударами.

На том и на другом экземпляре совершенно четко читается только наименование города или монетного двора. А. К. Марков, отнеся эти монеты к правлению Дува-хана, не установил наименования города[12]. Чекан этого монетного двора у него тоже представлен двумя однотипными экзем-

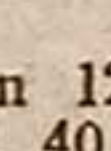
[12] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 552.

Рис. 5. Чекан г. Пулада.

плярами, битыми различными матрицами. В. Г. Тизенгаузен высказывает свое мнение относительно чтения этого слова (جولاد — Джуляд), отождествляя его с городом в Малой Кабарде, к югу от Краснодара, и отмечает, что этот дирхем „относится, вероятно, ко времени нашествия Тамерлана на Кавказ“[13].

В сочинении Рубрука, который посетил Монголию в 1253 г., говорится о немецких оружейных мастерах, проживавших в городе Таласе и бывших рабами чагатайского царевича Бури. После казни его эти немецкие мастера, по сообщению Рубрука, были переселены Мэнгу-ханом „к востоку на расстояние месяца пути от Таласа, в некий город, по имени Болат, где они копают золото и делают оружие“[14]. Ссылаясь на работу Ф. М. Шмидта[15], В. В. Бартольд определяет и месторасположение этого города—в долине реки Боротала[16]. Название именно этого монетного двора, находящегося в Пуладе и расположенного между городами Таласом (Тразом) и Каракорумом, обозначено, очевидно, на этих двух монетах.

Чекан г. Маргелана представлен только двумя монетами—№ 347 (вес—1,87, диаметр—22) и №348 (вес—2,00, диаметр—21—22), которые составляют 0,1% всего клада. По сочетанию двух тамг, помещенных на одной стороне, напоминает чекан Андижана.

На одной стороне, в ободке, окаймленном точками, крупными буквами в две строки (верхние сегменты на обеих монетах не прослеживаются)—символ: لا اله الا الله//محمد رسول الله; внизу—название города: مرغينان. На другой — в ободке, окаймленном точками,—две тамги  , а вокруг — легенда с выпускными сведениями. (По нашим экземплярам восстанавливается только начало этой легенды: ضرب هذه

---

[13] В. Г. Тизенгаузен, Отзыв о премированных сочинениях, ЗВОРАО, т. XII, СПб., 1900, стр. 115. Последнее соображение могло у него возникнуть в связи с изображением на монете трех кружков.

[14] Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны, перевод А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 104.

[15] F. M. Schmidt, Über Rubruck's Reise von 1253—55, Berlin, 1885, Zeitschrift der Ges. für Erdkunde, Bd. XX, S. 34, 40.

[16] В. В. Бартольд, Очерки истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 43, примечание 4.

الدرهم...). Обе монеты, по-видимому, биты одним и тем же штампом.

К чекану г. Отрара отнесено 19 монет (1,3% всего клада).[17]

Первый тип. Квадратное поле занимают две строки обычной надписи крупными буквами الحمدلله // الملک لله, по четырем сторонам которой расположена легенда выпуска: ضرب هذه // ببلدهٔ اترار... Только на одной монете (№ 755) читается полностью дата—684 (1285—1286 г.).

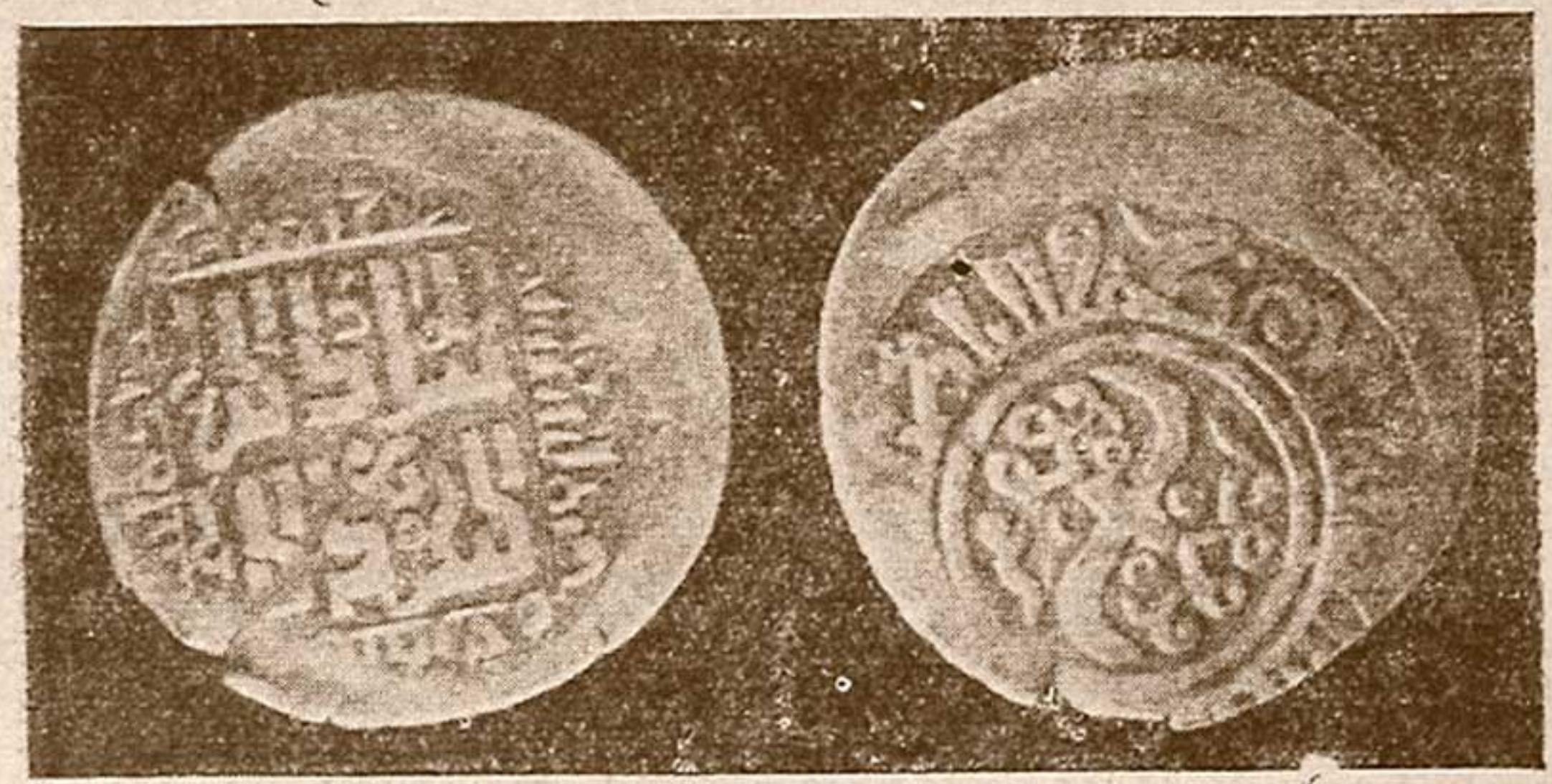


Рис. 6. Чекан г. Отрара.

Варианты. На одной стороне, в первых двух строках—легенды выпуска: ضرب هذه // باترار سنه... На другой стороне, в ободке—тамга между двумя виньетками. Круговая надпись, часто встречаемая на монетах нашего клада — الامام الاعظم الناصر الدنيا... — обрамлена ободком, окруженным точками.

Второй тип. На одной стороне—два двойных пересекающихся треугольника, в сегментах прослеживаются слова: ضرب // هذه // اترار // سهور....

[17] Ввиду неясности изображения штампа три монеты отнесены к чекану г. Отрара условно.

На другой стороне, в двойной квадратной рамке, украшенной со всех четырех сторон виньетками, изображены тамги (какие именно—не ясно).

Чекан г. Самарканда представлен 39 экземплярами, составляющими 2,6% всех монет клада.

Таблица 5

Вес и диаметр монет чекана г. Отрара

№ монеты	Вес	Диаметр	№ монеты	Вес	Диаметр
753	1,97	23	986	1,88	22
754	1,95	24	987	1,98	22
755	1,96	23—24	988	1,79	22
756	1.87	23—24	989	1,63	21
757	1,89	22	990	1,81	21
758	1,82	23	991	1,86	22
759	1,89	21—22	992	1,78	23

На одной стороне, в поле, размещена в четыре строки калима — لا اله الا // الله // محمد رسول الله — обрамленная линейным и точечным ободками. На другой стороне, обрамленной двумя фигурными концентрическими ободками,— трехстрочная надпись, первое слово которой разделено тамгой ⨍ : سمرقند / لاعظم / العادلا Слева, между первыми строками, более мелкими буквами — اختيار (№ 813, 818, 820, 821, 823, 825, 827, 829, 830, 833, 834, 837, 840, 841, 842, 845, 847, 849) или тамга в виде сетки (№ 826, 828, 836).

На некоторых экземплярах прослеживается круговая легенда (№ 815, 816, 826). На восьми монетах сохранились следующие обозначения годов их выпуска: 681 г. х. (№ 834), 68. (№ 823, 825, 829, 839, 845), 84 (№ 815), 6.. (№ 848). После кризиса наиболее ранняя полноценная серебряная монета самаркандского выпуска датирована 634 г. х. (ЗВОРАО, т. VI, СПб., 1892, стр. 252).

Чекан г. Тараза представлен не только наибольшим количеством монет (свыше 300 экземпляров, т. е. больше 20% всех монет клада), но и чрезвычайным разнообразием их типов и вариантов. Следует отметить, что большое количество

штампов насколько сильно стерто, что отнести эти монеты без оговорки к чекану именно этого города не представляется возможным, поэтому они не включены в это число. Ниже приводится описание монет, сохранивших на штампе место чекана и дату, или отнесение которых к данному пункту не вызывает больших сомнений.

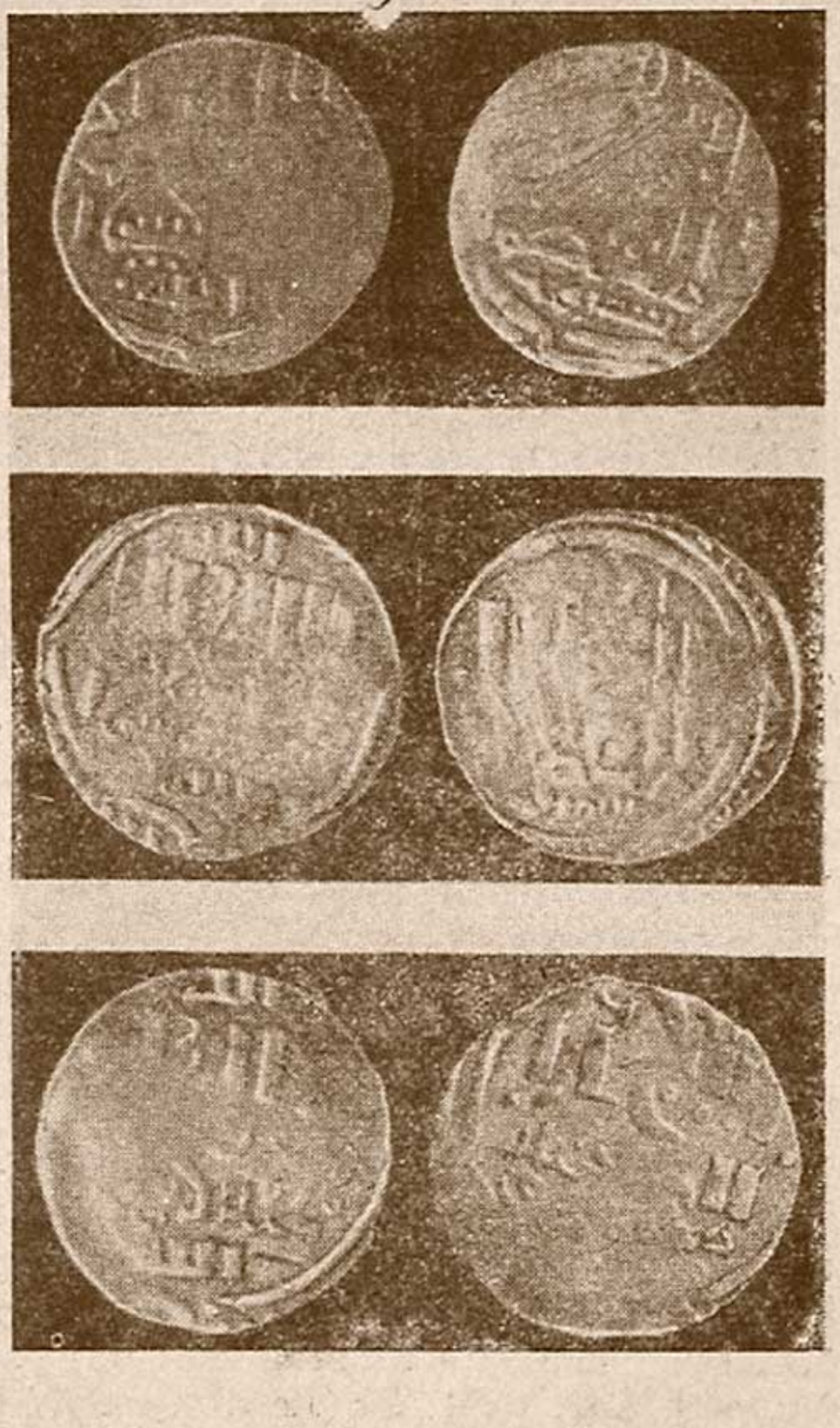


Рис. 7. Чекан г. Самарканда.

671 г. х. (№ 606, вес—1,83, диаметр — 21 — 22). На одной стороне, в ободке, между двумя виньетками, расположена тамга . Круговая легенда не ясна. На другой стороне,

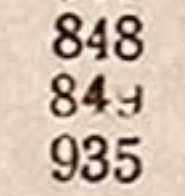
в ободке, между виньетками — тамга . Из круговой легенды прослеживается: طرازسنه احد سبعين و س (تمايه)...

Таблица 6

Вес и диаметр монет самаркандского чекана

№ монеты	Вес	Диаметр	№ монеты	Вес	Диаметр
812	2,00	20—21	832	2,04	20
813	1,94	20—21	833	1,94	19—20
814	1,91	22	834	1,98	22
815	1,93	22	835	2,00	20,5—21
816	2,00	21	836	1,84	22
817	1,96	21	837	1,98	19
818	1,97	21	838	1,94	20
819	1,98	21	839	1,99	22
820	1,94	21	840	2,01	21
821	1,94	20	841	2,00	20
822	2,07	20	842	1,91	22
823	2,00	21,5	843	2,00	20
824	1,94	20	844	1,97	21,5—22
825	1,92	21	845	1,89	19
826	1,89	22	846	1,95	20,5—21
827	1,90	19—20	847	1,97	20,5
828	1,93	23	848	2,03	21—21,5
829	1,90	22	849	2,01	19
830	2,00	21	935	1,96	20,5
831	2,02	21			

677 г. х. *(первый тип).* На одной стороне, в двойном ободке—шестилучевая звезда из двух пересекающихся треугольников, стороны которых составлены двумя параллельными линиями. В сегментах, между лучами, размещена легенда выпуска: وستمايه / وسبعين / سنه/سبع / شهور / فى

Посредине, между двумя кружочками,—тамга . На другой стороне, в квадрате, составленном из двух линий,— две тамги, разделенные арабеской  .Вверху и внизу

квадрата—надпись: ضرب هذه // ببلدهٔ طراز С боковых наружных сторон квадрата помещены виньетки.

№ 437—В. 2,01; Д.23.
№ 444—В. 1,97; Д.26.
№ 479—В. 1,98; Д.22—23.
№ 481—В. 1,90; Д.23.
№ 486—В. 1,54; Д.23.
№ 491—В. 1,98; Д. 24.
№ 498—В. 1,99; Д. 22.
№ 598—В. 1,99; Д. 22—23.
№ 618—В. 2,05; Д. 23.
№ 619—В. 1,99; Д. 22,5—23.

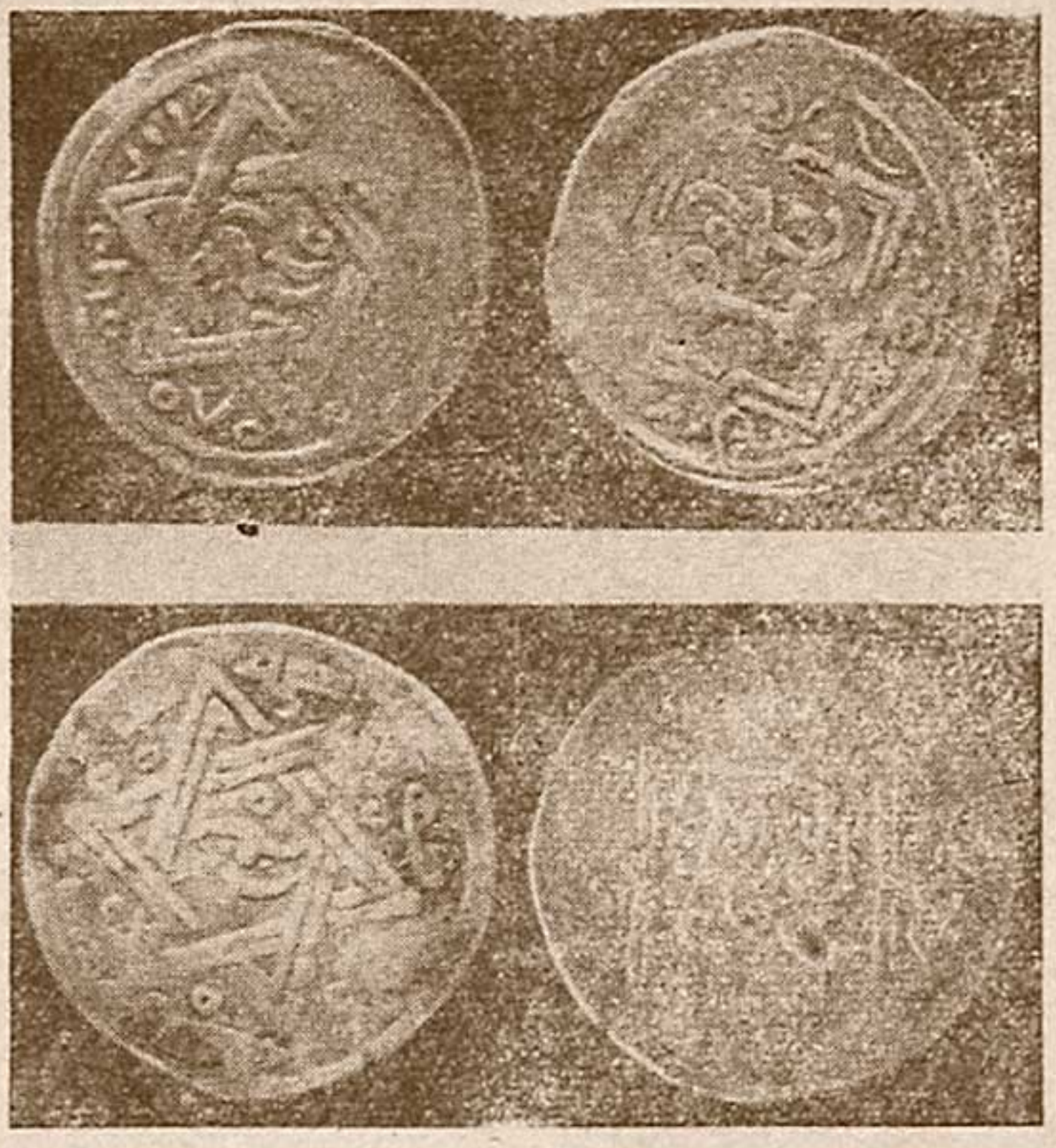


Рис. 8. Чекан г. Тараза.

677 г. х. *(второй тип).* На одной стороне, посередине двух пересекающихся треугольников—надпись в две строки: الملک / لله В сегментах, между лучами, расположена легенда выпуска, из которой читается: ...طراز...

На другой стороне, в шестилепестковой розетке, заключенной в ободок, — тамга ∽ между слов عادل پادشاه

Круговая легенда с выпускными сведениями.

№ 443—B.1,91; Д. 22. На одной стороне из выпускной легенды читается только в двух сегментах— ضرب... طراز На другой — سنه ٧٧.

№ 564—B.1,91; Д. 22.

686 г. х. *(первый тип.)* На одной стороне, в ободке— шестиугольная звезда, составленная из двух двойных пересекающихся треугольников. Посередине — тамга ⩛ между двумя арабесками. В сегментах размещена легенда выпуска: ضرب / ببلدهٔ / طراز / ٥٦٥ / ٥٨٥ / ٥٦٥ В каждом внутреннем углу расположен кружочек.

На другой стороне, в двойном ободке—квадрат, составленный из двух прерывистых линий (переходящих одна на место другой), в котором помещены две тамги $\frac{2 \cdot 8}{2 \cdot 8}$ каждая с двумя кружочками. По всем четырем сторонам квадрата расположены виньетки.

№ 447—B. 1,99; Д. 24.
№ 483—B. 1,89; Д. 23.
№ 484—B. 1,58; Д. 22.
№ 487—B. 1,90; Д. 24.
№ 488—B. 1,56; Д. 22,5.
№ 601—B. 1,97; Д. 22.
№ 603—B. 1,95; Д. 23—24.
№ 600—B. 1,88; Д. 24.
№ 514—B. 2,00; Д. 23.
№ 602—B. 1,90; Д. 22.
№ 607—B. 2,09; Д. 22,5.

686 г. х. *(второй тип).* Первый вариант. На одной стороне—так же, как и на предыдущей монете, но вместо тамги посередине переплетенных треугольников—надпись в две строки: العادل الاعظم

На другой стороне, в ободке—тамга ⩛ между двумя виньетками. Круговая надпись разделена картушами со словом ☬; она включает и выпускные сведения: ...طراز...

№ 516—B. 1,95; Д. 22.
№ 517—B. 1,77; Д. 21.
№ 605—B. 1,88; Д. 21—22.

Второй вариант. На одной стороне — то же. На другой, в квадратной рамке, составленной из двух тонких ли-

ний, — надпись в две строки: لا اله الا الله
وحده لاشريك له

№ 494—В. 1,74; Д. 23—24.
№ 515—В. 2,00; Д. 21—22.
№ 519—В. 1,75; Д. 24—25.
№ 604—В. 1,93; Д. 23—24.

Третий вариант. На одной стороне—то же. На другой, в большом квадрате из двойных линий, помещена в рамке тамга ; по всем четырем сторонам рамки—надпись: لا اله / الا الله / وحده / لاشريك له Изображения штампа по наружным сторонам квадрата не прослеживается.
№ 445 — В. 1,97; Д. 22.

Четвертый вариант. На одной стороне—то же. На другой, в фестончатой розетке — тамга ; расположенная вокруг легенда не прослеживается.

№ 441—В. 2,04; Д. 22.
№ 510—В. 1,89; Д. 22,5.
№ 511—В, 1,90; Д. 21,5.
№ 513—В. 1,73; Д. 22.

Пятый вариант. На одной стороне—то же. На другой, в ободке — тамга между двумя арабесками.

№ 439—В. 1,93; Д. 22.
№ 500—В. 1,87; Д. 21—22.
№ 512—В. 1,90; Д. 21,5.

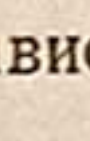
686 г. х. *(третий тип)*. Первый вариант. На обеих сторонах, в ободке, — тамга , заключенная между двумя арабесками. На лицевой стороне—круговая надпись, из которой читается: ضرهنه در هم ببلده طراز ٨٦ (٦)
На оборотной стороне к тамге прибавлено по две точки с каждой стороны; из круговой надписи прослеживается: ...الاعظم الناصر.....

№ 563—В. 1,99; Д. 22. (На лицевой стороне надчекан обычной для монет этого клада формы.)

Второй вариант. Та же тамга в ободке на обеих сторонах. На лицевой стороне из легенды прослеживается ...ضربه طراز سنه

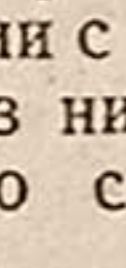
На оборотной стороне—тамга, заключенная между двумя словами. Из круговой надписи читается: ٦٨٦

№ 560—В.1,96; Д. 21—22.

689 г. х. Первый вариант. На одной стороне, посередине составленных из двойных линий переплетенных треугольников, между двух кружочков — тамга  ;

в сегментах расположена легенда выпуска: ضرب // ببلده // طراز // // سنه // ٦٨٩.

Изображение штампа заключено в двойной ободок.

На другой стороне, в квадрате, который заключен в двойной ободок, составлен из двойных переходящих линий и с наружной стороны украшен со всех четырех сторон арабесками, помещено три тамги:  . Изображение тамг дано и толстыми и тонкими линиями в зависимости от штампа.

№ 435—В. 2,01; Д. 22,5.
№ 482—В. 1,91; Д. 21.
№ 485—В. 1,92; Д. 21—22.
№ 440—В. 1,93; Д. 23.
№ 520—В. 1,96; Д. 22.

Второй вариант. В квадрате, кроме тех же тамг, помещена и виньетка.

№ 438—В. 1,96; Д. 22.

Чекан г. Термеза характерен кружками сравнительно небольшого диаметра(особенно при сопоставлении с монетами Ходжента) и представлен 64 экземплярами (из них один— № 958—отнесен условно к этому пункту), что составляет 4,3% всех монет клада.

На одной стороне, в поле, размещен в четыре строки символ: لا اله الا الله || الله || محمد رسول الله Ободок центрального поля окружает надпись с выпускными сведениями. Эта надпись на наших экземплярах прослеживается настолько фрагментарно и вместе с тем настолько разнообразно по почерку и содержанию, что полностью восстановить ее не удалось.

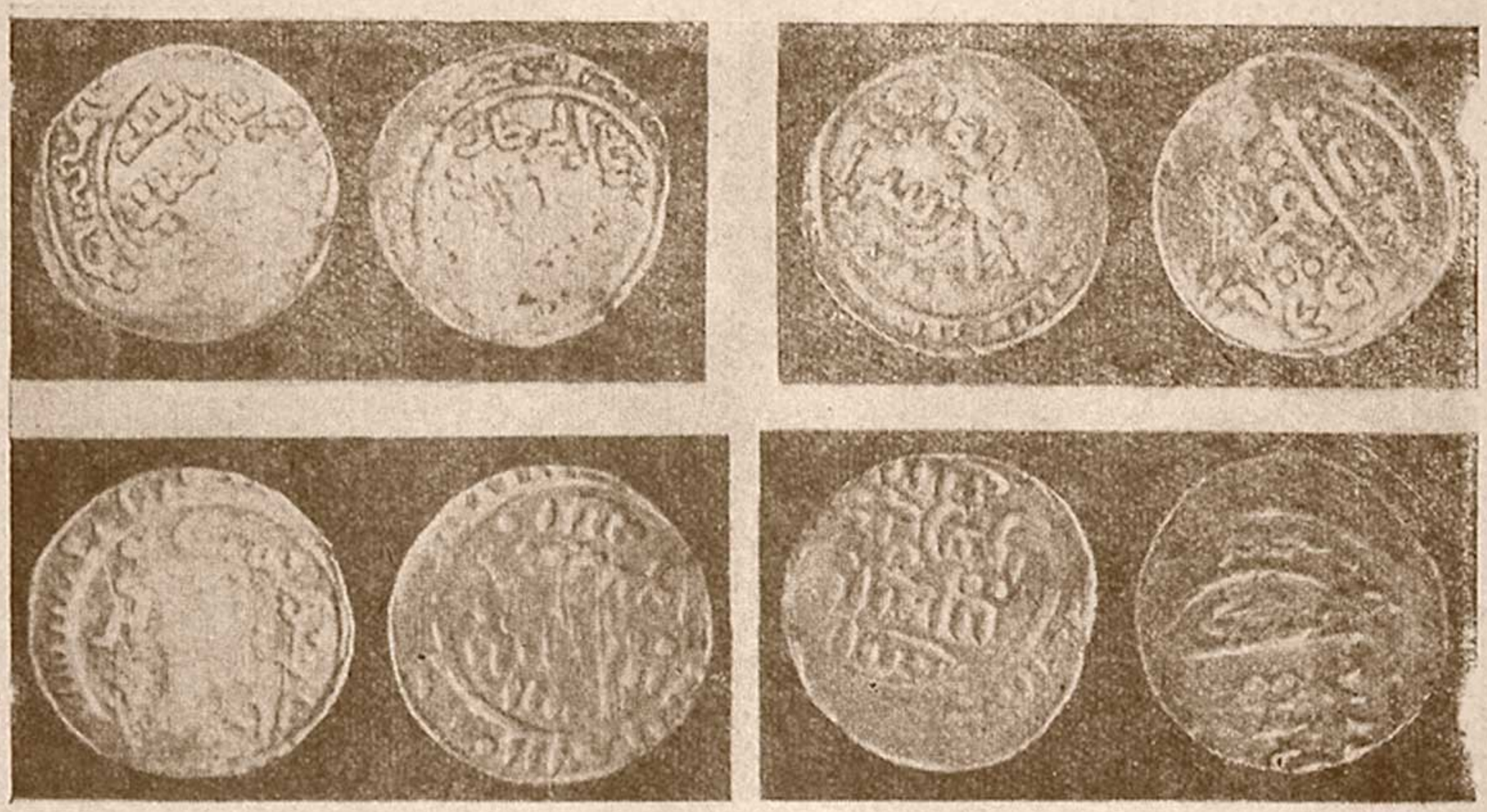
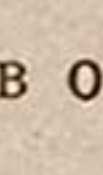


Рис. 9. Чекан г. Термеза.

На другой стороне, в ободке — тамга  , заключен-

ная в надпись, расположенную по всем четырем сторонам ее: ترمذ | الرجال | مدينه | سكه Вокруг — легенда с выпускными сведениями, судя по отдельным словам дат, уцелевшим на монетных кружках.

На некоторых экземплярах (№ 910, 915, 916, 919, 923 и др.)— центральное поле увеличенных размеров, и вместо круговой легенды прослеживается точечное обрамление как на одной, так и на другой стороне. Отмечается много вариантов в деталях рисунка штампа, определенно указывающих на различные матрицы, которыми производилась чеканка. По частично прослеживаемым датам на монетах этого города (№ 899, 900, 913, 936 и 957) устанавливается время выпуска— 707/1307—1308 г.

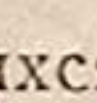
Интересно отметить вертикальное положение тамги

, характерный укороченный ствол ее и несколько про-

тив обычного рисунка удлиненное основание; на большинстве штампов прослеживаются около тамги точки. В круговых легендах читаются названия месяцев.

Чекан г. Ходжента представлен 76 экземплярами (5,1% всех монет клада). Кружки несколько большего диаметра по сравнению с выпусками других городов. Отмечается несколько типов и много вариантов.

Первый тип. На одной стороне, в центральном поле, в ободке—четырехстрочная надпись: العادل | خانى | الاعظم | حجند °, с левой стороны—виньетка, вокруг, между ободками, — легенда выпуска.

На другой стороне, в ободке, между двумя виньетками,— тамга  ; вокруг — обрамление из точек, переплетающихся линий и легенды.

Первый вариант. Отсутствует окаймление из точек на второй стороне. На одном из экземпляров этого типа прослеживается дата—677/1278 — 1279 г. (№ 198, вес — 1,98, диаметр—25—27).

Второй вариант. На второй стороне порядок кругового оформления несколько изменен: точки, легенда, переплетающиеся линии. Из круговых легенд сохранились только небольшие отрывки, и полностью ее по монетам нашего клада восстановить не удалось.

Таблица 7

Вес и диаметр монет термезского чекана

№ монеты	Вес	Диаметр	№ монеты	Вес	Диаметр
899	1,93	20—21	931	1,95	21
900	1,98	20	932	1,97	21
901	1,92	20—21	933	1,96	20
902	1,83	20—21	934	1,98	20
903	2,01	20	936	1,99	20—21
904	2,02	21	937	2,06	21
905	1,94	20—21	938	1,94	21
906	1,87	20—21	939	1,91	20
907	1,89	22	940	1,97	20—21
910	1,83	22	941	1,91	20
911	2,00	20	942	1,96	21
912	1,79	20—21	943	1,95	20
913	1,85	21	944	1,93	20—21
914	1,96	21—22	945	1,90	19—21
915	1,89	21	946	1,77	19—20
916	1,95	21	947	1,81	21
917	1,83	21	948	1,97	21
918	1,97	21	949	1,90	20
919	1,93	21	950	1,92	20—21
920	1,95	20—21	951	1,99	20—21
921	1,92	21	952	1,85	20—21
922	1,97	21	953	1,97	21
923	1,92	20—22	954	1,89	20—21
924	1,89	21	955	1,97	21
925	2,01	20—21	956	1,94	21
926	1,98	20—21	957	1,93	20—21
927	1,98	21	958	1,89	20—21
928	1,97	20,5	959	1,97	21
929	1,87	21	960	2,02	21
930	1,98	21	961	1,96	21
			962	2,00	20
			963	2,04	20—21

Второй тип. На одной стороне в центральном поле, в ободке,—та же четырехстрочная надпись. На другой—та же тамга между двух слов: سکه ; вокруг—переплетающиеся линии и легенда.

Третий тип. На одной стороне, в двойной квадратной рамке,— سکه ضرب . На другой, в ободке—та же тамга между двух виньеток; вокруг—легенда.

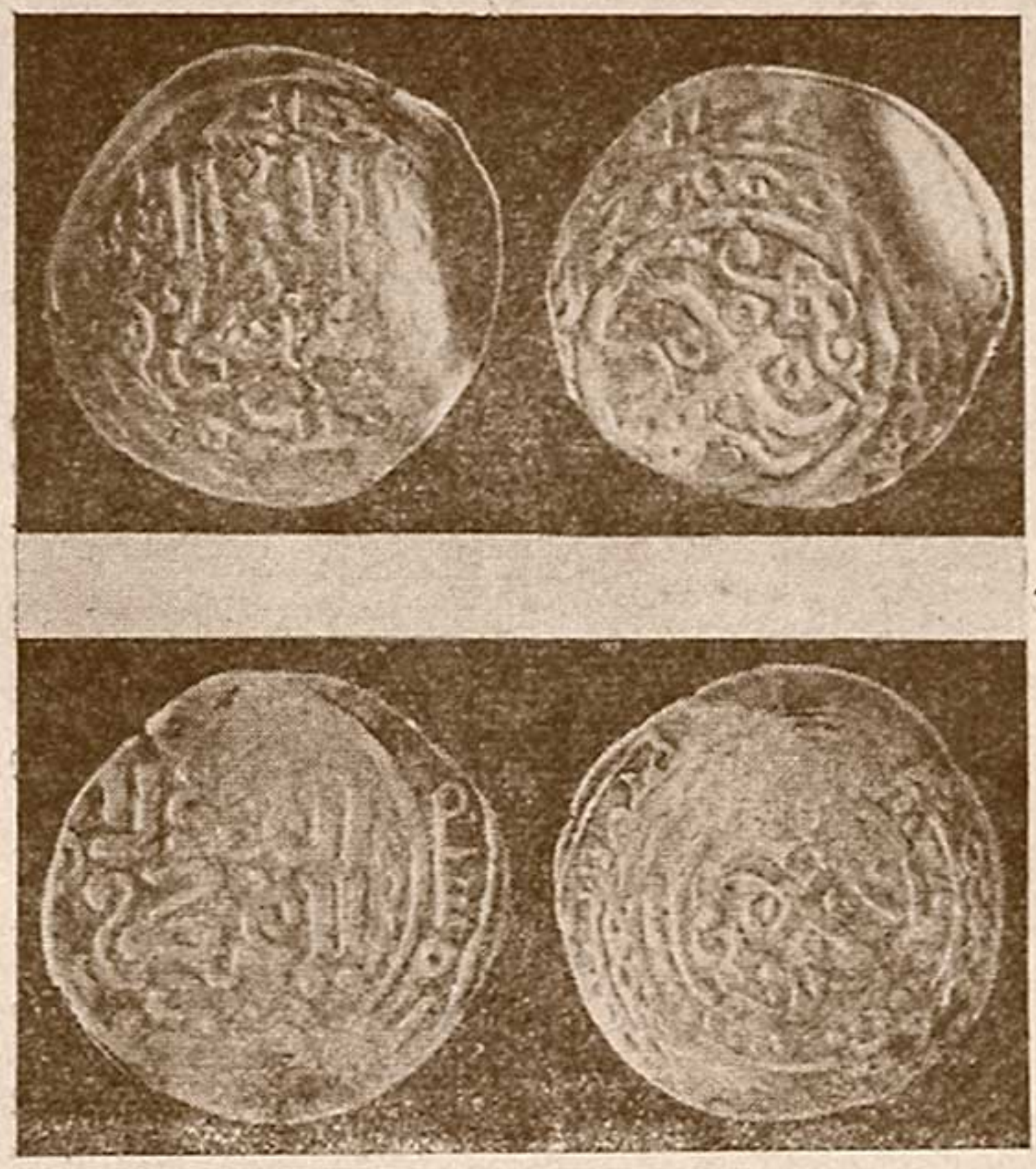


Рис. 10. Чекан г. Ходжента.

Четвертый тип. На одной стороне, в двойном ободке,— тамга между двух слов: شاه عادل; вокруг — выпускная легенда. На другой, в ободке, — та же тамга между двумя виньетками; вокруг—легенда, в картушах которой читается слово Ш.

В Музее истории АН УзССР имеется два экземпляра серебряных монет, относящихся к первому типу и определенных проф. М. Е. Массоном „Дува-хан. Ходженд" (№25/41, 25/42), и с тем же определением дирхем третьего типа (№25/40).

Чекан г. Шаша представлен 87 экземплярами, что составляет 5,7% монет всего клада. Шесть из них отнесены

к этому городу условно (№ 1058, 1061, 1062, 1064, 1065 и 1066). Большинство монетных кружков имеет крупный диаметр.

Таблица 8

Вес и диаметр монет ходжентского чекана

№ монеты	Вес	Диаметр	№ монеты	Вес	Диаметр
179	1,79	26	215	1,83	23
180	1,81	26—27	216	1,98	26
181	1,91	25	217	1,78	24
182	1,80	23—24	218	1,98	23
183	1,89	24—25	219	1,88	22
184	1,95	24	220	1,76	23
185	1,98	23—24	221	1,85	23
186	1,82	24	222	2,05	25
187	1,95	23	223	1,95	23—24
188	1,86	22	224	2,03	23—24
189	1,88	23	225	1,92	22—23
190	1,89	23	226	1,87	24
191	1,87	23	227	2,08	22
192	1,82	22	228	1,70	23
193	1,93	23	229	2,05	21
194	1,73	24	230	2,04	22
195	1,96	22	231	1,83	21—22
196	1,99	25	232	1,84	22
197	1,90	25—27	233	2,00	22
198	1,80	25—27	234	1,81	23
199	1,86	24	235	1,65	23—24
200	1,91	24	236	2,03	23
201	2,03	22	237	1,86	22—23
202	1,81	22	238	1,88	23—24
203	1,67	23	239	1,77	23—24
204	1,65	21	240	1,85	24
205	1,94	23	241	1,97	22—23
206	1,80	22	242	1,91	22—22,5
207	1,52	23	243	1,93	24
208	1,87	23	244	1,80	23
209	1,90	20—21	245	1,95	22—23
210	1,43	21	246	1,90	23
211	1,80	23	247	1,95	21,5—22
212	1,88	22—23	248	1,77	24
213	1,84	22	249	1,97	22
214	1,84	24	250	1,80	22—23

На одной стороне фигурными буквами в две строки надпись: الحمد لله | الملك لله; по всем четырем сторонам её расположена легенда выпуска: ضرب هذه | الدرهم | ببلده...

Ни одной даты на этом штампе полностью восстановить не удалось. На нескольких экземплярах прослеживается обозначение десятков—второй цифры даты—8 (№ 379, 380, 381), из чего видно, что выпуск их был произведен в 68? г. х.; на других (№ 382, 383)—единиц—третьей цифры—5 (возможно, 685 г. х.).

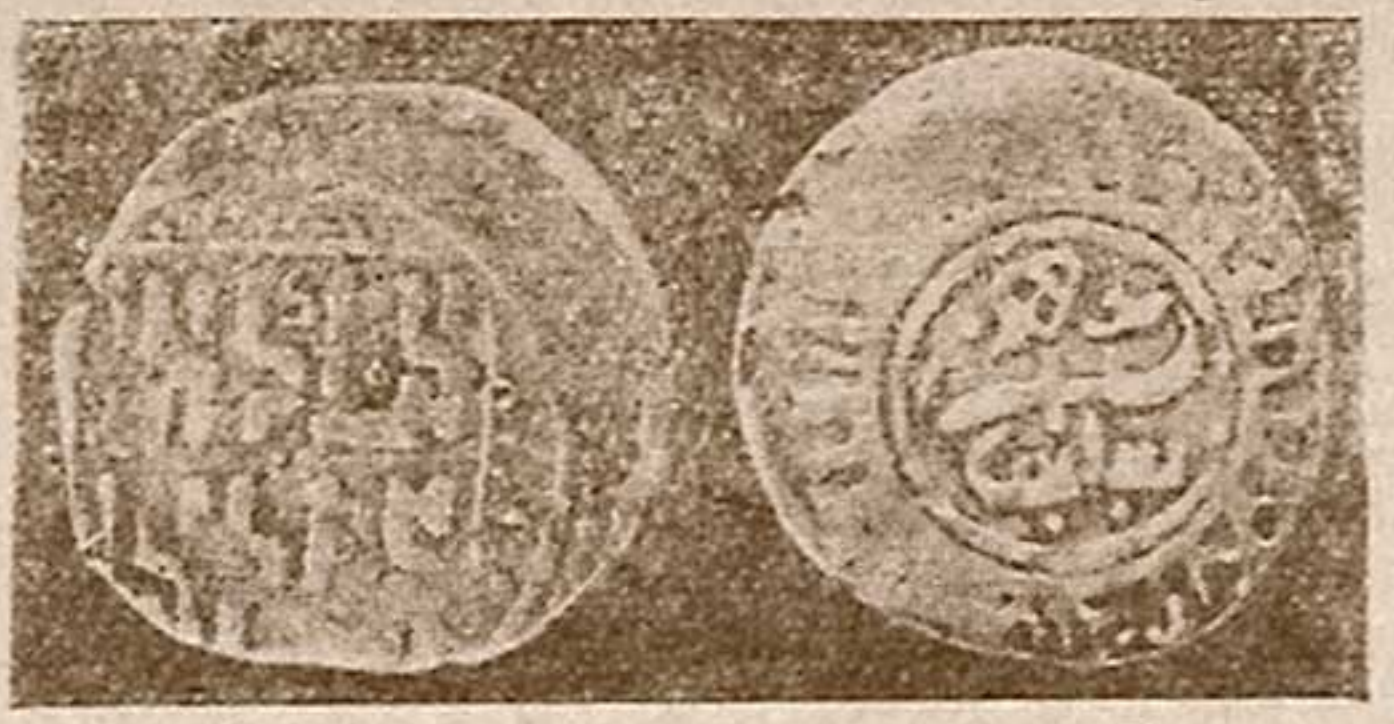


Рис. 11. Чекан г. Шаша.

На другой стороне, в ободке, — тамга , по сторонам которой внизу название города (شاش), а вверху обычная виньетка. Круговая легенда, разобрать которую пока не удалось, опоясывается ободком и точками.

В начертании отдельных букв (например)

и размещении легенды выпуска отмечается много вариантов, указывающих на различные штампы, которыми биты эти монеты.

* * *

Еще в 1860 г. В. В. Григорьев отметил, что „монголы, чеканя первую монету в завоеванных странах, принимали для нее тип до них существовавший".[18] Многие легенды и рисунки, встречаемые на монетах нашего клада, перешли, по-видимому, из хорезмшахского и караханидского чеканов. Об этом свидетельствует упоминание имени умершего халифа Насира, рисунок в виде щита Давида и др.

---

[18] В. В. Григорьев, О первых монгольских монетах сельджукского типа, приписанных Алуш-Беку, Оттиск из второго тома Известий Археологического Общества, стр, 4—5.

Одна из характерных черт монет Дукентского клада—их анонимный чекан, который, как отмечал А. К. Марков, в мусульманской нумизматике характеризует политическую неурядицу или полулегальное положение правителей[19].

Таблица 9

Вес и диаметр монет чекана Шаша

№ монеты	Вес	Диаметр	№ монеты	Вес	Диаметр
376	1,92	21—22	405	2,00	23
377	2,09	22	406	1,94	21—22
378	2,02	22—23	407	2,01	22
379	2,03	23	408	2,12	22
380	1,01	22	409	1,92	22—23
381	2,00	22	410	2,06	22
382	1,95	22	411	1,94	23
383	2,03	22	412	1,75	24
384	2,08	23—25	413	1,98	24
385	1,83	24	414	2,07	23—24
386	2,02	24	415	2,05	22—23
387	1,77	22	416	2,08	23
388	1,89	22	417	1,92	21—22
389	2,01	22—23	418	1,94	21—22
390	1,96	24	419	1,93	22—23
391	1,74	22	420	1,96	23—24
392	1,71	22	421	1,82	23
393	1,80	22—24	422	1,89	23
394	2,16	23	423	1,60	22
395	2,08	23	424	2,05	22—23

Другая характерная черта этих монет—наличие почти в каждом штампе тамги (всего зарегистрировано пять различных типов).[20]

---

[19] А. К. Марков, О кладе куфических монет, найденном в селе Крещеный Баран Спасского уезда Казанской губернии, Записки нумизматического отделения русского общества, т. I, вып. II—III, СПб., 1909, стр. 61; М. Е. Массон устанавливает, что анонимного чекана „в Средней Азии встречается особенно много с датами от 765 до 774 года включительно" (М. Е. Массон, Монетный клад XIV века из Термеза, Бюллетень САГУ, вып. 18, 1929, №7, стр. 64).

[20] В очередном номере журнала Института востоковедения Чехословацкой Академии наук (Archiv Orientalni, XXII Praha, 1954, № 2—3) опубликована небольшая, но любопытная статья Rintchen'a „Les signes de propriété chez les mongols" (Знаки собственности у монголов). Основным материалом этой статьи является таблица из двухсот десяти знаков, собранных автором в течение его двадцатилетней работы в Монголии. Каждому знаку — тамге — дано ее монгольское название. При сравнении изображенных на монетах нашего клада тамг со знаками, представленными на таблице Ринчжена, обнаруживается почти полное совпадение

Раздробленность государства на отдельные владения, подчиненные верховной монгольской власти, находит свое отображение в особенностях оформления монеты. Вместе с характерными чертами рисунка каждого города в рисунке штампов в большинстве случаев в форме различных религиозных легенд прослеживаются заказы мусульманских откупщиков. Центральное место на многих монетах занимает тамга — знак собственности определенного рода, что указывает на подчиненное положение этих откупщиков по отношению к монгольским правителям. Большое искусство в изготовлении некоторых штампов свидетельствует о высокой культуре в технике. По-видимому, для чекана этих монет были привлечены лучшие ремесленники, переселенные из различных пунктов.[21]

Находки монетных кладов монгольского периода неоднократно отмечались в работах нумизматов (П. С. Савельева, В. Г. Тизенгаузена, М. Е. Массона, Е. А. Пахомова, Е. А. Давидович и др.). Из опубликованных описаний этих кладов к монетам Дукентского клада близки находки в Китае около Суйдина[22], девять монет из Мамаевского клада 1893 г.[23] и

в рисунке следующих изображений: ∫ f ζ ʃ ⌇ Ш . Интересно различное толкование, в зависимости от изображения, наиболее распространенной тамги ∫ (удила); с точками ∴ ʃ (рыбьи глаза) означает бдительность; несколько растянутой формы ζ , какую мы встречаем на монетах самаркандского чекана, — крюк, багор. Другая не менее распространенная чагатайская тамга ⌇ дана с пояснением: „тибетская буква tchha".

[21] О переселении монголами ремесленников имеются многочисленные сведения и у историков, и у путешественников (История Монгольской Народной Республики, М., 1954, Список основной литературы по истории МНР, стр. 395—408).

[22] Р. Р. Фасмер, Список монетных находок, Сообщения ГАИМК, II. Л., 1929, стр. 31.

[23] М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг., Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 289.

особенно, по-видимому, тождествен, как по месту обнаружения (горы на севере Ленинабадской области), так и по времени выпуска (последняя четверть XIII—первое десятилетие XIV в.), клад серебряных чагатайских монет, сведения о котором приведены Е. А. Давидович.[24]

В истории Чагатайского улуса отмечается три периода, которые не могли не отразиться и на выпускаемых монетах. На первый из них указал В. В. Бартольд: „Вопреки системе, принятой в других каталогах, я нашел нужным отделить монеты, чеканившиеся в эпоху единства монгольской империи, от монет государств, образовавшихся после ее распадения—относится к 663-1264—5 г., т. е. ко времени царствования чагатайского хана Алгу".[25] Ко второму периоду относятся монеты, выпущенные до денежной реформы Кебека, т. е. до 1325 г., и к третьему — с 1325 г. до тимуридов.[26] Все определенные нами монеты клада относятся ко второму периоду—времени, о котором В. В. Бартольд писал, что местные правители в различных городах чеканили свою монету[27], и пояснял, что „появление такой монеты в большом количестве, вероятно, находится в связи с переходом монголов именно в это время от системы сбора податей натурой, преобладающей до Угэдея, к денежной подати".[28]

Интенсивный выпуск монет на территории монгольской империи, в первую очередь, конечно тесно связан с введением заимствованной из Китая поголовной подати с покоренных народов.[29] Налог этот взимался ежегодно и варьировал

---

[24] Е. А. Давидович, Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г., Труды АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 100. Сравнение числа монетных дворов, продукцию которых заключает наш клад, с пунктами выпуска других опубликованных кладов, зарегистрированных на территории Средней Азии. мы оставляем до уточнения всех поддающихся определению монет. Установленные пока пункты, в отличие от других известных кладов монгольского времени, расположены исключительно на территории Чагатайского улуса.

[25] В. В. Бартольд, Неизданный самаркандский дирхем, ЗВОРАО, т. XII, вып. I, 1900, стр. 1—4.

[26] Деление на три периода истории денежного хозяйства Чагатайского улуса было указано в специальном докладе на эту тему проф. М. Е. Массона на кафедре археологии Средней Азии исторического факультета САГУ.

[27] В. В. Бартольд, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 36.

[28] Там же, стр. 36. Кара-китаи ввели в покоренные ими страны заимствованную из Китая налоговую систему подворного обложения (ЗВОРАО, т. X, стр. 115).

[29] Интересно вспомнить указание Ф. Энгельса, что „деньги обладали тогда гораздо менее общественной функцией, а лишь политической: они служили для уплаты налогов и добывались главным образом грабежом" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, М., Партиздат, 1937, стр. 441).

в пределах от одного до пятнадцати дирхемов с каждого плательщика[30].

Кроме того, к этому необходимо добавить, с одной стороны, резкое увеличение в некоторых городах населения за счет постоянного притока разоренных сельских жителей, посевы которых были теперь частично превращены завоевателями в пастбища[31], а с другой—оживленную торговлю между отдельными городами, ярким свидетельством которой и является наличие в одном пункте столь большого количества монет различных монетных дворов, представленных Дукентским кладом 1952 г.

---

[30] А. Ю. Якубовский даже допускает, что в IX—X вв. оброк, поступавший в денежной форме, превышал натуральный. (А. Ю. Якубовский, Феодальное общество в Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV веках, Материалы по изучению Узбекской, Таджикской и Тукменской ССР, ч. I, Труды АН и ИВАН, Л., 1933, стр. 1—2).

[31] В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 51.

И. М. ДЖАББАРОВ

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ЧУГУНОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА ХОРЕЗМА[1]

В фондах и залах Музея истории Академии наук УзССР хранится множество различных литейных изделий. Тут можно встретить отлитые еще в античное время и на заре средневековья котлы разнообразной формы и размеров, предметы домашней утвари, сельскохозяйственные орудия, широко распространенные по всей Средней Азии, лемехи, втулки для колес арб и пр. Огромная масса отлитых предметов встречается в раскопках, производимых почти во всех районах среднеазиатских республик. Но нам не известна техника изготовления литейных изделий. Восполнить этот пробел можно лишь путем привлечения этнографического материала.

Литейное производство в его примитивном виде сохранилось только в отдельных отдаленных от промышленных и культурных центров районах Средней Азии. Таковым является, в частности, Хорезм, где до недавнего времени производили изделия, отлитые из чугуна.

Первое упоминание о литейном производстве в Хорезме с кратким описанием техники производства мы встречаем в «Горном журнале» за 1838 г.[2]

Хорезмских литейщиков называют «**пазачи**», что в переводе означает человек, изготовляющий «паза», т. е. сошник, который был необходимой принадлежностью дехканского хозяйства. Это же название было распространено еще в Бухаре, а в других районах Узбекистана литейное производство именовалось «декриз», или «дегриз», что означает котельщик.[3] В отличие от центральных районов Средней Азии, где поми-

---

[1] Статья написана на основе материалов, собранных автором во время его поездки в Хорезм летом 1952 г. в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.

[2] Выписка из описания Хивинского ханства, Горный журнал, 1838, ч. IV, кн. XI.

[3] А. Дивае в, Промыслы и занятия туземцев азиатского города Ташкента, «Туркестанские Ведомости», 1901, № 33.

мо сельскохозяйственного инвентаря еще в первой половине XX в. производились чугунные котлы (казан), жаровни (майкалдон) для обогревания жилых помещений, колосники для печей и каминов, башмаки для пестов крупорушек (обджуаз), русские кухонные плиты, части для джинов, чайники и т. д.[4], литейщики Хорезма занимались главным образом изготовлением изделий, необходимых для сельского хозяйства. Кроме сошников (паза), они отливали чугунные втулки (марганак) для колес арб.

Иногда изготовляли сосуды для варки плотничьего клея (елим каса), ступки для размельчения жевательного табака (настамоки) и отдельные изделия по особому заказу.

Данная отрасль ремесла упоминается в документах архива хивинских ханов под названием пазачи-дукан, т. е. мастерская литейщика[5] (возможно, лавка торговца литейными изделиями, так как дуканом называли еще и лавку в торговом ряду).

Во всем Хорезме наиболее развитым районом по литейному производству была Хива, где пазачи-дуканов, по словам хивинского литейщика Абдушерипа Артыкова, к началу Хорезмской революции 1920 г. насчитывалось около шести.[6] В Ургенче находилась только одна мастерская, а в Багате — две.

Мастерские находились при жилом помещении как в городе, так и за его пределами; в каждой из таких мастерских работало 4—5 учеников и наемных (сезонных) рабочих во главе с владельцем мастерской. В настоящее время в Хиве есть единственная в Хорезме литейная мастерская, которая, по дословному выражению ее владельца Маткарима-пазачи, построена так, как их строили в дедовские времена («бу́вомларни давринда»).[7]

Мастерская Маткарима-пазачи представляет собой отдельное крытое помещение, примыкающее к жилому дому, перед которым находится небольшой двор с навесом, напоминающий ички-айван жилых зданий горожан. Во дворе расположен

---

[4] Н. А. Кирпичников, Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области, Справочная книжка Самаркандской области за 1897 г., вып. V, Самарканд, 1897, стр. 124.

[5] Архив хивинских ханов, Рукописный фонд библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде, тетр. № 70, л. 1—17.

[6] Полевые записи, 1953, № 9. Согласно хранящемуся в архивных фондах Хивинского историко-революционного музея списку ремесленников, вошедших в организованный в Хиве в августе 1920 г. профсоюз, цифра эта в четыре раза превышает данные информатора.

[7] Полевые записи 1953 г., № 13, где дается описание мастерской и техники литейного производства.

хумбз—печь для сушки литейных форм зимой (рис. 1). Внутри крытого помещения находится печь для плавки чугуна, называемая дасгах (рис. 2), которая выстроена из жженого кирпича и имеет четырехугольную форму у основания и форму усеченного конуса в верхней части. Горн для плавки чугуна

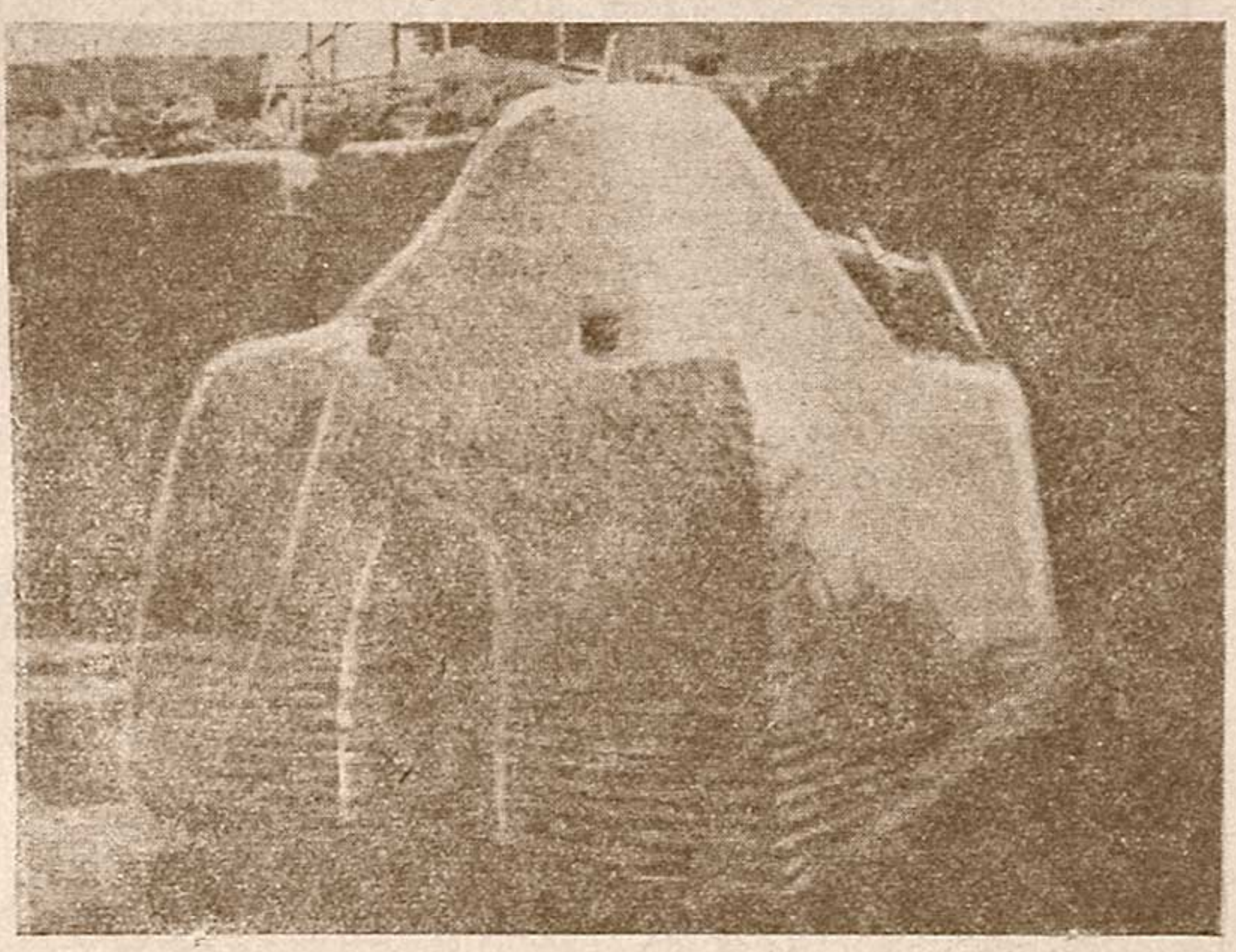


Рис. 1. Хумбз — печь для сушки литейных форм зимой.

находится внутри печи, тогда как в других районах Узбекистана он был устроен на открытой поверхности печи, отличавшейся еще и по своему внешнему виду: она имела в плане квадратную[8] или цилиндрическую[9] форму. Горном служила небольшая яма, вроде котла, сделанная из особой огнеупорной глины. С правой стороны печи, где находился горн, проделывалась фурма, в которую через глиняное (огнеупорное) сопло с двумя каналами, идущими от мехов, вдувался на расплавляемый в яме чугун воздух. Между прочим, в Самарканде и у узбеков Ходжента фурма эта была проделана в задней стенке печи.

---

[8] Современный кишлак Средней Азии, вып. IV, Вабкентская волость (Зеравшанская область УзССР), Ташкент, 1924, стр. 145.

[9] Н. А. Кирпичников, указ. соч., стр. 112.

Меха были сделаны из козлиных шкур, большей частью не очищенных от шерсти, которые гармошкой плотно прикреплялись к деревянной стенке, приставленной к печи, и лопастям, имеющим два клапана для набирания воздуха и две ручки, за которые можно было держаться во время работы.

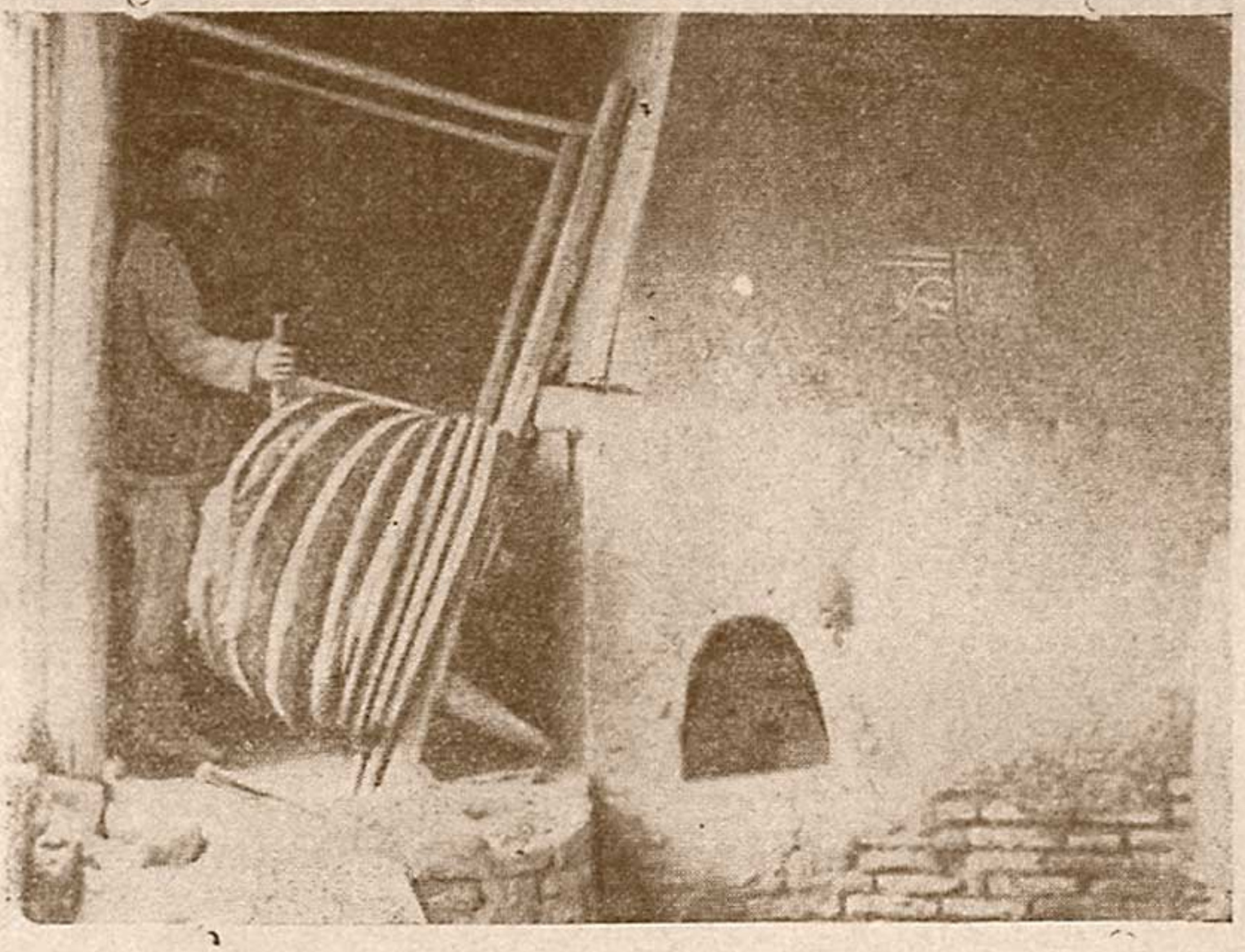


Рис. 2. Дасгах — печь для плавки чугуна.

Плавка и литье производились примитивным способом. Для того чтобы отлить необходимое изделие, требовалось изготовить форму данного изделия. Формы сошника и втулки для колес арб изготовлялись при помощи специальных приспособлений, которые носили название калп — для сошника (рис. 3) и чарх — для втулки (рис. 4), из сырого песка с прибавлением пшеничной муки (размол низкого качества или брак) и сапожного клея — срыш (рис. 5). Формы эти перед отливкой устанавливались рядами недалеко от печи для плавки, находящейся в крытом помещении; между ними насыпался влажный песок. Прежде чем производить плавку, насыпали в упомянутый нами глиняный котел раскаленный уголь и делали в нем углубление, которое утрамбовывалось специальным молотом (токмак) с длинной железной ручкой

(рис. 6, *д*); сюда и собирался впоследствии расплавленный чугун. Затем заполняли эту яму саксаульным углем, сверх которого ставили куски чугунного лома, и приступали к плавке.

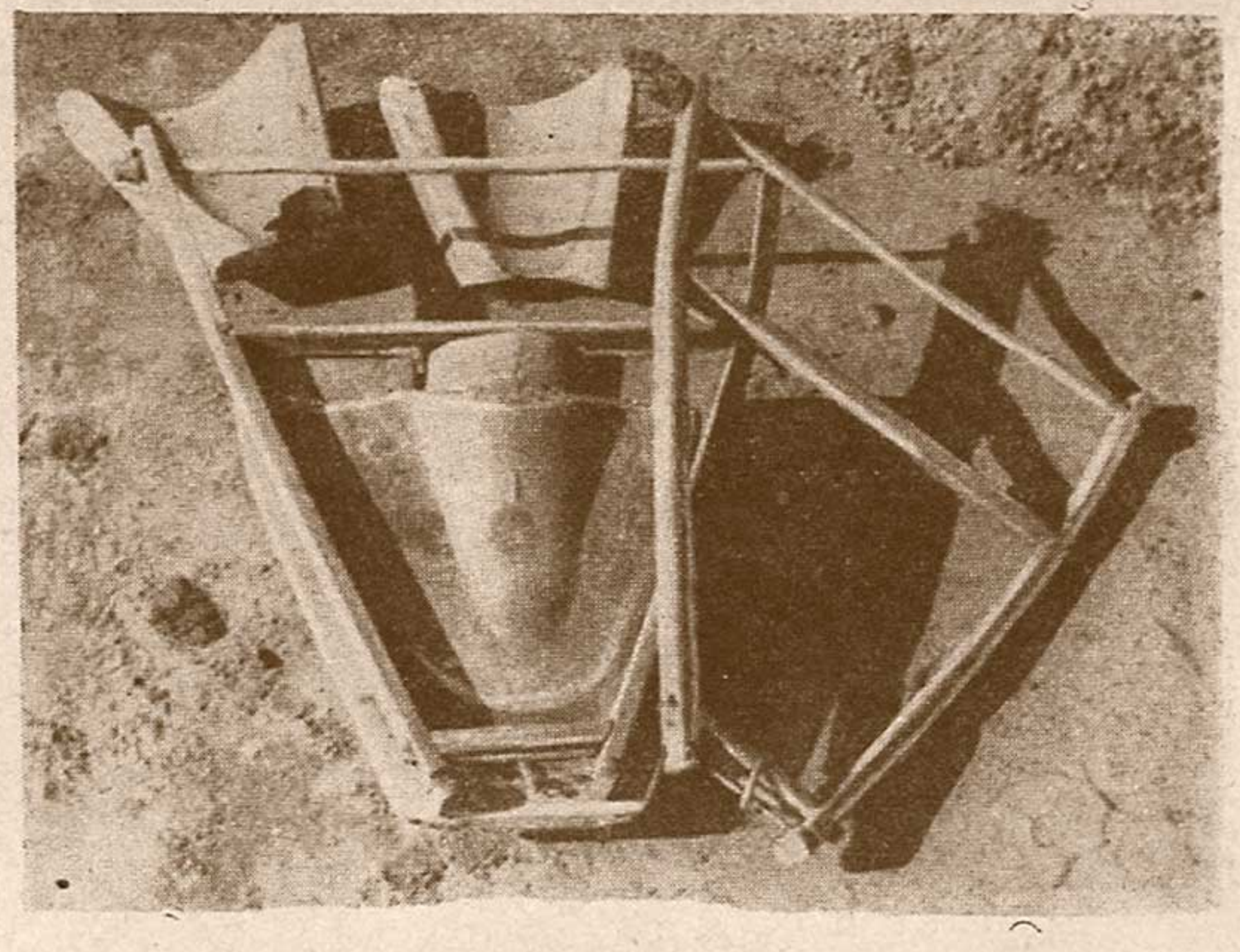


Рис. 3. Приспособление (калп) для изготовления формы сошника.

На мехах поочередно работало двое или трое человек в течение 3—3½ часов, не останавливаясь ни на минуту. Работа эта считалась самой трудоемкой и тяжелой; она производилась наемными рабочими и учениками, каждый из которых работал, обливаясь потом, в продолжение одного часа без передышки и затем сменялся. Один из учеников временами подбрасывал уголь в печь совком, называемым «хакандаз». Мастер в это время подготовлял ковш, которым черпали плавленный чугун и производили литье. Подготовка ковша — кашикча (рис. 6, *а* и *г*) — заключалась в том, что он обмазывался глиной с саманом (соломой) и ставился на огонь, где глина подвергалась обжигу. Это делалось для того, чтобы железо, из которого сделан ковш, не расплавлялось во время черпания. Кроме того, мастер время от времени специальным орудием, называемым «дасткапча» (рис. 6, *б* и *в*), регулировал огонь в печи, а другим орудием—«адилхан» (рис. 6, *ж*)— проделывал проходы в раскаленном угле для пропуска возду-

ха, идущего из каналов сопла. Орудиями разной величины, вроде железных шестов с черенком, подправляли время от времени не только уголь, но и чугунный лом.

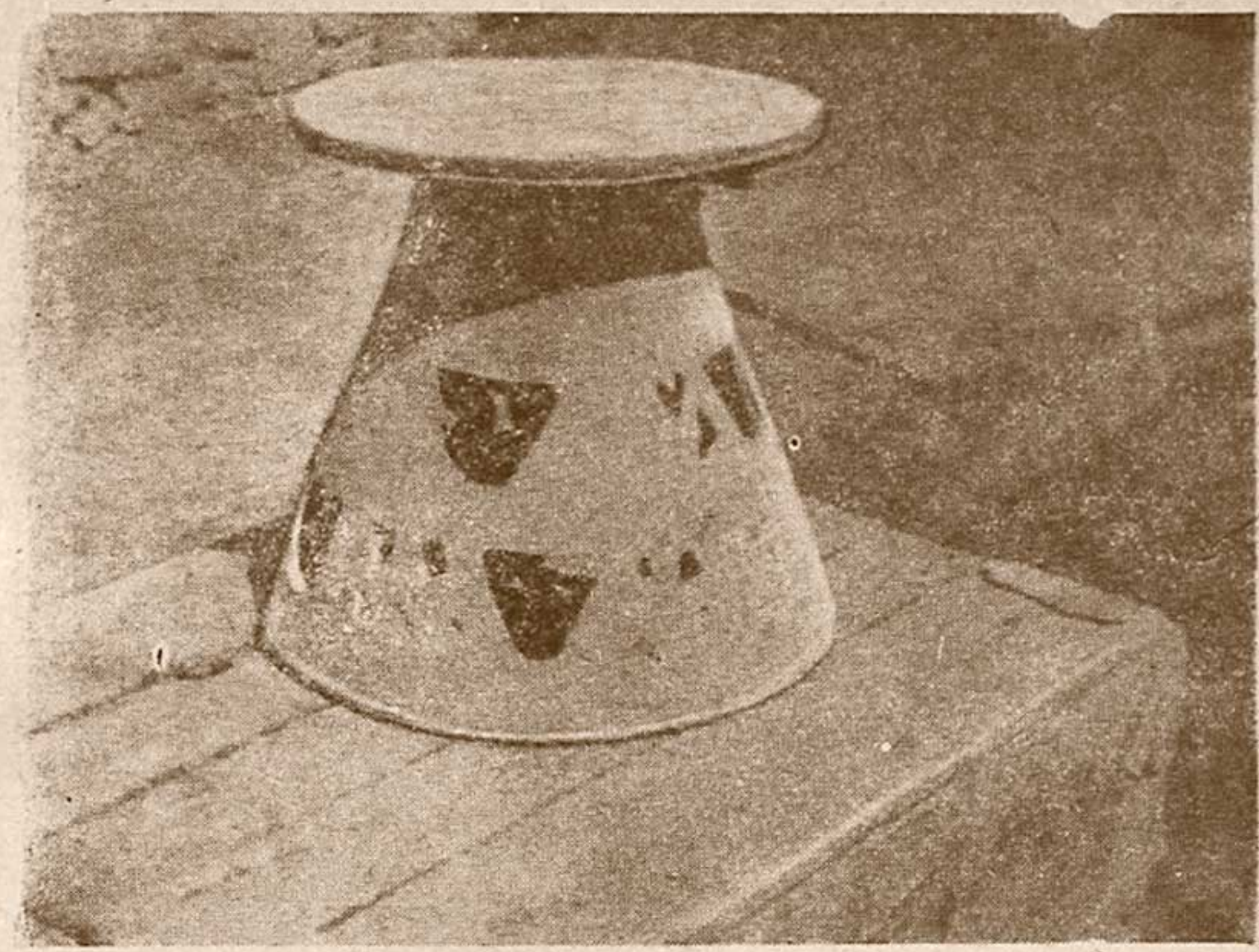


Рис. 4. Чарх — инструмент для изготовления формы „марганака".

В процессе беспрерывной работы мехов и сгорания саксаульного угля температура в горне поднималась до 1100°, в результате чего чугун плавился и собирался в котел. Признаком окончания плавки служил отсвет огня, который падал на досчатую стенку мехов из отверстия сопла. Если этот отсвет из желтоватого цвета превращался в белый, значит чугун полностью расплавился. Тогда прекращали дутье, черпательным ковшом снимали образовавшийся шлак, который отбрасывался в глубь печи, и затем тем же ковшом разливали расплавленный чугун в формы. По охлаждении, отлитые изделия освобождались от форм и этим вся работа по изготовлению чугунолитейных изделий завершалась.

Интересно отметить, что в Хиве сошники отливали из чугуна без примеси, тогда как в г. Кунграде, по сообщению Иванина, к чугуну примешивали небольшое количество меди «для уменьшения его хрупкости».[10]

[10] М. Иванин, Хива и река Аму-Дарья, СПб., 1873, стр. 49.

Все необходимые орудия производства литейщиков изготовляли по их заказу местные ремесленники, а сырьем служили разбитые чугунные вещи; которыми снабжала всю Среднюю Азию Россия, прежде всего уральские заводы, преиму-

Рис. 5. Приготовление формы сошника.

щественно Костинский завод Расторгуева.[11] «Чугун в виде котлов, кумганов и прочего вывозится в Среднюю Азию через города Оренбург и Троицк в количестве около 100 т. пудов»[12], — сообщается в сборнике «Русский Туркестан» при описании чугунолитейного производства в Туркестане еще до присоединения Хивинского ханства к России. «Чугунные вещи, — говорится в этом сборнике, — пришедшие в негодность, чинятся и переплавляются на туземных заводах».[13] Об этом же говорят информаторы. Чугунный лом служил главным источником сырья для чугунолитейного производства и до последнего времени.

---

[11] А. Д., Чугунолитейное производство, сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 225.

[12] Там же, стр. 226.

[13] А. Д., Чугунолитейное производство, стр. 225.

Продукция хорезмских литейщиков находила сбыт лишь в самом Хорезме.

К литейному производству непосредственно примыкает и изготовление пушек, которое совершенно не подвергалось изучению. О нем мы можем судить лишь на основе отдельных

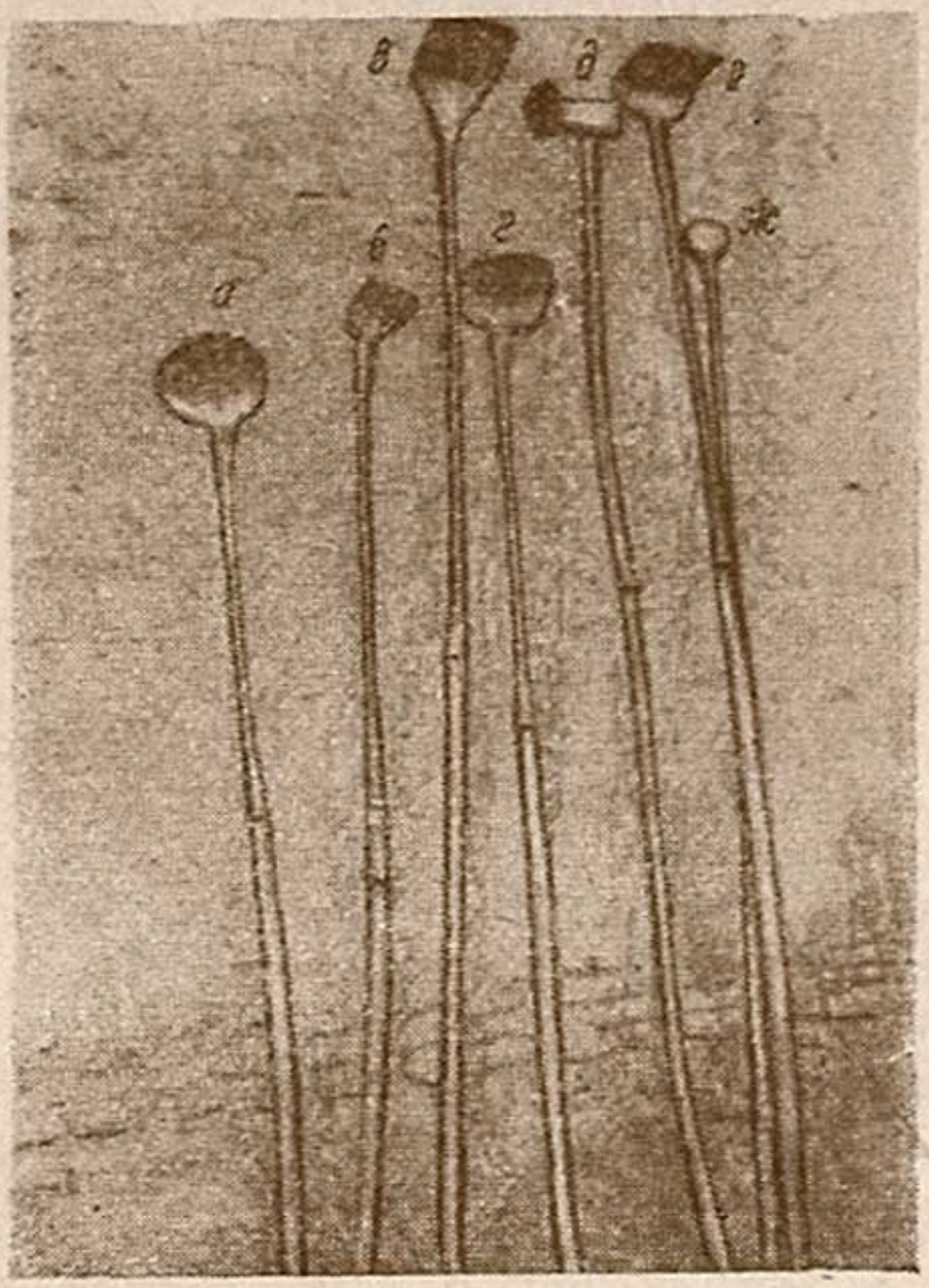


Рис. 6. Инструменты, употребляемые для плавки и разливки чугуна.
Условные обозначения:
а и *г*-кашикча, *б*, *в* и *е*-дасткапча, *д*-токмак, *ж*-одилхан.

упоминаний, имеющихся в работах дореволюционных исследователей, где описание техники их изготовления полностью отсутствует.

В связи с проведением железной дороги в Хорезм и усилением снабжения сельского хозяйства необходимыми машинами надобность в изделиях литейщиков отпала. Поэтому в настоящее время чугунолитейное производство Хорезма стало делом прошлого.

ХРОНИКА

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ УЗБЕКИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ в 1954—1955 гг.

Узбекистанская экспедиция Института истории и археологии Академии наук УзССР, как и в предыдущие годы, ставила целью изучение: 1) памятников первобытного общества; 2) истории производственной деятельности населения Узбекистана в рабовладельческий и раннефеодальный периоды, истории городских и сельских поселений, культуры, быта и искусства и 3) антропологического состава населения Узбекистана и сопредельных республик Средней Азии в связи с проблемой этногенеза ее племен и народностей. В 1954 г. экспедиция работала в составе пяти отрядов: Бухарского, Сурхан-Дарьинского, Кашка-Дарьинского, Чустского и Кураминского антропологического[1].

Бухарский отряд продолжил исследование городища *Варахша*, в частности, начатые в 1953 г. работы по выяснению нижних горизонтов с целью определения времени возникновения поселения: большой раскоп в центральной, наиболее возвышенной части городища и раскоп в его северо-западном углу.

Первый из них прорезал верхние наслоения X—XI вв., остатки зданий VI — начала VIII в., ниже — фрагмент здания из крупного квадратного сырцового кирпича, которое может быть датировано IV—V вв. н. э. В 1954 г. раскоп был доведен до глубины 10 *м*. На этом уровне снова обнаружены остатки каких-то сооружений из квадратного сырцового кирпича со столбами или подставками, сложенными из мелких обожженных кирпичных плиток. Этот слой датируется первыми веками н. э.

---

[1] В работах экспедиции принимали участие: Л. В. Ошанин, В. А. Нильсен, С. К. Кабанов, В. Д. Жуков, Л. И. Альбаум, В. И. Спришевский, К. Н. Наджимов, Д. Г. Зильпер, П. И. Костров, Е. Г. Шейнина, Г. Н. Никитин, В. Н. Кедрин, Т. Агзамходжаев, Г. В. Шишкина, С. Н. Юренев и др.

Во втором раскопе — в северо-западном углу городища — в 1953 г. была обнаружена угловая башня древней стены. Раскопки ее окончены в 1954 г. В плане башня имеет эллиптическую форму. Стены толщиной около 2 *м* сложены из квадратного сырцового кирпича. Размеры внутреннего помещения: по оси ЮВ-СЗ — около 4,5 *м*, поперек — 5 *м*. Стены сохранились на высоту 2,6 *м*, ниже идет глинобитное основание. В сохранившейся части стены имеется два ряда узких стрельчатых бойниц; такая же бойница раскрыта и на примыкавшем к башне участке западной стены. В помещении башни обнаружено два слоя почти с однородной керамикой, характерной для начала и первых веков н. э.

Для подхода к башне с западной стороны и выявления ее наружной поверхности была отрыта траншея, прорезавшая наслоения позднейших, средневековых стен города. Этот раскоп позволил сделать некоторые выводы, относящиеся к его истории.

Обнаруженное древнее укрепление возведено около начала нашей эры. Площадь города тогда была меньше средневековой, так как старые стены находятся внутри более поздних. В какой-то точно не выясненный момент, но еще в пределах кушанского времени, город подвергся разрушению. Крепостная башня, потерявшая оборонное значение, была приспособлена под временное жилье; бойницы ее были заложены. Снаружи, у стен, скопился толстым слоем песок. Позднее, на завале, образовавшемся вследствие разрушения стен и башен, была возведена небольшая глинобитная стена. В следующий период были построены новые мощные стены, включившие в свою толщу упомянутую тонкую стенку. Стены были возведены, надо полагать, в тот период (в конце V или в VI в.), когда город вновь стал застраиваться, изменив капитальным образом свою планировку и характер застройки, и когда на его южной стороне появились грандиозные массивы цитадели и дворца бухар-худатов, сделавших Варахшу одной из своих столиц.

Таким образом, в жизни Варахши прослеживается длительный кризис, совпадающий по времени с периодом разложения рабовладельческих отношений. Наличие такого кризиса подтверждается наблюдениями и разведочными раскопками в других местах, в частности, на расположенном поблизости от Варахши небольшом городище *Талли-Гуза*. К этому же периоду относится и запустение позднее уже не восстановившихся городищ «западной группы», расположенных в 15—20 *км* к западу от Варахши. Датируемый этим же временем катастрофический упадок рабовладельческих поселений и зам-

ков прослежен также работами на городищах Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областей.

В развалинах дворца бухар-худатов было продолжено вскрытие стенных росписей в «красном зале». Вновь открытые части стен дают продолжение уже известной композиции, опоясывающей непрерывной лентой стены зала: ритмически чередующихся всадников на слонах и нападающих на них зверей и чудовищ. Новые фрагменты сохранили ряд интересных деталей, дополняющих утраты в других местах.[2]

Небольшая группа археологов (Г. А. Шишкина и С. Н. Юренев) исследовала цепочку бугров, обнаруженных несколько лет тому назад в окрестностях городища *Пайкенд*. Бугры оказались остатками «наусов» с погребениями в оссуариях. Один из них представлял собою небольшое двухкамерное здание; в восточной камере, на устроенных вдоль стен суфах, лежали в беспорядке обломки оссуариев и человеческие кости; второе помещение оказалось пустым. Все носило следы умышленного разрушения. Второй тип науса, или, быть может, дахмы, куда клались до освобождения от мягких частей тела умерших, — сооружение, поднятое на высокий, квадратный в плане, цоколь из сырцового кирпича. Стены этих сооружений (если они были) не сохранились; в отвалах найдено большое количество обломков оссуариев, костей и глиняной посуды. Оссуарии имеют овальную форму с разнообразным оформлением стенок и зубчатым их завершением. На некоторых из них были налепы с изображением человеческих фигурок. Открытие пайкендского некрополя интересно в том отношении, что до недавнего времени оссуарные погребения на территории Бухарского оазиса вообще не были известны. Впервые они были найдены О. В. Обельченко при исследовании Кую-Мазарского курганного могильника в 1952—1953 гг.

В Каракульском оазисе, недалеко от Пайкенда, В. А. Нильсеном выполнены замеры обнаруженного два года тому назад Я. Г. Гулямовым интересного ансамбля из двух зданий, известного среди местного населения под названием мазара *Шабурган-Ата*. Первое из этих зданий представляет собою купольную ротонду и может, по архитектурным данным, датироваться XII в. Второе здание — с порталом и мощными фланкирующими башнями — возведено, возможно, в XV—XVI вв.

---

[2] Вновь открытые росписи вырезаны со стен и отправлены для дальнейшей обработки в Эрмитаж. Работа эта выполнена реставраторами Эрмитажа П. И. Костровым и Е. Г. Шейниной.

Сурхан-Дарьинский отряд (В. Д. Жуков и Л. И. Альбаум) производил раскопки *Хайрабад-тепе* в Ангорском районе, значительного по размерам городища с цитаделью в юго-восточном углу. Раскопками установлены основные моменты стратиграфии цитадели. Верхние слои датируются V—VI вв. н. э. Во втором слое вскрыта башня цитадели с бойницами, сохранившаяся на высоту до 5 *м;* время ее постройки определяется монетами Кадфиза I и Канишки. При раскопках башни выявились следы еще более раннего сооружения, пока неисследованного. Три слоя, приблизительно соответствующие слоям цитадели, установлены также в юго-восточном углу городища и у промоины в его западной стене.

Полученные данные дают возможность наметить некоторые этапы в жизни поселения. Оно возникло, вероятно, до начала нашей эры, а в кушанский период достигло своего наибольшего развития. В конце этого периода, подобно тому как это установлено и раскопками на Варахше, городок пережил значительный упадок, но уже в эфталитское, по-видимому, время на его территории вновь появились постройки. В средневековый период он был снова оставлен жителями и на этот раз окончательно: средневековое поселение IX—X вв. расположилось к востоку и югу от древнего.

Кроме того, Сурхан-Дарьинским отрядом продолжено исследование раскопанного в 1953 г. *Балалык-тепе* (Л. И. Альбаум). Работы заключались в раскрытии и фиксации стенных росписей, обнаруженных в одном из помещений здания. В течение двух сезонов (весеннего и осеннего) удалось раскрыть одну стену длиной 4,8 *м* при высоте сохранившейся росписи около 1,5 *м*. Живопись, как и во всех случаях, известных раньше (Топрак-кала, Варахша, Пянджикент и др.), выполнена по глиняной штукатурке и представляет собою одну общую композицию, в которой изображены сидящие на ковриках мужчины и женщины с кубками в руках, одетые в богато орнаментированные одежды. Живопись Балалык-тепе датируется временем несколько более ранним, чем росписи Варахши и Пянджикента, и значительно позднее фрагментов из Топрак-кала. Благодаря этому новому замечательному открытию мы получили еще одно ценнейшее звено в серии произведений недавно еще неизвестного древнего искусства народов Средней Азии.

В пределах Сурхан-Дарьинской области производилась также разведка различного рода архитектурных памятников; зарегистрировано и зафиксировано в чертежах и фотографиях несколько неизвестных раньше объектов.

Кашка-Дарьинский отряд (С. К. Кабанов) был переключен в 1954 г. на работы, связанные с новым ирригационным строительством — Иски-Ангарским каналом и проектируемым Чим-Курганским водохранилищем.

Иски-Ангарский канал берет начало из Даргома, орошающего окрестности Самарканда, и идет по руслу старого заброшенного канала. В районе совхоза Улус трасса древнего канала пересекает предгорную гряду по глубокому искусственному каньону Кескен-джар и берет направление в сторону Карши, на юг. Городищ и тепе, связь которых с каналом можно было бы предполагать, в верхней его части нет. Развалины поселения первых веков нашей эры около селения Улус (Улус-тепе) находятся на большой высоте, в котловине, орошаемой небольшим саем, и с Иски-Ангаром явно не связаны. За совхозом Улус, уже в пределах Кашка-Дарьинской области, следы древнего канала неясны, но единственное место, по которому он мог проходить, — узкая долина Каттасая. У селения Шор-базар, расположенного в этой долине, замечены признаки лиманного орошения и остатки кяриза, сохранились развалины сардобы из жженого кирпича, есть небольшое тепе и три бугра,—возможно, курганы. К западу и юго-западу от Шор-базара имеются городища *Кара-тепе* и *Хазарбука*, на поверхности которых найдены фрагменты средневековой керамики. Ниже этого места следов оросительной системы не обнаружено. Таким образом, данных, подтверждающих высказанное А. И. Тереножкиным мнение о большой древности Иски-Ангара[3], С. К. Кабанов, производивший рекогносцировку этой местности, не нашел. По высказанному им предположению, возникновение канала относится к средневековью. Для окончательного решения вопроса о времени постройки Иски-Ангара необходимы дополнительные исследования.

Вторым районом разведки, как сказано выше, была территория проектируемого водохранилища на р. Кашка-Дарья, у селения *Чим-Курган.* Разведкой установлено, что в тело плотины, возводимой у кишлака Байли, войдут два значительных тепе, датируемых найденной здесь керамикой IV—V вв. н. э. Кроме того, в зону затопления водохранилища должны попасть еще 14 больших и малых тепе — развалин укрепленных селений времени от начала нашей эры до XII—XIII вв. Такое обилие памятников, сосредоточенных на небольшом пространстве, вызывает необходимость организовать

---

[3] А. И. Тереножкин, Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2, стр. 186.

как в 1955 г., так и в следующие годы до окончания строительства водохранилища, специальный отряд для их исследования.

Кашка-Дарьинским отрядом произведены также небольшие раскопки на городище *Дагай-тепе*, расположенном в 5 *км* к северо-востоку от г. Карши. Раскопками выявлено два слоя: III—IV вв. и VIII—IX вв. н. э. В обоих слоях вскрыты гончарные печи.

Чустский отряд продолжил начатые В. И. Спришевским в 1953 г. раскопки селища периода бронзы, открытого в 1951 г. М. Э. Воронцом. Раскопки 1955 г. позволили точнее определить характер жилищ стоянки, представлявших собою, по-видимому, хижины из жердей и камыша, внутри которых имелись углубления — ямы, придававшие им вид полуземлянок с очагами различного устройства. При раскопках получен многочисленный инвентарь, дающий возможность судить о производственной деятельности. Ряд находок (обугленные зерна пшеницы, ячменя и проса, обломки каменных серповидных ножей, большое количество каменных зернотерок) убедительно свидетельствует о земледельческом характере поселения. Найдены фрагменты двух каменных форм для отливки изделий из бронзы, бронзовый слиток и шлаки. О развитом ткачестве дают представление отпечатки тканей на глиняных сосудах, костяные челнок и две гребеночки, массивные биконические пряслица. Большим разнообразием технических приемов выделки и форм отличается керамика. Обращают на себя внимание отдельные фрагменты ее, поверхность которых украшена росписью в виде сочетаний треугольников, сеток, зубчиков и зигзагообразных линий, нанесенных черной краской.

Селище, по аналогии с соответствующими слоями культуры Анау и памятниками суюрганской культуры Хорезма, может быть, по-видимому, датировано концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Памятник, содержащий культуру, по-видимому того же времени, — *Дальверзин-тепе* в Андижанской области — обнаружен Ю. А. Заднепровским. Это указывает на распространение чустской культуры и на восточную часть Ферганской долины.

Кураминский антропологический отряд (Л. В. Ошанин и К. Наджимов) производил в 1954 г. обследование группы кураминцев, живущих в Ташкентской области. Эта группа, как

---

[4] См. В. И. Спришевский, Чустская стоянка эпохи бронзы, СЭ, 1954, № 3, стр. 69—76.

надо полагать, составилась из представителей различных племен и народностей и входит в настоящее время в состав узбеков. Родовых делений они не знают. Антропологами экспедиции обследовано свыше 1000 человек. Исследование (по предварительным данным) показало, что кураминцы Ташкентской области относятся в основном к европеоидной расе среднеазиатского Междуречья со слабой примесью монголоидных признаков, и, следовательно, по своему антропологическому типу ничем существенным от остальных узбеков не отличаются. Новые данные, как и результаты прежних антропологических исследований, производившихся под руководством Л. В. Ошанина, дают ценный материал к разрешению вопроса этногенеза народностей, племен и отдельных этнических групп, составляющих население Средней Азии.

Следует отметить, что, кроме Узбекистанской экспедиции АН УзССР, на территории восточных и южных областей Узбекистана проводились работы некоторыми другими научными учреждениями республики.

Узбекский государственный университет продолжил исследование палеолитической пещерной стоянки *Аман-Кутан* (руководитель работ Д. Н. Лев). Изучалась выявленная в 1953 г. подземная галерея, представляющая ответвление пещеры; культурный слой в этой галерее насыщен угольками, костями животных и каменными изделиями. Новые работы позволили, как нам сообщил Д. Н. Лев, уточнить датировку Аман-Кутанской стоянки, отнеся ее к тому же времени, что и стоянка в пещере Тешик-Таш, т. е. к мустьерской культуре.

Значительные по результатам работы выполнены сотрудниками Ферганского областного музея Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбургом. Ими была произведена археологическая разведка на территории Вуадильского, Кувасайского и Кувинского районов Ферганской области. Зафиксировано несколько городищ, тепе и могильников по левому берегу Кувасая, датируемых первыми веками нашей эры, и кувинско-аувальская группа городищ VI—VIII вв. н. э. Раскопано несколько курганных погребений: близ *Вуадиля* (II тысячелетие до н. э.) и у селений *Ак-Там* и *Дамкуль* (V—III вв. до н. э., другая группа — I—II вв. н. э.).[5]

Самаркандский музей (В. И. Сарианиди) произвел археологическую разведку городища *Кульдор-тепе*, в 30 *км* к югу от Самарканда. Часть территории городища была населена

---

[5] См. Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея (в данном сборнике).

до XII в. Нижележащие слои могут быть отнесены к V—VIII вв. Значительный интерес представляют обнаруженные в слое V—VI вв. следы мастерской медника: литейные формы, шлак, зола. Нижний слой городища датируется кушанским временем.

Ташкентский областной музей в г. Янги-Юле (археолог М. С. Мерщиев) осуществлял наблюдение за сносом городища *Юган-тепе* в Янги-Юльском районе. Наиболее ранний материал, полученный с городища, относится к V—VII вв. н. э., самый поздний — к X—XII вв. В южной части городища было обнаружено скопление печей, сходных с печами квартала керамистов XI—XII вв. в Мерве.

Следует упомянуть работы, связанные с изучением и реставрацией памятников средневековой архитектуры, проводимые Управлением по делам архитектуры (общее руководство этими работами осуществлял скончавшийся в 1955 г. известный исследователь средневековой архитектуры Средней Азии Б. Н. Засыпкин). Эти работы сопровождались раскопками и шурфами, зондажем и расчисткой отдельных элементов памятников от позднейших наслоений. В 1954 г. были проделаны интересные работы по расчистке большого купольного помещения с могилами в медресе Мири-Араб в Бухаре (С. Н. Юренев) и исследование медресе Кукельдаш в Ташкенте (В. А. Левина).

* * *

План археологических работ Института истории и археологии АН УзССР на 1955 г. был составлен с учетом продолжения исследований по тем же основным направлениям, что и в 1954 г.: изучение памятников первобытного общества (период бронзовых орудий), сельских и городского типа поселений рабовладельческого и раннефеодального общества, памятников древней культуры народов Средней Азии. Продолжались и антропологические исследования населения Узбекистана и Средней Азии, цель которых — расширение антропологического материала, необходимого для разрешения и дальнейшего уточнения вопросов этногенеза народов и племен Средней Азии.

Следует, однако, отметить, что ирригационное строительство, бурно развивающееся на территории Узбекской ССР, в значительной мере повлияло на объем тех или иных работ. Так, работы в Кашка-Дарьинской области пришлось усилить ввиду неотложной необходимости исследования чрезвычайно насыщенного памятниками древней культуры района строи-

тельства большого водохранилища на р. Кашка-Дарья, названного Чим-Курганским по имени одного из кишлаков, подлежащих затоплению. Эта работа, носящая, естественно, срочный характер, заняла в 1955 г. значительную часть средств экспедиции.

Исследование памятников древних периодов (каменного века), ввиду отсутствия в рядах работников экспедиции подготовленных специалистов по этим периодам, является отстающим участком нашей работы. Тем не менее, 1955 г. ознаменовался и в этом отношении весьма важным открытием большого количества палеолитических каменных орудий недалеко от Ташкента, на канале Бозсу, близ плотины *Нижне-Бозсуйской ГЭС*, в местности *Шаим-Купрук*.

Первые орудия были найдены здесь еще во время строительства гидростанции, несколько лет тому назад, но, не попав в руки археологов, хранились у инженера Н. М. Соколова, который передал их в 1955 г. в минералогический кабинет Среднеазиатского государственного университета. Прекрасная коллекция орудий, типичных для верхнего палеолита, а также сведения о том, что здесь же, неподалеку, был найден крупный зуб какого-то ископаемого животного вызвали большой интерес к этому месту. Осмотр его археологами и геологами показал, что орудия происходят из гравийно-галечного слоя, лежащего под большой толщей лёсса. Выходы этого слоя обнажены в глубоком каньоне, вырытом водами Каракамыша, в который впадают сбросовые воды Бозсу.

Ввиду того что некоторой части этого галечникового слоя грозила опасность смыва водой, которая сбрасывается из водохранилища ГЭС и поднимается иногда значительно выше этого галечникового слоя, было решено произвести в этом угрожаемом месте небольшие разведочные раскопки. Производство их было поручено Г. В. Парфенову; в работе принимал участие также В. И. Спришевский. Место раскопок посетил во время производства работ А. П. Окладников. Раскопанный небольшой участок дал значительное количество каменных орудий из кремнистого известняка, черного известкового кремня, халцедона и др. Наряду с этим собрано очень много костей, подлежащих еще определению, среди которых немало, по-видимому, костяных орудий. На некоторых костях видны нарезки, сделанные, вне всякого сомнения, рукой человека.

Особенность почти всех этих находок — их бо́льшая или меньшая окатанность, свидетельствующая о том, что они долгое время находились в водном потоке и оказались в исследовавшемся галечнике уже в переотложенном состоянии. Это

же подтверждается и смешанностью орудий, относящихся, очевидно, к разному времени — как к среднему, так и к верхнему палеолиту. Еще более убедительна находка значительного количества керамической посуды, иногда с поливой, датируемой XI—XII вв., причем черепки этой посуды, также очень сильно окатанные водой, находились вместе с каменными и костяными орудиями.

Это заставляет предположить, что выше места произведенных раскопок, по течению Каракамыша и Бозсу, имелись стоянки времени палеолита. Об этом говорит громадное количество орудий, принесенных водой. Поэтому в дальнейшем необходимо произвести тщательную разведку вдоль всего течения каналов Каракамыша и Бозсу, проходящих в глубоких каньонах, которые прорезают почти двадцатиметровую толщу лёсса.

Памятники времени бронзы изучались, как и в предыдущие годы, в двух пунктах: в районе сухого русла Махан-Дарьи в Бухарской области (Я. Г. Гулямов) и на Чустском селище в Наманганской области (В. И. Спришевский).

Район *Махан-Дарьи* (одного из дельтовых протоков р. Зеравшан), исследованный впервые в 1950 г., изобилует, как показали произведенные Я. Г. Гулямовым разведки, открытыми поселениями, стоянками и могильниками эпохи бронзы. Следует отметить, что типичных для рабовладельческого и раннесредневекового общества памятников в виде тепе — остатков укрепленных поселений — в этой местности нет. Как и теперь, здесь не было оседлого населения.

Особенно интересные результаты дали раскопки двух могильников около озера *Заман-баба*. В одном из них раскопано 41 погребение в грунтовых ямах и катакомбах. Скелеты покойников лежат в скорченном положении. Инвентарь погребений состоит из круглодонных и плоскодонных сосудов, кремневых наконечников стрел, бронзовых ножей, бронзовых зеркал с ручкой, бус и подвесков из камня, а также других предметов украшений. Изъято несколько черепов, антропологически еще не изученных.

Во втором могильнике исследовано пять скорченных погребений в ямах, из них два — женских. Покойники лежали на левом боку. В женских погребениях были найдены бронзовые серьги, каменные бусы, бронзовые браслеты (из бронзовых бус). В головах стояли сосуды ручной лепки с нарезным «ёлочным» орнаментом.

Значительное количество различных предметов, аналогичных материалу из погребений, дало также исследовавшееся неподалеку поселение, характер которого указывает на полу-

оседлый образ жизни в нем и сочетание в хозяйстве примитивного земледелия и скотоводства.

Продолжена работа по исследованию *Чустского поселения* эпохи бронзы (В. И. Спришевский). В течение раскопочного сезона 1955 г. раскоп, начатый в 1953 и продолженный в 1954 г., был расширен на север и на юг. С южной стороны установлена граница поселения, совпадающая с началом склона холма, причем никаких остатков укреплений не обнаружено.

С целью определения границы поселения на северной стороне был начат новый раскоп (№ 3). Граница пока не найдена.

Как и в предыдущие годы, в раскопах оказалось большое количество ям, в которых обнаружены камышовые подстилки, обмазка стенок и пола. Несмотря на то, что на этот раз не удалось нигде обнаружить, как в прошлом году, следов стоек-столбов и камышовых перекрытий, бóльшая часть этих ям находилась, по-видимому, внутри глино-камышовых жилищ. Но наряду с этим имелись, несомненно, ямы и другого хозяйственного назначения.

Приблизительно в центре поселения раскопано пока единственное сооружение, сохранившееся выше древней поверхности, округлое в плане (поперечники 2 и 2,7 *м*), сложенное из чередующихся слоев глины и темно-серого ила. Стены сохранились на высоту до 2 *м*. С одной стороны в стене устроен большой очаг. Внутри описываемое сооружение было заполнено чистой землей, в которой найдено небольшое количество обломков посуды, костей и камней. На дне очага обнаружена прослойка золы.

По мнению В. И. Спришевского, это сооружение не было жилищем, а имело какое-то хозяйственное назначение, возможно, служило для обжига керамики.

При раскопках найдено большое количество обломков керамики, сделанной не на гончарном круге. Увеличение керамического материала позволяет теперь восстановить до 35 форм различных сосудов: плоскодонных и круглодонных кубков, чаш, горшков, кувшинов, котлов, жаровен и т. д.; они различны также и по технике изготовления. Часть сосудов имеет характерную роспись черной краской.

Многие находки подтверждают развитие у жителей поселения ткачества, обработки кости и камня (зернотерки, булава, литейные формы, каменные серпы и пр.). Обнаружены также изделия из бронзы (однолезвийный нож, миниатюрный ножик. два черешковых четырехгранных наконечника стрел

длиной 7,6 и 6,3 *см*, несколько бо́льших размеров наконечник — возможно, копья́).

В 1955 г. снова найдено большое количество обугливших-ся зерен пшеницы, ячменя и проса, что говорит о земледелии как основном занятии жителей, сочетавшемся со скотоводством, свидетельством чего является большое количество костей овец, коров и др.

Впервые на поселении обнаружено погребение человека (женское). Яма вырыта в культурном слое. Череп определен В. Я. Зезенковой как длинноголовый, европеоидный. Никакого инвентаря при погребении не найдено.

Значительный интерес представляют продолженные в 1955 г. раскопки бугра *Кызыл-Кыр* в степной части Рометанского района Бухарской области (Я. Г. Гулямов и В. А. Нильсен). Здесь раскрыто древнее здание (23 × 23 *м*) с пристройкой в юго-западном углу, чрезвычайно толстые стены которого сложены из глины. Здание, по предположению В. А. Нильсена, погибло вследствие катастрофы, о которой можно судить по наличию следов пожара и по найденному на полу, у входа скелету женщины, очевидно, погибшей при этой катастрофе. Вместе со скелетом обнаружены жемчуг, золотые с зернью подвески, составлявшие ожерелье, и бронзовое зеркало с ручкой. Найдено грубое подражание монете Евтидема. Время возведения здания пока еще с достаточной точностью не установлено.

Позднее к первоначальному зданию с южной и юго-восточной сторон были пристроены группы помещений, разделяющиеся переулками как бы на отдельные жилые комплексы. В старом. здании при этом использовалось центральное помещение, а входы в остальные были заложены. В поздних помещениях собрана керамика, в которой особенный интерес представляет глиняная подставка с двумя головами баранов с закрученными рогами, почти аналогичная «подставкам для вертела», обнаруженным в городище Тали-Барзу в Каунчи-тепе.[6] Такими же головами баранов украшен кувшинообразный светильник. Наряду с этим встречены обломки широкогорлых больших фляг, кувшина с красным ангобом и следами лощения, костяная накладка от ножен меча(?), медный тигелек и медная пряжка — поздний вариант «звериного стиля».

По наблюдениям Я. Г. Гулямова, в той местности, где находился Кызыл-Кыр, остатков культуры средневековья нет. По-видимому, этот рано заселенный район был оставлен жи-

---

[6] Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 93.

телями, подобно району Баш-тепе, к юго-западу от Кызыл-Кыра, в первых веках нашей эры, когда по какой-то причине были заброшены имевшиеся здесь ирригационные сооружения. Интересно отметить, что между этим районом и расположенными восточнее городищами со средневековыми наслоениями проходит мощный вал, представляющий собою, вероятно, остатки древней стены Кампирак, окружавшей весь Бухарский оазис.[7]

Значительные по объему работы были выполнены в Кашка-Дарьинской области на территории предположенного строительства *Чим-Курганского* водохранилища.[8] Произведена разведка всего района, подлежащего затоплению, выявлено большое количество памятников, сняты инструментальные планы 19 тепе-городищ.

Эти памятники расположены как в пойме реки, так и над высокими обрывистыми террасами, которые также будут залиты водой после постройки плотины водохранилища.

На некоторых городищах в 1955 г. произведены раскопки.

Кендыклы-тепе — конический бугор высотой 10 *м*, окруженный мощным валом высотой около 5 *м*. Тепе оказалось многослойным памятником, датируемым первыми веками до н. э. — V—VI вв. н. э. В центре холма, в древнем слое, раскопано овальное в плане помещение с толстыми глинобитными стенами и круговой ход вокруг него. К этому центральному комплексу примыкают более поздние постройки. Небольшой раскоп на валу вскрыл также помещение, оштукатуренное светлой глино-саманной штукатуркой.

Для керамического материала, полученного раскопками, типичны ножки бокалообразных сосудов. Найдены зернотерки и ручные жернова, незначительные фрагменты костяных, стеклянных и металлических изделий.

Материал первых веков нашей эры обнаружен при предварительном исследовании городища *Калян-тепе*, по-видимому однослойного, площадью 150 × 150 *м*.

Начаты также раскопки городища *Аул-тепе*, выявившие часть глинобитного здания: коридор, окружавший центральное помещение, и часть последнего. Сохранилось своеобразное перекрытие дверных проемов веерообразно сложенной полуциркульной аркой из сырцового кирпича. Из находок интересна высокая коническая чаша с загнутым внутрь вен-

---

[7] Остатки этой стены, как известно, обнаружены на восточной, южной и частично западной сторонах Бухарского оазиса.

[8] Работы производили С. К. Кабанов, В. Д. Жуков, М. Корзухина и Л. Матвеева.

чиком, покрытые ангобом тонкостенные кувшинчики и амулет-бусина из голубой пасты с изображением лягушки. Вероятная дата сооружения — V в. н. э.

На городище *Таш-тепе*, находящемся неподалеку от Кендыклы-тепе, раскопаны в двух слоях остатки строений (около ¼ всей поверхности городища). В нижнем из них — три жилых массива, по несколько комнат в каждом. Верхний слой сохранился плохо. Вероятная датировка городища — IV—VI вв. н. э.

Небольшие раскопки произведены также на *Джангальтепе*, где также обнаружено два культурных горизонта, относящихся к V—VI вв. н. э.

Все перечисленные работы еще не могут считаться законченными и потребуют продолжения в ближайшие годы.

В Сурхан-Дарьинской области продолжены работы по изучению стенной живописи *Балалык-тепе* (Ангорский район).[9] Эта очень интересная роспись покрывает стены относительно небольшого квадратного помещения, находящегося в центре архитектурного сооружения, построенного на очень высоком стилобате. В живописной композиции, сохранившейся в нижней части стен на высоту одного с небольшим метра, изображена сцена пиршества, может быть ритуального. На переднем плане сидят мужчины и женщины в чрезвычайно пышных одеждах из богато орнаментированных тканей с кубками в руках. Позади, вторым планом, изображены стоящие прислужницы. Стенные росписи Балалык-тепе, датируемые временем около конца VI—VII вв. н. э., дают наглядное представление об облике и бытовой обстановке господствующей прослойки среднеазиатского общества того времени и весьма существенно пополняют наши знания о древней художественной культуре Средней Азии.

Продолжал в 1955 г. свою работу и *антропологический отряд*, возглавляемый Л. В. Ошаниным. Ставя своей целью получение возможно более широкого антропологического материала, необходимого для комплексного разрешения вопросов этногенеза узбекского народа и других племен и народов Средней Азии, этот отряд нашей экспедиции в течение последних лет был занят антропологическими исследованиями в соседних среднеазиатских республиках. В 1953—1954 гг. производилось изучение антропологического состава населения Южного Таджикистана, в 1955 г. — на территории Туркменской ССР, в Чарджуйской и Марыйской областях. Изучению

---

[9] Работы производили Л. И. Альбаум, Г. В. Шишкина и художники Г. Н. Никитин и В. Тий.

подверглись туркмены племен сарыков, эрсари, баяти, салыров и др. Собран весьма значительный материал: исследовано 699 человек (из них — 40 женщин).[10]

Кроме перечисленных выше работ, отрядом под руководством Я. Г. Гулямова проведено маршрутное исследование от Джизака по северным предгорьям Нуратинского хребта через Нур-Ата в Бухарский оазис. При этом было учтено и отчасти изучено большое количество памятников, среди которых наибольший интерес представляет первый обнаруженный в Средней Азии дольмен у мазара *Кульпсар-Ата* (в 40 *км* к северу от Джизака), стоянка, пещеры, наскальные рисунки, развалины древних крепостей, в том числе крепости Нур-Ата. Я. Г. Гулямовым была предпринята также поездка по изучению древних ирригационных сооружений в центральной части Ферганской долины.

На предстоящее пятилетие археологической экспедицией намечаются исследования по тем же основным проблемам, которыми она занималась в истекшие годы: распространение на территории Узбекистана культур первобытного общества, история орошения и земледелия, характеристика в разные исторические периоды городов и городской жизни, быта, культуры и искусства. В связи с намечающимся большим строительством, главным образом ирригационных сооружений, придется уделить значительное внимание изучению в первую очередь тех памятников, которые попадают в строительные зоны.

---

[10] Работы выполнялись под непосредственным руководством К. Н. Наджимова.

Б. В. ЛУНИН

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ, ИМЕННОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛИ К ПРОТОКОЛАМ И СООБЩЕНИЯМ ТУРКЕСТАНСКОГО КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ (1895—1917 гг.)

ЧАСТЬ I. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

11 декабря 1955 г. исполнилось шестьдесят лет со дня начала деятельности Туркестанского Кружка любитевей археологии (ТКЛА).

На протяжении многих лет кружок был едва ли не единственной во всей Средней Азии научно-общественной краеведческой организацией специализированно-гуманитарного характера (в области археологии) и оставил значительный след в истории изучения Средней Азии. Осуществленные силами деятелей Кружка учет и фиксация многочисленных памятников и предметов древности не утратили своего значения и до наших дней. Многие важные открытия и находки членов ТКЛА, обогащавшие отечественную историческую науку, обращали на себя внимание виднейших русских востоковедов и археологов. Из среды активных деятелей Кружка с течением времени выдвинулись известные исследователи, в том числе деятели советской исторической науки.

В помощь научным и музейным работникам и краеведам публикуется полный библиографический указатель к Протоколам и сообщениям Кружка, а также географический и именной указатели к ним[1].

Еще академик В. Р. Розен в рецензии на французский перевод книги В. П. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства» писал: «Безусловного одобрения и подражания заслуживает приложение карты и особенно указателя. Наши провинциальные ориенталисты питают какое-то непонятное отвращение к составлению указателей, совершенно забывая громадную их пользу и существенную их необходимость»[2].

Эти слова крупного русского ученого могли бы служить эпиграфом к публикуемым материалам.

---

[1] Часть II (Именной и географический указатели) будет опубликована дополнительно.

[2] ЗВОРАО, т. IV, СПб., 1889, стр. 128.

Трудно представить себе специалиста, который, занимаясь изучением прошлого Средней Азии и Казахстана, не пользовался бы Протоколами ТКЛА, черпая из них историографические и справочные материалы, данные к учету, описанию и истории изучения памятников и предметов древности (в том числе полностью или частично утраченных), об отдельных находках и т. д.

При всех своих недостатках Протоколы Кружка заняли прочное место в ряду периодических научных изданий, выпускавшихся в свет в Средней Азии в дореволюционный период.

К сожалению, полные комплекты Протоколов становятся библиографической редкостью. Уже в 1930 г., например, М. Е. Массону не удалось изучить содержание Протоколов с данными о находках камней с надписями в ущелье Кулансай и в боковых саях этого ущелья «благодаря исключительной библиографической редкости Протоколов ТКЛА за 1897 г.»[3].

Само пользование Протоколами для «не посвященного» подробно в технику их подготовки к печати также не лишено трудностей. В Протоколах, издававшихся (в силу материальных и технических затруднений) с некоторой долей кустарничества, встречаются досадные опечатки в датах отдельных заседаний, неточности в порядковой нумерации книжек, отсутствие указаний на существование вторых выпусков в тех случаях, когда в одном и том же году выходило по два выпуска и др.

Составляя соответствующие указатели к Протоколам, мы сочли нужным прежде всего сопроводить последние подробным списком статей, сообщений и других материалов, в них опубликованных.

В каком же отношении находится наш указатель к известному указателю В. Н. Милованова?[4]

Для своего времени и в течение долгого периода указатель В. Н. Милованова бесспорно был весьма ценной и полезной сводкой материалов Протоколов[5].

---

[3] М. Е. Массон, К истории открытия древнетурецких рунических надписей, Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 11—12.

[4] За двадцать лет, Указатель хронологический и предметный к Протоколам заседаний и сообщений членов Туркестанского Кружка любителей археологии (с 11.XII.1895 г. по 11.XII.1915 г.), Составил В. Милованов, ПТКЛА, XX, Ташкент, 1915, стр. I—XXIII.

[5] Об указателе Милованова мы находим упоминание в письме В. В. Бартольда на имя Н. П. Остроумова 5.VI.1915 г.: «крайне полезен предметный указатель к протоколам за 20 лет» (ЦИА КазССР, переписка В. В. Бартольда с Н. П. Остроумовым, папка 1, пакет № 23, 1915).

Справедливость заставляет, однако, отметить, что указатель В. Н. Милованова страдает многочисленными пробелами и существенными неточностями.

Так, в росписи материалов, опубликованных в ПТКЛА, год III (1897—1898) в указателе В. Н. Милованова пропущена публикация: «Надгробные надписи... в Ошском уезде Ферганской области» (стр. 15). Протокол заседания 12 января 1898 г.[6] содержится в книжке не после статьи В. А. Каллаура о каменных бабах (как это указано у В. Н. Милованова), а напечатан вслед за статьей П. Спиридонова «Поездка на развалины Джанкента», (стр. 73—74).

Неверно указана В. Н. Милованом и публикация Спиридонова (П. Спиридонов, «Легенда о Джанкенте»), которая в действительности является выдержкой из статьи Е. Александрова, опубликованной в газете «Туркестанские Ведомости»[7].

П. Спиридонову же принадлежит статья «Поездка на развалины Джанкента» (стр. 68—72), выпавшая из указателя В. Н. Милованова. Не нашла отражения также библиографическая заметка «Статьи о Джанкенте» (стр. 62—68), напечатанная в тексте между статьями Е. Александрова и П. Спиридонова.

Статья А. Ф. Корчагина «Историческая судьба несторианства в Персии и Средней Азии» имеет продолжение и напечатана в ПТКЛА, год III раздельно (стр. 96—115 и 181—230), что также не оговорено в указателе В. Н. Милованова.

Нет в Протоколах за этот год и особо выделенной статьи К. А. Рудановского «О циклопических постройках в Фергане». При этом дано произвольное название «Сообщения о циклопических постройках в Фергане», вошедшее в содержание Протокола № 5 от 11 декабря 1898 г. (стр. 233—235).

В указателе фигурирует статья Н. Ф. Ситняковского «О древностях в районе Зеравшана». Статьи под таким заголовком в Протоколах нет. Под статьей Н. Ф. Ситняковского подразумевается текст его доклада, опубликованного в Протоколах (Протокол № 3, 21 апреля 1898 г., III, Ташкент, 1897—1898, стр. 89—94). С этой оговоркой и мы включили в наш указатель публикацию Н. Ф. Ситняковского, без чего могло бы создаться ложное впечатление о пропуске нами одной из статей, имеющейся в указателе В. Н. Милованова.

---

[6] В Протоколах напечатано: «Двенадцатого января 1897 г.», что следует считать ошибкой (стр. 73).

[7] Е. Александров, Жанкент (Жангикент), Туркестанские Ведомости, 1885, №№ 45, 49.

Тщетно, например, стал бы искать читатель помещенную в указателе В. Н. Милованова статью Н. С. Лыкошина «О квартале «Парчбаб» Сибзарской части г. Ташкента» или статью А. А. Диваева «О древних урочищах в Акджарской волости Ташкентского уезда». В действительности речь идет о сообщениях названных лиц, опубликованных наряду с другими (как правило, более мелкими по объему) материалами в Протоколах заседания Кружка и не имеющих тех заголовков, которые условно, ориентируясь на содержание сообщения, придал им Милованов в своем указателе, причем нигде не оговаривая и не выделяя этого обстоятельства. Вместе с тем некоторые сообщения, содержавшиеся непосредственно в Протоколах и вполне заслуживавшие быть особо отмеченными, в указателе В. Н. Милованова не выделены.

Приводя наименование статей, Милованов нередко опускал подзаголовки их. Больше того, в отдельных случаях заглавия статей приводились в сокращенном виде, т. е. с пропусками (например, напечатано: «По вопросу о медных трубах, глиняной погребальной урне и о двуглавой змее, принадлежащих музею»; следует же: «По вопросу о медных трубах, глиняной погребальной урне с изображением птицы на ее крышке и о двуглавой змее, принадлежащих музею»).

Иногда, если за общей подписью автора публиковалось подряд несколько статей и заметок с самостоятельными заголовками, В. Н. Милованов почему-то некоторые из них опускал. Например, в ПТКЛА, год VI напечатаны заметки Н. Н. Пантусова «Могила Ак-там (близ города Джаркента)», «Легенда о могиле Ак-там, построенной на солончаковой долине среди песков», «Кегенский Араслан». В указателе же В. Н. Милованова ссылки на вторую из этих заметок мы не находим.

Выпали из указателя В. Н. Милованова и мелкие, но имеющие самостоятельное значение публикации и заметки, фигурирующие в приложении к некоторым статьям или даже отдельно (например, «Список надписей на столбах мазара Хусаин-Баба», ПТКЛА, VI, 1901, стр. 82, и др.).

В приложении к ПТКЛА ежегодно (в течение длительного времени) публиковались списки членов Кружка. В указателе В. Н. Милованова они отсутствуют.

Вот почему мы и считали совершенно необходимым заново составить библиографический указатель к Протоколам Кружка, уже за 21 год его существования, снабженный необходимыми выходными данными библиографического характера, и тем дополнить и уточнить указатель В. Н. Милованова, который к тому же стал теперь редкостью.

При составлении указателя мы следовали принципу, которым руководствовался В. Н. Милованов, т. е. располагали опубликованные в Протоколах статьи и работы не в алфавитном порядке (по фамилиям авторов), а по годам Протоколов.

Исключение составляют выделенные в особый раздел сами протоколы заседаний; нам казалось это целесообразным еще и потому, что (см. указатель В. Н. Милованова) даты протоколов «тонут» в общем материале, а выделенные (с указанием страниц) в отдельную рубрику они дадут наглядное представление об их количестве по годам и позволят легче находить их в книжках Протоколов.

Было учтено, что первые два выпуска Протоколов ТКЛА (годы первый и второй) не имели последовательной нумерации страниц (первый год имел последовательную нумерацию страниц лишь протоколов заседаний, затем шли отдельные оттиски статей, публиковавшихся в журнале «Среднеазиатский вестник»; второй год представлял собой совокупность протоколов заседаний с приложениями к каждому из них нескольких статей; здесь последовательную нумерацию имел каждый отдельный протокол с приложениями к нему, причем в правом верхнем углу каждой статьи была пометка, например: «Приложение к протоколу от 11 дек. 1896 г.». Исходя из этого и для наибольшей ясности в тех случаях, когда такие пометки имели место, мы в свою очередь делали в заключительной части выходных данных по каждой статье пометку, например: «ПП 5 мая 1897 г.», (Приложение к Протоколу 5 мая 1897 г.).

Если в содержание (текст) протоколов заседаний Кружка включались сообщения членов или корреспондентов Кружка, представляющие собою, по сути дела, тексты статей на определенную тему, то они выделялись нами на правах статей же, но с указанием на протокол соответствующего заседания (например: И. В. Аничков, Каменные бабы вблизи Мерке, в предгорьях Александровского хребта, Сообщение Аничкова И. В., Протокол заседания Кружка 11 декабря 1896 г., ПТКЛА, II, Ташкент, 1897, стр. 4—10).

Туркестанский Кружок любителей археологии за первый год его деятельности (11 декабря 1895 г. — 11 декабря 1896 г.).

ПРОТОКОЛЫ ОБЩИХ СОБРАНИЙ КРУЖКА И ГОДОВОЙ ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВЛЕНИЯ ЕГО. ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ ТОРГОВОГО ДОМА „Ф. и Г. Бр. КАМЕНСКИЕ", 1896.

Е. Т. Смирнов, Древности в окрестностях г. Ташкента, стр. 1—26 (отд. оттиск).

[Н. С. Лыкошин, Справки о квартале «Парчбаб» Сабзарской части гор. Ташкента], стр. 10—12 (в тексте протокола заседания 26 февраля 1896 г.).

[В. А. Каллаур, Древности Аулиеатинского уезда], стр. 12—14 (в тексте протокола заседания 26 февраля 1896 г.).

И. Т. Пославский, О развалинах Термеза (Путевой очерк), стр. 1—11, с 1 планом на вкл. л.

М. [С.] Андреев, Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении, стр. 1—13.

Н. [С.] Лыкошин, Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского Кружка любителей археологии, стр. 1—58.

М. А. Терентьев, О мусульманском летосчислении, стр. 1—19.

В. [В.] Бартольд, Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии, стр. 1—16.

В. В. Бартольд, Об одном историческом вопросе, стр. 1—12.

[С. М. Граменицкий, Инструкция для членов-корреспондентов Туркестанского Кружка любителей археологии], стр. 28—29 (в тексте протокола заседания 3 июня 1896 г.).

Н. П. Остроумов, Искандар Зуль-Карнайн (Александр Македонский), Сообщение, читанное в общем собрании членов Туркестанского Кружка любителей археологии 26 августа 1896 г., стр. 1—22.

Н. [П.] Остроумов, Мусульманское представление о Кавказском хребте (Кухи-Каф), стр. 1—6.

[Н. С. Лыкошин, Несколько археологических поездок в окрестностях Ташкента], стр. 31—36, с 1 рис. («Глиняные гробы») на вкл. л. (в тексте протокола заседания 26 августа 1896 г.).

[А. А. Диваев, О древних урочищах в Акджарской волости Ташкентского уезда], стр. 36—39 (в тексте протокола заседания 26 августа 1896 г.).

П. С. Скварский, Несколько слов о древностях Шахристана, стр. 41—45 (ПП 26 августа 1896 г.).

И. [В.] Аничков, Археологическая поездка в селение Биш-Агач, Аулиеатинского уезда, стр. 1—11.

[В. А. Каллаур, О развалинах Ак-Тюбе и о некоторых археологических находках в Аулиеатинском уезде], стр. 43—47 (в тексте протокола заседания 28 октября 1896 г.).

Отчет о деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии за первый год его существования, с 11 декабря 1895 г. по 11 декабря 1896 г., стр. 1—8.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии, стр. 1—4.

Д. Н. Ровнягин, Описание башни «Бурана» близ Токмака, стр. 42—43 (в тексте протокола заседания 28 октября 1896 г.).

Туркестанский Кружок любителей археологии за второй год его деятельности (11 декабря 1896 г. — 11 декабря 1897 г.).

ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ ТОРГОВОГО ДОМА
„Ф. и Г. Бр. КАМЕНСКИЕ", 1897

(Протоколы и статьи имеют свою пагинацию).

[И. В. Аничков, Каменные бабы вблизи Мерке, в предгорьях Александровского хребта], Сообщение И. В. Аничкова, Протокол заседания Кружка 11 декабря 1896 г., стр. 4—10.

[В. А. Каллаур, Камни с орхонскими надписями в долине р. Таласа], Сообщение В. А. Каллаура, Протокол заседания Кружка 11 декабря 1896 г., стр. 11—14.

[В. П. Панков, Пещеры Аулиеатинского уезда], Сообщение В. П. Панкова, Протокол заседания Кружка 11 декабря 1896 г., стр. 14—17, с 1 рис. на вкл. л. («Пещера в урочище Бота-Мойнак»).

[К. М. Баронин, О находках предметов древности в 1894 году на правом берегу р. Арыса в районе Ермоловского арыка], Письмо К. М. Баронина, Протокол заседания Кружка 11 декабря 1897 г., стр. 17—19.

[В. А. Мустафин, Биографический очерк жизни и деятельности академика-профессора Константина Николаевича Бестужева-Рюмина], Сообщение В. А. Мустафина, Протокол заседания Кружка 17 февраля 1897 г., стр. 1—10.

[А. А. Диваев, Несколько слов о могиле Хорхут-ата или Коркуда], Сообщение А. А. Диваева, Протокол заседания Кружка 17 февраля 1897 г., стр. 10—12, Несколько слов о могиле Хорхут-ата, Протокол заседания Кружка 17 февраля 1897 г., стр. 12—13 (переп. из ЗВОРАО, т. VIII, стр. 203, т. IX, стр. 272).

Н. [Г.] Маллицкий, Рудник погибели (Пещера «Кан-и-гут»), стр. 1—18 (ПП 11 декабря 1896 г.).

Е. [Т.] Смирнов, Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи, стр. 1—14 (ПП 17 февраля 1897 г.).

[Н. П. Остроумов, Исторические сведения о городе Аулияата], Протокол заседания Кружка 5 мая 1897 г., стр. 3—5.

[В. А. Каллаур, О Карахане и мазарах Аулияата и Айша-Биби], Протокол заседания Кружка 5 мая 1897 г., стр. 5—9, с 1 рис. на вкл. л. («Мазар Айша-Биби около селения Головачевского»).

В. [А.] Каллаур, Древние местности Аулияатинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан, стр. 1—9, с 1 рис. на вкл. л. («План дороги от г. Аулияата до с. Чалвадар с показанием предполагаемой дороги из древнего Тараза в Восточный Туркестан»), ПП 5 мая 1897 г.

Н. [Г.] Маллицкий, Ходжакентские надгробные надписи XIV столетия, стр. 10—21, ПП 5 мая 1897 г.

Н. [С.] Лыкошин, Сообщение члена-секретаря правления Кружка о случайных археологических находках, стр. 22—29, ПП 5 мая 1897 г.

Вакуфная грамота Тамерлана (в извлечении), данная мечети Хазрата Яссави, Протокол заседания Кружка 29 августа 1897 г., стр. 1—4.

[И. Т. Пославский, О мавзолее с надписями на нем в развалинах г. Термеза], Протокол заседания Кружка 29 августа 1897 г., стр. 5—7.

В. [А.] Каллаур, Археологическая поездка по Аулеатинскому уезду, стр. 1—7, ПП 29 августа 1897 г.

П. [А.] Дьячков, Урочище Кайсара, стр. 8—12, ПП 29 августа 1897 г.

К родословной Аулиятинского святого Карахана. Выписка, составленная Имам-Джаном и доставленная В. А. Каллауром, Оригинальный текст и перевод, стр. 13—15, ПП 29 августа 1897 г.

Родословная Карахана, составленная Муллой Абдуллой Юнусовым на основании исторических книг, Оригинальный текст, стр. 16, ПП 29 августа 1897 г.

Надпись на памятнике в Термезе (разобрана не вся), Оригинальный текст, стр. 17, с 3 рис. на вкл. л. («Надпись на саркофаге Хаким-ал-Термези»), ПП 29 августа 1897 г.

К биографии Абу-Абдулли Мухаммада, сына Али-Хакимова, Термезского. Оригинальный текст, стр. 18—20, ПП 29 августа 1897 г.

[Е. Т. Смирнов, Сообщение по поводу «Истории Бухары» Наршахи на персидском языке, переведенной членом Кружка Н. С. Лыко-

шиным под редакцией члена Кружка В. В. Бартольда...], Протокол заседания Кружка 16 октября 1897 г., стр. 1—5.

А. И. Брянов, Об исследовании холма в кишлаке Ак-Тюбе, Протокол заседания Кружка 16 октября 1897 г., стр. 5—7, ПП 16 октября 1897 г.

[С. В.] Домбровский, Древняя башня (минарет) в селении Узгенте Андижанского уезда, стр. 1—2, ПП 16 октября 1897 г.

К. Караффа-Корбут, Узгентская легенда (о богатыре Клыч-бурхан-хане, его отце и матери), стр. 3—4, ПП 16 октября 1897 г.

Надписи на древних могильных камнях в селении Узгенте Андижанского уезда, стр. 5—7, с 2 рис. на 2 вкл. л. («Древний мазар в Узгенте» и «Башня в Узгенте»), ПП 16 октября 1897 г.

Н. [Г.] Маллицкий, Несколько слов о древностях Узгента (Историко-археологическая справка), стр. 8—12, ПП 16 октября 1897 г.

[Н. Н. Щербина-Крамаренко, О результатах работ по исследованию архитектурных памятников Средней Азии], Протокол заседания Кружка 10 ноября 1897 г., стр. 1—3, ПП 10 ноября 1897 г.

Д. [Д.] Струнин, Тысячелетие из жизни татар (составлено по одноименному сочинению Е. Паркера), стр. 1—67, ПП 17 февраля 1897 г.

Отчет о деятельности Кружка любителей археологии с 11 декабря 1896 года по 11 декабря 1897 года (год второй), стр. 1—6.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1897 год, стр. 1—4.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год третий (11 декабря 1897 года — 11 декабря 1898 года)

ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ ТОРГОВОГО ДОМА
„Ф. и Г. Бр. КАМЕНСКИЕ", 1897—1898, 240 стр.

В. [А.] Каллаур, Каменные бабы в Аулиятинском уезде, стр. 9—14.

Надгробные надписи на камнях старого кладбища мусульманского близ Чилийского ущелья против селения Янги-Науката, в Ошском уезде Ферганской области, Доставлено членом Кружка К. А. Рудановским, стр. 15.

В. А. Мустафин, Каменные бабы, стр. 17—42, с 4 рис. на вкл. л.

Н. [Г.] Маллицкий, О связи тюркских тамг с орхонскими письменами, стр. 43—46, с 1 рис. на вкл. л.

В. П. Панков, Раскопка кургана близ гор. Аулиеата, стр. 47—50.

И. [В.] Аничков, О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении, стр. 51—55, с рис. «Бегимунара в Казалинском уезде» на вкл. л.

[Е. Александров], Легенда о Джанкенте, Извлечения из «Туркестанских Ведомостей», 1885, №№ 45, 46, стр. 56—62.

Статьи о Джанкенте (Указатель и извлечения из статьи П. И. Лерха «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году», СПб., 1870, стр. II—VII, со сведениями о развалинах Джанкента), стр. 62—68.

П. [С.] Спиридонов, Поездка на развалины Джанкента (из письма вице-председателю Кружка), стр. 68—72, с 3 чертежами в тексте.

Подлинный текст жалованной грамоты, данной Тимуром Туркестанской мечети Хазрята Яссави (текст, арабский шрифт), стр. 75—80.

[Н. Ф. Ситняковский, О древностях в районе Зеравшана], стр. 89—94 (в тексте протокола заседания 21 апреля 1898 г.).

А. [Ф.] Корчагин, Историческая судьба несторианства в Персии и Средней Азии, стр. 96—115 (продолжение следует) и стр. 181—230, с 2 рис. на вкл. л.

[Н. Л. Зеланд], Ташрабатское ущелье (на дороге от Нарына к Кашгару), стр. 116—121, с 1 рис. на вкл. л.

В. [А.] Каллаур, Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде, стр. 122—128.

И. [В.] Аничков, Археологическая находка в горах около Мерке, стр. 129—131.

М. Ростиславов, Предание о царице Биби-Ханым, стр. 140—144.

М. Ростиславов, Об археологических изысканиях в Зеравшанском округе, стр. 144—149.

Д. [М.] Граменицкий, Заметка о древних урочищах Туркестанского края, стр. 150—157.

Н. Г. Маллицкий, Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие. I. Джиан-го. II. Ярлык «жестокого амира». III. Смерть «жестокого амира». IV. Ташкент под кокандским владычеством, стр. 158—177, с 1 рис. на вкл. л.

Карамурт-Капка (Из переписки Правления Кружка), стр. 178—180.

Раскопки кургана.

[К. А. Рудановский, О циклопических постройках в Фергане] стр. 233—235, (в тексте протокола заседания 11 декабря 1898 г.).

Развалины гор. Отрара, стр. 236—238.

Отчет о деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии с 11 декабря 1897 года по 11 декабря 1898 года (год третий), стр. 1—6 (приложение; отдельная пагинация).

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1898 год, стр. 1—4 (приложение; отдельная пагинация).

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год четвертый (11 декабря 1898 года — 11 декабря 1899 года)

ТАШКЕНТ. ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ ТОРГОВОГО ДОМА „Ф. и Г. Бр. КАМЕНСКИЕ". 1899, 188 стр.

И. [В.] Аничков, Дворец в Хазараспе, стр. 9—14, с 1 рис. на вкл. л. («Дворец в Хазараспе»).

[Н. Н. Пантусов], Древности Копальского уезда, Сообщение Н. Н. Пантусова, стр. 14—15.

[Н. Н. Пантусов], Древности Лепсинского уезда Семиреченской области, стр. 16—17, с 1 рис. на вкл. л. («Денгек в Лепсинском уезде Семиреченской области»).

[Н. Н. Пантусов], Каменные бабы в станице Сергиопольской Лепсинского уезда, стр. 17—19.

Н. Н. Пантусов, Памятник Козу-Керпечь и Баян-солу (Лепсинского уезда), стр. 19—21, с 1 рис. на вкл. л. («Козу-Керпечь в Лепсинском уезде Семиреченской области»).

Е. Баранов, [Киргизское народное предание о Козу-Курпече и Баян-Слу], стр. 21—48 (перепечатка из февральской книги 1899 г. Еженедельных литературных приложений к журналу «Нива»).

[Н. Н. Пантусов], Могила Танеке Дюсетова (близ города Копала), стр. 48—49 (в тексте: «Генеалогия Танеке и его потомства»).

[Н. Н. Пантусов], Могила Чокана Валиханова (близ ст. Куян-Куз Копальского уезда), стр. 50—52 (в тексте: «Генеалогия Чокана Валиханова»).

[Н. Н. Пантусов], Тамгалы-Тас (урочище Капчагай Копальского уезда Балгалинской волости), стр. 52—57.

Описание фотографически снятых г. Пантусовым надписей в местности «Тамгалы-Тас» (фотографии №№ 1—23), стр. 57—59.

[Н. Н. Пантусов], Аир-кезень и Тайгак (Копальского уезда), стр. 59—62.

Описание фотографий, снятых на «Аир-кезень» и «Тайгак» (фотографии №№ 24—35); стр. 62—63.

[Н. Н. Пантусов], Куртынын-Капчагай и Джалпак-тас (Куртинской волости Верненского уезда), стр. 63—67, с 1 рис. в тексте.

Н. [Н.] Пантусов, Аулия-Тас (священный камень). Близ станицы Сарканской Лепсинского уезда, стр. 67—69, с 2 рис. на вкл. л.

В. [А.] Каллаур, Древности в низовьях р. Таласа, стр. 73—80.

М. [А.] Терентьев, Загадочный таарих, стр. 80—86.

Родословная Карахана, патрона гор. Аулияата, стр. 87—91.

[Н. П. Петерсон]. О месте будущего археологического съезда, стр. 99—103.

Несколько слов о бароне де-Бао, стр. 104.

[Н. Н. Пантусов], Описание раскопки трех курганов, находящихся на западной стороне города Верного, в апреле и мае 1899 года, стр. 105—113, с 2 рис. в тексте.

Н. [Н.] Пантусов, Курганы по реке Большой Алматинке. Апрель 1889 года, стр. 114—117.

Н. [П]. Остроумов, Археологическая поездка в сел. Мамаевку Чимкентского уезда, Июнь 1893 г. (Курганы: Караул-Типя, Джаун-Типя, Караспан и др.), стр. 118—137, с 1 рис. на вкл. л. («Курган Жаун-Типя»).

[Д. Джетбысбаев]. Ров Тамерлана (предание киргиз, записанное Д. Джетбысбаевым), стр. 137—138.

А. [И.] Брянов, О следах древнего города Касана в Ферганской области, стр. 142—148.

Сведения о древнем городе Касане (Ферганской области), Оригинальный текст, стр. 148—152.

Надгробная надпись над прахом Джагфара, сына Алия Касанского, умершего в 663 г. гиджры (1265 г.), Оригинальный текст, стр. 153.

Надгробная надпись над прахом Алпуддина-ходжи Касанского, умершего в 667 г. гиджры (1269 г.), Оригинальный текст, стр. 153.

М. [М.] Вирский, Древние глиняные гробы (из последней раскопки в Самарканде), стр. 154—162, с 1 рис. на вкл. л. («Гроб, найденный в г. Самарканде»).

Н. Джетбысбаев, Три каменных столба на Алтае (Калмыцкое предание), стр. 166—170.

Н. [С.] Лыкошин, Догадка о прошлом Отрара, стр. 171—174 (перепечатка из газеты «Туркестанские Ведомости», 1899, № 94).

В. [В.] Бартольд, По поводу статьи [Н. С. Лыкошина] «Догадка о прошлом Отрара» стр. 175—176 (перепечатка из газеты «Туркестанские Ведомости», 1900, № 3).

Отчет о деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии с 11 декабря 1898 года по 11 декабря 1899 года (Год четвертый), стр. 177—183.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1899 год, стр. 184—187.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год пятый, 11 декабря 1899 года — 11 декабря 1900 года.

ТАШКЕНТ, 1900, 204 стр.

В. [А.] Каллаур, Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 году, стр. 6—16, с приложением «Плана города Суганак (Сунак) в древнем городе того же имени в Перовском уезде» и «Плана каменного здания из жженого кирпича в древнем городе Саганака (Сунаке) в Перовском уезде» на вкл. л. между стр. 8—9.

Сведения о гор. Сунаке, «Город Сунак и в каком он находится разрушении и запустении» (на узбекском языке), Приложение к ст. В. А. Каллаура «Древние города Саганак (Сунак)...», стр. 16—19.

Н. [Н.] Пантусов, Алтынь-Эмельская волость Капальского уезда, стр. 19—25.

Н. [Н.] Пантусов, Ущелье Теракты и р. Коксу близ выселка Джангыз-Агача Капальского уезда, стр. 26—28.

Н. Джетбысбаев, Слово «муг», курганы и каменная баба, стр. 28—32.

О народе, называемом мугами [на узбекском языке; изложение мнения Муллы Мухаммед-Алыма о происхождении народа муг; дополнение к ст. Н. Джетбысбаева], стр. 32—34.

В. [П.] Лаврентьев, Краткий перечень бугров (курганов), находящихся в черте г. Аулие-ата, стр. 39—45, с приложением «Плана территории г. Аулиеата с находящимися на ней курганами», на вкл. л. между стр. 40—41.

[Н. Ф. Ситняковский], Кяфир-Мури (Из письма Н. Ф. Ситняковского к Н. П. Остроумову), стр. 45—48, с приложением «Чертежа карыза Кяфир-Мури и пещеры возле него, в окрестностях г. Самарканда» на вкл. л. между стр. 44—45.

Н. [Ф.] Ситняковский, Бухарские святыни (Мазар Багауддина), стр. 49—56, с приложением плана «Бухарская святыня: мазар Багауддин», на вкл. л. между стр. 48—49.

Н. [В.] Руднев, Следы древних городов по Сыр-Дарье, стр. 57—62 (перепечатка ст. Н. Руднева «Заброшенный уголок», «Туркестанские Ведомости», 1900, №№ 15, 16, 17), с приложением «Плана развалин древнего г. Сюткента» на вкл. л. между стр. 60—61.

Археологический кружок, Сообщение Асхабадской администрации, стр. 63—66 (перепечатка из газеты «Асхабад», 1900, № 47).

Археология в Закаспийском крае, стр. 66—68 (перепечатка из газеты «Асхабад», 1900, № 47).

Н. [Г.] Маллицкий, Надпись из Рушана, стр. 69—71.

Н. [Г.] Маллицкий, Таарих Андижанского восстания 1898 г., стр. 72.

Письмо В. А. Каллаура к Н. П. Остроумову [о надгробном камне с изображениями и арабской надписью из кишлака Кош-Мизгиль и кургане Хангельды], стр. 73—74.

Письмо А. Ниязова к В. А. Каллауру [о надгробном камне с изображениями и арабской надписью из кишлака Кош-Мизгиль и кургане Хан-Кельды], стр. 75.

В. [А.] Каллаур, О следах древнего города «Дженд» в низовьях р. Сыр-Дарьи, стр. 78—89.

Байжумуров Дукей, Кызыл-Гянчский дворец (перепечатка из «Киргизской степной газеты», 1900, № 25), стр. 90—93.

Ак-Зиярат, [Белая могила, мавзолей над прахом Хусаинбека (перепечатка из «Волжского Вестника», 1900, № 51)], стр. 93—95.

А. Симонов, Джиты-Асар, стр. 96—101.

Два клада древних монет, найденные в Джизакском и Ташкентском уездах, стр. 102—103.

Перевод списков надгробных надписей, привезенных членом Кружка Н. Ф. Ситняковским из Шахрисябза и Китаба, стр. 104—105.

Сообщение Муллы-Алима Абулкасымова о городе Дженте, стр. 116—118 [на узбекском языке].

[К. И. Бестужев-Рюмин], Описание обряда сожжения у Руссов по Ибн-Фодлану, писателю X в. по Р. Х., стр. 119—122 (извлечение из книги К. И. Бестужева-Рюмина «Русская история», I, СПб., 1872, стр. 26—30).

Н. [Г.] Маллицкий, К истории Ташкента под кокандским владычеством, стр. 126—137.

Н. [Г.] Маллицкий, Страница из истории Ташкента в XVII столетии, стр. 138—140.

Разгром Ташкента Имамкули ханом Бухарским в 1613 году [Рассказ по старинной рукописи на персидском языке «Таарих-и-Муким хани»; дополнение к статье Н. Г. Маллицкого «Страница из истории Ташкента...»], стр. 140—145.

А. [А.] Диваев, Предание о возникновении азиатского гор. Ташкента, стр. 145—151 (перепечатка, «Туркестанские Ведомости», 1900, № 91).

Б. [А.] Илькин, Поездка, совершенная с целью собрать сведения об Уджикенте (Ульджи-кент), о котором говорит В. В. Бартольд в своей книге «Туркестан в эпоху монгольского нашествия (часть 2-ая 1900 года, на стр. 170—171), стр. 152—156.

Из ст. В. Вяткина, «К исторической топографии Ташкентского района», стр. 156—159 (перепечатка, «Туркестанские Ведомости», 1900, № 101].

'В. Л. Вяткин, см. «Из ст. В. Вяткина «К исторической топографии Ташкентского района...»

В. В. [ятк ин], Где искать Визд? стр. 159—164 (перепечатка, «Русский Туркестан», 1900, № 36).

Е. [Т.] Смирнов, Развалины города Канки, стр. 164—168.

И. [Т.] Пославский, Из поездки на р. Атрек и р. Гюрген (Путевой очерк), стр. 184—192, с приложением (на вкл. л.): «Чертеж башни Гумбат-Кобуз» между стр. 186—187, «Надпись, расположенная над входом в башню» между стр. 188—189, «Чертежи крестов и других каменных обломков, найденных на месте старого кладбища на урочище Баят-аджи на р. Атреке» между стр. 190—191.

Письмо И. Т. Пославского к Н. П. Остроумову [с изложением содержания письма д-ра Билинского к Пославскому о надгробном памятнике из Кара-калы], стр. 193.

Отчет о деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии с 11 декабря 1899 года по 11 декабря 1900 года (Год пятый), стр. 194—199.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1900 год, стр. 200—202.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год шестой (11 декабря 1900 года — 11 декабря 1901 года).

ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ В. М. ИЛЬИНА, 1901, 116 стр.

Н. [Н.] Пантусов, Могила Ак-Там (близ города Джаркента), стр. 6—9, с 2 рис. на вкл. л., ПП 19 марта 1901 г.

Н. [Н.] Пантусов, Легенда о могиле Ак-Там, построенной на солончаковой долине среди песков, стр. 9—11, ПП 19 марта 1901 г.

Н. [Н.] Пантусов, Кегенский арасан, стр. 11—14, ПП 19 марта 1901 г.

В. [А.] Каллаур, Развалины «Сырлы-Там» в Перовском уезде, стр. 14—17, с 1 рис. на вкл. л. («Мазар Сырлы-Там в Перовском уезде Сыр-Дарьинской области»), ПП 19 марта 1901 г.

Н. [П.] Остроумов, Единицы ценности у первобытных народов, стр. 18—35, с 1 рис. в тексте, с 2 рис. на 1 вкл. л., ПП 19 марта 1901 г.

Из письма В. В. Бартольда Н. П. Остроумову (о правильном чтении надписи на памятнике «Гумбет-Кобуз»; см. ст. И. Т. Пославского), ПП 19 марта 1901 г.

Н. [С.] Лыкошин, По вопросу о медных трубах, глиняной погребальной урне с изображением птицы на ее крышке и о двуглавой змее, принадлежащих музею, стр. 40—43, ПП № 2 (18 сентября 1901 г.).

П. [А.] Комаров, К вопросу о найденных в Самарканде глиняных гробах, стр. 44—45, ПП № 2 (18 сентября 1901 г.).

Б. [А.] Илькин, О поездке в местность древнего Ульджакента, стр. 45—52, карта на вкл. л. («Карта Ташкентского уезда по левую сторону реки Чирчика с показанием местности у древнего Ульджакента»), 3 рис. на вкл. л. («Уджакент», «Турт-Куль», «Бугор» «Бабарушнай»), ПП № 2 (18 сентября 1901 г.).

М. Мазинг, Происхождение и археологическое значение керамики, стр. 53—69, ПП № 2 (18 сентября 1901 г.).

В. [А] Каллаур, Древние города, крепости и курганы по реке Сыр-Дарье в восточной части Перовского уезда, стр. 69—78, с чертежами на 2 вкл. л. («Развалины укрепления Мийрам», «Развалины крепости Ак-Курган»), ПП № 2 (18 сентября 1901 г.).

Легенда о Хорасан-Ата, Оригинальный текст; к стр. 74; ст. В. А. Каллаура «Древние города...», стр. 79—81, ПП № 2 (18 сентября 1901 г.).

Список надписей на столбах мазара Хусаин-Баба (оригинальный текст; к стр. 74; ст. В. А. Каллаура «Древние города...», стр. 82, ПП № 2 (18 сентября 1901 г.)

[В. В. Бартольд], По поводу Рушанской надписи, стр. 83—84, ПП № 2 (18 сентября 1901 г.); (перепечатка, ЗВОРАО, т. XIII, вып. 4).

В. [П.] Колосовский, В Каратавских горах Чимкентского уезда (археологическая заметка), стр. 89—97, с 1 рис. на вкл. л. («Каменная баба»), ПП № 3 (11 декабря 1901 г.).

В. [А.] Каллаур, Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде, стр. 98—101, с 2 рис. на вкл. л., ПП № 3 (11 декабря 1901 г.).

Выписка из соч. Абул-Гази Багадур-Хана о завоевании сыном Чингиз-хана Джучи-Ханом древних городов Саганака, Узгента, Аснаша и Дженда (оригинальный текст; «изд. Барона Демезона, С. Петербург, 1871 г., стр. 104—106»), стр. 102—103, ПП № 3 (11 декабря 1901 г.).

[Н. Н. Пантусов], Находка медного котла в Пишпекском уезде Семиреченской области (доставлено в Кружок Н. Н. Пантусовым), стр. 104—105, с 1 рис. на вкл. л., ПП № 3 (11 декабря 1901 г.).

П. [А.] Комаров, Ходжа Хаким Сулейман Бакыргани, стр. 105—112. ПП № 3 (11 декабря 1901 г.).

К протоколу № 2 от 18 сентября 1901 года (о вымышленном характере сообщения священника Мишака Абрамова об остатках несторианского монастыря в горах, в 180 верстах от Ат-Баши к Нарынскому ущелью), стр. 113, ПП № 3 (11 декабря 1901 г.).

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1901 г., стр. 114—116.

[И. И. Трофимов], Описание нумизматических коллекций Ташкентского музея и Туркестанского археологического Кружка, Составил действительный член Туркестанского Кружка любителей археологии И. И. Трофимов, Ташкент, 1901, 34 стр. (1—34), приложение к ПТКЛА, VI, Ташкент, 1901.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год седьмой (11 декабря 1901 года — 11 декабря 1902 года).

ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ В. М. ИЛЬИНА, 1902, 60 стр.

[Н. Н. Пантусов], О развалинах Таш-рабата, Сообщение Н. Н. Пантусова, Протокол заседания 1 мая 1902 г., стр. 4—5, с 1 рис. на вкл. л. («План древнего здания Ташрабат с профилями и фасадами. Снятый инструментально в 1888 году подполковником Ларионовым»).

И. [Д.] Ягелло, Предварительный отчет доктора Штейна об археологических исследованиях в Китайском Туркестане (по английскому источнику), стр. 7—29, ПП 1 мая 1902 с 1 рис. на вкл. л. [«Маршрут доктора Штейна по Китайскому Туркестану»] и 16 рис. по отдельным памятникам и предметам древности.

[В. В. Бартольд, Документ, написанный уйгурскими письменами из Маргелана], Сообщение В. В. Бартольда, Протокол заседания 16 августа 1902 г., стр. 34—36.

[Н. Г.] Хлудов, Перевал «Саймалы-Тас», на котором найдены камни с надписями, стр. 40—43, с 9 рис. на вкл. л. («Изображения на камнях в урочище Саймалы-Тас близ перевала Кугарт по дороге между Нарыном и Андижаном, снятые с натуры Н. Г. Хлудовым в 1902 году» и «Схематический набросок местности, где находится перевал Саймалы-Тас»).

[И. Т. Поспавский], По поводу заметки Н. Г. Хлудова, Доклад И. Т. Поспавского, стр. 44—48.

И. [Д.] Ягелло, По вопросу об арийской теории происхождения народов Европы, стр. 49—51.

Н. [Н.] Пантусов, Надгробные христианские памятники в Алмалыке, стр. 52—54, с 3 рис. на вкл. л. («Несторианские намогильные камни, найденные близ древнего Алмалыка»).

Копия рапорта Генерального штаба подполковника Федорова от 25 ноября 1902 года № 4 на имя Начальника Штаба Туркестанского военного округа (о находке двух камней с надписями в окрестности сел. Хорин-Мазар), стр. 55.

Н. [Ф.] Катанов, Арабская надпись на свинцовой плите, найденной в развалинах Куня-Ургенча в 1900 г., стр. 56—57 (перепечатано из ЗВОРАО, XIV).

Состояние сумм Туркестанского Кружка любителей археологии за 1902 год, стр. 58.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1902 год, стр. 59—60.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год восьмой (11 декабря 1902 года — 11 декабря 1903 года).

ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ В. М. ИЛЬИНА, 1903, 108 стр.

Устав Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Утвержден 2 февраля 1903 года, стр. 6—8.

В. [А.] Каллаур, К истории города Аулиеата, стр. 11—18.

В. [А.] Каллаур, Грамоты (ярлыки) и приказы Кокандских ханов и Ташкентского хакима, известные Кыдралы Нуракову, стр. 18.

Грамота Шаха-Мухаммеда-Али, сына Нар-Мухаммеда перваначи (1260 г. хиджры), Текст и перевод с таджикского, Перевел секретарь Кружка А. Ломакин, стр. 20—21.

Грамота Мухаммед-Али-хана, сына Сеида Малла Багадур-хана (1276 г. хиджры). Текст и перевод с сартовского, Перевел секретарь Кружка А. Ломакин, стр. 22.

Перевод двух ярлыков Сеид-Мадали-хана (1838 и 1846 гг.), Перевел секретарь Кружка А. Ломакин, стр. 23—24, с 2 рис. на двух вкл. л. (оригинальные тексты ярлыков).

Рассказ о четырех братьях Тюралибековых, Со слов киргиза аула Актам Уч-Курганской волости Сандыбая Атансарова писал мулла Джуманали Бакбасаров, стр. 25—35.

И. [Т.] Поспавский, К вопросу о глиняных гробах, стр. 36—51, с рис. на 7 вкл. л.

Письмена на шиитском рисунке с изображением Алия, сделанном Мирзой Ибрагимом Ирани, Оригинальный текст, стр. 52—54, с 1 рис. на вкл. л.

В. [А.] Каллаур, Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде в долине рр. Сыр-Дарьи и Яны-Дарьи, стр. 59—69.

А. [А] Черкасов, Поездка на развалины Отрара, стр. 70—74, с 1 рис. на вкл. л. («Развалины крепости Отрара», чертеж).

И. [Т.] Поспавский, Из поездки на Саймалы-таш, стр. 75—83, с рис. на 2 вкл. л. («Изображения на камнях в местности Саймалы-Таш», фигуры 1—20).

А. Аниховский, Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде, Тургайской области, стр. 84—94, (перепечатка из «Туркестанской газеты», 1904, №№ 9—14).

А. Аниховский, Раскопки древних курганов-могильников в Тургайской области, в Актюбинском уезде, стр. 95—105 (перепечатка из «Туркестанской газеты», 1904, №№ 9—14).

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1903 год, стр. 106—107.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год девятый (11 декабря 1903 года — 11 декабря 1904 года).

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ШТАБА ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА, 1904, 68 стр.

А. К. Кларе, Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 году, стр. 13—36, с 8 рис. на вкл. л.

А. К. Кларе, Прибавление к статье о древнем Отраре, стр. 37—42.

Список предметов, найденных при раскопках Отрарского холма [приложение к ст. А. К. Кларе], стр. 40—42.

А. А. Половцов, Поездка в Варухское ущелье в 1904 году, стр. 43—45.

В. В. Бартольд, Текст первой надписи в Варухском ущелье, стр. 46—47.

В. А. Каллаур, Древние местности Аулиэатинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулиэата к границе Чимкентского уезда, стр. 48—55.

В. А. Каллаур, Развалины древних крепостей по р. Яны-Дарья, стр. 56—59.

[В. В. Бартольд], Из отчета о поездке в Самарканд летом 1904 года командированного Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии проф. В. В. Бартольда, стр. 60—63.

Краткий отчет о состоянии сумм Туркестанского Кружка любителей археологии за 1904-й год, стр. 64.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1904 год, стр. 65—66.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год десятый (11 декабря 1904 года — 11 декабря 1905 года).

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ШТАБА ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА, 1905, 46 стр.

И. [Т.] Поспавский, О глиняных сосудах с коническим дном, стр. 5—18, с 4 табл. на вкл. л.

Н. Тейх, Химический анализ содержимого в разбитом на заседании сосуде [с коническим дном], стр. 18—19.

Г. [Б.] Эппель, Древний памятник на границе с Персией (близ Сангудага), стр. 19—22, с 2 табл. зарисовок на отд. л.

Фигурные стоячие камни.

П. [А.] Комаров, О Боролдайских письменах, стр. 22—25, с 1 табл. на вкл. л. («Боролдайские рисунки»).

В. [А.] Каллаур, Поездка на Акыр-Таш (Ахур-Таш, Таш-Акыр) и его окрестности, стр. 29—36.

Киргизская легенда о постройке Акыр-Таша [записана со слов киргиза аула № 3 Тастубайской волости Картабая Балтабаева] стр. 37—39.

А. [А.] Диваев, Мавзолей Кок-Кесене (историко-археологическая заметка), стр. 40—42.

И. Т. Пославский, О башкирских тамгах Д. Н. Соколова, Оренбург, 1904 г. (Труды Оренбург. учен. арх. Комиссии, вып. XIII), стр. 42—45.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1905 год, стр. 45—46.

[Н. С. Лыкошин], Очерк деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии за первое десятилетие его существования (1895—1905 гг.), стр. 1—26 (приложение).

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год одиннадцатый (1 января 1906 года—1 января 1907 года).

ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ В. М. ИЛЬИНА, 1906 (на обложке—1907), 88 стр.

Н. [Н.] Пантусов, Кладбище на р. Кунгей-Аксу (Пржевальского уезда, Семиреченской области), близ сел. Сазановки, стр. 5—25, с 5 рис. на отд. л. и вклейкой: «Съемка северного берега озера Иссык-Куль, с показанием мест, где находятся камни с надписями».

Н. [П.] Остроумов, Новые данные о глиняных погребальных урнах, стр. 32—44, с 3 рис. на вкл. л.

И. [А.] Беляев, Материалы для изучения Средне-Азиатской палеографии по юридическим актам XVII—XVIII ст. Тарханская грамота Абул-Мансур Абдулла-Багадур-Султана (XVII ст.). [Текст, перевод и комментарии], стр. 45—48, с 1 рис. на вкл. л.

И. [А.] Беляев, Ярлык Абул-Гази-хана Мухамед-Багадура (XVII ст.), Текст, стр. 49.

И. [А.] Беляев, Заметка о кешкуле [чашке, служившей одной из принадлежностей дервишского костюма], стр. 50—52, с 1 рис. на вкл. л.

И. [Т.] Пославский, О находке орудий каменного века, стр. 57—65, с 4 рис. на вкл. л. и вклейкой: «План местности находок каменных наконечников стрел в гор. Каратау».

Б. [Я.] Корольков, Бронзовый век [изложение сущности ст. Гюнтера «Был ли бронзовый век», журн. «Естествознание и география», 1906, № 4], стр. 66—77.

П. С. Назаров, Дополнение к сообщениям И. Т. Пославского о находках каменных орудий в Средней Азии и Б. Я. Королькова о бронзовом веке, стр. 78—80.

[Ю. Талько-Грынцевич], О каменных находках в Азии [Из частного письма Правителя дел Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества Ю. Талько-Грынцевича на имя члена Кружка археологии А. Ф. Губаревича], стр. 81—82.

А. [А.] Диваев, Бугор Тек-турмас в связи с походами Тимура, стр. 83.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1906-й год, стр. 84—86.

Приход и расход сумм Кружка за 1906 год, стр. 88.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год двенадцатый (1 января 1907 года — 1 января 1908 года).

ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ В. М. ИЛЬИНА, 1908, 86 стр.

А. А. Семенов, Мечеть в Аннау (близ Асхабада), стр. 3—5.

Н. Г. Маллицкий, Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Яссавийского в гор. Туркестане. I. Возникновение и развитие плана мечети. Западный вид со двором, «Мекский»; II. Планы мечетей, принятые на Востоке, преимущественно в Персии; III. Особенности плана Туркестанской мечети; IV. Заключение, стр. 6—28, с 1 фото на вкл. л. и 8 фигурами на 5 л.

Адрес населения бывшего Кураминского (ныне Ташкентского) уезда Туркестанскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту фон-Кауфману, стр. 29—31.

В. [А.] Каллаур, Находка клада древних медных монет в г. Аулиеата, стр. 31.

В. [А.] Каллаур, По поводу сообщений А. А. Диваева о древних сооружениях «Тек-Турмас» и «Кок-Кесене», стр. 32—34.

И. [Т.] Поспавский, О находках в Ханабаде и вообще в районе нижнего течения р. Чирчика, стр. 39—45, с 4 рисунками на 2 вкл. л.

А. [А.] Семенов, Небезинтересный документ, стр. 46—48. [Прошение, поданное в январе 1902 года муллою Мухаммедом по просьбе туркмен рода Яловач о розыске родовитого туркмена, ушедщего в Россию из Прикаспийских степей. Комментарии и перевод].

А. [Д.] Калмыков, Хив а. Хива. Хивинская культура. Искусство. Измухшир, Бадрикент, Хезарасп, Дарган Ата, стр. 49—71.

И. [Т.] Поспавский, Еще несколько слов об оссуариях (по поводу статьи Н. Веселовского), стр. 72—81.

[А. Д. Калмыков, Об аму-дарьинском кладе в Британском музее], стр. 84—85. (в тексте протокола заседания 12 декабря 1907 г.).

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год тринадцатый (1 января 1908 года — 1 января 1909 года).

ТАШКЕНТ, ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ В. М. ИЛЬИНА, 1909, 54 стр.

И. [Ю.] Крачковский, Памяти барона В. Р. Розена, стр. 5—10.

А. [А.] Диваев, О значении названия «Кок-Кесене» (историко-археологическая заметка), стр. 11—13.

Н. [Н.] Пантусов, Христианское кладбище у ущелья Зауке, стр. 14—15.

И. Каллаур, Находка древних монет в верховьях р. Таласа, стр. 16—17.

П. [С.] Спиридонов, Один из вариантов легенды о Хор-Хуте. Записано в 1899 году со слов киргиза Тулюса Айишувакова, стр. 18—19.

А. [А.] Диваев, Легенда о великане Адж, по прозвищу Алангсор-Алиф, стр. 20—24.

А. Д. Калмыков, Аму-Дарьинский клад и греко-бактрийское искусство, стр. 29—45, с 5 рис.

А. Д. Калмыков, Открытия Б. Н. Кастальского «Бия-Найманские оссуарии», стр. 49—54, 1 табл.

Б. Н. Касталь ский, Бия-Найманские оссуарии, стр. 1—36, с 1 вкл. табл. иллюстраций и 2 чертежами на отд. л. (приложение).

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год четырнадцатый (1 января 1909 г. — 1 января 1910 г.)

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ПРИ КАНЦЕЛЯРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕН.-ГУБЕРН. 1910, 134 стр.

И. [Т.] Послав ский, О восстановлении библейской реки Гихон — доклад по поводу брошюры А. Чайковского под заглавием «Важная нивелировка Туркестана», стр. 3—17.

От редакции (по поводу статьи К. Ф. Тиандера о культовом пьянстве), стр. 18.

К. Ф. Тиандер, Культовое пьянство и древнейший алкогольный напиток человечества, стр. 19—58 (перепечатка из ЖМНП, 1908, кн. 12).

А. А. Семенов, Два старинных медных сосуда из Бухары, стр. 62—68, с 3 рис. на 3 вкл. л. («Медный резной горшок», «Тот же медный резной горшок в наклонном положении», «Медная чашка»).

[А. И. Добросмыслов], К истории внешних сношений с Хивой [Донесения переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова об их нахождении в Хиве и указ Оренбургской канцелярии на их имя и др.; 1754 год), Сообщил А. И. Добросмыслов, стр. 69—90.

А. [Д.] Калмыков, Основные вопросы среднеазиатской археологии, Мечеть, стр. 91—109, с 7 рис. на 4 вкл. л.

М. [П.] Осипов, Астролябия планисфера или персидско-арабская астролябия, стр. 114—132, с рис. на 3 вкл. л.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии за 1909 год, стр. 133—134.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год семнадцатый[8] (11 декабря 1912 г. — 1 апреля 1913 г.). [Вып. I].

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ШТАБА ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА, 1913, стр. 1—54.

Мусульманское сказание о городе Оше. С среднеазиатско-турецкого перевел и примечаниями снабдил Л. [А.] Зимин, стр. 3—16, 6 рис. на вкл. л. Текст — стр. 3—11; примечания — 12—16.

И. А. Кастанье, Культ змей у различных народов и следы его в Туркестане, стр. 17—28, с 4 рис. на 3 вкл. л.

А. А. Семенов, Краткое сообщение о некоторых памятниках материальной культуры г. Джорджана, стр. 29, с 4 рис. на 2 вкл. л.

Л. А. Зимин, «Зерцало побед» и его значение для истории Кокандского ханства, стр. 31—38.

А. А. Семенов, Половинка лицевого изразца из Куня-Ургенча, стр. 40—41, с 1 рис. на вкл. л.

---

[8] Восемнадцатый.

В. Н. Милованов, Астрономические познания Самаркандских астрономов (по поводу раскопки обсерватории Улуг-Бека), стр. 42—53, I вкл. л. чертежей.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год семнадцатый[9] (1 апреля 1913 г. — 11 декабря 1913 г.). Вып. 2.

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ПРИ КАНЦЕЛЯРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕН.-ГУБЕРН. 1913, стр. 55—124.

Л. [А.] Зимин, Развалины старого Пейкенда, стр. 59—89, с 15 рис. на 8 отд. л. Предисловие (стр. 59—62), Краткий исторический очерк Пейкенда (62—74), Развалины старого Пейкенда в их современном состоянии (74—89).

Н. [П.] Остроумов, Памяти Арминия Вамбери, стр. 93—97 (также газета «Туркестанские Ведомости», 12 сентября 1913 г.).

[Н. П. Остроумов), Главнейшие труды Г. Вамбери, стр. 97—98.

А. Сквортцов, Евгений Тимофеевич Смирнов, как археолог стр. 99—100.

Л. [А.] Зимин, Первые шаги Алим-хана на государственном поприще, стр. 101—108.

И. [А.] Кастанье. Отчет о поездке в Шахрохию и местность «Канка», стр. 112—123, с 4 рис. на 3 вкл. л. и планом Шахрухии (вклейка).

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии, стр. 124.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год девятнадцатый (1 апреля — 11 декабря 1914 г.). [Вып. 1].

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ПРИ КАНЦЕЛЯРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА, 1915, стр. 1-60.

А. [А.] Семенов, Происхождение Термезских сейидов и их древняя усыпальница «Султан-Садат», стр. 3—20, с 3 рис. на двух вкл. л.

Л. [А.] Зимин, Краткая историческая справка о древнем Сохе, стр. 21—23.

А. [Д.] Петров, Развалины Муг-Тепе около селения Сары-Курган, стр. 23—25 с 3 фото на вкл. л.

А. [В.] Панков, Археологические экспедиции в Восточном Туркестане, стр. 26—36.

Л. [А.] Зимин, Подробности смерти Тимура, стр. 37—52.

Л. [А.] Зимин, Дополнение к статье о смерти Тимура, стр. 53—55.

---

[9] Восемнадцатый.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год девятнадцатый (1 апреля — 11 декабря 1914 г.). Вып. 2.

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ПРИ КАНЦЕЛЯРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА, 1915, стр. 61—138.

Л. А. Зимин, Отчет о весенних раскопках в развалинах старого Пейкенда (1914), стр. 63—88, с 4 рис. на 3 вкл. л.

Л. А. Зимин, Отчет о летних раскопках в развалинах старого Пейкенда (1914), стр. 89—131, с 10 рис. на 8 вкл. л.

Список членов Туркестанского Кружка любителей археологии в 1914 году, стр. 136—137.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год двадцатый (11 декабря 1914 г. — 11 декабря 1915 г.). [Вып. 1].

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ПРИ КАНЦЕЛЯРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА, 1915, стр. 1—68.

Н. П. Остроумов, К 50-летию завоевания Ташкента (15 июня 1865 года — 15 июня 1915 года), стр. 3—24.

1. Сообщение Н. П. Остроумова.

2. Жители г. Ташкента Оренбургскому генерал-губернатору. 1865 г. (текст).

3. Объявление жителям Ташкента от главного начальника Оренбургского края Крыжановского 29 октября 1865 г., Ташкент (текст).

4. Последние по времени Шейхуль-Ислам и Казы-Калян города Ташкента, братья Ай-Ходжа и Хаким-Ходжа (сообщение Н. П. Остроумова).

5. Приказ генерала М. Г. Черняева.

6. Грамота Мухаммед Сеид Султан-Хана Багадура 1864—1865 гг.

7. Грамота Сеид Махаммед Худояр-Хана Багадура.

8. Наградное свидетельство генерал-адъютанта Крыжановского шейх-Исламу Ай-Ходже Парходжизу 26 сентября 1865 г.

[Н. П. Остроумов], Последние по времени Шейхуль-Ислам и Казы-Калян города Ташкента, братья Ай-Ходжа и Хаким-Ходжа (сообщение Н. П. Остроумова), стр. 11—14.

А. А. Семенов, Ташкентский Шейх Хаванд-Тахур («Шейх-Антаур») и приписываемый ему «кулях», стр. 25—31, с 2 рис. на отд. л.

И. А. Кастанье, Древности Ура-Тюбе и Шахристана, стр. 32—52.

В. Н. Милованов, Новый труд академика В. В. Бартольда «К истории орошения Туркестана», стр. 53—67.

А. З. Валидов, Некоторые данные по истории Ферганы XVIII-го столетия, стр. 68 (напечатана одна страница. Вся статья напечатана во II выпуске).

За двадцать лет. Указатели хронологический и предметный к «Протоколам заседаний и сообщений членов Туркестанского Кружка любителей археологии», с 11.XII.1895 г. по 11.XII.1915 г., Составил В. Милованов, стр. I—XXIII (приложение).

[В. Н. Милованов], см. «За двадцать лет...».

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год двадцатый (11 декабря 1914 г.—11 декабря 1915 г.).

Вып. 2-й.

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ ПРИ КАНЦЕЛЯРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА, 1916, стр. 67—169.

А. З. Валидов, Некоторые данные по истории Ферганы XVIII-го столетия, стр. 68—118; Арабский текст — стр. 87—101, русский перевод известий Тарихи-Рахим Хани — стр. 101—109, («Повествование о походе Великого эмира на Ура-Тюбе»).

Л. А. Зимин, Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью, стр. 119—156, с 6 рис. на 3 вкл. л.

Перевод ханской грамоты. К протоколу № 6 (11 декабря 1915 г.), стр. 157—158, с текстом грамоты на отд. л. Грамота 28.I 1876 г. Сейид-Мухаммеда Насрыддин Бахадур-Хана.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии.

Год двадцать первый (11 декабря 1915 г.—11 декабря 1916 г.).

ТАШКЕНТ, ТИПОГРАФИЯ „ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ", 1917, стр. 1—113.

А. А. Семенов, История Шугнана, Предисловие. История Шугнана (перевод с рукописи на персидском шугнанца Сейид-Хайдар-Шо), стр. I—III, 1—23.

Ярлык Кокандского хана Зяйинд-Мухаммед-Худояр-Хана («всем стипендиантам мадрасы Сар-мазат Хазрят Бузруквара»), Перевел Н. [П.] Остроумов, стр. 24—25.

И. А. Кастанье, Археологические разведки в Бухарских владениях. Древности Каршинского оазиса. Развалины старого рабата Бузачи. Старый рабат в местности Караул-Базар. Развалины Кала-и-Дабус (Прежняя Дабусия). Нур-Ата и его окрестности, стр. 26—42, с 2 рис. на вкл. л. и вклейкой: «План рабата Караул-Базар».

Л. А. Зимин, Кала-и-Дабус, стр. 43—64, с 2 рис. на вкл. л.

Виктор фон-Эгерт, Мусульманский шифр «Мушаджар» и предложение о применении его на Туркестанских оссуариях, стр. 65—70, на вкл. л: «Древовидный алфавит (Мушаджар)» и «Рисунок на лицевой стороне оссуария».

Н. П. Остроумов, О мусульманских тайных письменах «камсаля-табгиз», стр. 71—85.

Н. П. Остроумов, Объяснение к ярлыку Сейид-Мухаммед-Али, Кокандского хана, известного в истории под именем «Мадали-хана», правившего Ферганой с 1822 года по 1842 год христ. эры, стр. 86—88; на вклейке — текст ярлыка.

Н. Ф. Петровский, Краткие сведения о лицах, имевших отношения ко времени Кашгарского владетеля Бек-Кулибека, стр. 89—99.

Л. А. Зимин, Письмо фон-Кауфмана к Бек-Кули-Беку (Вступление и текст), стр. 100—101.

Л. А. Зимин, Краткий отчет о поездке по Бухаре в 1916 г., стр. 102—104.

Содержание трех ярлыков, стр. 112—113 (с тремя копиями их на отд. л.):

1) Эмира Сейид-Мухаммеда-Омара, 1819 г.,
2) Сейид Султан-Мухаммеда-Гази-Багадурхана, 1864 г.,
3) Сейид-Мухаммед-Насруд-дин-багадур-хана, 1875 г.

Перечень опубликованных протоколов заседаний Туркестанского кружка любителей археологии (1895—1917)

Дата заседания	Страницы ПТКЛА
Год первый (11 декабря 1895 г.—11 декабря 1896 г.), Ташкент, 1896.	
Протокол заседания членов-учредителей кружка 11 декабря 1895 г.	1—3
Протокол заседания 22 января 1896 г.	4—8
Протокол заседания 26 февраля 1896 г.	9—16
Протокол заседания 1 апреля 1896 г.	17—20
Протокол заседания 3 июня 1896 г.	21—29
Протокол заседания 26 августа 1896 г	31—40
Протокол заседания 28 октября 1896 г.	41—51
Год второй (11 декабря 1896 г.—11 декабря 1897 г.), Ташкент, 1897.	
Протокол заседания 11 декабря 1896 г.	1—22
Протокол заседания 17 февраля 1897 г. (ошибочно напечатано «...1896 года»).	1—16
Протокол заседания 5 мая 1897 г.	1—10
Протокол заседания 29 августа 1897 г.	1—8
Протокол заседания 16 октября 1897 г.	1—11
Протокол заседания 10 ноября 1897 г.	1—6
Год третий (11 декабря 1897 г.—11 декабря 1898 г.), Ташкент, 1897—1898.	
Протокол заседания № 1, 11 декабря 1897 г.	3—8
Протокол заседания № 2, 12 января 1898 г.	73—74
Протокол заседания № 3, 21 апреля 1898 г.	81—95
Протокол заседания № 4, 16 ноября 1898 г.	133—139
Протокол заседания № 5, 11 декабря 1898 г.	231—235
Год четвертый (11 декабря 1898 г.—11 декабря 1899 г.), Ташкент, 1899.	
Протокол заседания № 1, 5 марта 1899 г.	4—8
Протокол заседания № 2, 13 марта 1899 г.	70—72
Протокол заседания № 3, 25 сентября 1899 г.	93—98
Протокол заседания № 4, 9 ноября 1899 г.	138—141
Протокол заседания № 5, 11 декабря 1899 г.	163—165
Год пятый (11 декабря 1899 г.—11 декабря 1900 г.), Ташкент, 1900.	
Протокол заседания № 1, 7 февраля 1900 г.	3—5
Протокол заседания № 2, 27 марта 1900 г.	35—38
Протокол заседания № 3, 11 сентября 1900 г.	76—77
Протокол заседания № 4, 11 декабря 1900 г.	123—125
Год шестой (11 декабря 1900 г.—11 декабря 1901 г.), Ташкент, 1901, + «Описание нумизматических коллекций».	
Протокол заседания № 1, 19 марта 1901 г.	4—5
Протокол заседания № 2, 18 сентября 1901 г.	37—39
Протокол заседания № 3, 11 декабря 1901 г.	85—88

«К протоколу № 2 от 18.IX.1901 г.».	113
Год седьмой (11 декабря 1901 г.—11 декабря 1902 г.), Ташкент, 1902.	
Протокол заседания № 1, 1 мая 1902 г.	4—6
Протокол заседания № 2, 16 августа 1902 г.	33—36
Протокол заседания № 3, 15 января 1902 г.	37—39
Год восьмой (11 декабря 1902 г.—11 декабря 1903 г.), Ташкент, 1903.	
Протокол заседания № 1, 22 сентября 1903 г.	5—10
Протокол заседания № 2, 17 декабря 1903 г. (с приложением «Отчета казначея кружка любителей археологии»).	55—57
Год девятый (11 декабря 1903 г.—11 декабря 1904 г.), Ташкент, 1904.	5—12
Протокол заседания № 1, 12 ноября 1904 г.	
Год десятый (11 декабря 1904 г.—11 декабря 1905 г.), Ташкент, 1905.	
Протокол заседания № 1, 28 марта 1905 г.	1—3
Протокол заседания № 2, 23 декабря 1905 г.	26—28
Год одиннадцатый (1 января 1906 г.—1 января 1907 г.), Ташкент, 1906 (на обложке — 1907).	
Протокол заседания № 1, 5 мая 1906 г.	1—4
Протокол заседания № 2, 20 октября 1906 г.	26—30
Протокол заседания № 3, 11 декабря 1906 г.	54—56
Год двенадцатый (1 января 1907 г.—1 января 1908 г.), Ташкент, 1908.	
Протокол заседания № 1, 27 февраля 1907 г.	1—2
Протокол заседания № 2, 11 апреля 1907 г.	35—36
Протокол заседания № 3, 11 апреля 1907 г. (?)	37—38
Протокол заседания № 4, 12 декабря 1907 г.	82—85
Год тринадцатый (1 января 1908 г.—1 января 1909 г.), Ташкент, 1909.	
Протокол заседания № 1, 23 марта 1908 г.	1—4
Протокол заседания № 2, 26 марта 1908 г.	25—28
Протокол заседания № 3, 17 декабря 1908 г.	46—
Год четырнадцатый (1 января 1909 г.—1 января 1910 г.), Ташкент, 1910.	
Протокол заседания № 1, 31 марта 1909 г.	1—2
Протокол заседания № 2, 14 октября 1909 г.	59—61
Протокол заседания № 3, 14 декабря 1909 г.	110—113
Год семнадцатый[10] (11 декабря 1912 г.—11 декабря 1913 г.), вып. 1 и 2, Ташкент, 1913.	
Протокол заседания № 1, 11 декабря 1912 г.	1—2
Протокол заседания № 2, 20 января 1913 г.	30
Протокол заседания № 3, 4 марта 1913 г.	39
Протокол заседания № 4, 30 апреля 1913 г.	57—58
Протокол заседания № 5, 9 сентября 1913 г.	91—92
Протокол заседания № 6, 28 сентября 1913 г. (совместно с Туркестанским отделением РГО).	109

[10] Восемнадцатый.

Протокол заседания № 7, 15 октября 1913 г.	109—111
Год девятнадцатый[11] (11 декабря 1913 г.—11 декабря 1914 г.), вып. 1 и 2, Ташкент, 1915.	
Протокол заседания № 1, 11 декабря 1913 г.	56—57
Протокол заседания № 2, 12 февраля 1914 г.	57—59
Протокол заседания № 3, 17 марта 1914 г.	60—62
Протокол заседания № 4, 19 мая 1914 г.	132—133
Протокол заседания № 5, 8 сентября 1914 г.[12]	133—135
Год двадцатый (11 декабря 1914 г.—11 декабря 1915 г.), вып. 1 и 2, Ташкент, 1915.	
Извлечение из протокола № 1, 30 декабря 1914 г. (памяти Ильи Титовича Пославского, скончавшегося 13 ноября 1914 г.).	158
Протокол заседания № 2, 14 февраля 1915 г.	158—159
Протокол заседания № 3, 15 апреля 1915 г.	162—164
Протокол заседания № 4, 14 июня 1915 г.	165—167
Протокол заседания № 5, 5 августа 1915 г.	167—168
Протокол заседания № 6, 11 ноября 1915 г.	168—169
Год двадцать первый (11 декабря 1915 г.—11 декабря 1916 г.), Ташкент, 1917.	
Протокол заседания № 1, 2 июня 1916 г.	105
Протокол заседания № 2, 5 октября 1916 г.	106—108
Протокол заседания № 3, 30 декабря 1916 г.	109
Протокол заседания № 4, 2 марта 1917 г.	110—111

---

[11] Восемнадцатый.

[12] На обложках и первых страницах вып. 1 и 2 за 1913 г. напечатано «Год семнадцатый», а должно быть «Год восемнадцатый» (ПТКЛА, XX, вып. 2, стр. 138). В первом выпуске ПТКЛА за 1914 г. на обложке и первой странице напечатано «Год восемнадцатый», а должно быть «Год девятнадцатый».

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИВАН — Институт востоковедения Академии наук.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
ТАЭ — Таджикско-Согдийская археологическая экспедиция.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока. Государственный Эрмитаж.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг. (Краткий отчет) 5

Ф. А. Заславская. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени. 22

В. А. Нильсен. Кызыл-Кыр (Результаты раскопок 1955 г.). . . 60

Б. Я. Ставиский. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины (До арабского завоевания) 79

О. В. Обельченко. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса. 94

С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. 109

С. К. Кабанов. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала. 154

В. Д. Жуков. Дукентский клад монет (Предварительное сообщение) 176

И. М. Джаббаров. К вопросу о технике чугунолитейного производства Хорезма. 208

Хроника. Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг. 216

Б. В. Лунин. Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского Кружка любителей археологии (1895—1917 гг.). . . . 231

Редактор Издательства *М. Б. Ицковский*
Технический редактор *Д. Салимова, З. П. Горьковая*
Корректор *Ю. Ф. Быкова*

Р07908. Сдано в набор 20/II—59 г. Подписано к печати 25/VII—59 г.
Бумага 60 × 92¹/₁₆ 8,06 бум. 16,13 печ. л. Изд. л. 16,0 Тираж 1000
Цена 11 р. 55 к. Переплет 1 р.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 499

Цена 12 р. 55 к.